

АДАМ
МИЦКЕВИЧ
*
СОНЕТЫ

SONETY

ADAMA MICKIEWIEZA

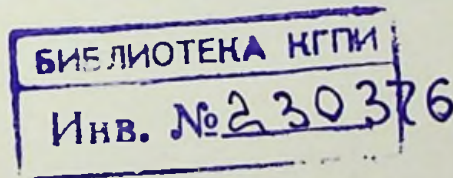
844 (пол)
М-70

АДАМ МИЦКЕВИЧ

СОНЕТЫ

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛ
С. С. ЛАНДА

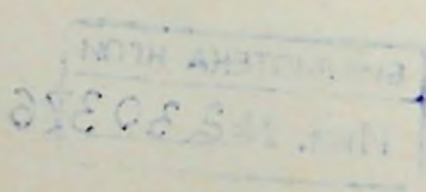
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1976

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*М. Ш. Алексеев, Н. И. Балашов, Д. Д. Благой, П. С. Брагинский,
А. Л. Гришунин, Л. А. Дмитриев, Б. Ф. Егоров, Д. С. Лихачев (председатель),
А. Д. Михайлов, Д. В. Озобишин (ученый секретарь), Д. А. Ольдерогге,
Ф. А. Петровский, Б. И. Пуришев, А. М. Самсонов (заместитель председателя),
М. Н. Стоблин-Каменский, Г. В. Степанов, С. Л. Утченко*

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ

К. ГУРСКИЙ, Б. Ф. ЕГОРОВ

Sonety

Adama Mickiewicza.

Quand' era in parte altr' uom da quel, ch'io sono
PETRARCA.

M O S K W A.

W D R U K A R N I U N I W E R S Y T E T U.

Nakładem Autora.

1 8 2 6.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Октября 28-го дня 1826 года. *Ординарный Профессоръ, Статскій Советникъ и Кавалеръ Михаилъ Каченовскій.*

I.

DO LAURY.

Ledwie cię zobaczył, jużem się zapłonił,
W nieznanej oku dawniej znajomości pytał,
I s twych jagód wzajemny rumieniec wykwitał
Jak z róży której piersi zaranek odsłonił.

Ledwieś piosnkę zaczęła, jużem łzy uronił,
Twój głos wnikał do serca i za duszę chwytał,
Zdało się że ją anioł po imieniu witał,
I w zegar niebios chwilę zbawienia zadzwonił.

O luba! niech twe oczy przyznać się nie boją,
Jeśli cię mém spóyrzeniem, jeśli głosem wzruszę,
Nie dbam że los i ludzie przeciwko nam stoją,

Że uciekać i kochać bez nadziei muszę.
Niech ślub ziemski innego darzy ręką twoją,
Tylko wyznaj że Bóg mi posłubił twą duszę.

II.

Mówię z sobą, z drugimi płaczę się w rozmowie,
Serce bije gwałtownie, oddechem nie władnę,
Iskry czuję w źrenicach a na twarzy bladnę;
Nie jeden z obcych głośno pyta o me zdrowie,

Albo o mym rozumie coś na ucho powie.
Tak cały dzień przemęcę; gdy na łożę padnę,
W nadziei że snem chwilę cierpieniom ukradnę,
Serce ogniste mary zapala w mej głowie.

Zrywam się, biegnę, składam na pamięć wyrazy,
Którymi mam złorzeczyć okrucieństwu twemu,
Składane zapomniane po milion razy.

Ale gdy ciebie ujrzę, nie pojmuję czemu
Znowu jestem spokojny, zimniejszy nad głazy,
Aby goreć na nowo — milczyć podawnemu.

III.

Nie uczona twa postać, nie wymyślne słowa,
Ani lice ni oko nad inne nie błyska,
A każdy rad cię ujrzyć, rad posłyszć zbliska,
Choć w ubraniu pastérki, widno żeś królowa.

Wczora brzmiały i pieśni i głośna rozmowa,
Pytano się o twoich rowiennic nazwiska,
Ten im pochwały sypie, inny żarty ciska,
Ty weszłaś — każdy święte milczenie zachowa.

Tak śród uczyty gdy śpiewak do choru wyzywał,
Cdy koła tańczące wiły się po sali,
Nagle staną i zmilkną, każdy zapytywał,

Nikt nie wiedział dlaczego w zadumieniu stali.
„Ja wiem, rzecze poeta, anioł przelatywał“
Uczcili wszyscy gościa — nie wszyscy poznali.

IV.

WIDZENIE SIĘ W GAJU.

— Tyżęsto? i tak późno? — Błądną miałem drogę,
Śród lasów, przy niepewnym xiężycu promyku;
Tęskniłaś? myślisz o mnie? — Luby niewdzięczniku,
Pytaj się czy ja myśleć o czém inném mogę!

— Pozwól uścisnąć dłonie, ucałować nogę,
Ty drżysz! czego? — Ja nie wiem, błądząc po gaiku,
Lękam się szmeru liścia, nocnych ptaków krzyku;
Ach! musimy być winni kiedy czujęm twogę.

— Spóyrzyj mi w oczy, w czoło; nigdy z takiem czołem
Nie idzie zbrodnia, trwoga nie patrzy tak śmieie.
Przebóg! jesteśmyż winni że siedzimy społem?

Wszak siedzę tak daleko, mówię tak nie wiele,
I zabawiam się s tobą mój ziemski aniele!
Jak gdybyś już niebieskim stała się aniołem.

V.

Potępi nas świętoszek, rozpustnik wyśmieję,
Że chociaż samotnemi otoczeni ściany,
Chociaż ona tak młoda, ja tak zakochany,
Przecież ja oczy spuszczałam a ona łzy leje.

Ja bronię się ponętom, ona i nadzieje
Chce odstraszyć, co chwila brząkając kajdany,
Które mi ręce związał nam los oplakany.
Nie wiemy sami co się w sercach naszych dzieje.

Jestże to ból? lub rokosz? gdy czuję ściśnienia
Twych dłoni, kiedy z ustek zachwyce płomienia,
Luba! czyż mogę temu dać imię cierpienia?

Ale kiedy się łzami nasze lica zroszą,
Gdy się ostatki życia w westchnieniach unoszą,
Luba! czyliż to mogę nazywać rokoszą?

VI.

RANEK I WIECZÓR.

Słońce błyszczy na wschodzie w chmur ognistych wianku,
A na zachodzie xiężyc blade lice mroczy,
Róża za słońcem pączki rozwinięte toczy,
Fijołek klęczy zgięty pod kroplami ranku.

Laura błysnęła w oknie, ukląknęła na ganku;
Ona muskając sploty swych złotych warkoczy.
Czemu, rzekła, tak rano smutne macie oczy,
I miesiąc i fijołek i ty mój kochanku?

W wieczór przyszedłem nowym bawić się widokiem;
Wraca xiężyc, twarz jego pełna i rumiana,
Fijołek podniósł listki otrzeźwione mrokiem.

Znowu stanęła w oknie moja ukochana,
W piękniejszym jeszcze stroju i z weselszym okiem,
Znowu u nóg jej klęczę — tak smutny jak zrana.

VII.

s P E T R A R K I.

Senuccio i va' che rappi.

Chcecie wiedzieć co cierpię rowiennicy moi,
 Odmaluję najwierniej ile pióro zdoła.
 Mary ja dotąd pośród pamiątek kościoła
 Myślą gonię, i duch mój o przeszłości roi.

Tu zwykła igrać, ówdzie zamyślona stoi,
 Tam z niechęcią twarz kryła, tu mię okiem woła,
 Tu gniewna, tam posępna, tu znowu wesola,
 Tu swe lica w łagodność, tu w powagę stroi.

Tam piosenkę nuciła, tu mi dłoń ścisnęła,
 Tu usiadła, tam naszej rozmowy początek,
 Stąd biegła, tu na piasku imię moje kryśli,

Tam słówko powiedziała, tu scicha westchnęła,
 Tam się zarumieniła — ach! wśród tych pamiątek
 Wiecznie miota się serce i płaczą się myśli.

VIII.

D O N I E M N A.

Niemnie domowa rzeko moja! gdzie są wody,
 Które niegdyś czerpałem w niemowlęce dłonie,
 Na których potem w dzikie pływałem ustronie,
 Sercu niespokojnemu szukając ochłody.

Tu Laura patrząc z chlubą na cień swój urody,
 Lubiała włos zaplatać i zakwiecać skronie,
 Tu obraz jej malowny w srebrnej fali łonie
 Łzami nieraz mąciłem zapaleniec młody.

Niemnie domowa rzeko, gdzież są tamte źródła,
 A z niemi tyle szczęścia, nadziei tak wiele?
 Kędy jest miłe latek dziecinnych wesele?

Gdzie milsze burzliwego wieku niepokoje?
 Kędy jest Laura moja, gdzie są przyjaciele?
 Wszystko przeszło, a czemuż nie przejdą łzy moje!

IX.

S T R Z E L E C.

Widziałem jak dzień cały pośród letniej spieki
 Błąkał się strzelec młody; stanął nad strumieniem,
 Długo poglądał wkoło i rzecze z westchnieniem
 „Chcę ją widzieć nim kraj ten opuszczę na wieki,

„Chcę widzieć niewidziany“. Wtém leci z za rzeki
 Konna łowczyni strojna Diany odzieniem,
 Wstrzymuje konia, staje, zwraca się wejrzeniem.
 Zapewne jechał za nią towarzysz daleki.

Strzelec cofnął się, zadrżał, i oczy Kaima
 Zataczając po drodze gorzko się uśmiechał,
 Drżącą ręką broń nabił, dąsa się i zżyma,

Odszedł nieco, jakoby swój myśli zaniechał.
 Wtém dojrzał mgłę kurzawy, wzniesioną broń trzyma,
 Bierze na cel, mgła bliżej — lecz nikt nie nadjechał.

X.

BŁOGOSŁAWIENSTWO

s P E T R A R K I.

Błogosławiony rok ów , miesiąc , i niedziela ,
 I dzień ów , i dnia cząstka , i owa godzina ,
 I chwila , i to miejsce , gdzie moja dziewczyna
 Uczucia mi natchnęła , choć ich nie podziela .

Błogosławione oczki blasku i wesela ,
 Skąd amorek wygląda i łuczek napina ,
 Błogosławiony łuczek , strzałki i chłopczyna ,
 Co do mnie wówczas strzelił , ach ! i dotąd strzela .

Błogosławię ci pierwsza piosnko nieuczona ,
 Którą odbiły lasy domowe i rzeki ,
 Którą potem ojczysta powtarzała strona .

Błogosławię ci pióro , którym w czas daleki
 Wsławiłem Ją , i moja pierś błogosławiona ,
 W której Laura mieszkała , i mieszka na wieki .

XI.

R E Z Y G N A C Y A.

Nieszczęśliwy kto próżno o wzajemność woła,
 Nieszczęśliwszy jest kogo próżne serce nudzi,
 Lecz ten u mnie ze wszystkich nieszczęśliwszy ludzi,
 Kto nie kocha, że kochał, zapomnieć nie zdoła.

Widząc jaskrawe oczy i bezwstydną czoła,
 Pamiątkami zatruwa rozkosz co go ludzi;
 A jeśli wdzięk i cnota czucie w nim obudzi,
 Nie śmie z przekwitłym sercem iść do stóp anioła.

Albo drugimi gardzi, albo siebie wini,
 Minie ziemiankę, z drogi ustąpi bogini,
 A na obiedwie patrząc żegna się z nadzieją.

I serce ma podobne do dawniej świątyni,
 Spustoszałej niepogód i czasów kolejną,
 Gdzie bóstwo nie chce mieszkać, a ludzie nie śmieją.

XII.

D O * * *

Patrzysz mi w oczy, wzdychasz, zgubna twa prostota,
Lękaj się jadu, który w oczach zmii płonie,
Uciekaj nim cię oddech zatruty owionie,
Jeśli nie chcesz kląć reszty twojego żywota.

Szczerość, jeszcze mi jedna pozostała cnota;
Więdz że niegodny ogień zapalas w mém łonie,
Lecz umiem żyć samotny, i pocóż przy zgonie
Ma się wkleć w me losy niewinna istota?

Lubię roskosz, lecz zwodzić nadto jestem dumny,
Tyś dziecko, mnie namiętne przepaliły bole,
Tyś szczęśliwa, twe miejsce w biesiadników kole,

Moje, gdzie są przeszłości smętarze i trumny.
Młody bluszczu, zielone obwijaj topole,
Zostaw cierniom grobowe otaczać kolumny.

XIII.

Pierwszy raz jam niewolnik z mojej rad niewoli,
Patrzę na ciebie, s czoła nie znika pogoda,
Myślę o tobie, z myśli nie znika swoboda,
Kocham ciebie, a przecież serce mi nie boli.

Nieraz brałem za szczęście chwileczkę swawoli,
Nieraz mię obłąkała wyobraźnia młoda,
Albo słówka zdradliwe i wdzięczna uroda,
Lecz wtenczas i rokosznej złorzeczyłem doli.

Nawet owę, gdy owę kochałem niebiankę,
Ileż łez, jaki zapał, jaka niegdyś trwoga,
I żal teraz na samę imienia jej wzmiankę.

S tobą tylko szczęśliwy, s tobą moja droga;
Bogu chwała, że taką zdarzył mi kochankę,
I kochance, że uczy chwalić Pana Boga.

XIV.

Luba! ja wzdycham, pamięć niebieskiej pieszczoty
Trują mi okropnego rozmyślenia chwile.
Ach! może serce twoje, co cierpiało tyle,
Może, boję się wyrzec, pustoszą zgryzoty.

Luba, i cożeś winna że twych ocząt groty
Tak palące, że usta śmieją się tak mile;
Zbyt ufałaś méj cnocie, zbyt swój własney sile,
I nazbyt ognia Stwórcą wlał w nasze istoty.

Przewalczyliśmy wiele i dni i tygodni,
Młodzi, zawsze samotni, zawsze z sobą w parze,
I byliśmy oboje długo siebie godni.

Teraz ach! pójdę łzami oblewać ołtarze,
Nie będę mojej żebrać przebaczenia zbrodni,
Tylko niech mię Bóg twoją zgryzotą nie karze.

XV.

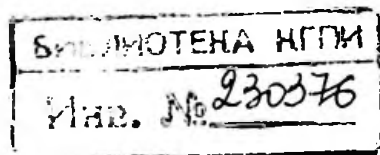
DZIENDOBRY.

Dzieńdobry! nie śmiem budzić, o wdzięczny widoku!
 Jój duch na poły w rajske wzleciał okolice,
 Na poły został boskie ożywiając lice,
 Jak słońce na pół w niebie, pół w srebrnym obłoku.

Dzieńdobry! już westchnęła, błysnął promyk w oku,
 Dzieńdobry, już obraża światłość twe źrenice,
 Naprzykrzają się ustom muchy swawolnice,
 Dzieńdobry, słońce w oknach, ja przy twoim boku.

Niosłem słodszy dzień dobry, lecz twe senne wdzięki,
 Odebrały mi śmiałość; niech się wprzód dowiem
 Z łaskawem wstajesz sercem? z orzeźwionem zdrowiem?

Dzieńdobry, nie pozwalasz ucałować ręki?
 Każesz odejść, odchodzę, oto masz sukienki,
 Ubierz się i wyjdź prędko — dzieńdobry ci powiem.

XVI.

D O B R A N O C.

Dobranoc! już dziś więcej nie będziem bawili,
Niech snu anioł modremi skrzydły cię otoczy,
Dobranoc, niech odpoczną po łzach twoje oczy,
Dobranoc, niech się serce pokojem zasili.

Dobranoc, s każdej ze mną przemówionej chwili,
Niech zostanie dźwięk jakiś cichy i uroczy,
Niechaj gra w twoim uchu, a gdy myśl zamroczy,
Niech się mój obraz sennym zrenicom przymili.

Dobranoc, obróć jeszcze raz na mnie oczęta,
Pozwól lica — Dobranoc — chcesz na sługi klasnąć?
Daj mi pierś ucałować — Dobranoc, zapięta.

— Dobranoc, już uciekłeś, i drzwi chcesz zatrzasać.
Dobranoc ci przez klamkę, niestety! zamknięta!
Powtarzając dobranoc nie dałbym ci zasnąć.

XVII.

D O B R Y W I E C Z Ó R.

Dobrywieczór! on dla mnie najśłodszym życzeniem;
 Nigdy, czyto przed nocą dzieli nas zaporą,
 Czyli mię ranna znowu przywołuje pora,
 Nie żegnam się, ni witam s takim zachwyceniem,

Jak w tę chwilę, wieczornym ośmielony cieniem;
 Ty nawet, milcząc rada i płonić się skora,
 Gdy usłyszysz życzenie dobrego wieczora,
 Zywszém okiem, głośniejszém rozmawiasz westchnieniem.

Niechaj dzieńdobry wschodzi tym co społem żyją;
 objaśniać pracę, która ich ręce jednoczy;
 Dobranoc niech szczęśliwych kochanków otoczy,

Gdy z rokoszy kielicha trosk osłodę piją;
 A tym co się kochają i swą miłość kryją,
 Dobrywieczór niech przyćmi zbyt wymowne oczy.

XVIII.

D O D. D.

W I Z Y T A.

Ledwie wnijdę, słów kilka przemówię z nią samą ;
 Jużci dzwonek przeraża, wpada galonowy,
 Za nim wizyta, za nią ukłony, rozmowy,
 Ledwie wizyta z bramy, już druga za bramą.

Gdybym mógł, progi wilczą otoczyłbym jamą,
 Stawiłbym lisie pastki, kolczate okowy,
 A jeśli niedość bronią, uciechym gotowy
 Na tamten świat stygową zasłonić się tamą.

O przeklęty nudziarzu! ja liczę minuty,
 Jak zbrodniarz co go czeka ostatnia katusza,
 Ty pleciesz błahe dzieje wczorajszej reduty.

Już bierzesz rękawiczki, szukasz kapelusza,
 Teraz odetchnę nieco, wstąpi we mnie dusza,
 O bogi! znowu siada, siedzi jak przykuty!

XIX.

D O W I Z Y T U J A C Y C H.

Pragniesz miłym być gościem, czytaj rady moje.
 Niedość wszedłszy donosić o czém wszyscy wiedzą,
 Że dzisiaj tam walczą, ówdzie obiad jedzą,
 Zboże tanie, deszcz pada, w Grecyi rozboje.

Jeśli w salonie znajdziesz bawiących się dwoje,
 Zważaj czy cię z ukłonem, z rozmową uprzedzą,
 Czyli daleko jedno od drugiego siedzą,
 Czy wszystko jest na miejscu, czy w porządku stroje.

Jeśli pani co wyraz zaśmiać się gotowa,
 Choć usta śmiać się nie chcą; jeśli panicz z boku
 Pogląda i zegarek dobywa i chowa,

I grzeczność ma na ustach a coś złego w oku:
 Wiész jak ich trzeba witać? Bywaj zdrów, bądź zdrowa;
 A kiedy ich masz znowu odwiedzić? — po roku.

XX.

P O Ż E G N A N I E

D O D. D.

Odpychasz mię? — czym twoje serce już postradał?
 Lecz jam go nigdy nie miał; — czyli broni cnota?
 Lecz ty pieścisz innego; czy że nie dam złota?
 Lecz jam go wprzód nie dał a ciebie posiadał.

I nie darmo; choć skarbów przed tobą nie składał,
 Ale mi drogo każda kupiona pieszczota,
 Na wagę duszy mojej, pokojem żywota;
 Dla czegoż mię odpychasz? nadaremniem badał.

Dziś odkrywam łakomstwo nowe w sercu twojem,
 Pochwalnych wierszy chciałaś; marny pochwał dymie!
 Dla nich więc igrasz z bliźnich szczęściem i pokojem?

Nie kupić Muzy! W każdym ślizgałem się rymie,
 Gdym szedł na Parnas z lauru wieńczyć cię zawojem,
 I ten wiersz wraz mi stwardniał, żem wspomniał twe imię.

XXI.

D A N A I D Y.

Płci piękna! gdzie wiek złoty, gdy za polne kwiaty,
 Za haftowane kłosem majowe sukienki,
 Kupowano panięskie serduszka i wdzięki,
 Gdy do lubej gołębia posyłano w swaty?

Dzisiaj wieki są tańsze a droższe zapłaty.
 Ta której złoto daję, prosi o piosenki;
 Ta której serce daję, żądała mój ręki;
 Ta którą opiewałem, pyta czym bogaty.

Danaidy! rzucałem w bezdeń waszój chęci
 Dary, pieśni, i we łzach rostopioną duszę;
 Dziś z hojnego jam skąpy, s czulego szyderca.

A choć mię dotąd jeszcze nadobna twarz nęci,
 Choć jeszcze was opiewać i obdarzać muszę,
 Lecz dawniej wszystko dałbym, dziś wszystko — prócz serca.

XXII.

E X K U Z A.

Nuciłem o miłostkach w rowieńników tłumie,
 Jedni mię pochwalili, a drudzy szeptali:
 Ten wieszcz kocha się tylko, męczy się i żali,
 Nic innego nie czuje, lub śpiewać nie umie.

W dojrzałe wchodząc lata, przy starszym rozumie,
 Czemu serce płomykiem tak dziecinny pali?
 Czyliż mu na to wieszczy głos bogowie dali,
 Aby o sobie tylko w każdej nucił dumie?

Wielkomyślna przestroga! — wnet z górnemi duchy
 Alcejski chwytam bardon, i strojem Ursyna
 Ledwie zaczął przegrywać, aż cała drużyna

Rozpiérzchła się unosząc zadziwione słuchy;
 Zrywam stróny i w Letę ciskam bardon głuchy.
 Taki wieszcz jaki słuchacz.

Sowety Krymskie

Wer den Dichter nicht versteht
Muß in Dichters Lande gehen.

Ötze im Jahr 1867.

TOBACCO

PODROZKY HRYMSEJ

AUER.

I.

STEPY AKERMAŃSKIE.

Wpłynąłem na suchego przestwór Oceanu,
 Wóz nurza się w zieloność i jak łódka brodzi,
 Śród fali łąk szumiących, śród kwiatów powodzi,
 Omijam koralowe ostrowy burzanu.

Już mrok zapada, nigdzie drogi ni kurhanu;
 Patrzę w niebo, gwiazd szukam przewodniczek łodzi;
 Tam zdala błyszczący obłok? tam jutrzienka wschodzi?
 To błyszczący Dniestr, to weszła lampa Akermanu.

Stójmy! — jak cicho! — słyszę ciągnące żorawie,
 Którychby nie dościgły żrenice sokoła;
 Słyszę kędy się motyl kołysa na trawie,

Kędy wąż śliską piersią dotyka się ziola.
 W takiej ciszy! — tak ucho natężam ciekawie,
 Ze słyszałbym głos z Litwy, — jedźmy, nikt nie woła.

II.

CISZA MORSKA

na wysokości Tarakanu.

Już wstążkę pawilonu wiatr za ledwie muśnie,
 Cichemi gra pierśmi rozjaśniona woda;
 Jak marząca o szczęściu narzeczona młoda,
 Zbudzi się aby westchnąć, i wnet znowu uśnie.

Żagle, nakształt chorągwi gdy wojnę skończono,
 Drzemią na masztach nagich; okręt lekkim ruchem
 Kołysa się, jakgdyby przykuty łańcuchem;
 Majtek wytchnął, podróże rozśmiało się grono.

O morze! pośród twoich wesołych żyjętek
 Jest polip co śpi na dnie gdy się niebo chmurzy,
 A na ciszę długimi wywija ramiony.

O myśli! w twojej głębi jest hydra pamiątek,
 Co śpi wpośród złych losów i namiętnej burzy;
 A gdy serce spokojne, zatapia w niem szpony.

III.

Ż E G L U G A.

Szum większy, gęściej morskie snują się strasydła,
 Majtek wbiegł na drabinę, gotujcie się dzieci!
 Wbiegł, rozciągnął się, zawisł w niewidzialnej sieci,
 Jak pająk czatujący na skinienie siła.

Wiatr! — wiatr! — dąsa się okręt, zrywa się z wędzidla,
 Przewala się, nurkuje w pienistej zamieci,
 Wznosi kark, zdeptał fale, i skróś niebios leci,
 Obłoki czołem sieka, wiatr chwyta pod skrzydła.

I mój duch masztu lotem buja wśród odmętu,
 Wzdyma się wyobraźnia jak warkocz tych żagli,
 Mimowolny krzyk łączę z wesołym orszakiem;

Wyciągam ręce, padam na piersi okrętu,
 Zdaje się że pierś moja do pędu go nagli,
 Lekko mi! rzezwo! lubo! wiem co to być ptakiem.

IV.

B U R Z A.

Zdarto żagle, stér prysnął, ryk wód, szum zawiei,
Głosy trwożnej gromady, pomp złowieszcze jęki,
Ostatnie liny majtkom wyrwały się z ręki,
Słońce krwawo zachodzi, z niém reszta nadziei.

Wicher z tryumfem zawył, a na mokre góry
Wznoszące się piętrami z morskiego odmětu
Wstąpił geniusz śmierci i szedł do okrętu,
Jak żołnierz szturmujący w połamane mury.

Ci leżą napół martwi, ów załamał dłonie,
Ten w objęcia przyjaciół żegnając się pada,
Ci modlą się przed śmiercią, aby śmierć odegnąć.

Jeden podróżny siedział w milczeniu na stronie
I pomyślił: szczęśliwy kto siły postrada,
Albo modlić się umieć, lub ma s kim się żegnać.

V.

WIDOK GÓR ZE STEPÓW KOZŁOWA.

PIELGRZYM I MIRZA.

PIELGRZYM.

Tam? czy Allah postawił wpoprzek morze lodu?
 Czy aniołom tron odlał z zamrożonej chmury?
 Czy Diwy z ćwierci lądu dzwignęły te mury,
 Aby gwiazd karawanę nie puszczać ze wschodu?

Na szczycie jaka łuna! pożar Carogrodu!
 Czy Allah, gdy noc chylał rozciągnęła bury,
 Dla światów żeglujących po morzu natury,
 Tę latarnię zawiesił wśród niebios obwodu?

MIRZA

Tam? — Byłem; zima siedzi, tam dzioby potoków
 I gardła rzek widziałem pijące z jej gniazda.
 Tchnąłem, z ust mych śnieg leciał, pomykałem kroków
 Gdzie orły dróg nie wiedzą, kończy się chmur jazda,
 Minąłem grom, drzemiący w kolebce z obłoków,
 Aż tam gdzie nad mój turban była tylko gwiazda.
 To Czatyrdah!

PIELGRZYM

Aa!!

VI.

B A K C Z Y S A R A J.

Jeszcze wielka, już pusta Girajów dziedzina!
Zmiotane czołem baszów ganki i przedsienia,
Sofy trony potęgi, miłości schronienia,
Przeskakuje sarańcza, obwija gadzina.

Skróś okien różnofarbnych powoju rośliny,
Wdzierając się na głuche ściany i sklepienia,
Zajmuje dzieło ludzi w imię przyrodzenia,
I pisze Balsazara głoskami „*RUINA*“.

W środku sali wycięte z marmuru naczynie,
To fontanna haremu, dotąd stoi cało,
I perłowe łzy sącząc woła przez pustynie:

Gdzież jesteś o miłości, potęgo i chwało!
Wy macie trwać na wieki, źródło szybko płynie,
O hanbo! wyście przeszły, a źródło zostało.

VII.

BAKCZYSARAJ W NOCY.

Rozchodzą się z dżamidow pobożni mieszkańce,
Odgłos izanu w cichym gubi się wieczorze,
Zawstydzilo się licem rubinowém zorze,
Srebrny król nocy dąży spocząć przy kochance.

Błyszczą w haremie niebios wieczne gwiazd kagańce,
Śród nich po safirowym żeglują przestworze
Jeden obłok, jak senny łabędź na jeziorze,
Pierś ma białą a złotem malowane krawce.

Tu cień pada z menaru i wierzchu cyprysa,
Dalej czernią się kołem olbrzymy granitu,
Jak szatany siedzące w dywanie Eblisa

Pod namiotem ciemności; niekiedy z ich szczytu
Budzi się błyskawica i pędem Farisa
Przelatuje milczące pustynie błękitu.

VIII.

GRÓB POTOCKIĘJ.

W kraju wiosny pomiędzy rokosznemi sady
Uwiedłłaś młoda różo ! bo przeszłości chwile ,
Ulatując od ciebie jak złote motyle ,
Rzuciły w głębi serca pamiątek owady.

Tam na północ ku Polsce świecą gwiazd gromady ,
Dlaczegoż na téj drodze błyszczy się ich tyle ?
Czy wzrok twój ognia pełen nim zgasnął w mogile
Tam wiecznie lecąc jasne powypalał ślady ?

Polko , i ja dni skończę w samotnej żałobie ;
Tu niech mi garstkę ziemi dłoń przyjazna rzuci.
Podróżni często przy twym rozmawiają grobie ,

I mnie wtenczas dźwięk mowy rodzinnej ocuci ;
I wieszcz samotną piosnkę dumając o tobie ,
Ujrzy bliską mogiłę , i dla mnie zanuci.

IX.

MOGIŁY HAREMU.

Mina do Pielgrzyma.

Tu z winnicy miłości niedojrzałe grona
 Wzięto na stół Allaha; tu perełki wschodu,
 Z morza uciech i szczęścia, porwała za młodu
 Truna koncha wieczności do mrocznego łona.

Skryła je niepamięci i czasu zasłona,
 Nad niemi turban zimny błyszczy wśród ogrodu,
 Jak buńczuk wojska cieniów, i ledwie u spodu
 Zostały dłonią Gaura wyryte imiona.

O wy róże edeńskie! u czystości stoku
 Odkwitnęły dni wasze pod wstydu liśćmi,
 Na wieki zatajone niewiernemu oku.

Teraz grób wasz spójrzanie cudzoziemca płami,
 Pozwalam mu — darujesz o wielki Proroku!
 On jeden z cudzoziemców poglądał ze łzami.

X.

B A J D A R Y.

Wypuszczam na wiatr konia i nie szczędzę razów:
Lasy, doliny, głązy, w kolei, w natłoku
U nóg mych płyną, giną jak fale potoku;
Chcę odurzyć się, upić tym wirem obrazów.

A gdy śpioniony rumak nie słucha rozkazów,
Gdy świat kolory traci pod całunem mroku,
Jak w rozbitym zwierciadle, tak w mém spiekłym oku,
Snują się mary lasów i dolin i głązów.

Ziemia śpi, mnie snu niema, skaczę w morskie łona,
Czarny wydęty bałwan z hukiem na brzeg dąży,
Schylam ku niemu czoło, wyciągam ramiona,

Pęka nad głową fala, chaos mię okrąży,
Czekam aż myśl jak łódka wirami kręcona,
Zbłąka się i na chwilę w niepamięć pograży.

XI.

AŁUSZTA W DZIEŃ

Już góra z piersi mgliste otrząsa chylaty,
Rannym szumi namazem niwa złotokłosa,
Kłania się las i sypie z majowego włosa,
Jak z różańca kalifów, rubin i granaty.

Łąka w kwiatach, nad łąką latające kwiaty
Motyle różnofarbne, niby tęczy kosa,
Baldakimem z brylantów okryły niebiosą;
Dalej sarańcza ciągnie swój całun skrzydlaty.

A kędy w wodach skała przegląda się łysa,
Wre morze i odparte z nowym szturmem pędzi;
W jego szumach gra światło jak w oczach tygrysa,

Sroższą zwiastując burzę dla ziemskiej krawędzi;
A na głębini fala lekko się kołysa,
I kąpią się w niej floty i stada łabędzi.

XII.

AŁUSZTA W NOCY.

Rzeźwią się wiatry , dzienna wolnieje posucha ,
Na barki Czatyrdahu spada lampa światów ,
Rozbija się , rozlewa strumienie szkarłatów ,
I gaśnie. Błądny pielgrzym ogląda się , słucha :

Już góry poczerniały , w dolinach noc głucha ,
Zróżdła szemrzą jak przez sen na łożu z bławatów ,
Powietrze tchnące wonią , tą muzyką kwiatów ,
Mówi do serca głosem tajemnym dla ucha.

Usypiam pod skrzydłami ciszy i ciemnoty ;
Wtém budzą mię rażące meteoru błyski ,
Niebo , ziemię i góry oblał potop złoty !

Nocy wschodnia ! ty nakształt wschodniej odaliski ,
Pieszczotami usypiasz , a kiedym snu bliski ,
Ty iskrą oka znowu budzisz do pieszczoty.

XIII.

C Z A T Y R D A H.

M I R Z A.

Drżąc muślemin całuje stopy twój opoki,
 Maszcie Krymskiego statku, wielki Czatyrdachu!
 O minarecie świata! o gór padyszachu!
 Ty nad skały poziomu uciekłeś w obłoki,

Siedzisz sobie pod bramą niebios, jak wysoki
 Gabryel pilnujący edeńskiego gmachu.
 Ciemny las twoim płaszczem, a janczary strachu
 Twój turban z chmur haftują błyskawic potoki.

Nam czy słońce dopieka, czyli mgła ocienia,
 Czy sarańcza plon zetnie, czy gaur pali domy;
 Czatyrdahu, ty zawsze głuchy, nieruchomy,

Między światem i niebem jak drogman stworzenia,
 Podesławszy pod nogi ziemię, ludzi, gromy,
 Słuchasz tylko co mówi Bóg do przyrodzenia.

XIV.

P I E L G R Z Y M.

U stóp moich kraina dostatków i krasy,
Nad głową niebo jasne, obok piękne lice;
Dlaczegoż stąd ucieka serce w okolice
Dalekie, i niestety! jeszcze dalsze czasy?

Litwo! piał mi wdzięczniej tve szumiące lasy,
Niż słowiki Bajdaru, Salhiry dziewice;
I weselszy deptałem twoje trzęsawice,
Niż rubinowe morwy, złote ananasy.

Tak daleki! tak różna wabi mię ponęta;
Dlaczegoż rostagniony wzdygam bezustanku,
Do téj którą kochałem w dni moich poranku?

Ona w lubéj dziedzinie, która mi odjęta,
Gdzie jéj wszystko o wiernym powiada kochanku;
Depcąc świeże me ślady czyż o mnie pamięta?

XV.

DROGA NAD PRZEPAŚCIĄ W CZUFUT - KALE.

MIRZA I PIELGRZYM.

MIRZA.

Zmów paciérz , opuść wodze , odwróć nabok lica ,
 Tu jeździec końskim nogom swój rozum powierza ;
 Dzielny koń ! patrz jak staje , głęb okiem rozmierza ,
 Uklęka , brzeg wiszaru kopytem pochwycą ,

I zawisnął — tam nie patrz , tam spadła żrenica ,
 Jak w studni Al - Kairu o dno nie uderza .
 I ręką tam nie wskazuj , nie masz u rąk pierza ;
 I myśli tam nie puszczaj , bo myśl jak kotwica

Z łodzi drobnój ciśniona w nieźmierność głębiny ,
 Piorunem spadnie , morza do dna nie przewierci ,
 I łódź s sobą przechyli w otchłanie chaosu .

PIELGRZYM.

Mirzo , a ja spójrzałem ! przez światą szczeliny
 Tam widziałem — com widział , opowiem — po śmierci ,
 Bo w żyjących języku nie ma na to głosu .

XVI.

GÓRA KIKINEIS.

M I R Z A.

Spójrzyj w przepaść — niebiosą leżące na dole ,
 To jest morze ; — śród fali zda się że ptak - góra ,
 Piorunem zastrzelony , swe masztowe pióra
 Rostoczył kręgiem szerszym niż tęczy półkole ,

I wyspą śniegu nakrył błękitne wód pole.
 Ta wyspa żeglująca w otchłani — to chmura !
 Z jej piersi na pół świata spada noc ponura ;
 Czy widzisz płomienistą wstążkę na jej czole ?

To jest piorun ! — Lecz stójmy , otchłanie pod nogą ,
 Musim wąwoz przesadzić w całym konia pędzie ;
 Ja skaczę , ty z gotowym biczem i ostrogą ,

Gdy zniknę z oczu , patrzaj w owe skał krawędzie :
 Jeśli tam pióro błysnie , to mój kołpak będzie ;
 Jeżeli nie , już ludziom nie jechać tą drogą .

XVII.

RUINY ZAMKU W BAŁAKŁAWIE.

Te zamki połamane w zwaliska bez ładu,
 Zdobiły cię i strzegły o niewdzięczny Krymie!
 Dzisiaj sterczą na górach jak czaszki olbrzymie,
 W nich gad mieszka lub człowiek podlejszy od gadu.

Szczeblujmy na wieżycę, szukam herbów śladu,
 Jest i napis, tu może bohatera imie,
 Co było wojsk postrachem, w zapomnieniu drzymie,
 Obwinione jak robak liściem winogrodu.

Tu Grek dłutował w murach Ateńskie ozdoby,
 Stąd Italczyk Mongołom narzucał żelaza,
 I Mekański przybylec nucił pieśń namaza.

Dziś sępy czarném skrzydłem oblatują groby,
 Jak w mieście, które całkiem wybije zaraza,
 Wiecznie z baszt powiewają chorągwie żaloby.

XVIII.

A J U D A H.

Lubię poglądać wsparty na Judahu skale,
 Jak śpionione bałwany, to w czarne szeregi
 Scisnąwszy się buchają, to jak srebrne śniegi
 W milionowych tęczach kołują wspaniale.

Trącą się o mieliznę, rozbijają na fale,
 Jak wojsko wielorybów zalegając brzegi,
 Zdobędą ląd w tryumfie, i napowrót zbiegi,
 Miecą za sobą muszle, perły i korale.

Podobnie na twe serce o poeto młody!
 Namiętność często groźne wzburza niepogody,
 Lecz gdy podniesiesz bardon, ona bez twój szkody

Ucieka w zapomnienia pogrążyć się toni,
 I nieśmiertelne pieśni za sobą uroni,
 S których wieki uplotą ozdobę twych skroni.

OBJASNIENIA DO SONETOW KRYMSKICH.

- I. „Ostrowy burzanu.“ Na Ukrainie i Pobereżu nazywają burzanami wielkie krzaki ziela, które w czasie lata kwiatem okryte nadają przyjemną roz-maitość płaszczyznom.
- V. „Diwy“ Diwy, podług starożytnej mitologii Persów, złośliwe geniusze, które niegdyś panowały na ziemi, potem wygnane przez aniołów, mieszkają teraz na końcu świata za górą Kaf.
„Na szczycie jaka łuna.“ Wierzecholki Czatyrdabu po zachodzie słońca, skutkiem odbijających się promieni przez czas jakiś zdają się być w ogniu.
„Chylat.“ Suknia honorowa, którą Sułtan obdarza wielkich urzędników państwa.
„Czatyrdah.“ Najwyższy w paśmie gór Krymskich na brzegu południowym; daje się widzieć zdaleka, niemal na 200 werst, z różnych stron, w postaci olbrzymiej chmury sinawego koloru.
- VI. „Bakczysaraj.“ W dolinie otoczonej ze wszech stron górami leży miasto Bakczysaraj, niegdyś stolica Girajów, Hanów Krymskich.
„Balsazara góskami.“ Teyze go-dziny wyszły palce ręki człowieczey, które pisały przeciwko świecznikowi „na ścianie pałacu Królewskiego, a „Król (Balsazar) widział część ręki, która pisała“ Proroctwo Danielowe. V. 5, 25, 26, 27, 28.
- VII. „Rozchodzą się z Dżamidów.“ Mesdzid lub Dżiami, sąto zwyczajne meczety. Zewnątrz po rogach świątyni wznoszą się cienkie wystzelone w niebo wieżyczki, które minaretami, menarę, zowią; są one w połowie swej wysokości otoczone galerią, szurfé, z której miuezzinowie, czyli oznajmiciele, zwołują lud na modlitwę. To zwoływanie wyśpiewane z galerii zowie się izanem. Pięć ra- IX. zy na dzień, w oznaczonych godzi-
- nach daje się słyszeć izan ze wszystkich minaretów, a czysty i donośny głos miuezzinów przyjemnie rozlega się w powietrzkregu miast muzułmańskich, w których, s powodu nieużywania kołowych pojazdów, szczególniejsza cichość panuje. (Sękowski, Collectanea. T. I. k. 66.)
„W dywanie Eblisa.“ Eblis albo Iblis lub Garazel, jest to Lucyfer u Mohametanów.
„Pędem Farysa.“ Farys, rycerz u Arabów Beduinów.
- VIII. „Grób Potockiej.“ Niedaleko pałacu Hanów wznosi się mogiła w guście wschodnim zhubowana z okrągłą kopułą. Jest powieść między pospółstwem w Krymie, że ten pomnik wystawiony był przez Kerim Giraja dla niewolnicy, którą nadzwyczajnie kochał. Niewolnica miała być Polka, z domu Potockich. Autor uczenie i pięknie napisanej podróży po Krymie, Murawjew - Apostoł, utrzymuje że powieść ta jest bez zasady, i że grobowiec kryje zwłoki jakiejś Gruzinki. Nie wiemy na czym opiera swoje mniemanie; bo zarzut iż Tatarowie w połowie ośmnastego wieku tak łatwo niewolnic z domu Potockich uprowadzać nie mogli, nie jest dostateczny. Wiadome są ostatnie zaburzenia kozackie na Ukrainie, skąd nie mało ludu uprowadzono i przedano sąsiednim Tatarom. W Polsce liczne są familije szlacheckie imienia Potockich; i wspomniona branka nie koniecznie mogła należeć do znakomitego domu dziedziców Humania, który najazdom Tatarskim lub rozruchom kozackim mniej był dostępnym. S powieści gminnej o grobowcu Bakczysarajskim poeta Rosyjski Alcxander Puszkina z właściwym mu talentem napisał powieść: „Fontanna Bakczysarajska“ „Mogiły Haremu.“ W rokosznych ogrodzie, wśród wysmukłych topoli i

- drzew morwowych stoją grobowce z bia- XV. „Czufut-Kale.“ Miasteczko na wyniosłej skale; domy na brzegu stojące mają podobieństwo do gniazd jaskółczych; ścieżka wiodąca na górę jest przykra i nad przepaścią wisząca. W samém mieście ściany domów łączą się prawie ze zrębem skały; spójrząwszy przez okno, wzrok gubi się w głębi niezmiernej.
- „Tu jeździec końskim nogom swój rozum powierza.“ Koń Krymski w trudnych i niebezpiecznych przeprawach zdaje się posiadać szczególniejszy instynkt ostrożności i pewności. Nim krok postawi, trzymając na powietrzu nogę, szuka kamienia i próbuje czy bezpiecznie stąpić i ostać się może.
- X. „Bajdary.“ Piękna dolina, przez którą zwykle wjeżdża się na brzeg południowy Krymu.
- XI. „Ałuszt.“ Jedno z miejsc najrozkoszniejszych Krymu; tam już wiatry północne nigdy nie dochodzą, i podróżny w listopadzie szuka częstokroć chłodu pod cieniem ogromnych orzechów włoskich jeszcze zielonych.
- „Rannym szumi namazem niwa“ Namaz, modlitwa Muzułmańska, którą odprawiają siedząc i bijąc pokłony.
- „Jak z różańca Kalifów.“ Muzułmanie używają w czasie modłów różańca, który u znakomitych osób s kosztownych bywa kamieni.
- „Rubin i granaty.“ Granatowe i morwowe drzewa, czerwieniejące się rozkosznym owocem, są pospolite na całym brzegu południowym Krymu.
- XIII. „Padyszah.“ tytuł Sultana Tureckiego.
- „Gabryel.“ Zostawiam imię Gabryela, jako powszechniej znajome; ale właściwym strażnikiem niebios podług mitologii wschodniej jest Rameh (konstelacya arcturus), jedna z dwóch wielkich gwiazd zwanych es semekein.
- XIV. „Salhiry Dziewice.“ Salhir, rzeka w Krymie, wypływa s podnóża Czatyrdahu.
- XVI. „Ptak-Góra.“ Znajomy s Tysiąca nocy Jest to sławny w mitologii perskiej, powielckroć od poetów wschodnich opisywany ptak Simurg. „Wielki on, (powiada Firdussi w Szah nameh) jak góra, a mocny jak twierdza, słonia unosi w szponach swoich,“ i dalej: „ujrząwszy rycerzy (Simurg) zerwał się jak chmura ze skały, na której mieszka, i ciągnął przez powietrze jak huragan, rzucając cień na wojska jeźdźców“ Obacz Hammera. Geschichte Redekünste Persiens. Wien 1818. p. 65.
- „To chmura.“ Z wierzchołka gór wyniesionych nad krainę obłoków, jeżeli spojrzymy na chmury płynące po nad morzem, zdaje się że leżą na wodzie w kształcie wielkich wysp białych. Ciekawy ten fenomen oglądałem s Czatyrdahu.
- XVII. „Ruiny zamku w Bałakławie.“ Nad zatoką tego imienia stoją gruzy zamku, zbudowanego niegdyś przez Greków przychodniów z Miletu. Później Genuńczycy wzniesli na tém miejscu twierdzę Cembalo.

Sonet^{ty}

Widok Sztetki z stepów Kozłowa
I Polskiego na wiersz Lirski przetłum.
 Muza Dżafar Topczy-Baszy Prof. Adjunkt w Uni-
 wersytecie Ste Petersburgskim, tłumacz w Kollegium
 Asiatyckiem i kawaler orderu włodzimierza 4te klas.

بسته

خبر من از رسیدن این سخنان پریشان دوش عانا دل مشتابدست آوردم نه خود نمایی
 و بسبب از تقسیم این کلمات پر غل و غش محض پاس خاطر باران داشتی است نه خود
 از حبش اعران انکاشتن مقصود ازین معاط باز از تیرت چه این
 به بضاعت در خود آن استطاعت را هرگز شاید و نمی نماید که زبان خامه زبانه
 در بر من صفی نسبی آرای به نکته کشی بد یا خاطر فاطر در قافیه سنجی استعاره عیب
 طبع از مای نماید نماید در دناک محزون بر سوز درون دوی که است لعل
 فرخنده روزیکه در خانه شرافت اشیا عالم العلاء فاضل الفضل سلم اول الشرفیه
 محب یکتا الصاحب سبک و فکی هست از شرف احضار یافته بود با جوان کل
 فاضل عالم عاقل دانا دوت مهر بلبله یعنی برسیا سکونج هست که امحق و در نظم
 سر آمد دهر و مست از شهر خود بوده اشعار ابدار در بارش مشهور از این

و در لغت لهی بسیار معتبرات به لذت و کثرت لذات و کثرت غیر مقامات
 ربط آشنای را یسوسیم و ما دم ظهور حضورشادی و سرور حکم را بستیم
 شوق سفر و خاطر داشت به از اندک شهید صحت براه فرقت آنجه از دار السلطنه
 بطریق بیاحت ملک قرم جناح حرکت افراشت زجرانش بسی بوده حکایت
 نیکو در اینها این حکایت چون در آشنای بیاحت و رانمزد بوم گذریش بگویند
 بزرگ و نظرش به جللی خیاست که افتاده از نظاره انکو و پر شکوه در بای طبعش
 به توج آمده هر کور ابدار که از آن ب حل نظم رسید برشته تحریر کشید و منزه
 خاطرش نیز بر آن شد که بزبان فارسی هم ترجم شود پس بموجب علاقه و لطف
 با حقیر داشت خواهش آن فرمود تا برشته نظم آورد و هر چند این حقیر فقیر میرزا
 این طلبه زان یک طوسی السبب تپچی باشی انما بسبب عدم قابلیت و مادود
 حالش با ما و اشاع افاده بینم و لیکن اولا دوست را دلجوی کردن با دلبسته
 و ثانیاً شعر را از زبان فرنگی به فارسی ترجمه کردن که تا حاصل شده است بار آورده است
 و اهل عرفان اقرب دانسته به این دو معنی که زبان کبر شوق ضمیر گردید و کمال بقدر
 برشته بیان کشید سخن و راز کشیدم و ما بهیتم که ذیل غنود بهیمن ماجر اینها
 بلند کوهی بدیدم میان صحرای بود سرش بر آریخ و بیخ و هوای سرما بود
 بلرزه اندم اندم که کوخ دیدم مشکتم تره گفتیم که این چه روضه است

بضع کامله قدرت خداوندی مکرر منبج پس کشته دریا بود
 و یا برای نزول فرشته کان سما زابری کی بودش سر بر مینا بود
 نه بل منع عبور سپاه یا جوحی کشیده سد کند رنه قلعه پید بود
 بفرق نور در خال چو برق اندر فروغ پر تو شس هر دم بچرخ بالا بود
 تو کوی نابره حرق سورا ساهول ز قلعه فلکینشس همی هوید بود
 چو نرم ظلمت شب را قضا شد مکر جیراع معلق ز طاق مینا بود

در بیان وصف مینای قمری

رفیق راه و الیسم ز مهران قمر امیرزاده شریف و جوان رعنا بود
 ز وضع رفت انگوه و وصف آب هوا چنان نمود که کوی سپهر خضر بود
 چنان بگفت که روزی شدم بزور انجا نه لبر بود نمایان نه سدی غیب بود
 ز هر طرف به سیلاب کوه کوه تو روان چو روح روان بر روان صحر بود
 چنانکه دیدمش آن متطرحل شکره مقام برف بونج و جالیکه سمر بود
 بوقت دم ز غم برف از همی بر رشمت اثر ز مهر بر کاتجا بود
 از آن بلندی و رفعت کلاهی سرم چو راه من که بر آن قلعه فلک سا بود
 ز نوع تندر و نده نه کاهر شربت ز جنس تیز برنده نه حد غنقا بود
 که شدم از طرف از بر حد برنی آخر شدم بجایی که انجا همی شریا بود

س

و

در السلطنة بطر بوزع از زبان

لهی زبان فارسی نظم ترجمه شده

دور چهارپایه خانه رفیق پناه با سون
شنگ

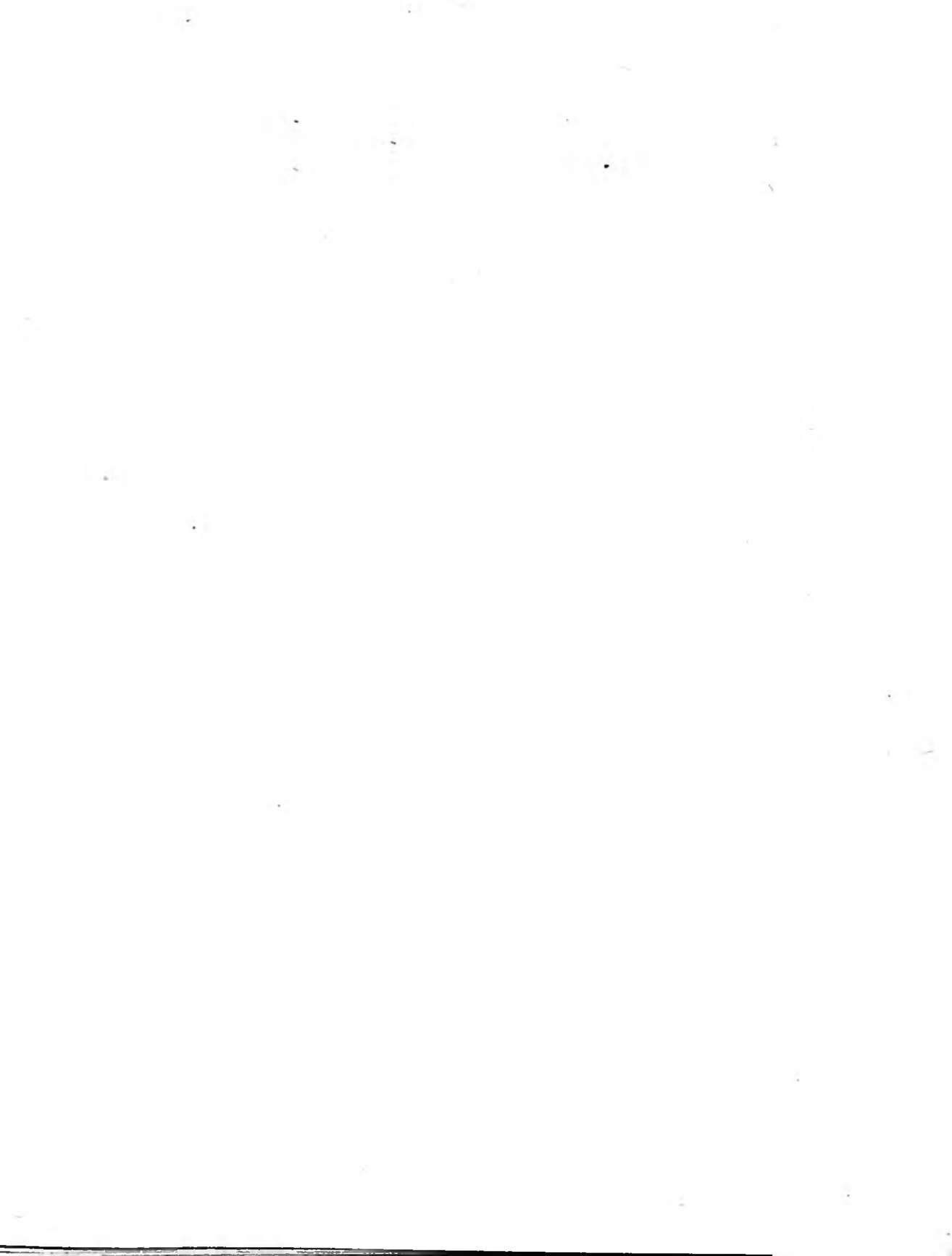
چهارپایه کمر دیده در سنه ۱۸۲۶

م

СОНЕТЫ АДАМА МИЦКЕВИЧА

Quand' era in parte altr'uom da quel, ch'io sono
Petrarca

I

К ЛАУРЕ

Едва явилась ты — я был тобой слепец.
Знакомый взор искал я в незнакомом взоре.
Ты вспыхнула в ответ — так, радуясь Авроре,
Вдруг загорается раскрывшийся бутон.

Едва запела ты — я был заморожен,
И ширилась душа, забыв земное горе,
Как будто ангел пел, и в голубом просторе
Спасенье возвещал нам маятник времен.

Не бойся, милая, открой мне сердце смело,
Коль сердцу моему ответило оно.
Пусть люди против нас, пусть небо так велело,

И тайно, без надежд, любить мне суждено,
Пускай другому жизнь отдаст тебя всецело,
Душа твоя — с моей обручена давно.

II

Я размышляю вслух, один бродя без цели,
Среди людей — молчу иль путаю слова.
Мне душно, тягостно, кружится голова.
Все шепчутся кругом: здоров ли он, в уме ли?

В терзаниях часы дневные пролетели.
Но вот и ночь пришла вступить в свои права.
Кидаюсь на постель, душа полумертва.
Хочу забыться сном, но душно и в постели.

И я, вскочив, бегу, в крови клокочет яд.
Язвительная речь в уме моем готова.
Тебя, жестокую, слова мои разят.

Но увидал тебя — и на устах ни слова.
Стою, как каменный, спокойствием объят!
А завтра вновь горю — и леденею снова.

III

Как ты бесхитростна! Ни в речи, ни во взоре
Нет фальши. Ты сердца влечешь не красотой,
Но каждому милы твой голос, облик твой.
Царицей ты глядишь в пастушеском уборе.

Вчера текли часы в веселье, в песнях, в споре,
Твоих ровесниц был прелестен резвый рой.
Один их восхвалял, и порицал другой,
Но ты вошла — и все, как в храме, смолкло вскоре.

Не так ли па балу, когда оркестр гремел
И буйно все несло и мчалось в шумном зале,
Внезапно таща вихрь застыл и опемел,

И стихла музыка, и гости замолчали,
И лишь поэт сказал: «То ангел пролетел!»
Его почтили все — не все его узнали.

IV

СВИДАНИЕ В ЛЕСУ

«Так поздно! Где ты был?» — «Я шел почти вслепую:
Луна за тучами и лес окутан тьмой.
Ждала, скучала ты?» — «Неблагодарный мой!
Я здесь давно — я жду, скучаю и тоскую!»

«Дай руку мне, позволь, я ножку поцелую.
Зачем ты вся дрожишь?» — «Мне страшно — мрак ночной,
Шум ветра, крики сов... Ужели грех такой,
Что мы с тобой вдвоем укрылись в глушь лесную?»

«Взгляни в мои глаза, иль ты не веришь им?
Но может ли порок быть смелым и прямым?
И разве это грех — беседовать с любимым?

Я так почтителен, так набожно смотрю
И так молитвенно с тобою говорю, —
Как будто не с земным, а с божьим херувимом».

V

Осудит нас Тартюф и осмеет Ловлас:
Мы оба молоды, желанием томимы,
И в этой комнате одни, никем не зримы,
Но ты — в слезах, а я не поднимаю глаз.

Гоню соблазны прочь, а ты, ты всякий раз
Брядаешь цепью той, что рок неумолимый
Нести назначил нам, — и мы, судьбой гопимы,
Не знаем, что в сердцах, что в помыслах у нас.

Восторгом ли назвать иль мукой жребий мой?
Твои объятия, твой поцелуй живой
Ужель, о милая, могу назвать мученьем?

Но если в час любви рыдаем мы с тобой
И если каждый вздох предсмертным стал томленьем,
Могу ли я назвать все это наслажденьем?

VI

УТРО И ВЕЧЕР

В венце багряных туч с востока солнце встало,
Луна на западе печальна и бледна,
Фиалка клонится, росой отягчена,
А роза от зари румянцем запылала.

И златокудрая Лаура мне предстала
В окне, а я стоял, поникший, у окна.
«Зачем вы все грустны — фиалка, и луна,
И ты, возлюбленный?» — так мне она сказала.

Я вечером пришел, едва успала мгла, —
Луна восходит ввысь, румяна и светла,
Фиалка ожила от сумрака ночного.

И ты, любимая, ты, нежная, в окне,
Вдвойне прекрасная, теперь сияешь мне,
А я у ног твоих тоскую молча слова.

VII

ИЗ ПЕТРАРКИ

Senuccio l'vo'che sappi.

Мои ровесники, я нарисую вам
Картины прошлых дней — насколько в силах слово,
Едва догнал мечту — я весь в плену бывшего,
В воспоминаниях, где чувств заветный храм.

Она играла здесь и отдыхала там,
Тут рассердилась вдруг, там хохотала снова.
Была добра, мила, загадочна, сурова,
Там стала петь, шутить, тут предалась мечтам.

Здесь, руку сжав мою, мне что-то вдруг шепнула,
Там наши имена чертила на песке,
Тут не сдержала слез, там начала смеяться.

Тут зарумянилась, закрыв лицо, вздохнула. —
Так, в прошлом потонув, я дни влачу в тоске,
А сердце мечется и мысли вновь мутятся.

VIII

К НЕМАНУ

Где струи прежние, о Неман мой родной?
Как в детстве я любил их зачерпнуть горстями!
Как в юности любил, волнуемый мечтами,
Ища покоя, плыть над зыбкой глубиной!

Лаура, гордая своєю красотой,
Гляделась в их лазурь, увидев чело цветам,
И отражение возлюбленной слезами
Так часто я мучил, безумец молодой!

О Неман, где опи, твои бывшие воды?
Где беспокойные, но сладостные годы,
Когда надежды все в груди моей цвели,

Где пылкой юности восторги и обеты,
Где вы, друзья мои, и ты, Лаура, где ты?
Все, все прошло, как сон... лишь слезы не прошли.

IX

ОХОТНИК

Я слышал, у реки охотник молодой
Вздыхал, остановясь в раздумии глубоком:
«Когда б, невидимый, я мог единым оком,
Прощаясь навсегда с любимой страной,

Увидеть милую!» Чу! Кто там, за рекой?
Его Диана? Да! Она в плаще широком
Несется на коне — и стала над потоком,
Но обернулась вдруг... глядит... Иль там другой?

Охотник побледнел, дрожа, к стволу прижался,
Глазами Кайна смотрел и усмехался.
Забил заряд — в лице и страх и торжество, —

Вновь опустил ружье, на миг заколебался,
Увидел пыль вдали и вскинул — ждет его!
Навел... все ближе пыль... и нет там никого.

X

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

ИЗ ПЕТРАРКИ

Благословен и год и месяц, день и час,
И памятного дня прекрасная частица,
Когда мне в грудь моя вдохнула чаровница
Неразделенный жар, чтоб он вовек не гас.

Благословен восторг и блеск лукавых глаз,
В которых мальчуган насмешливый таится,
И лук и стрелы те, какими не стыдится
Он в сердце мне стрелять и ранить всякий раз.

И первой песенке моей благословенье,
Которой лес внимал и тихая река,
Суля мне родины моей благословенье,

Благословенна стих слагавшая рука,
И грудь, в которой ты будила вдохновенье,
Живой Лаурою оставшись на века.

XI

РЕЗИНЬЯЦИЯ

Несчастен, кто, любя, взаимности лишен,
Несчастней те, чью грудь опустошенность гложет,
Но всех несчастней тот, кто полюбить не может
И в памяти хранит любви минувшей сон.

О прошлом он грустит в кругу бесстыдных жен,
И если чистая краса его встревожит,
Он чувства мертвые у милых ног не сложит,
К одеждам ангела не прикоснется он.

И вере и любви равно далекий ныне,
От смертной он бежит, не подойдет к богине,
Как будто сам себе он приговор изрек.

И сердце у него — как древний храм в пустыне,
Где все разрушил дней неисчислимых бег,
Где жить не хочет бог, не смеет — человек.

XII

К ***

Ты смотришь мне в глаза, страшишь, дитя, их взгляда:
То взгляд змеи, в нем смерть невинности твоей.
Чтоб жизни не проклясть, беги, беги скорей,
Пока не обожгло тебя дыхаьем яда.

Верь, одиночество — одна моя отрада,
И лишь правдивость я сберег от юных дней,
Так мне ль судьбу твою сплести с судьбой моей
И сердце чистое обречь на муки ада!

Нет, унизительно обманом брать дары!
Ты лишь в преддверии девической поры,
А я уже отцвел, страстями опаленный.

Меня могила ждет, тебя зовут пиры...
Обвей же, юный плющ, раскидистые клены,
Пусть обнимает терн надгробные колонны!

XIII

Впервые став рабом, клянусь, я рабству рад.
Все мысли о тебе, но мыслям нет стеснения,
Все сердце — для тебя, но сердцу нет мученья,
Гляжу в глаза твои — и радостен мой взгляд.

Не раз я счастьем звал часы пустых услад,
Не раз обманут был игрой воображенья,
Соблазном красоты иль словом обольщенья,
Но после жребий свой я проклинал стократ.

Я пережил любовь, казалось, неземную,
Пылал и тосковал, лил слезы без конца.
А ныне все прошло, не помню, не тоскую —

Ты счастьем низопла в печальный мир певца.
Хвала творцу, что мне послал любовь такую.
Хвала возлюбленной, открывшей мне творца!

XIV

Мне грустно, милая! Ужели ты должна
Стыдиться прошлого и гнать воспоминанья?
Ужель душа твоя за все свои страданья
Опустошающей тоске обречена?

Иль в том была твоя невольная вина,
Что выдали тебя смущенных глаз признанья,
Что мне доверила ты честь без колебанья
И в стойкости своей была убеждена?

Всегда одни, всегда ограждены стенами,
С любовной жаждою, с безумными мечтами
Боролись долго мы — но не хватило сил.

Все алтари теперь я оболью слезами —
Не для того, чтоб грех создатель мне простил.
Но чтобы мне твоим раскаяньем не мстил!

XV

ДОБРЫЙ ДЕНЬ

День добрый! Дремлешь ты, и дух двоится твой:
Он здесь — в лице твоём, а там — в селеньях рая.
Так солнце делится, близ тучи проплывая:
Оно и здесь и там — за дымкой золотой.

Но вот блеснул зрачок, еще от сна хмельной:
Вдохнула — как слепит голубизна дневная!
А мухи на лицо садятся, докучая,
День добрый! В окнах свет, и, видишь, я с тобой.

Не с тем к возлюбленной спешил я, но не скрою:
Внезапно оробел пред сонной красотою.
Скажи, прогнал твой сон тревог вчерашних тень?

День добрый! Протяни мне руку! Иль не стою?
Велишь — и я уйду! Нет, свой наряд надень
И выходи скорей. Услышите: добрый день!

XVI

СПОКОЙНОЙ НОЧИ

Спокойной ночи! Спи! Я расстаюсь с тобой.
Пусть ангелы тебе навеют сновиденье.
Спокойной ночи! Спи! Да обретешь забвенье!
И сердцу скорбному желанный дашь покой.

И пусть от каждого мгновения со мной
Тебе запомнится хоть слово, хоть движенье,
Чтоб за чертой черту в своем воображеньи
Меня ты вызвала из темноты ночной!

Спокойной ночи! Дай в глаза твои взглянуть,
В твое лицо... Нельзя? Ты слуг позвать готова?
Спокойной ночи! Дай, я поцелую груди!

Увы, застегпута!... О, не беги, два слова!
Ты дверь захлопнула... Спокойной ночи снова!
Сто раз шепну я: «Спи», — чтоб не могла уснуть.

XVII

ДОБРЫЙ ВЕЧЕР

О добрый вечер, ты обворожаешь нас!
Ни пред разлукой, в миг прощания ночного,
Ни в час, когда заря торопит к милой снова,
Не умиляюсь я, как в тот прекрасный час,

Когда на небесах последний луч погас
И ты, что целый день таить свой жар готова,
Лишь вспыхивая вдруг, не проронив ни слова, —
То вздохом говоришь, то блеском нежных глаз.

День добрый, восходи, даруй нам свет небесный
И людям озаряй их жизни труд совместный,
Ночь добрая, укрыть любовников спеши.

В их чаши лей бальзам забвения чудесный!
Ты, добрый вечер, друг взволнованной души,
Красноречивый взор влюбленных притупи!

XVIII

К Д. Д.

ВИЗИТ

Едва я к ней войду, подсяду к ней — звонок!
Стучится в дверь лакей, — неужто визитеры?
Да, это гость, и вот — поклоны, разговоры...
Ушел, но черт несет другого на порог!

Капканы бы для них расставить вдоль дорог,
Нарыть бы волчьих ям, бессильны все затворы!..
Ужель нельзя спастись от их проклятой своры?
О, если б я удрать на край вселенной мог!

Докучливый глупец! Мне дорог каждый миг,
А он, он все сидит и чешет свой язык...
Но вот он привстает... ух, даже сердце бьется!

Вот встал, вот натянул перчатку наконец.
Вот шляпу взял... ура! уходит!.. О творец!
Погибли все мечты: он сел, он остается!

XIX

ВИЗИТЕРАМ

Чтоб милым гостем быть, послушай мой совет:
Не вваливайся в дом с непрошенным докладом
О том, что знают все: что хлеб побило градом,
Что в Греции — мятеж, а где-то был банкет.

И если ты застал приятный tête-à-tête,
Заметь, как встречен ты: улыбкой, хмурым взглядом.
И как сидят они, поодаль или рядом,
Не смущены ль они, в порядке ль туалет.

И если видишь ты: прелестнейшая панпа,
Хоть вовсе не смешно, смеется непрестанно,
А кавалер молчит, скривив улыбкой рот,

То взглянет на часы, то ерзать вдруг начнет,
Так слушай мой совет, откланяйся нежданно!
И знаешь ли, когда прийти к ним? Через год!

XX

ПРОЩАНИЕ

к д. д.

Ты гонишь? Иль потух сердечный пламень твой?
Его и не было. Иль правственность виною?
Но ты с другим. Иль я бесплатных ласк не стою?
Но я ведь не платил, когда я был с тобой!

Червонцев не дарил я щедрою рукой,
Но ласки покупал безмерною ценою.
Ведь я сказал «прости» и счастьем и покоем,
Я душу отдавал — за что ж удар такой?

Теперь я понял все! Ты в жажде мадригала
И сердцем любящим, и совестью играла.
Нет, музу не купить! Мечтал я, чтоб венком

Тебя парнасская богиня увенчала,
Но с каждой рифмы я скользил в пути крутом.
И стих мой каменел при имени твоём.

XXI

ДАНАИДЫ

Где золотой тот век, не ведавший печали,
Когда дарили вы, красавицы, привет
За праздничный наряд, за полевой букет
И сватом голубя юнцы к вам засылали?

Теперь дешевый век, по дороги вы стали:
Той золото даешь — ей песню пой поэт!
Той сердце ты сулишь — предложит брак в ответ!
А та богатства ждет — и что ей в мадригале!

Вам, данаиды, вам, о ненасытный род,
Я в песнях изливал всю боль, что сердце жжет,
Все горести души, алкающей в пустыне.

И пусть опять пою в честь ваших глаз и губ —
Я, нежный, колким стал, я, щедрый, ныне скуп,
Все отдавал я встарь, все, кроме сердца, — ныне.

XXII

ИЗВИНЕНИЕ

В толпе ровесников я пел любовь бывало;
В одном встречал восторг, укор и смех в другом:
«Всегда любовь, тоска, ты вечно о своем!
Чтобы поэтом стать — подобных бредней мало.

Ты разумом созрел, и старше сердце стало,
Так что ж оно горит младенческим огнем?
Ужель ты вдохновлен высоким божеством,
Чтоб сердце лишь себя всечасно воспевало?»

Был справедлив упрек! И вслед Урсыну я,
Алкея лиру взяв, высоким древним строем
Тотчас запел хвалу прославленным героям,

Но разбежались тут и лучшие друзья.
Тогда, рассвирепев, я лиру бросил в Лету:
Каков ты, слушатель, таким и быть поэту!

КРЫМСКИЕ СОНЕТЫ

ТОВАРИЩАМ

ПУТЕШЕСТВИЯ ПО КРЫМУ

АВТОР

Wer den Dichter will verstehen
Muss in Dichters Lande gehen.

Goethe im Chuld Nameh.

I

АККЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

Я выплыл на простор сухого океана.
Безбрежен зелени — цветов и трав — разлив.
Качаясь, как ладья, возок плывет средь нив,
Скользит меж островов коралловых бурьяна.*

Смеркается. Кругом ни тропки, ни кургана.
Жду путеводных звезд. Весь горизонт закрыв,
Алеют облака — заря глядит в разрыв:
Зажегся на Днестре маяк близ Аккермана.

И все утихло. Стой! Я слышу, как скользнул
И притаился уж, как мотылек вспорхнул,
Как, недоступные глазам орла степного,

Курлычут журавли в померкшей вышине.
Так слух мой напряжен, что в этой тишине
Уловит зов с Литвы... Но в пути! Не слышно зова.

* Отмеченные строки и слова объяснены А. Мицкевичем. См. с. 97—98.

II

ШТИЛЬ

На высоте Тарханкут

Едва трепещет флаг. В полуденной истоме,
Как перси юные, колышется волна.
Так дева томная, счастливых грез полна,
Проснется, и вздохнет, и вновь отдастся дреме.

Подобно стягам в час, когда окончен бой,
Уснули паруса, шумевшие недавно.
Корабль, как на цепях, стоит, качаясь плавно.
Смеются путники. Зевает рулевой.

О море! Меж твоих веселых чуд подводных
Живет полип. Он спит при шуме бурь холодных,
Но щупальца спешит расправить в тишине.

О мысли! В тебе живет змея воспоминаний.
Недвижно спит она под бурями страданий,
Но в безмятежный день терзает сердце мне.

Sonety

Mickiewicza.

III

ПЛАВАНИЕ

Гремит! Как чудища, сплут валы кругом.
Команда, по местам! Вот вахтенный промчался,
По лесепке взлетел, на реях закачался
И, как в сетях, повис гигантским пауком.

Шторм! Шторм! Корабль трещит. Он бешеным рывком
Метнулся, прыгнул вверх, сквозь пенный шквал прорвался,
Расшиб валы, нырнул, на крутизну взобрался,
За крылья ловит вихрь, таранит тучи лбом.

Я криком радостным приветствую движенье.
Косматым парусом взвилось воображение.
О счастье! Дух летит вослед мечте моей.

И кораблю на грудь я падаю, и мнится:
Мою почуяв грудь, он полетел быстрее.
Я весел! Я могуч! Я волен! Я — как птица!

IV

БУРЯ

В лохмотьях паруса, рев бури, свист и мгла...
Руль сломан, мачты треск, зловеющий хрип насосов.
Вот вырвало канат последний у матросов.
Закат в крови померк, надежда умерла.

Трубят победу шторм! По водяным горам,
В кипящем хаосе, в дожде и вихре пены,
Как воин, рвущийся на вражеские стены,
Идет на судно смерть, и нет защиты нам.

Те падают без чувств, а те ломают руки.
Друзья прощаются в предчувствии разлуки.
Обняв свое дитя, молитвы шепчет мать.

Один на корабле к спасенью не стремится.
Он мыслит: счастлив тот, кому дано молиться,
Иль быть бесчувственным, иль друга обнимать!

V

ВИД ГОР ИЗ СТЕПЕЙ КОЗЛОВА

ПИЛИГРИМ И МИРЗА

П и л и г р и м

Аллах ли твердь воздвиг из ледяных громад,
Иль трон из мерзлых туч поставил серафимам?
Иль четверть суши Див * нагромоздил над Крымом,
Чтоб звездам путь пресечь с восхода на закат?

Какое зарево! Ужель горит Царьград? *
Иль там, где сходит ночь и мгла клубится дымом,
Аллах, чтобы светить мирам неисчислимым,
Украсил небосвод ярчайшей из лампад?

М и р з а

Там был я. Там Зима сидит на льдистой круче.
Я лишьдохнул — и льдом покрылась борода.
Там клювы родников буравят наст колючий.

Там нет орлам пути, но я взошел туда.
И пусто было там. Лишь проплывали тучи,
И подо мной был мир, а надо мной — звезда.
То Чатырдаг! *

П и л и г р и м

А—а!!

VI

БАХЧИСАРАЙ *

Безлюден пышный дом, где грозный жил Гирей.
Трон славы, храм любви — дворы, ступени, входы,
Что подметали лбом паши в былые годы, —
Теперь гнездилище лишь саранчи да змей.

В чертоги вторгшийся сквозь окна галерей,
Захватывает плющ, карабкаясь на своды,
Творенья рук людских во имя прав природы,
Как Валтасаров перст, он чертит надпись: «Тлей!» *

Не молкнет лишь фонтан в печальном запустенье —
Фонтан гаремных жен, свидетель лучших лет,
Он тихо слезы льет, оплакивая тленье:

О слава! Власть! Любовь! О торжество побед!
Вам суждены века, а мне — одно мгновенье.
Но длятся дни мои, а вас — пропал и след.

VII

БАХЧИСАРАЙ НОЧЬЮ

Умолк в мечети гул, расходится народ.
Изан уж не звучит,* земля почиет в мире,
К рубиновой заре в серебряной порфире
Царь ночи, как жених к возлюбленной, идет,

Гаремом звезд его зажегся небосвод.
Одно лишь облачко в лазоревом эфире,
Как лебедь белая среди зеркальной шири,
Каймою золотой повитое, плывет.

А на дорогу тень легла от кипариса.
Над кровлей — минарет. За ним — громады гор,
Черны, как дьяволы в судилище Эвлиса.*

Внезапно молния, пугая робкий взор,
С вершины прынула и, с быстротой Фариса,*
Зигзагом рассекла лазурной тьмы простор.

VIII

ГРОБНИЦА ПОТОЦКОЙ *

Здесь увядала ты, цветок родной земли!
Промчавшись мотыльков чредой золотокрылой,
В твой мир года весны и молодости милой,
Как тайного червя, о прошлом боль внесли.

Дугою к северу миллионы звезд взошли,
Кто мог в одну стезю их слить волшебной силой?
Не ты ль огнем очей, потушенных могилой,
На Польшу яркий путь зажгла в ночной дали?

Как ты, о полька, здесь я кончу дни в забвенье,
Но, может быть, мой холм найдет безвестный друг,
Пришедший навестить твое уединенье,

И польской речи я родной услышу звук,
И в песне о тебе строкою вдохновенной
Поэт грядущих дней почтит мой прах смиренный.

IX

МОГИЛЫ ГАРЕМА *

МИРЗА — ПИЛИГРИМУ

До срока срезал их в саду любви аллах,
Не дав плодам созреть до красоты осенней.
Гарема перлы спят не в море наслаждений,
Но в раковинах тьмы и вечности — в гробах.

Забвенья пеленой покрыло время прах;
Над плитами — чалма, как знамя войска теней; *
И начертал гяур для новых поколений *
Усопших имена на гробовых камнях.

От глаз неверного стеной ревнивой скрыты,
У этих светлых струй, где не ступал порок,
О розы райские, вы отцвели, забыты.

Пришельцем осквернен могильный ваш порог,
Но он один в слезах глядел на эти плиты,
И я впустил его — прости меня, пророк!

X

БАЙДАРЫ *

Нешадво бью коня — летим во весь опор.
Земля плывет у ног и льнет к его копытам
То лесом, то тропой, то вздыбленным гранитом,
Движеньем образов пьяня мой дух и взор.

Конь в мыле, он храпит, не слушается шпор.
Мне ветер жжет лицо. Как в зеркале разбитом,
Бесцветные во тьме уже пятном размытым
Мелькают призраки лесов, долин и гор.

Мир спит, но я не сплю. Вот море предо мною.
На берег вал идет, как черная стена.
Я, руки вытянув, склонясь, иду к прибою.

Гремит, накрыв меня, и рушится волна.
О, если бы, как челн, закруженный стремниной,
Могла исчезнуть мысль хотя б на миг единый!

XI

АЛУШТА * ДНЕМ

С горы упал туман, как сброшенный халат.*
Шумит, намаз творя, пшеница золотая,*
Кладет поклоны лес, порой с кудрей роняя,
Как с четок дорогих, рубин или гранат.*

В цветах земля. Цветы взлетают и парят:
Алмазным пологом все небо закрывая,
Порхают бабочки, как радуга живая,
И сушит стрекоза крылатый свой наряд.

Лишь там, где лысый кряж глубоко вдался в море,
Отпрянет и на штурм идет опять волна,
Угрозу для земли тая в своем напоре.

Как тигра хищный глаз, мерцает глубина.
А дальше — гладь и блеск, и в голубом просторе
Играют лебеди близ мирного челна.

XII

АЛУШТА НОЧЬЮ

Дохнуло свежестью. Дневной свершив дозор,
Упал на Чатырдаг светильник мироздания,
Разбился, льет поток пурпурного сиянья
И гаснет. Путник вдаль вперил тревожный взор.

На доли ночь сошла. Черны уступы гор.
Все дремлет. В синей мгле слышной ручья дыханье.
И, словно музыка, цветов благоуханье
С душой таинственный заводит разговор.

Я сплю под крыльями безмолвия ночного.
Вдруг метеор блеснул, и, светом пробужден,
Я вижу в зареве и лес и небосклон.

Ночь! Одалиска-ночь! Ты вновь ласкать готова.
Ты, негой усыпив, зовешь для неги снова
И взором огненным желанный гонишь сон.

XIII

ЧАТЫРДАГ

МИРЗА

Великий Чатырдаг, созвездий горних брат,
Утесов падишах * и минарет вселенной!
Целую трепетно, ислама сын смиренный,
Подошвы скал твоих, заоблачных громад.

Ты словно Гавриил на страже райских врат,*
И темный лес — твой плащ, и снег — тюрбан надменный,
И, янычары бурь, свой жемчуг драгоценный
Вплетают молнии в твой сумрачный наряд.

Палит ли солнце нас, легла ли почь на дол,
Жрет саранча наш хлеб, гяур ли жжет селенья,
Бессмертный драгоман всего миротворенья,

Недвижный и немой и чуждый здешних зол,
Поправ грома, людей, их жалкие владенья,
Ты слушаешь творца таинственный глагол.

XIV

ПИЛИГРИМ

У ног моих лежит волшебная страна,
Страна обилия, гостеприимства, мира.
Но тянется душа, безрадостна и сира,
В далекие края, в былые времена.

Литва! В твой темный лес уносится она
От соловьев Байдар, от смуглых дев Салгира.
Мне ближе зелень мхов, чем в небе цвет сапфира,
Чем апельсиновых рощ багрец и желтизна.

Оторван от всего, что мне на веки свято,
Средь этой красоты я вновь грущу о ней,
О той, кого любил на утре милых дней.

Она в родном краю, куда мне нет возврата,
Там все кругом хранит печать любви моей.
Но помнит ли она? Тяжка ли ей утрата?

XV

ДОРОГА НАД ПРОПАСТЬЮ В ЧУФУТ-КАЛЕ *

МИРЗА И ПИЛГРИМ

М и р з а

Молись! Поводья кипы! Смотри на лес, на тучи,
Но не в провал! Здесь конь разумней седока.*
Он глазом крутизну измерил для прыжка,
И стал, и пробует копытом склон сыпучий.

Вот прыгнул. Не гляди! Во тьму потянет с кручи!
Как древний Аль-Каир, тут бездна глубока.
И рук не простирай — ведь не крыло рука.
И мысли трепетной не шли в тот мрак дремучий.

Как якорь, мысль твоя стремглав пойдет ко дну,
Но дна не достигнет, и хаос довременный
Поглотит якорь твой и челп затянет вслед.

П и л г р и м

А я глядел, Мирза! Но лишь гробам шепну,
Что различил мой взор сквозь трещину вселенной.
На языке живых — и слов подобных нет.

XVI

ГОРА КИКИНЕИЗ

МИРЗА

Ты видишь небеса внизу, на дне провала?
То море. Присмотрись: на грудь его скала
Иль птица, сбитая перунами, легла *
И крылья радугой стоцветной разметала?

Иль это риф плывет в оправе из опала?
Не риф, но туча там.* Она, как ночи мгла,
Полмира тенью крыл огромных облекла.
А вот и молния. Видал, как засверкала?

Но конь твой пятится — тут пропасть, осадил!
Пусть он, как мой скакун, возьмет ее с размаха!
Я прыгаю! Сперва исчезну, но следи:

Мелькнет моя чалма — ударь коня без страха
И, шпоры дав, лети, лишь призови аллаха!
А не мелькнет — вернись: тут людям нет пути!

XVII

РАЗВАЛИНЫ ЗАМКА В БАЛАКЛАВЕ *

Обломки крепости, чья древняя громада,
Неблагодарный Крым! твой охраняла сон.
Гигантским черепом торчащий бастион,
Где ныне гад живет и люди хуже гада.

Всхожу по лестнице. Тут высилась аркада.
Вот надпись. Может быть, герой здесь погребен?
Но имя, бывшее грозой земных племен,
Как червь, окутано листьями винограда.

Где итальянский меч монголам дал отпор,
Где греки свой глагол на стенах начертали,
Где путь на Мекку шел и где намаз читали,

Там крылья черный гриф над кладбищем простер,
Как черную хоругвь, безмолвный знак печали,
Над мертвым городом, где был недавно мор.

XVIII

АЮДАГ

Мне любо, Аюдаг, следить с твоих кампей,
Как черный вал идет, клубясь и парастая,
Обрушится, вскипит и, серебром блистая,
Рассыплет крупный дождь из радужных огней.

Как набежит второй, хлестнет еще сильнее,
И волны от него, как рыб огромных стая,
Захватят мель и вновь откатятся до края,
Оставив гальку, перл или коралл на ней.

Не так ли, юный бард, любовь грозой летучей
Ворвется в грудь твою, закроет небо тучей,
Но лиру ты берешь — и вновь лазурь светла.

Не омрачив твой мир, гроза отбушевала,
И только песни нам останутся от шквала —
Венец бессмертия для твоего чела.

ОБЪЯСНЕНИЯ

- I. ...*Скользят меж островов коралловых бурьяна*. — На Украине и побережье бурьяном называют великорослые кусты, которые летом покрываются цветами и приятно выделяются на степном фоне.
- V. *Дивы* — По древней персидской мифологии, алые гении, некогда царствовавшие на земле, потом изгнанные ангелами и ныне живущие на краю света, на горею Каф.
Какое зарево! Ужель горит Царьград? — Вершина Чатырдага после заката солнца благодаря отражающимся лучам в течение некоторого времени представляется как бы охваченной пламенем.
Чатырдаг — Самая высокая вершина в цепи Крымских гор, на южном берегу; она открывается взору издалека, верст за двести, с разных сторон, в виде исполинского облака синеваго цвета.
- VI. *Бахчисарай* — В долине, окруженной со всех сторон горами, лежит город Бахчисарай, некогда столица Гиреев, ханов крымских.
...*Как Валтасаров перст, он чертит надпись: «Тлей!»* — «В тот час пзыдоша персты руки человеци и писаху противу лампады на покоплении стены дому царства, и царь (Валтасар) видяше персты руки пишущие». Пророчество Даниила V, 5, 25, 26, 27, 28.
- VII. *Умолк в мечети гул, расходится народ. / Пзан уж не звучит...* — Меджид, или джамид, — обыкновенная мечеть. Снаружи, по углам ее, возвышаются тонкие стрельчатые башенки, называемые минаретами (мечаре); на половине своей высоты они обведены галереею (шурфе), с которой муэдзины, или глашатаи, созывают народ к молитве. Этот напевный призыв с галереи называется пзаном. Пять раз в день, в определенные часы, пзан слышится со всех минаретов, и чистый и звучный голос муэдзинов приятно разносится по городам мусульманским, в которых благодаря отсутствию колесных экипажей царствует необычайная тишина (Сепковский. Collectanea, t. I, с. 66).
...*Черны, как дьяволы в судилище Эвлиса* — Эвлис, или Иблис, или Гаразель, — это Люцифер у магометан.
...*с быстрой Фариса...* — Фарис — рыцарь у арабов-бедунов.
- VIII. *Гробница Потоцкой* — Недалеко от дворца ханов возвышается могила, устроенная в восточном вкусе, с круглым куполом. Есть в Крыму народное предание, что памятник этот был поставлен Керим-Гиреем невольнице, которую он страстно любил. Говорят, что эта невольница была полька, из рода Потоцких. Автор прекрасно и с эрудицией написанной книги «Путешествие по Тавриде», Муравьев-Апостол, полагает, что предание неосновательно и что могила хранит останки какой-то грузинки. Не знаем, на чем он основывает свое мнение, ибо утверждение его, что татарам в половине XVIII столетия не было бы захватить невольницу из рода Потоцких, неубедительно. Известны последние волнения казаков на Украине, когда немалое число народа было уведено и продано соседним татарам. В Польше много шляхетских семейств, посящих фамилию Потоцких, и невольница могла и не принадлежать к знаменитому роду владетелей Умани, который был менее доступен для татар и казаков. На основе народного предания о бахчисарайской могиле русский поэт Александр Пушкин с присущим ему талантом написал поэму «Бахчисарайский фонтан».
- IX. *Могилы гарема* — В роскошном саду, среди стройных тополей и шелковичных деревьев, пахотятся беломраморные гробницы ханов и султанов, их жон и родственников; в двух расположенных поблизости зданиях свалены в беспорядке гробы; они были некогда богато обиты, ныне торчат голые доски и видны лоскуты материи.

... *Над плитами — чалма, как знамя войска теней...* — Мусульмано ставит над могилами мужчин и женщин каменные чалмы различной формы для тех и других.

... *И начертал аяур для новых поколений...* — Гяур, точнее клафир, значит «неверный». Так мусульмано называют христиан.

X. *Байдары* — Прекрасная долина, через которую обычно въезжают на южный берег Крыма.

XI. *Алушта* — Одно из восхитительнейших мест Крыма; туда северные ветры никогда не доходят, и путешественник часто в ноябре должен искать прохлады под тенью огромных грецких орехов, еще зеленых.

С горы упал туман, как сброшенный халат... — Халат (хплат) — почетная одежда, которой султан жалует высших сановников государства.

... *Шумит, намаз творя, пшеница золотая...* — Намаз — мусульманская молитва, которую совершают сидя и кладя поклоны.

... *Как с четок дорогих, рубин или гранат* — Мусульмане употребляют во время молитвы четки, которые у знатных людей бывают из драгоценных камней. Грапатовые и шелковичные деревья, алеющие прелестными плодами, — обычное явление на всем южном берегу Крыма.

XIII. ... *падишах* — Титул турецкого султана.

... *Ты словно Гавриил на страже райских врат* — Оставляю имя Гавриила как общеизвестное, но собственно стражем неба, по восточной мифологии, является Рамер (созвездие Арктика), одна из двух больших звезд, называемых Ас семекени.

XIV. *Салгир* — Река в Крыму, берущая свое начало у подножия Чатырдага.

XV. *Чуфут-Кале* — Городок на высокой скале; дома, стоящие на краю, подобны гнездам ласточек; тропинка, ведущая на гору, весьма трудна и висит над бездною. В самом городе стены домов почти сливаются с краем скалы; взор, брошенный из окон, теряется в неизмеримой глубине.

... *Здесь конь разумней седока* — Крымский конь при трудных и опасных переправах, кажется, проявляет особый инстинкт осторожности и уверенности. Прежде, нежели сделать шаг, он, держа ногу в воздухе, ищет камень и испытывает, можно ли ступить безопасно и утвердиться.

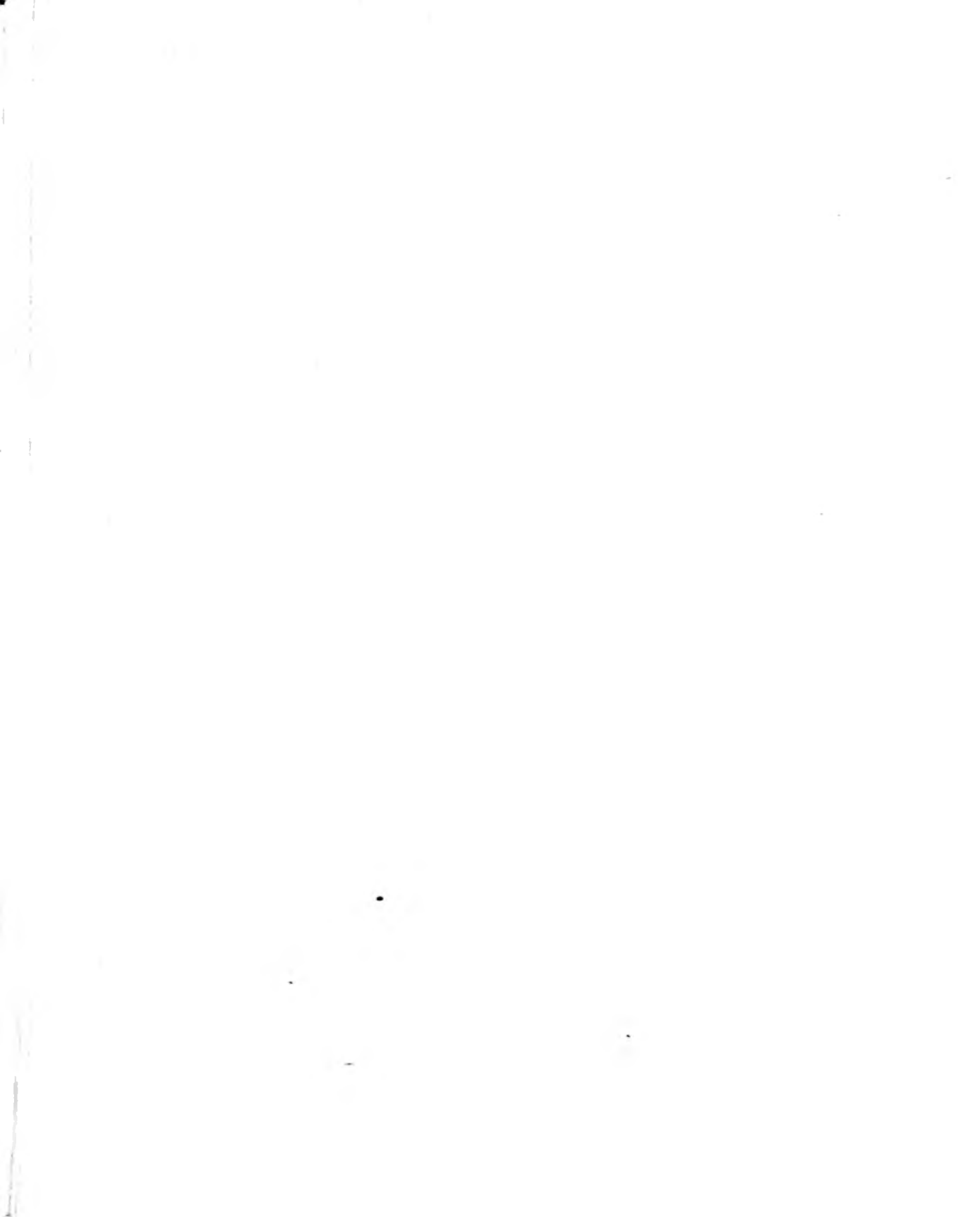
XVI. ... *То море. Присмотришь: на грудь его скала/Иль птица, сбита перунами, легла...* — Известная из «Тысячи и одной ночи», прославленная в персидской мифологии и многократно восточными поэтами описанная птица Симург. «Она велика, — говорит Фирдоуси в Шах-Наме, — как гора; сильная — как крепость; слона уносит в своих когтях...». И далее: «Увидев рыцарей, Симург сорвался, как туча, со скалы, на которой обитал, и понесся по воздуху, как ураган, бросая тень на войска всадников». См. Гаммера Geschichte der Redekünste Persiens (Wien, 1818, стр. 65).

... *Не риф, но туча там* — Если с вершины гор, вознесенных под облака, взглянуть на тучи, плавающие над морем, кажется, что они лежат на воде в виде больших белых островов. Я наблюдал это любопытное явление с Чатырдага.

XVII. *Развалины замка в Балаклаве* — Над заливом того же названия стоят руины замка, построенного некогда греками, выходцами из Милета. Позднее генуэзцы возвели на этом месте крепость Цембало.

ДОПОЛНЕНИЯ

I. СОНЕТЫ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ИЗДАНИЕ 1826 г.

ПОКЛОНЕНИЕ

.
Знаю лишь три поклона, что не унижат ныне:
Пред алтарем, родными, — пожкой моей богини.

ЯСТРЕБ

НА ВЕРШИНЕ КИКИНЕИЗ (К*)

Несчастный ястреб! Здесь, под чуждым зодиаком,
Заброшен бурю вдаль от родных дубрав,
Упал на палубу и, крылья распластав,
Весь мокрый, на людей глядит померкшим зраком.

Но не грозит ему безбожная рука.
Он в безопасности, как на вершине дуба.
Он гость, Джованна, гость, а гостя встретить грубо,
То значит — бури гнев навлечь на моряка.

Так вспомни, обозри весь путь, судьбой нам данный:
По морю жизни ты средь хищников плыла,
Я в бурях утомлял намокшие крыла.

Оставь же милых слов, пустых надежд обманы,
В опасности сама, не ставь другим капканы
.

* * *

Ответь, Поэзия! Где кисть твоя живая?
Хочу писать, но жар и сердца и ума
Так слаб, как будто ритм и звук — его тюрьма,
Где сквозь решетку мысль не узнаешь, читая.

Поэзия! Где страсть, где мощь твоя былая?
Пою, но для кого? Но где она сама?
Так внемлет соловью душистой ночи тьма,
А под землей, один, бежит ручей рыдая.

Не только ангелы сознания — звук и цвет,
Но и перо — наш друг, невольник и рабочий,
Здесь, на чужой земле, не знает прав поэта.

Он чертит знаков сеть, но песни новой нет,
Им новой музыкой не зазвучать средь ночи,
Его возлюбленной не будет песня спета.

II. СОНЕТЫ АДАМА МИЦКЕВИЧА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

П. А. Вяземский. 1827

[СОНЕТЫ]

УТРО И ВЕЧЕР

Солнце сияет на восходе в венце пламенных облаков, а на западе меркнет бледное лицо луны. Роза обращает к солнцу развивающиеся почки; фиалка клонится, отягченная слезами утра.

Лаура блеснула в окне: я пал на колени; она ласкала кудри своих распущенных волос: «Отчего, — спросила, — так рано печальны очи у вас: месяц, фиалка и у тебя, мой возлюбленный?»

Вечером пришел я насладиться новым зрелищем: возвращается месяц, лицо его полно и румяно; фиалка подымает листки, освеженные сумраком.

Снова явилась у окна моя милая, но еще в прелестнейшем уборе и с радостнейшим взглядом; снова пал я на колени перед нею; так же печален, как утром.

ПОКОРНОСТЬ

Несчастлив, кто напрасно молит о взаимности; несчастливее тот, кого тяготит сердце праздное; но тот, по мне, несчастнейший из всех, кто не любит и не может забыть, что некогда любил.

Глядя на очи пылающие и на бесстыдные чела, он отравляет воспоминаниями негу, обольщающую его, и, если прелесть и добродетель пробуждают в нем чувство, он не смеет с сердцем поблекшим приблизиться к ногам ангела.

Он или первыми пренебрегает или обвиняет себя пред другими; мигает смертную, и спешит посторопиться перед богинею, и, глядя на обеих, прощается с надеждою.

И сердце его подобно древней святыне, опустошенной непогодами и временем, в которой божество не хочет обитать, а люди не смеют.

КРЫМСКИЕ СОНЕТЫ

АККЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

Вплывая в пространство сухого океана, колесница пыряет в зелопп, как лодка, зыблется среди волн шумящих нив, среди разлива цветов, минувя багряные острова бурьяна.

Уже сумрак нисходит: нет ни стези, ни кургана; смотрю на небеса, ищу звезд — путеводительниц ладья; там вдали блещет облако? Там денница всходит? Нет, это блещет Днестр, это загорелся маяк Аккерманский.

Остановимся! Как тихо! Слышу, как тянутся журавли, которых не достигнул бы взор сокола; слышу, как мотылек колышется на траве, как змея дотрогивается до растений скользкою грудью. В этой тиши так напрягаю ухо любопытное, что мог бы услышать голос с Литвы — едем; никто не вызывает.

МОРСКАЯ ТИШЬ

На высоте Тарканкута

Уже ветерок едва ласкает ленты кормовой ставки, светлеющая вода разыгралась в тихом лоне своем, как молодая невеста, которой снится о счастье, пробуждается, чтобы вздохнуть, и опять засыпает.

Паруса, подобно хоругвям по окончании битвы, дремлют на мачтах нагих; корабль легким движением колышется, будто прикованный цепью: матрос отдохнул, плователи развеселились.

О море! Посреди твоих резвых живчиков есть полип, который спит на дне, когда небо мрачно, а в тишь развивает он долгие рамена.

О мысль! В твоей глубине есть гидра воспоминаний: она спит в гонимую бедствий и в бурю страсти, но, когда сердце спокойно, она вопзает в него когти свои.

ПЛАВАНИЕ

Шум усиливается; морские страшилища движутся толпами, матрос взбежал по лестнице: готовьтесь, ребята! Взбежал, распростерся, повис в невидимой сети, как паук, стрегущий движение ткани.

Ветер! Ветер! Бьется корабль, срывается с удила, раскачивается, ныряет в пенистой метели, заносит пыю, затоптал волны, и сквозь небеса летит, челом рассекает облака, и ветер под крылья хватает.

И мой дух парит полетом мачты средь бездны; воображение вздувается, как рупо паруса, певольный клик соединяю с веселою толпою.

Вытягиваю руки, падаю па лопо корабля: кажется, грудь моя поддаст ему бегу. Легко мне! Любо! Знаю, каково быть птицею!

БУРЯ

Паруса сорваны, корма треснула, рев волн, шум вихря; голоса встревоженной громады, звон насосов зловеший, последние верьви вырвались из рук матросов, солнце кроваво заходит, с ним остаток надежды.

Торжественно буря завывала, а на влажные горы, возносящиеся ярусами с бездны морской, вступил Гений смерти и пошел к кораблю, как ратник в проломленные стены.

Одни лежат полумертвые, другой ломает себе руки, сей прощающийся падает в объятия друзей, иные пред смертию молятся, чтоб смерть отогнать.

Один путник сидел безмолвно в стороне и мыслил: Счастлив, кто утратил силы, или кто умеет молиться, или знает, кому сказать прости!

ВИД ГОР ИЗ СТЕПЕЙ КОЗЛОВСКИХ

ПИЛИГРИМ И МИРЗА

П и л и г р и м

Там? Не Алла ли поднял оледенелое море? Не ангелам ли отлил он престол из замерзших облаков? Не Дивы ли вознесли стены из обломков вселенной, чтобы заградить каравану звезд дорогу с востока?

Какое зарево на вершине! Будто пожар Царьграда! Не Алла ли, когда ночь раскинула темный покров, засветил для мпров, плавающих по морю природы, то светильники среди небесного круга?

М и р з а

Там? Я туда доходил; там зима обитает: я видел, как клювы потоков и зевы рек пьют из ее гнезда;дохнул я, с уст моих летел снег; прокладывал следы там, где орлы дороги не ведают, где конец страстию облаков; я прошел мимо грома, дремлющего в колыбели из туч, там, где над чалмою моею была только звезда. Это Чатырдаг!

П и л и г р и м

Ага! !

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ДВОРЕЦ

Еще и пыле величественное, уже пусто последние Гиреев; по преддвериям, некогда вытираемым лбами папшей, по софам, престолом власти и убежищам любви, пыле скачет саранча и вьется гад.

Сквозь окон разноцветных плющ, продираясь по немym степам и сводам, завладел созданием человека во имя природы и пишет чертами Вальтасара: развалина.

Посреди храмины чаша, высеченная из мрамора: это фонтан гарема, уцелевший доныне; он точит перловые слезы и разносит по пустыне голос свой:

Где же вы, о любовь, власть и слава? Вам надлежало пребыть навеки, струя шибко уплывает! О позор! Вас не стало, а струя журчит и поныне!

БАХЧИСАРАЙ НОЧЬЮ

Расходятся из джамидов набожные жители, отголосок изана теряется в тиши вечерней; покраснелась заря рубиновым лицом. Сребристый царь ночи спешит опочить при возлюбленной.

Блистают в гареме небес вечные пламенники звезд; посреди их плавает по сапфирному пространству одно облако, как сонный лебедь на озере: белые перси его отливаются золотом по краям.

Здесь падает тень с минарета и верхов кипариса; далее полукружием чернеются исполины гранитные, подобные сатанам, сидящим в дине Эвлиса.

Под наметом мрака, иногда на вершине их пробуждается молния и быстротою Фариса пробегает по безмолвным пустыням лазури.

ГРОБНИЦА ПОТОЦКОЙ

В стране весны, среди роскошных садов, ты увяла, юная роза! Ибо мгновения протекшего, улетаая от тебя, как золотые мотыльки, заронили в глубину сердца червь воспоминаний.

Там, на севере, в Польше, сияют сборища звезд; почему же по той стезе сияет их столько? Не твой ли взор, исполненный огня, пред тем как угаснуть в могиле, беспрерывно туда обращенный, зажег эти ясные следы?

Полячка! И я дни свои отживу в скорби уединенной. Пусть здесь призывная рука бросит мне горсть земли. Путники, часто беседуя при твоём гробе,

Пробудят тогда и для меня звуки языка родного, и вещей, замыслив о тебе одинокую песню, заметит близкую могилу и песню заведет и про меня.

МОГИЛЫ ГАРЕМА

МИРЗА К ПИЛИГРИМУ

Здесь из виноградника любви взяты были на стол Аллы педозрелые кисти; здесь с моря утех и счастья смерть преждевременно похитила перлы восточные и сложила их в мрачное лоно гробницы, раковины вечности.

Скрыла их завеса забвения и времени; над ними, посреди сада, блещет хладная чалма, как бунчук войска теней, и едва сохранились под нею имена, вырезанные рукою гяура.

О вы, розы эдемские! У источника непорочности отцвели дни ваши под листьями застенчивости, павеки утаенные от ока неверного.

Ныне гробницы ваши оскорбляет воззрение иноземца. Позволяю, прости, о великий пророк! Он один из иноземцев смотрел на них со слезами.

БАЙДАРЫ

Пускаю на ветер коня и не щажу ударов: леса, долины, скалы, то порознь, то вместе, уплывают из-под ног моих, теряются, как волны потока; хочу обезуметь, упиться вихрем явлений.

А когда огненный конь не слушает велений, когда мир утрачивает краски свои под саваном мрака, тогда в моем разгоревшемся оке, как в разбитом зеркале, мелькают привидения лесов, долин и скал.

Спит земля, я не сплю, кидаюсь в лоно морское; черный, вздутый вал с шумом стремится к берегу: склоняюсь к нему челом, протягиваю руки.

Треснул над головою вал, хаос меня окружает, жду, пока мысль, как челн, вращаемый водоворотом, закружится и на мгновение потонет в забвении.

АЛУШТА ДНЕМ

Уже гора потрясает с персей мгlistые покровы, шумит ропным памазом нива златоклосая, преклоняется лес и сыплет с зеленых волос, как с четок калифов, рубины и гранаты.

Поляна в цветах, над поляною летучие цветы — пестрые мотыльки, как бы коса радуги заслонила небеса бриллиантовым балдахином; далее саранча тянет свой савап крылатый.

Там, где лысая скала глядится в водах, море кипит и, отраженное, новым приступом напирает; в его пене играет луч дневной, как в очах тигра,

Предвещая свирепейшую бурю для земных берегов, а там, в открытом море, волны легко колышутся, и в них купаются флоты и стаи лебедей.

АЛУШТА НОЧЬЮ

Свежеет ветер, дневной зной утихает; на рамена Чатырдага падает лампада миров, разбивается, разливает пурпурные струи и гаснет. Заблудившийся пилигрим оглядывается, вслушивается.

Уже горы почернели, в долинах глухая почь, ручей лепечет, как сквозь сон, на ложе из цветов, говорит сердцу языком, утаенным от уха.

Засыпаю под крылами тишины и сумрака; вот будят меня поражающие блески метеора; небеса, дол и горы облил потоп золота.

Ночь восточная! Ты, подобно восточной одалиске, ласками усыпляешь, а когда сон уже близок, ты искрою ока вновь пробуждаешь к ласкам.

ЧАТЫРДАГ

МИРЗА

Трепещущим мусульманином целую подошвы твоей твердыни, мачта крымского корабля! Великий Чатырдаг! О минарет вселенной! Падишах гор! Ты от дольных скал убежал в облака.

Сидишь себе под вратами небесными, как высокий Гавриил, стерегущий адемскую обитель. Темный лес твой плащ, и янычары ужаса вышивают струями молний твою чалму, сотканную из облаков.

Печет ли нас солнце, осеняет ли мгла, пожирает ли саранча нашу жатву, гяур предаст ли огню наши дома, Чатырдаг! ты всегда пребываешь глух, неподвижен.

Между миром и небом, как драгоман создания, подставляя под стопы свои землю, людей, грома, ты внимаешь только тому, что бог глаголет творению.

ПИЛИГРИМ

У ног моих страна богатств и прелестей, над головою небо ясно, кругом пригожие лица: отчего же сердце порывается в края далекие и, увы, во времена еще отдаленнейшие!

Литва! Для меня очаровательней пели твои шумящие леса, чем соловьи Байдары и салгирские девы; веселее было топтать твои влажные тундры, чем рубиновые ягоды и золотые ананасы.

Я так далеко! Сколько различных приманок меня привлекает: отчего же в раздумии вздыхаю непрерывно о той, которую любил на утре дней моих?

Она в милой отчизне, у меня отяятой, где ей все поведаст о верном друге; полирая мои свежие следы, помнит ли она обо мне?

ДОРОГА НАД ПРОПАСТЬЮ В ЧУФУТ-КАЛЕ

МИРЗА И ПИЛИГРИМ

М и р з а

Сотвори молитву, брось повод, отвори лицо; здесь седок доверяет свой рассудок ногам коня. Добрый конь! Смотри, как он стал, мерпая оком глубину, гнет колена, уцепляется копытом о края берега.

И повис! Туда не гляди, там опущенный взор, как в кладязе Ал-Каира, о дно не ударится. И руки туда не протягивай, рука твоя не крыло; и мысли туда не опускай, ибо мысль, как якорь, с мелкой ладьи брошенный в неизмеримость, ринется перуном, во дно морское не вонзится и ладью с собою опрокинет в бездну хаоса.

П и л и г р и м

Мирза! А я заглянул! Сквозь щель мира там видел — что ж видел. поведаю после смерти, ибо на языке живущих нет на то выражения.

ГОРА КИКИНЕИС

МИРЗА

Взгляни в пропасть; там небеса лежащие: это море; среди валов сдается, что птица-гора, убитая громом, расточила свои мачтовые перья в очерк обширнейший, чем радужная полоса.

И накрыла снежным островом голубую степь вод. Остров, плавающий в бездне, — туча: с ее лона падает на полмира темная почва. Видишь ли на ее челе огнистую ленту?

Это молния! Но приостановимся; бездна под ногами: должно взмахом коня перескочить ущелье; я кинусь, ты будь готов с бичем и шпорою.

Когда сгину из очей, смотри на тот край скалы; если там блеснет перо, то это будет чалма моя; если нет, то знай: людям не ехать по той дороге.

РАЗВАЛИНЫ ЗАМКА В БАЛАКЛАВЕ

Сии замки, развалившиеся в обломках без порядка, украшали и сторожили тебя, о Крым неблагодарный! Ныне торчат они на горах, как черепы великанов, в них гнездятся гады или человек презреннее самих гадов.

Взберемся на башню; ищу остатки гербов; есть и надпись, здесь может быть имя богатыря, которое было ужасом войск и ныне дремлет в забвении, обвитое, как червь, виноградным листом.

Здесь грек высекал на стенах афинские украшения; отсюда итальянец метал железа в монголов и меккский пришелец пел песню намаза.

Ныне чернокрылые коршуны облетают гробницы; как на месте, которое побито язвою, развевают с башен вечно черные хоругви.

АЮДАГ

Люблю смотреть, опершись на скалу Аюдага, как пенистые волны то, в черный строй сомкнувшись, кипят, то, как серебристые снега, в неисчетных радугах великолепно кружатся.

Сокрушаются о мели, разбиваются о зыби, как рать китов, облегают берега, завоевывают сушу с торжеством и вспять убегают, меча за собою раковины, жемчуги и кораллы.

Подобно и у тебя на сердце, юный поэт! Страсть часто воздымает грозные непогоды, но только примешься за лютню, страсть безвредно для тебя убегает,

Погружается в бездны забвения и роняет за собою бессмертные песни, из коих века соплетают венец для твоей главы.

И. И. Дмитриев. 1827

ПЛАВАНИЕ

Морские чудища взвозились толпами;
Волненье, шум! Матрос по вервиям бежит;
Готовьтесь, молодцы! товарищам кричит.
Взбежал и размахнул проворными руками,
В невидимой сети повиснул, как паук,
Стрегущий ткань свою в движениях ея.
О радости! Ветр! Корабль, как с удила сорвался;
Зашевелился, раскачался,
Нырять в пенистых зыбях...
Подъемлет выю, топчет волны;
Челом бьет облак, мчится к небу,
И ветер он забрал под крыло,
С ним вместе и поэт средь бездны
Уносится порывом мачты;
Надулся дух его, как парус, и с толпой,
Невольно, шумным он восторгам предался;
Соплещет спутникам, припал на край громады
И грудью мнит ее движенью помогать.
О, как ему легко и любо!
Отныне только он узнал
Завидную пернатых долю!

А. Д. Илличевский. 1827

АККЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

Вплывя в пространный круг сухого океана,
Повозкой, как ладьей, я зыблюсь меж цветов
В волнах шумящих нив, в безбрежности лугов,
Минуя острова багряные бурьяна.

Уж смерклось, впереди ни тропки, ни кургана;
Ищу на небе звезд, вожатаев пловцов:
Там блещет облако — то Днестр меж берегов,
Там вспыхнула заря — то фарос Аккермана.

Как тихо! Подождом! Мне слышится вдали,
Чуть зримы соколу, как вьются журавли,
Как легкий мотылек на травке колыхнется,

Как скользкой грудью змей касается земли:
Пределов чужд, в Литву мой жадный слух песется...
Но едем далее, никто не отзовется.

ПЛАВАНИЕ

Морских чудовищ сонм воспрянул, шум раздался,
Готовьтесь в путь! пловец товарищам кричит,
Взбежал по вервиям, простерся в них, висит
И, как паук, в сетях невидимых заткался.

Ветр; двинулся корабль и с удила сорвался,
На волны наступил — хлябь стопет и кипит!
Он выю занеся, сквозь облака летит,
Под крылья забрал ветр, за край небес помчался.

С порывом мачт душой по безднам я лечу;
Как парус, напряглось мое воображенье,
И вторит клик толпы невольно восхищенье.

Приникнув к кораблю, я руки вдаль мечу
И грудью быстроты придать ему хочу:
Легко мне, весело, попятно птиц паренье.

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ДВОРЕЦ

Наследье ханов! Ты ль добыча пустоты?
Змей вьется, гады там кишат среди свободы,
Где рабство прах челом смешало в древни годы,
Где был чертог прохлад, любви и красоты!

В цветные окна плющ проросшие листы
Раскинув по окнам и занавесив своды,
Создание людей во имя взял природы
И пишет вещей перст: Развалина! Лишь ты,

Фонтан гарема! жив средь храмин мертвых ныне,
Перловы слезы льет, и слышится в пустыне,
Из чаши мраморной журчит струя твоя:

Где пышность? Где любовь? В величии, в гордыне
Вы мнили веки жить — уходит вмиг струя:
Но, ах! не стало вас; журчу, как прежде, я.

И. И. Козлов. 1827—1828

УТРО И ВЕЧЕР

В венце багровом солнце блещет,
Чуть светит робкая луна,
Фиалка под росой трепещет,
И роза юная томпа.

Стоит Людмила у окна,
Златые локоны небрежно
Вкруг шеи вьются белоснежной.
Я на колена в тишине
Упал. Она сказала мне:
«Зачем так рано все уныло,
Фиалка, и луна, и милой?»

Но день промчался; небосклон
Горит вечернею зарею,
И тихой полною луною
Вечерний луг осеребрен.
Росой фиалка освежилась;
Людмила у окна явилась;
Еще пышней ее паряд;
Еще светлей веселый взгляд, —
И на коленях я пред милой
Стою опять... стою унылой.
Грустил я раннею порой,
Грущу теперь во тьме ночной.

СТАПСЫ

Увы! несчастлив тот, кто любит безнадежно,
Несчастнее его, кто создан не любить;
Но жизнь тому страшней, в чьем сердце пламень нежной
Погас — и кто любви не может позабыть.

На взоры наглые торгующих собою
С презрением смотрит он, живет еще с мечтой;
Но в чистом ангеле невинность с красотой
Как сметь ему любить с увядшею душой?

Святое дней молодых волнует дух поныне,
Но память и о них страстями отравлена,
С надеждами навек душа разлучена:
От смертной прочь спешит — и сам нейдет к богине.

В нем сердце, как в степи давно забытый храм,
На жертву преданный и тленью и грозам,
В котором мрачно все, лишь ветер пустынный веет,
Жить боги не хотят, а человек не смеет.

КРЫМСКИЕ СОНЕТЫ

АККЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

В пространстве я плыву сухого океана;
Нырять в зелени, тону в ее волнах;
Среди шумящих пив я зыблюсь в цветах,
Минуя бережно багровый куст бурьяна.

Уж сумрак. Нет нигде тропинки, ни кургана;
Ищу моей ладье вожатую в звездах;
Вот облако блестит — заря на небесах...
О нет! — То светлый Днестр — то лампа Аккермана.

Как тихо! Постоим; далеко слышу я,
Как вьются журавли, в них сокол не взглянется;
Мне слышно — мотылек на травке шевелится.

И грудью скользкою в цветах ползет змея;
Жду голоса с Литвы — туда мой слух проникнет...
Но едем — тихо все — никто меня не кликнет.

МОРСКАЯ ТИПЬ

На высоте Тарканкута

Ласкаясь, ветерок меж лент над ставкой веет,
Пучина влажная играет и светлеет,
И волны тихие вздымаются порой,
Как перси нежные невесты молодой,

Которая во сне о радости мечтает;
Проснется — и опять, вздохнувши, засыпает.
На мачтах паруса висят, опущены,
Как бранная хоругвь, когда уж нет войны,
И, будто на цепях, корабль не шевелится;
Матрос покоится, а путник веселится.
О море! В глубине твоих спокойных вод,
Меж твари дышущей, страшилище живет:
Таясь на мрачном дне, оно под бурю дремлет,
Но грозно рамепа из волн в тиши подьмлет.
О мысли! И у тебя в туманной глубине
Есть гидра тайная живых воспоминаний:
Она не в мятеже страстей или страданий,
Но жало острое вонзает — в тишине.

ПЛАВАНИЕ

Сильнее шум — и волны всколыхались,
Морские чуда разыгрались,
Матрос по лестнице бежит,
Взбежал: «Скорей! Готовтесь, дети!»
И, как паук, повис меж сети,
Простерся — смотрит, сторожит.

Вдруг: «Ветер! Ветер!» — закачался
Корабль и с удила сорвался,
Он, ринув, бездну возмутил
И выю взнес, отваги полный,
Под крылья ветер захватил,
Летит под небом, топчет волны,
И пену разметал кругом,
И облака рассек челом.

Полетом мачты дух несется;
Воскликнул я на крик пловцов.
Мое воображение вьется,
Как пряди зыбких парусов,
И на корабль я упадаю,
Моею грудью намираю;
Мне мнится, будто кораблю
Я грудью хода придаю,
И руки вытянув невольно,
Я с ним лечу по глубине;
Легко, отрадно, любо мне;
Узнал, как птицей быть привольно.

БУРЯ

Корма затрещала, летят паруса,
Встревоженной хляби звучат голоса,
И солнце затмилось над бездной морскою
С последней надеждой кровавой зарею.

Громада, бунтуя, ревет и кипит,
И волны бушуют, и ветер шумит,
И стон раздается зловещих насосов,
И вырвались верьви из рук у матросов.

Торжественно буря завывала; дымясь,
Из бездны кипучей гора поднялась;
И ангел-губитель по ярусам пены
В корабль уже входит, как ратник на стены.

Кто, силы утратив, без чувства падет;
Кто, руки ломая, свой жребий клянет;
Иной полумертвый о друге тоскует,
Другой молит бога, да гибель минует.

Младой иноземец безмолвно сидит,
И мнит он: «Тот счастлив, кто мертвым лежит,
И тот, кто умеет усердно молиться,
И тот, у кого еще есть с кем проститься».

ВИД ГОР ИЗ СТЕПЕЙ КОЗЛОВСКИХ

пилигрим и мирза

П и л и г р и м

Кто поднял волны ледяные
И кто из мерзлых облаков
Престолы отлил вековые
Для роя светлого духов?
Уж не обломки ли вселенной
Воздвигнуты стеной нетленной,
Чтоб караван ночных светил
С востока к нам не проходил.
Что за луна! Взгляни, громада
Пылает, как пожар Царьграда!
Иль для миров, во тьме ночпой
Плывущих по морю Природы,
Сам Алла мощною рукой
Так озарил небесны своды?

М и р з а

Не вьется где орел, я там стремил мой бег,
Где царствует зима, свершил я путь далекий;
Там пьют в се гнезде и реки и потоки;
Когда я там дышал, из уст клубился снег;
Там нет уж облаков, и хлад сковал мятелл;
Я видел спящий гром в туманной колыбели,
И над чалмой моей горела в небесах
Одна уже звезда — и был то...

П и л и г р и м

Чатырдах!

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ДВОРЕЦ

В степи стоит уныл Гирея царский дом,
Там, где толпа нашей стремилась
С порогов пыль стирать челом,
Где гордость нежилась и где любовь таплась;
На тех софах змея сверкает чешуей,
И скачет саранча по храмину пустой.

И плющ меж стекол разноцветных
Уж вьется на столбах заветных,
Прокравшись в узкое окно,
Уже он именем природы
К себе присвоил мрачны своды;
Могучей право отдаю;
И тайной на стене рукою,
Как Валтазаровой порою,
Развалина начерчено.
Гарема вот фонтан. Еще бежит поныне
Из чаши мраморной струя жемчужных слез,
И ропщет томная в пустыне;
Но слава, власть, любви! — Ток времени унес
Мечтавших здесь гордиться вечно;
Оп их унес скорей и влаги скоротечной.

БАХЧИСАРАЙ НОЧЬЮ

Молитва отошла, джамид уже пустеет,
Утих *изана* звук в безмолвии ночном,
Даль тмится, и заря вечерняя краснеет
Рубиновым лицом.

Сребристый царь ночей к наложнице прелестной
В эфирной тишине спешит на сладкий сон,
И вечною красой блесит гарем небесный,
Звездами освещен.

Меж ними облако одно, как лебедь сонной,
На тихом озере плывет во тьме ночной;
Белеет грудь его на синеве бездонной;
В краях отлив золотой.

Здесь дремлет минарет под тенью кипариса;
А там гранитных скал хребты омрачены:
Так непреклонные в диване у Эвлиса
Чернеют сатаны.

Под мраком иногда вдруг молния родится,
И чрез туманный свод лазоревых небес
Она из края в край, внезапная, промчится,
Как быстролёт Фарес.

ГРОБНИЦА ПОТОЦКОЙ

В стране прекрасных дней, меж пышными садами,
О роза нежная! тебя давно уж нет!
Минуты прежние золотыми мотыльками
Умчались; память их точила юный цвет.

Что ж Север так горит над Польшею любимой?
Зачем небесный свод так блещет там в звездах?
Иль взор твой пламенной, стремясь к стране родимой,
Огнистую стезю прожег на небесах?

О полька! Я умру, как ты, — один унылой;
Да бросит горсть земли мне милая рука:
В беседах над твоей приманчивой могилой
Меня пробудит звук родного языка.

И вещей будет петь красу твою младую,
И как ты отцвела в далекой стороне;
Увидит близ твоей могилу здесь чужую
И в песне, может быть, помянет обо мне!

МОГИЛЫ ГАРЕМА

МИРЗА

Вы недозрелыми кистями
Из виноградника любви
На стол пророка обреченные,
Востока перлы драгоценные;
Давно ваш блеск покрыла мгла,
Гробница, раковина вечности,
От неги сладкой, от беспечности
Из моря счастья вас взяла.

Они под завесой забвения,
Лишь над могильным их холмом,
Один в тиши уединения,
Дружины теней бунчуком,
Белеет столп с чалмою грустною,
И начертал рукой искусною
На нем гяур их имена,
Но уж и надпись чуть видна.

О вы, эдема розы нежные!
Близ непорочных струй, в тени,
Застенчивые, безмятежные,
Увяли рано ваши дни!

Теперь же взорами чужими
Гробниц нарушился покой;
Но ты простишь, пророк святой!
Здесь плакал он один пад ними.

БАЙДАРЫ

По воле я пустил коня —
Скачу, леса, долины, горы,
То вдруг, то розно встретя взоры,
Мелькают, гибнут вокруг меня,
Быстрее волн; и меж виденный
Я вне себя гоню, скачу:

Упитаться вихрями явлений
И обезуметь я хочу.

Когда же копь мой опеченный
Уже нейдет и саван свой
На мир усталый, омраченный,
Накинет ночь, глаз томный мой
Разгорячен еще трепещет,
В нем призрак скал, лесов, долиц,
Как в зеркале разбитом, блещет.

Земля уснула, я один
Не сплю и к морю прибегаю;
Стремится черный вздутый вал,
Склонив чело, пред ним я пал,
К нему я руки простираю,
И треснул вал над головой;
Теперь хаос владеет мной,
Я жду, чтоб, погружась в забвенье,
Как над пучиною ладья,
Так бы кружась, и мысль моя
Могла исчезнуть па мгновенье.

АЛУШТА ДНЕМ

Гора отрясает мрак ночи ленивый,
И ранним намазом волнуются нивы;
И злато струями везде разлилось;
Лес темный склоняет густые вершины,
Как с четок калифов, гранаты, рубины
Он сыплет с кудрявых зеленых волос.

В цветах вся поляна, над ней мотыльками
Летучими воздух пестреет цветками;
Так радуги ясной сияет коса,
Алмазным наметом одев небеса;
Лишь взор опечален вдали саранчою,
Крылатый свой саван влекущий с собою.

Под диким утесом шумя в берегах,
Сердитое море кипит, напирает,
И в пене, как будто у тигра в очах,
Дневное светило пред бурей играет,
А в лоне лазурном далеких зыбей
Купаются флоты и рать лебедей

АЛУШТА ПОЧЬЮ

Свежеет ветерок, сменила зной прохлада,
На темный Чатырдаг падет миров лампада —
Разбилась, пурпур льет и гаснет. — Черной мглой
Одеты гор хребты; в долине мрак глухой.

И путник слушает, блуждая, пзумлеппый;
Сквозь сон журчит ручей меж томных берегов,
И вест аромат; от слуха утаенный,
Он сердцу говорит в мелодии цветов.

Невольню клонит сон под сенью тихой ночи...
Вдруг будит новый блеск: едва сомкнулись очи,
Потоки золота льет светлый метеор
На дол, на небеса, на ряд высоких гор.

Ты с одаллскою востока,
О ночь восточная! сходна:
Лаская нежно, и она
Лишь усыпит, но искрой ока
Огонь любви опять зажжен,
Опять бежит спокойный сон.

ЧАТЫРДАГ

Как музульмапин устрашенной,
Твоей твердыни возвышенной
Подожву днесь целую я.
Ты мачта Крыма-корабля,
Ты вечный минарет вселенной,
О пап великий Чатырдаг!
Ты пад горами падишах.

От дальних скал за облаками
Ты под небесными вратами,
Как страж эдема Гавриил,
Сидишь себе между светил;
Ногами попираешь тучи:
Твой плач широкий — лес дремучий;
Из облак выткана чалма
И пита молнии струями.

Пролет ли солнце зной над памп,
Иль оспит внезапна тма,

И жатву саранча, а дома
Гиаур жжет, — ты невредим
Стоишь недвижимо глухим;
Но землю и людей и громы
Ты подостлать себе возмог.
Стоишь, как драгоман созданья,
И лишь тому даешь вниманья,
Что говорит творенью бог.

ПИЛИГРИМ

Роскошные поля кругом меня лежат;
Играет надо мной луч радостной денницы;
Любовью дышат здесь пленительные лица;
Но думы далеко к минувшему летят.

Напевом милым мне дубравы там шумят:
Байдары соловей, сальгирские девицы,
Огнистый ананас и яхонт, шелковицы
Твоих зеленых тундр, Литва, не заменят.

В краю прелестном я брожу с душой унылой:
Хоть все меня манит, — в тоске стремлюся к той,
Которую любил порою молодой.

Он отнят у меня, мой отчий край! Но милой
О друге все твердит в родимой стороне:
Там жив мой след, — скажи, ты помнишь обо мне?

ДОРОГА НАД ПРОПАСТЬЮ В ЧУФУТ-КАЛЕ

М и р з а

Теперь молитву сотвори;
Кинь повод, взор отвори,
Ногам коня седок вверяет
Рассудок свой. — Как он идет
И оком бездну измеряет;
Едва скользит, колена гнет —
И вдруг, меж скал на край склоняся,
Повис, копытом уцепяся.

Но ты на бездну не взгляни,
Она, как кладезь Ал-Каира,

Рукой над нею не махни
Неокриленной для эфира,
И думать ты о ней страшись:
Как якорь дума — берегись!

Перупом он с ладьи стремится,
Но, дерзко брошенный меж волн,
В пучипу опрокинет челн,
И в дно морское не вонзится.

П и л и г р и м

А я сквозь трещину земли,
Я заглянул в нее...

М и р з а

Скажи,
Что ж видел ты?

П и л и г р и м

Мои виденья,
Мирза! по смерти расскажу,
Но для живых я выраженья
В земных речах не нахожу.

ГОРА КИКИНЕИС

МИРЗА

Взгляни на пучину, в ней небо лежит:
То море; и ярко пучина блесит.
Убитая громом, не птица ль гора
Крыле распустила в той бездне сребра:
Сам радужный очерк тесней в небесах,
Чем мачтовых перьев на синих волнах.

И островом спешным под дикой скалой
Оделися степи лазури морской;
Но остров сей — туча, и черная мгла
Полмира объемлет с крутого чела.

Огнистую лепту ты видишь на нем?
То молния. — Едем, и первый с конем
Я кippусь — а, путник, смотри на меня,
И бич свой и шпоры готовь для коня.

На край тот отважно и в конскую прыть
Чрез бездну нам должно с размаха вскочить.
Чалма ли заблещет па той стороне,
То я: не робея ты бросься ко мпе;
Но если не узришь ее пред собой,
Знай: людям не ехать дорогою той.

РАЗВАЛИНЫ ЗАМКА В БАЛАКЛАВЕ

Краса Тавриды, ужас хапов,
Здесь замок был, теперь лежат
Обломков груды, и торчат,
Как череп неких великанов,
Приюты гадов и ужей
Иль их презреннее людей.

Взойдем на башню — там заметны
Гербов остатки на стенах;
Ищу я надписи заветной
Иль имя храброго в боях:
Опо в пыли развалин хладных,
Как червь меж листьев виноградных.
Здесь грек на камне высекал;
В монголов часто генуезец
Железо гибели бросал,
И Мекки набожный пришелец
Намаза песнь в тиши певал;
Теперь же ворон чернокрылый
Лишь облетает здесь могилы:
Один на башне вестовой
Так черный флаг уныло веет,
Когда от язвы моровой
Страна прекрасная пустеет.

АЮДАГ

Люблю я, опершись на скалу Аюдага,
Смотреть, как черных волн несется зыбкий строй;
Как пенится, кипит бунтующая влага,
То в радуги дробясь, то пылью снеговой.

И сушу — рать китов, воюя, облегает;
Опять стремится в бег от влажных берегов,
И дань богатую в побеге оставляет:
Сребристых раковин, кораллов, жемчугов.

Так страсти пылкие, подъямляся грозою,
На сердце у тебя кипят, молодой певец;
Но лютию ты берешь, и вдруг всему конец.
Мятежные бегут, сменяясь тишиною,
И песни дивные ропяют за собою:
Из них века плетут бессмертный твой пенец.

В. Н. Щастный. 1828

СВИДАНИЕ В РОЩЕ

Ты ль это? Поздно так? — «Темно в лесу густом,
И в волны облаков шар месяца скатился;
Я сделал круг большой, с тропы привычной сбился.
О мне ли думала?» — Могу ли об вном. —

«Позволь же руку мне, уста поцеловать;
Трепещешь? Отчего? Ответствуй мне». — Не знаю!..
Послушай!.. в вышине я птиц зловещих стаю
Увидела сейчас... Беды не миновать!..

Меня волнует все в безмолвии ночном.
Мой друг! Виновны мы, коль чувствуем волненье. —
«Так взглянь же на меня; смотри, с таким челом,
С такими взорами не ходит преступленье!

Ужель виновен я, что, об руку с тобой
Беседуя в ночи, как с духом бестелесным,
Взираю на тебя, о ангел мой земной,
Как будто стала ты уж ангелом небесным!»

ТИШИНА МОРСКАЯ

Все тихо, изредка ветер флагом колыхнет,
Слегка волнуется поверхность голубую,
Как призрак счастья грудь девы молодую:
Она пробудится — и вновь, вздохнув, уснет.

Как брачны знамена, когда окончен бой,
Ветрила свернуты на мачтах почивают;
Корабль колеблется игривою волпой;
Пловцы на палубе беспечно отдыхают.

О море! В глубине твоей полип живет.
Он спит на дне, когда бушует непогода;
Но тишина сойдет с лазоревого свода —
И ветви длинные он снова разовьет.

Так точно мысль, в твоей тревожной глубине,
Есть гидра лютая, она — воспоминанье.
В часы сердечных бурь погружена во сне,
Лишь стихнут — жалами пробудит вновь страданье.

АЛУШТА НОЧЬЮ

Резвится ветерок, и дня слабеет зной,
На Чатырдаг миров лампада ниспадает,
Крутится, зарева потоки разливают
И гаснет. Путник стал и слух натужил свой.

Все тихо. Ночи мрак одежду гор чернит,
Лишь слышится ручьев в долинах говор сонный,
Гармонией цветов полн воздух благовонный
И сердцу голосом понятным говорит.

Под сенью тишины глаза смыкаться стали;
Но будит вдруг меня блестящий метеор:
Земля и небеса, хребет высокий гор
Потопом золотым облиты — запылала!

О ночь восточная! Ты клонишь к усыпленью,
Как ласки одалиск, звук нежный их речей;
Но ближусь ли ко сну — ты пламенем очей
Полуусталого вновь будишь к наслажденью!

ЧАТЫРДАГ

Смиренный муслиман стопу твою лобзает,
О мачта крымская, высокий Чатырдаг!
Вселенной мипарет, гор наших падишах!
На раменах твоих свод неба возлегает.

Ты восседишь, как страж эдема величавый,
Могучий Гавриил, у светозарных врат.
Густой и черный бор — почетный твой хилат,
Чалма — из туч, узор — блеск молнии кровавый.

Томит ли лютый зной, покроет ли туман,
Гяур ли, саранча ль поля опустошает —

Недвижного тебя ничто не возмущает,
Меж небом и землей творенья драгоман!

Хотя все тот же он, твой равнодушный вид;
Но для тебя не чужд язык, нам незнакомый,
Когда ты, подостлав под стопы землю, громы,
Внимаешь, как творец с природой говорит!

В. И. Любич-Романович (В. Р.). 1829—1831

[СОНЕТЫ]

К ЛАУРЕ

Едва узрел тебя — тобою запылал!
Как старый друг, — твои я взоры испытую, —
И на твоих щеках румянец расцветал,
Как роза па заре, грудь обнажив младую.

Едва запела ты — я слезы проливал,
Твой голос в душу мне лил сладость упоенья...
Ее по имени, казалось, ангел звал —
И в колокол небес ударил час спасенья!

О милая! Дозволь, чтоб из твоих очей
Мог ясно я прочесть: проникнул ли я взором
И голосом моим во глубь души твоей?..

А там — пусть против нас рок, люди с приговором.
Пусть должен я бежать и безнадежно тлеть,
Пусть даже подаришь другого ты рукою —

Что нужды? Если мне ты дашь уразуметь,
Что бог нас обручил, и ты моя — душою!

* * *

Я брежу, путаюсь в чужие разговоры,
Биение в груди мой занимает дух,
Лик бледностью покрыт, а жаром пынут взоры;
Здоров ли я? Иной холодный спросит вдруг.

Иль па ухо шепнет про мой рассудок что-то...
Так целый мучась день, в постель ли брошусь я,
В надежде усыпить страдания дремотой —
Но весь в огне — мечты сплывают вкруг меня!

И вот, вскочив, бегу, в недуге омраченья,
Твою жестокость клясть... не прибираю слов:
Я раз по тысяче слагаю выраженья,
И раз по тысяче их забываю вновь!

Когда ж узрю тебя, стою перед тобою,
Не знаю отчего, спокоен, тих опять,
Холоднее скалы, лобзаемой волною, —
Чтоб наново гореть, по-прежнему молчать!

* * *

Твой вид непринужден, слова твои просты;
Ты не красавица, отличья нет во взоре —
Но ты мила, и всех пленяешь в разговоре;
Хоть просто нарядись — всегда царица ты!

Вчера резвились, смеялись, песни пели;
Шли толки разные о сверстниках твоих:
Тот лесть им рассыпал, те осмехали их...
Но ты вошла — и все внезапно присмирели!

Так древле на пиру, когда певец молодой
Приготовлялся петь, внимание склопя,
И шумный хоровод, кружить переставя,
Вдруг умолкал — тогда, средь тишины глухой,

Всяк с удивлением искал тому причины;
Никто же дать себе отчета не умел.
«Я знаю! рек певец: То ангел пролетел!»
Почтили гостя все, узнал его единый.

* * *

«Ты ль это, поздно так?» — Блуждала все досель;
Лес темеп п лупа все пряталась, чуть видно —
«О чем ты думала в пути, не обо мне ль?»
— О чем же об ином? И спрашивать бы стыдно! —

«Дай руку мне пожать, поцеловать в уста!..
Чего ж ты так дрожишь?» — Мне страшен мрак дубровный...
Вот что-то бор шумит и крики сов... беда!
Ах, если чуем страх, должны мы быть виновны! —

«Взгляни ты мне в глаза! Нет, никогда с челом
Столь чистым, радужным не ходит преступленье!
Ах, разве ли не тем виновны, что вдвоем
Сошлись мы в сем лесу, в глухом уединеньи? —

Но друг от друга мы поодаль вить сидим,
Так мало говорим — и в сей тени древесной
Беседую с тобой, земной мой серафим,
Как будто бы уже ты серафим небесный».

Мне в очи смотришь ты, вдыхаешь... о незнание!
Страшися! Яд змеи разлит в очах моих.
Беги — пока еще не гибельно дышанье,
Когда не хочешь клясть остатка дней твоих!

Я сохранил еще признанье, о Мария!
Так слушай: будишь ты во мне позорный пыл;
Но к одиночеству я навек получил —
Почто ж невинности мутить лета младые!

Я наслаждение люблю; но слишком горд,
Чтобы неопытность я обмануть старался;
Довольно по свету, по белому, скитался,
А ты дитя еще — и я в решеньи тверд!

Ты счастлива! Тебе жить в обществах веселых!
А мне, где гробы лишь и мрачные кресты:
Ты вейся, юный плющ, вокруг тополей зеленых,
Пусть обвивает терн могильные столпы!

Впервые пленник, я свой плен благословляю!
Гляжу ли на тебя — я весел, как дитя,
Иль мыслю о тебе — свободы не теряю,
И сердце не болит, — хотя люблю тебя!

Считал я счастьем минуты наслажденья;
Не раз был увлечен заманчивой мечтой,
Словечком, взорами, то стана красотой —
Но и счастливые бывало клял мгновенья!

И даже, когда ту любил богиню я, —
О сколько слез я лил в тоске, в пылу мятежном!
Боролся с внутренней тревогой, в страхе нежном;
И даже ныне мне об имени ея. . .

Об имени одном услышать очень больно!
С одной лишь тобой я счастлив, милый друг!
Благодарю творца, что в жизни сей юдольной
Тебя он ниспослал мой излечить педуг!

КРЫМСКИЕ СОНЕТЫ

АККЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

Вот выплыл на простор сухого океана!
Повозка в зелени ныряет, как ладья,
Кругом цветущие волнуются поля —
Несусь меж островов коралловых бурьяна.

Но сумерки — нигде дороги, ни кургана!
Лишь путеводных звезд ищу по небу я. . .
Не облако ли там? Не вспыхнула ль заря?
То — серебрится Днестр, то — фарос Аккермана!

Стой, стой! . . . Какая тишь! Лет слышен журавлей;
Но и соколий взор самих достичь не может.
Там мотылек в траве колыхнется, там змей,

Скользящей грудью касаясь, злаки гложет —
Так тихо! . . . Вслушаюсь. . . Ах! что-то слух тревожит!
Не голос ли родной? Нет! . . . Едем же скорей!

ТИШИНА МОРСКАЯ

Чуть дышет ветерок, со флагами играя,
Слегка зарыбилась поверхность ясных вод;
Так в сладостных мечтах невеста молодая
Пробудется, вздохнет и снова вдруг уснет.

Как бранны знамена по окончаньи боя,
На мачтах сверлуты, починют паруса,
Корабль колышется, как бы на цепях стоя,
И с палуб шумные песутся голоса.

О море! Есть полип в твоём спокойном лоне;
На дне он спит, когда обляжет небо тьма;
Когда ж прояснится на тихом небосклоне, —
Широко разовьёт свои он рамена.

Есть гидра и в тебе, о мысль! — Воспоминанье!...
Спит в бурю грозную злосчастья и страстей,
Чуть сердце же порой спокоится от ней —
Оно лютейшее сольёт в него страданье!

ПЛАВАНИЕ

Ревут валы, и чуд морских толпа густится,
Матрос по вервиям вбежал, простерся в них
И, как паук, повис среди сетей своих,
Незримых в высоте — кругом все суетится!

Ветр! Ветр! И вот корабль срывается с желез,
Ныряет в пене волн, натужил все усилия,
Поднесясь, прет валы, летит в края небес,
Мглу туч челом сечет, хватает ветер под крылья,

И мой подобно дух пирует в высотах,
Как ленты сих ветрил виется воображенье;
Все веселы, и я, при шумных голосах,
Мешаю слабый крик в невольном посхищенье!

Забывшись, падаю на перси корабля,
И в радости немой я руки простираю —
Мне кажется, полет его сим ускоряю...
Как сладостно! Легко! О! Словно птица я!

БУРЯ

Ветрила сорваны, руль треснул — горе! горе!
Крик, помп зловеющий стон, сердитый рев валов...
Последний вырвался канат из рук пловцов,
И солнце скрылося кровавым шаром в море.

Взревел падменный вихрь, и по валам, в напоре,
Взносящем ярые хребты до облаков,
Шла, как па приступ, смерть на палубы судов,
Как воин, не щадя стоящий град в упоре.

Там бездыханные, тот длапи заломил,
Тот друга жмет к груди, прощаясь, и слабеет,
Те молятся, чтоб жизнь творец им пощадил!..

Один лишь в стороне молчание хранил;
Он мыслил про себя: «Счастлив, кто цепенеет,
Иль молится... или проститься с кем имеет!»

ВИД С ГОР СО СТЕПЕЙ КОЗЛОВСКИХ

Странник

Там, не воздвигнул ли Алла громады льдов?
Иль ангелам престол отлил из мерзлой тучи?
Иль дивы стену ту сложили из снегов,
Чтоб удержать светил с востока строй плывучий?

Какое зарево! В Царьграде ли пожар!
Иль не Алла ль, когда над колыбелью мира
Раскинет ночь свой плащ, повесил там фонарь
Для странствующих звезд по высотам эфира?

Мирза

Там? был я, там зима! Из хладных недр ея
Я видел пьющие там клевы водопадов,
И зевы мчимых рек владычицею хладов —
Дышал я — снег летел морозный от меня!

Стопами попираю пути, орлам безвестны,
Где тучи не текут, и громы в облаках
Почили подо мной! Лишь пламенник небесный
Златил мою чалму — то, странник, Чатырдаг!

БАХЧИСАРАЙ

Пустыня мрачная — наследие Гиреев!
Граниты крылец, чей прах сметали лбы пашей,
Диваны роскоши, и неги, и властей —
Вас топчет саранча, в вас обитанье змеен!

В цветные окна плющ извивистым стеблем
Вползает на стены и занавесит своды,
И в деле смертного, от имени природы,
Чертит развалина, с насмешкой над трудом.

Но посреди, еще не поврежден поныне,
Из мрамора сосуд изваянный стоит —
Гарема то фонтан! И дремлющей пустыне
В журчаньи слез своих он, мнится, говорит:

«О Слава, Власть, Любовы! Вы быть хотели вечны;
Куда же скрылись вы? Как тень давно прошли!
И пристыжает вас источник быстротечный,
Все мча по-прежнему жемчужные струи!»

БАХЧИСАРАЙ НОЧЬЮ

Джамиды набожной поклонник оставляет,
Теряется изан в вечерней тишине;
Лик запада горит, в серебристой пелене
Царь ночи в страстные объятья поспешает.

Блестит гарем небес в предвечных звезд огне;
Среди их облако единое блуждает,
Как лебедь, дремлющий на синей быстрине, —
Грудь белая, в краях золотой отлив играет.

Здесь бросил минарет тень длинной полосой,
Там кипарис простер угрюмые вершины;
Кругом гранитные чернеют исполины,

Как судьи Евлиса под почи епанчой,
И только от чела их молния порой
Мгновенно прозмеит сапфирные равнины!

ГАРЕМСКИЕ МОГИЛЫ

МИРЗА

Здесь собран для Аллы незрелый виноград
Из сада роскоши! Здесь выпуты заране
Жемчужины из педр блаженства и отрад
И в хладном вечности погружены тумане!

Забвенья и веков их кроет пелепа!
Над ними хладная чалма в саду блистает,
Как гробовой бунчук, и только имена,
Гьяуром врезаны, еще пришлец читает!

О розы райские! Под листьями стыда,
У вод невинности, любовьию священны
Дни ваши протекли, и были навсегда
Вы от неверного воззренья сокровенны.

Теперь над вашими могилами стоит
Гьяур... пусть смотрит он! Прости, пророк великой!
Не осквернит он их... он первый, в степи дикой,
Слезам оросил надгробный их грапит!

БАЙДАРЫ

Дал шпоры, конь летит, поводя играют...
Леса, луга, скалы плывут у ног моих,
И, как потоки гор, в смешеньи исчезают —
Желал бы потонуть в пучине видов сих!

Конь пышет, опенен, не чует бразд в задоре,
День гаснет между тем под густотою мглы;
Как в битом зеркале, в моем усталом взоре,
Рисуются леса, и доли, и скалы!

Все спит — один лишь я лечу и сна не знаю...
Вдруг море! Черный вал на берег предо мной
Стремится и ревет... с склоненною главой
К нему я в забытии объятья простираю —

Он рассыпается! — В хаосе и в шуму
Не вижу ничего, темно перед глазами!
Жду только, пока мысль, как мчимый челн волнами,
Потонет утомясь в самозабвенья тьму!

АЛУШТА ДНЕМ

Снимаются со скал туманные хилаты,
На нивах раннего намава голоса,
Проснулись зеленью блестящие леса
И сыплют с глав своих рубины и грапаты.

Луг искрится в цветах, над ним вьются богатый
Рой светлых мотыльков, как тучи полоса,
Алмазной пеленой завесит небеса,
Поодаль сарапчи кипят толпы крылаты.

А где пагой утес рисуется в водах —
Ревущий хлещет вал с усиьем возрастая,
И в лоне пенистом, как в титровых очах,

Играет ясный луч, бедою угрожая;
Меж тем чуть зыблется волна на широтах,
И белых лебедей купается в них стая.

АЛУШТА НОЧЬЮ

Играет ветерок, утих полудня зной,
На Чатырдаг миров лампада ниспадает,
Рассыпалась, поток багровый разливают
И гаснет. Путник стал как вкопанный, немой!

Уж доли и скалы покрыты ночи тьмой,
Ручей по бархату, как сонный, протекает;
Дыханием цветов эфир благоухает
И сердцу говорит музыкой неземной.

Я только что вадремал под тихой ночи сепью —
Прелестный метеор меня вдруг разбудил:
Все небо золотой потоп кругом облил!

О ночь восточная! Ты клонишь к усыплению,
Как ласки одалиск: чуть сон глаза закрыл —
Ты взора искрою вновь будишь к наслаждению!

ЧАТЫРДАГ

МИРЗА

С боязнью муслиман стопу твою лобзает,
Снасть Крыма-корабля! Высокий Чатырдаг!
О света минарет, гор наших падишах,
Скалы у стоп, чело за тучи убегает —

Свод неба на твоих почитет раменах!
Так Гавриил эдем на страже охраняет.
Дремучий лес — твой плащ, а молнья в небесах —
Чалму твою из туч огнями обвивает.

Докучно ль солнце нам, иль хладный мрак лежит,
Страшит ли саранча, гьяур ли нам грозит —
Ты глух, неколебим в порывах непогоды,

Меж небом и землей, как драгоман природы,
Стоишь! и подостлав гром, земли и народы,
Лишь внемлешь, что Алла созданию гласит!

СТРАННИК

У ног моих богатств и роскоши страна!
Свод ясный над головой, кругом все прелесть зрю я;
Почто же сердцем я в так дальний край, тоскуя,
Стремлюся, и увь! в дальнейши времена!

О родина! Милей мне шум твоей дубровы,
Чем салгиранок песнь иль адепных соловьев!
И радостней топтал я мхи твоих лесов,
Чем ананас златой, чем юга плод багровый!

Так отдален! Влечет столь разное меня,
И разные в груди моей желанья будит!
Почто ж вздыхаю так и сердце не забудет
Той, кем на утре дней моих пленялся я? . .

Она на родине, с которой я расстался,
Которую всегда так пламенно любил,
Где все ей говорит о том, кто был ей мил, —
Но помнит ли она — чей след еще остался?

ПУТЬ НАД ПРОПАСТЬЮ В ЧУФУТ-КАЛЕ

М и р а

Лишь помолись и в пути! Поводьям волю дай!
Здесь свычному коню ездок свой ум вверяет.
Смотри, как он ступил! Глубь взором измеряет,
Пригнулся, подхватил копытом вислый край,

Повис! Там — не гляди! Там дна не достигает
Ничей взор, и руки туда не простирай:
Нет крыльев у нее; туда не залетает

И мысль твоя пускай:

Она, как якорь, в глубь опущенный, потонет
И, падая, как он, в стремленьи иногда

И челн ко дну собою переклонит. . .

Стр а н н и к

Мирза!.. А я взглянул и зрел, — но никогда
Того не выразят живущего уста, —
Как разве, когда смерть глаза ему заслопит!

ГОРА КИКИНЕИС

МИРЗА

Глянь в пропасть: небеса, синеющие в ней, —
То море! Посреди, как бы сражен громами,
Симург раскинулся широко над водами,
И белизной покрыл своей,

Как глыбой снеговой, полсиневы пучины!
Сей остров в пропасти — но туча! От нея
На полвселенной ночь ложится; а с вершппы,
Ты видел, пизвелась огнистая змея? —

То молния! Но стой; овраги под ногами!
Чрез пих во весь опор нам падо пронестись —
Я первый, ты поудержись,
И только будь готов с нагайкой, стременямп!

Когда исчезну я, — на те скалы гляди!
И если что мелькнет в той дали синеватой —
И ты стремпсь туда: то мой колпак пернатой;
Когда же нет, — так нет уж людям там пути!

РАЗВАЛИНЫ БАЛАКЛАВЫ

В развалинах, о Крым! могучих замков степы!
Твои защитлики, владыки — о позор!
Теперь, как черепы, торчат на темн гор!
В них гады гнездятся иль человек презренный!

Вот башня — восхожу; все древности! На стене
Зрю надпись... имени единая награда!
Быть может, что было так грозным на войне,
Вот обвилось, как червь, листьями винограда!

Здесь украшенья грек готовил для Афин,
Здесь цепь влачил могол у гордого венеца;
И набожный пришлец от гроба Магомета
Намаза песнь певал средь пышных сих долин —

А ныне... глушь одна, и только над гробами —
 Зловещих видишь птиц, кружащихся толпой!
 Так в граде вымершим под гибельной чумой
 Печальный веет флаг над мрачными стенами.

АЮДАГ

Смотрю с Аюдага на царство валов —
 И взор восхищен, как они, то грядою
 Развернутся черной, то тучей снегов
 Кружатся и блещут серебристой главою.

Разбились о мель — и мелкой волною
 Стремятся к берегам, как станицы китов;
 И чуть овладели — сбегают с берегов,
 Бросая богатства свои за собою.

Подобные бури и против тебя
 Страсть пылкая будит, муз баловень юный!
 Но только ударишь ты в звонкие струны —

В пучину забвенья, тебе не вредя,
 Она убегает и песни роняет,
 Которыми время тебя увенчает!

Ю. И. Познанский. 1828—1831

[СОПЕТЫ]

К ЛАУРЕ

Лишь я узрел тебя — душа запламенела;
 Мой взор искал в твоём знакомства давних лет.
 Ты зарумянилась, невольно покраснела,
 Как Рада, в первый раз взглянувшая на свет.

Когда запела ты, я не владел собою;
 Мне в сердце звук проник, заговорил с душою...
 Не ангел ли ее по имени назвал —
 Не избавленья ль час на небе прозвучал?

О друг мой! Не страшись — пусть скажет взор послушной,
Что слышишь, видишь ты меня неравнодушно;
Пусть рок противу нас людей вооружил;

Пусть должен я бежать, навек людьми забытый;
Пусть руку ты отдашь другому — мне ж скажи ты,
Что душу бог твою с моею обручил.

СВИДАНИЕ В ЛЕСУ

«Ты ль это, так поздно?» — Зашла я далеко —
Неверно луна освещала мне даль. —
«Грустила ль? меня вспоминала?» — Жестокой!
Спроси, о другом чем я думать могла ль? —

«Дай сжать твою руку; как миг сей мне дорог!
Дрожишь ты! Чего же?» — Не знаю; впотьмах
Меня все пугает, крик птицы и порох;
Ах, мы виноваты, коль чувствуем страх. —

«В глаза погляди мне; взгляни на меня ты:
Не с этим лицом — не так смел виноватый.
Беседу ли нашу считаешь виной?

Сижу далеко; говорю я так мало;
Тобой так люблюсь, мой ангел земной,
Как будто небесным ты ангелом стала».

К ***

Мне в очи не гляди и вздохов ты не трать —
Тебя мне жаль — беги! Змеи взор ядовитый
Пока не заразил тебя; скорей беги ты,
Когда остатки дней не хочешь проклинать.

Лишь искренность во мне осталась без утраты.
Так знай: преступный огонь в груди моей зажгла ты;
Но жить хочу один; погибшего ль с судьбой
Соединю судьбу невинности самой?

Я горд, чтоб обольщать, хотя мне страсти милы;
Дитя ты — а на мне след долгих, жарких лет;
Счастлива ты — блистай средь радостных бесед.

Мое же место там, где прошлого могилы;
Вкруг тополя расти и вейся, плещь молодой, —
Пусть обопрется терп о камень гробовой.

* * *

Я грустен, память тех небесных наслаждений
В час размышления всегда отравлена,
Ах, друг мой, сколько ты перенесла мучений!
Быть может, и теперь печали предана.

Но ты виновна ли, что слишком красотою
Наделена? Что ты, своих не зная сил,
Мне слишком вверилась, что я был слаб душою,
Что слишком пылкий огонь творец нам в душу влил?

Всегда вдвоем, одни, в тиши уединенья
Боролись с страстию мы много долгих дней;
Достойны были мы друг друга... миг забвенья

Увлек — иду творца молить у алтарей. —
Накажет пусть меня; я не хочу прощенья, —
Чтоб только не карал печалью твоей.

ДЕНЬ ДОБРЫЙ

День добрый! Разбудить не смею — вид прелестный!
На ангельском лице зрю полдуши небесной,
А полдуши в раю; так в ярких облаках
Полсолнца вижу я, полсолнца в небесах.

День добрый! Слышу вздох, открылся взор блистая.
День добрый! Но очам несносен свет дневной! —
Тебя тревожит мух докучливая стая;
День добрый! Свет в окне — твой друг уже с тобой.

Как сладко добрый день я мог сказать... Но, боже,
Как ты была мила! Будить мне было жаль;
Скажи мне прежде — ты здорова ль — весела ль?

День добрый! Мне руки не хочешь даты! За что же
Уйти велишь — иду! Вот платье все — надень
Скорее; выходи! Скажу я: добрый день!

ДОБРА НОЧЬ

Добрá ночи! Нам пора с тобой расстаться;
Пусть ангел сна тебя крылами осенит;

Пусть очи отдохнут, пусть слезы осушатся;
Добра́ ночь! Тпхий сон пусть сердце укрепит.

Добра́ почь! Слов моих пусть звук не перестанет
Приятным шепотом твой нежить слух во сне —
Когда ж встревожит мысль — ты вспомни обо мне...
Тогда перед тобой пусть образ мой предстанет.

Добра́ почь! Раз еще узреть дай блеск очей;
Добра́ ночь! Подожди — не клпчь еще людей:
Дай грудь поцеловать... Ах! ты ее закрыла;

Добра́ ночь! Ты бежпшь и хочешь дверь замкнуть...
Добра́ ночь — через двери! Как крепко затворила!
Добра́ ночь говоря, не дал бы ей заснуть.

ДОБРЫЙ ВЕЧЕР

Добрый вечер всех желаний слаще для меня;
Ночь ли нам велит расстаться, иль светило дня
Вместе нас застанет — друг не скажет твой
Ни добра почь, ни день добрый с радостью такой,

Как в вечернем полусвете сладкий свой привет;
Ты сама с восторгом внемлешь; но ответа нет;
Лишь скажу я — добрый вечер! — вдруг твой вспыхнет взор,
Ты горишь вся — мне слышнее вздохов разговор.

Для супругов пусть день добрый всходит в небесах —
Пусть оп весело им светит в общих их трудах —
Пусть любовники-счастливыцы доброй ночи ждут —

И в тиши из полной чаши наслаждение пьют;
Втайне любящим дороже, сладостней стократ
Добрый вечер: он скрывает говорящий взгляд.

ДАНАИДЫ

Прелестный пол! Где век золотой, когда цветок
И платье, шитое колосьями, прельщали
Красавиц? Сей ценой у милых покупали
И ласки и сердца — был сватом голубок.

Теперь дешевле век — цена же выше стала;
Той алато я давал — но песен ждет она;

Которой сердце дал — рука моя нужна;
Которую я пел — прельщает звук металла.

Желанный в бездну к вам, данаиды, бросал
Я песни, и дары, и душу — все напрасно!
Теперь я скуп; смеюсь — а плакать перестал.

Хотя еще я вас люблю; готов вас страстно
Я петь, хвалить, дарить. . . все б прежде отдал вам —
Теперь уже не все: я сердца не отдам.

[КРЫМСКИЕ СОНЕТЫ]

АККЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

В океане сухом и безбрежном плывет
Колесница моя, точно в море ладья.
Средь играющих вод, — то летит, то нырнет, —
Средь волнистых лугов, средь разлива цветов
И проносится мимо гряды островов
Ярко цветущих бурьяна.

Вот покрыла все мгла; ни стези, ни кургана. . .
Как все мрачно окрест, путеводных нет звезд,
Облачко вот блестит, и заря уж горит?
Нет, то блещет там Днестр, то маяк Аккермана
Там запылал в вышине.

Но постойте: как тихо! Слышится мне,
Как летят журавли в недостижной дали
Соколиным очам. . . Вот я слышу, как там
Попатнулся цветок и вспорхнул мотылек. . .

И как, скользкою грудью касаясь травы,
Проползает змея. . . Ах, как тихо здесь! — Я
Напрягаю так слух, что из милой Литвы
Ко мне голос приветный — чуть слышный дойдет. . .
Едем — никто не зовет.

ПЛАВАНИЕ

Морских чудовищ сонм густеет. Шум сильнее.
Бежа по лестнице, матрос кричит: «Скорее
Готовьтесь!» — Вбежал, повис в сетях — и вот,
Заткавшись, как паук, движенья ткани ждет.

Ветр! Ветр! Ожил корабль и с привязи сорвался,
В метели пенистой ныряя, раскачался,
Вкруг волны растоптав, поднявшись, взнес чело,
Раздвинул облака — ветер забрал под крыло.

Мой дух полетом мачт парит; воображенье,
Как парусов руно, внезапно напряглось —
Невольно вскрикнувши, простерши руки врозь,

Я грудью на корабль припал. . . его стремленье,
Сдается мне, могу я грудью ускорить. . .
Легко мне, любо мне — узнал, как птицей быть.

ВИД ГОР ИЗ СТЕПЕЙ КОЗЛОВА

пилигрим и мирза

П и л и г р и м

Не Алла ль море льду вверх поднял там горою?
Не для духов ли слил из мерзлых туч престол?
Не дивы ль полземли поставили степою,
Чтоб звездный караван с востока не ушел?

Что за лунаверху? Смотри пожар Царьграда!
Не Аллы ли рукой та зажжена лампада?
Тот фарос, чтоб светил во тьме ночной мирам,
Плывущим по морю природы?..

М и р з а

Был я там!

Там царствует зима; я зрел из водоема,
Как пьют там клевы рек;дохнул я — клубом снег;
Где быстрых облаков отважных кончен бег —

Я был там, и орлам стезя та незнакома;
Там в тучах дремлет гром, над колыбелью грома
Прошел. . . Над той чалмой была там лишь звезда —
То Чатырдаг.

П и л и г р и м

Ага!..

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ДВОРЕЦ

Еще велик, но пуст ваш пышный дом, Гирей!
Папи с порогов пыль челом стирали здесь —
На тех софах был трон любви и власти — дпесь
Там скачет саранча, а тут гнездятся змеи.

Свободно дикий плющ чрез окна в царский дом
Пробрался; завладел во имя он природы
Созданием людей; немые стены, своды
Обвивши, начертал РАЗВАЛИНА кругом.

Гарема здесь фонтан пгумит еще донныне;
Он в чаше мраморной средь залы уцелел;
Роняя перлы слез, он так гласит в пустыне:

Где вы, любовь и власть? Где слава громких дел?
Вы мнили веки жить, но шибко убегала
Струя — она бежит, а вас уже не стало!

БАХЧИСАРАЙ НОЧЬЮ

Вот из джамидов врознь расходится народ;
Теряется в типши вечерней звук изана;
Стыдливая заря взошла лицом румяна;
Сребристой ночи царь к возлюбленной плывет.

В гареме неба — звезд блистают миллионы;
В афире голубом там плавает средь пих
Одно лишь облачко, как будто лебедь сонный,
Грудь белая — края в каемках золотых.

Тут с башни тень легла, там сверху кипариса;
Гранитных вдалеке гигантов черен строй,
Как будто сатаны, сойдясь в диван Эвлиса,

Стоят в шатре из тьмы; вот вдруг над их головой
Проснется молния — и с быстротой Фариса
Безмолвно пролетит вдоль степи голубой.

МОГИЛЫ ГАРЕМА

Здесь из сада роскоши рапо гроздьа сочные
Для аллаха сорвапы! Жемчуги восточные
Здесь из моря радости, счастья и беспечности
Вдруг взяты гробницею — раковиной вечности, —

И накрыло время их ризою забвения;
Лишь чалмы холодные средь уединения
Блещут пад гробницами; чуть выше приметные —
Видишь ли? — остались имена заветные.

Розы вы эдемские! У ручья невинности
Отцвели, сокрытые под листом стыдливости
От очей неверного! Дни прошли счастливые.

Ныне оскорбляют вас взоры нечестивые;
Но пророк отпустит мне: я дал позволение —
И гяур здесь выронил слезы умиления.

ДОРОГА НАД ПРОПАСТЬЮ В ЧУФУТ-КАЛЕ

МИРЗА И ПИЛИГРИМ

М и р з а

Молитву сотвори, брось повод, отверпись
И ум свой вверх коню; вот он остановился
И смерил глубину; смотря спокойно вниз,
Колени гнет, за край копытом уцепился

И свис; ты не гляди: взор, брошенный туда,
Не встретит дна там — нет! Напрасные усилья!
И рук не простирай туда — они не крылья;
И мысли не стреми. — Как якорь, мысль; беда,

Коль с небольшой ладьи он брошен — устремится
Он в бездну, как Перуп; в дно моря не вопзится,
Но обернув ладью, погибнет вместе с пей.

П и л и г р и м

Мирза! А я взглянул в ту мира щель — и ясно
Там видел. — Что? Скажу за гробом; здесь напрасно
Не спрашивай, нет слов на языке людей.

РАЗВАЛИНЫ ЗАМКА В БАЛАКЛАВЕ

Где ж замок? Предо мной развалин здесь громада;
Защитники твои, неблагодарный Крым,
Торчат, как черепы гигантов; гад по ним
Ползет, или живут в них люди хуже гада.

Поищем здесь гербов; вот камень — подпись зрим,
Быть может, витязя то имя — прежде им
Он страх вселял; а днесь забыто — вот награда:
Оно, как червь, листом обвилось винограда.

Здесь украшенья грек на камне высекал;
Отсель сын Генуи в монголов гром бросал;
Здесь пел из Мекки гость спокойно песнь намаза;

А ныне вьется вран развалин над грядой:
Как будто гибельно дохнула здесь зараза
И поднят черный флаг на башне вестовой.

А. Г. Шпигоцкий. 1832

* * *

Проста твоя поступь, речь томно скромна;
Лицо твое, очи — не чары, не диво;
Но зреть тебя, слышать так жаждут ревниво!
В одежде пастушки ты царски стройна.

Вчера — говор, песни, беседа шумна;
Вкруг дев вьется юность приветливо, льстиво
И нежит хвалою, волнуясь шутливо;
Вошла ты — святая крутом тишина!

Так в пир, лишь призывы певца зазвучали —
Вихрь пляски летучей хоры закружил,
Вдруг стали и смолкли. — Кто обворожил?

Неведенья полны, в раздумьи стояли...
Поэт! что за тайна? «Здесь ангел парил».
Все гостя почтили — не все угадали.

ДОБРА НОЧЬ

Добра ночь! на всю ночь гореванье сердцам!
Гений сна! приголубь ее, крилосафирный!
Добра ночь! успокой ее сердце, сон мирный!
Добра ночь! уйми слезы, дай отдых глазам.

Добра ночь! с каждой речи дня милого нам
Заронился в ней звук, тихий звук, томнолирный,
И баюкай ты ей; убаюкав, эфирной
Тенью лик мой яви ее сонным очам.

Добра ночь! обрати ко мне глазки разочек,
Добра ночь... поцелую лишь ямочки щечек...
И лилейную грудь... Добра ночь, ты бежать!

Добра ночь! ах, ушла, хочешь дверь запирать,
Уж, замкнула, увы... Добра ночь хоть в замочек!
Но — твердя: добра ночь, я ей не дал бы спать!..

ПЛАВАНИЕ

Сильнее шум, со дна чудовища всплыли,
Матрос взбежал наверх — «Готовьтесь, о дети!» —
И, растянясь, повис над бездной, в дивной сети,
Как будто бы паук в расщелине скалы.

«Но вот попутный ветер!» — раздались голоса:
И занырял корабль в буграх вспененной влаги,
Меж моря и небес, исполненный отваги,
Касаясь туч, забрал весь ветер под паруса,

А вместе и мой дух и, окрыленный, мчит,
Надежда странников, к желаемому берегу!...
Я грудью пал на борт — на сей могучий щит,

И, мчась стрелой, я мнил, что пособляю бегу:
И было мне легко такую жизнью жить!
Мечта!.. Но я узнал, что значит птицей быть.

А. А. Совинский. 1834

ЧАТЫРДАГ

О мачта крымская, великий Чатырдаг!
Лобзаю в трепете стопы твоей громады!
Из дола в небеса встаешь ты без преграды,
Вселенной минарет, гор дивный падишах!

Ты, как эдема страж, при вечности вратах,
Судишь п янычар покоишь дланью — грады.
Дуброва — плащ тебе, а молний водопады
Чалму твою из туч соткали в небесах.

Тумана ль жертва мы, гяура или зною,
Иль саранча в паш край мчит гибель за собою —
Ты глух, неколебим; в спокойствии немом,

Меж небом и землей, как драгоман творенья,
Подставши под стопы людей и дол, и гром,
Лишь внесмешь, что мирам вещает PROVIDENCE.

М. Ю. Лермонтов. 1838

ВИД ГОРЫ ИЗ СТЕПЕЙ КОЗЛОВА

П и л и г р и м

Аллах ли там, среди пустыни
Застывших волн, воздвиг твердыню.
Притоны ангелам своим?
Иль дивы, словом роковым,
Стеной умели так высоко
Громады скал нагромаздить,
Чтоб путь на север заградить
Звездам, кочующим с востока?
Вот свет все небо озарил:
То не пожар ли Цареграда?
Иль бог ко сводам пригвоздил
Тебя, полпочная лампада,
Маяк спасительный, отрада
Плывущих по морю светил?

М и р з а

Там был я: там со дня созданья
Бушует вечная метель;
Потоков видел колыбель,
Дохнул — и мерзнул пар дыхання,
Я проложил мой смелый след,
Где для орлов дороги нет
И дремлет гром над глубиною,
И там, где над моей чалмою
Одна сверкала лишь звезда —
То Чатырдаг был!..

П и л и г р и м

А!..

Л. И. Боровиковский. 1839

АККЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

Плыву в пространстве я сухого океана;
Нырять в зелень воз в волнах густых лугов
И, как ладья, плывет, средь разлитых цветов,
Минуя острова коралловы бурьяна.

Пал мрак, и не видать дороги, ни кургана.
Ищу на небе звезд — ладьи проводников;
Вот облак светит? Там заря из облаков?
То светит Днестр, блестит то фарос Аккермана.

Стой! — Что за тишина! Я слышу журавлей,
Их взоры сокола едва ли достигают;
Я слышу над цветком, как бабочка порхает;

Как в зелени ползет змей персею своей...
Какая тишина! — Достигнул бы ушей
Зов с родины-Литвы, — никто не окликает.

А. А. Майков. 1842

АККЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

Я вплыл в раздолие сухого океана,
Ныряет бричка в зелень и браздит, как челн,
В разливе цвета, среди нив шумящих волн,
Минуя острова коралловые бурьяна.

Уж мрак спадает — нет дороги, ни кургана,
Смотрю я в небо, звезд ищу — вождей лады...
Там блещет облако? Там всходит день вдали? —
То блещет Днестр, то встал светильник Аккермана.

Постой! Как тихо! Слышу журавлей полет,
Которых даже сокол взором не достигнет,
И чую я, как мотылек на травке никнет,

Как змей по злаку грудью скользаю ползет:
В такой тиши так чутко слух мой стережет,
Что внял бы глас с Литвы, — плывем, никто не кликнет!

БАЙДАРЫ

Пускаю на ветер коня и бью без сожаленья:
Рощи, горы, долины то вместе все, то одиноко
Из-под ног уплывают и гибнут, как волны потока;
Хочу обезуметь, упиться в том вихре явлений.

Когда же мой конь опененный не слышит велений,
Когда мир свои краски теряет под саваном ночи,
Как в разбитое зеркало, так в раскаленные очи
Мелькают утесов, лесов и долин привиденья.

Спит земля, мне не спится; я в лоно морское кидаюсь;
Вал черный, насупившись, с ревом на брег напирает;
Я руки к нему простираю, главою склоняюсь:

Вал треснул над теменем, бездна меня обнимает;
Я жду, пока мысль, как челнок, окруженный в волненьи,
Заблудится и на минуту потонет в забвеньи.

АЮДАГ

Люблю поглядеть, опершись на скалу Аюдага,
Как волны пеняся, то, черной сомкнувшись ватагой,
Бушуют, то, серебрясь, как снега,
В бесчисленных радугах пышно кружатся,

Стихают на мелях, зыбью дробятся,
Как войско китов, обложив берега;
Воюют торжественно сушу — и вспять убегают,
А в бегстве тьму раковин, перлы, кораллы роняют.

Так точно на сердце твоём, певец молодой!
Пороку страсть вздымает грозные волненья,
Но лиру ты берешь — и мирно над тобой

Она проносится — и тонет средь забвенья,
И песни дивные роняет за собой,
А время их плетет челу на украшенье.

Н. В. Берг. 1845—1860

СОНЕТЫ

М *

На жизненном пути задумчивый прохожий,
Лишь встретил я тебя — смятение и страх
Я в сердце ощутил и слезы на глазах...
Нельзя милее быть, и чище, и пригожей!

Безмолвно я стоял, ища в твоих чертах
Забытый идеал, тот образ, дивно схожий...
Заговорила ты — и словно ангел божий
По имени меня окликнул в небесах!

С тех пор я ожил вдруг и верю в избавленье;
Приютней стало мне и легче с этих пор;
Пусть мирских судеб суровый приговор

Готовит для тебя с другим соединенье, —
Я помню краткий миг, я помню ясный взор
И встречу наших душ хотя и на мгновенье!

* * *

Как ты проста во всем, любви моей безумной
Упрямая мечта, мой ангел, прежний друг,
И радость, и печаль, предмет блаженства, мук,
Предмет забот моих, кручины многодумной!

Вчера толпа твоих ровесниц и подруг
Над чьей-то шуткою смеялась остроумной,
Но тихо ты вошла — и все умолкли вдруг. . .
Так раз на вечеру, в часы беседы шумной,

Когда рассказчика-поэта глас гремел,
Кружок собравшихся внезапно опемел,
Не ведая зачем, все разом замолчали;

Но тайну дивную поэт уразумел —
Беседе говорит: здесь ангел пролетел;
Почтили все его, не все его узнали.

ВСТРЕЧА

Весь день я просидел в беседке у порогу. . .
«Ты ль это, милый друг? О, сжался надо мной!
Откуда поздно так?» — Едва нашла дорогу,
При блеске месяца бродя в глуши лесной! —

«Позволь поцеловать трепещущую ногу!
Я слышу, ты дрожишь!» — Боюсь вечерней тьмы
И шелеста листов. . . виновны видно мы,
Когда я чувствую волнение и тревогу! —

«Нет! В очи мне взгляни; взгляни: мое чело
Как небо южное безоблачно-светло!
Нет! Преступление таким не смотрит взором!
Далекий от тебя, я только разговором

Тебе передаю заветные мечты,
Молитву лепечу и замираю снова,
Любуюсь на тебя, на ангела земного,
Как будто ангелом небесным стала ты!»

* * *

О милая моя! Нигде под побесами
Невозмутимого блаженства не сыскать;
На всем неверного сомнения печать;
Смотрю я на тебя открытыми очами,

А ты смущаешься; бегу я прочь опять;
При встречах всякий раз не ведаем мы сами,
Что мыслить, говорить, что делается с нами
И как нам чувства те по имени назвать.

Скажи, когда, твои лобзая страстно руки,
Ловлю я пежных уст трепещущие звуки
И замираю сам — ужели это муки?

Когда ж и день и ночь одной тобой живу,
Томит любви тоска во сне и наяву —
Ужели счастьем я это назову?

ВЕЧЕР И УТРО

На землю сумрак пал; не шелохнут кусты;
Свернулись лилии поблекшие листы
И тихо озеро почило.
Под обаянием волшебной красоты
Стою задумавшись: «Что грустен нынче ты,
И все кругом тебя уныло?»

Поутру прихожу: росой оживлена,
Проснулась лилия, роскошна и пышна,
И милая в блистающей одежде
С улыбкою глядит на небо из окна,
И плещет в озере веселая волна,
А я... я грустен, как и прежде.

НЕМАН

О Неман, ты моя родимая река!
Как памятна ты мне! Раздольная, не ты ли
Вкруг детского играла челнока,
Когда мы до тебе однажды с милой плыли?

Сплывней кипела кровь, сильнее мы любили,
И глядя, как в волнах качались облака,
То весело смеялись, то слегка
Слезам счастья струи твои мутили.

О Неман! Где же те счастливые струи,
Надежды прежние, восторги, ожидания?
Где годы юные и свежие мои?

Где милая моя? Где с ней мои свиданья?
Все, все давно прошло! Стою, как в забытьи. . .
Когда ж пройдет вы, души моей страданья?

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Благословен год, месяц и седмица,
Благословен и день, и самый час,
И даже миг, когда моя царица
Передо мной явилась в первый раз!

И будь ее благословенно око;
И ты, стрела, благословенна будь,
Что навсегда вонзилась глубоко
Певцу в страдальческую грудь!

Благословляю первое свиданье
Моей души, святую песню ту,
Где высказал я первое страданье,
Где я воспел Лауры красоту.

Благословляю перья, что в чужбине
Писали мне про милую мою;
Благословляю сердце, где донныне
Всех чувств моих владычицу таю.

ДОБРОЙ НОЧИ

Прощай! Спокойный сон! На холмах тьма лежит
И вечные огни зажглись под небесами;
Пускай крылатый бог глаза твои смежит,
Еще горящие слезами!

Прощай! Спокойный сон! Как тихо все вокруг!
Лишь свисты соловьев приносятся из чащей;
Пусть сон все звуки дня сольет в единый звук,
Отрадно для тебя звучащий!

Прощай! Спокойный сон! Как долог и горяч
Последний поцелуй! .. еще! еще! .. все мало! ..
Открытое плечо и ножку ты не прячь,
Не прячь назад под одеяло!

Прощай! Спокойный сон! Еще хочу взглянуть,
Покуда не сомкнешь совсем дремотой очи;
Прощай! Гони меня, не то не дам заснуть,
Тебе желая доброй ночи!

ПРОЩАНИЕ

Ни взора нежного, ни ласкового слова
В ответ на всю любовь безумную мою!
За что? Иль беден я и злато не даю;
Но ты и без него любить была готова.

Не златом я купил привязанность твою,
А на вес горьких слез... и ныне слезы лью...
Сокровище души тебе я отдал снова;
Но ты, не внемля мне, зовешь к себе другого.

Ужели мало жертв? О, нет, я угадал:
Ты хочешь звонких рифм, пичтожный дым похвал!
Для песни соловья играешь ты душою —

И тешишься моим страданьем и тоскою;
Но знай, что гордых муз никто не покупал!
Для женской прихоти я лиры не настрою.

КРЫМСКИЕ СОНЕТЫ

АККЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

Плыву среди сухого океана,
В волнах цветов нырлет легкий воз,
Минуя куст колючего бурьяна
И острова коралловые роз.

Не видно ни дороги, ни кургана;
Сиянье звезд по небу разлилось,
А там, вдали, как зарево, зажглось:
То блещет Днестр — лампада Аккермана!

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ДВОРЕЦ

Как привидение стоит чертог пустынный;
Тускнеет золото, осыпалась парча,
Печально тлен изоблича. . .
Где некогда рабы толпой всходили чинной,
Ползет змея по лестнице старинной
И скачет саранча;

И всюду запустения картина!
По сводам вековым ползущая трава
Выводит вальтасаровы слова:
«Руина!»

А там, в глуши садов, дробясь о мрамор плит,
Играющий фонтан пустыне говорит:
«Где слава? где любовь? где вы, о девы-розы?»

Кругом все пусто; все молчит,
Лишь он один журчит, журчит
И ропит на траву серебряные слезы.

МОГИЛА ПОТОЦКОЙ

В стране весны, как роза молодая,
На утренней заре увяла ты,
В далекую отчизну посылая
Последний вздох, последние мечты!

Там, к северу, брильянтами играя,
Потоки звезд по небу разлиты:
Не твой ли взор оставил там следы,
На родину стремясь и догорая?

О Полька! Здесь, покинув свой народ,
Паду и я, забытый миром странник;
Когда-нибудь соотчич-патриот,

Подобно мне, блуждающий изгнанник,
К тебе на гроб задумчиво придет —
И песню нам родимую споет!

МОГИЛЫ ГАРЕМА

МИРЗА

Здесь гроздя нежные в тиши любовь таила,
Но позвал их к себе на трапезу Алла —
И раковина вечности, могила,
Из моря счастья те перлы унесла

И пеленой забвения покрыла...
Над ними высится из мрамора скала,
Чалма и столб, как знамя Азраила,
И темным бунчуком трава их обвила.

О вы, эдема девственные розы,
Вы отцвели под листьями стыда,
Неверному незримы никогда!

Но днесь — пророк, смири твои угрозы! —
Я сам привел неверного сюда:
Завне он пролил искренние слезы!

БАЙДАРСКАЯ ДОЛИНА

Ударов не щадя, я вскачь пустил коня:
Равнины, горы, лес мелькают предо мною,
У ног моих бегут стремительной волною,
Роятся и спуют, как тени, вокруг меня;

Лицо мое горит; я полон весь огня,
Хотел бы умереть, упившись быстротою...
Но конь мой ослабел перед закатом дня;
Игру теряет мир, одетый темнотою.

Все спит; не спится мне: лечу на берег я —
Несется из моря холодная струя,
Чело мое свежит и брызгами дробится;

Склоняюсь перед ней и жду, что мысль моя,
На зыби вечных волн носимая ладья,
Утихнет и на миг в забвенье погрузится!

АЛУШТА НОЧЬЮ

Повеял ветерок; стихаст пламя дня;
С высот на Чатырдаг спускается лампада,
И льет по небесам, очей моих отрада,
Последние струи волшебного огня —

И гаснет. Тьма кругом. Палящий зной смея,
В долинах стелется вечерняя прохлада;
Вот ветер зашептал с лозою винограда
И музыка цветов пошла вокруг меня. . .

Летит крылатый сон — и я заснул глубоко,
Вдруг снова пробужден: как молния, высоко
Промчался метеор и небо все рассек.

О ночь восточная! ты гурпя востока,
Что, негой усыпив, опять блистаньем ока
Разбудит и манит на ложе новых нег.

ЧАТЫРДАГ

Челом к стопе твоей священной
Я припадаю, Чатырдаг,
Великий минарет вселенной,
Гор неприступный падишах!

Приняв из божьей длани силу,
Главой взлетел ты в горный край,
И там, подобно Гавриилу,
Ты стережешь господень рай.

Как перлы, льды твои сияют;
Плащом тебе — твой лес дремуч;
Узоры молний обвивают
Чалму твою из черных туч.

Встают ли бури, непогоды,
Грохочет ли в долинах гром,
Мянутся ль под тобой народы
И лютый бой кипит кругом —

Спокоен ты; не замечаешь
Мирских волнений и тревог,
И лишь тому горе внимаешь,
Что говорит природе бог.

СТРАННИК

Так, я достиг давно желанной цели:
У ног моих цветущий край земли,
И моря шум, и реют корабли,
Качаясь в волнах, как в колыбели;

Но снятся мне родимые мятелл. . .
О Русь! Леса дремучие твои
Отраднее и слаще сердцу пели,
Чем звонкие Байдары соловьи!

И кажется мне краше и дороже
Немая ширь и глушь твоих степей,
Чем пышное цветов душистых ложе:

Там я любил на утре лучших дней,
Там и она. . . но снится ли ей то же,
Что снится мне о прошлом и о пей?

ДОРОГА НАД ПРОПАСТЬЮ В ЧУФУТ-КАЛЕ

М и р з а

Молитву! Стой! Не шевели браздамп,
Ногам коня вверяя разум свой:
Он сам пойдет, глубь меряя очамп
И скользкий путь пытаючи ногой.

И вот повис! Внизу сияет бездна. —
На дно ее ты взора не бросай,
Не указуй рукою бесполезно
И мыслию проникнуть не держай:

Твой взор до дна той бездны не достает,
Крыла руке бессильной не дапо,
А мысль твоя, как якорь, вдруг утянет
И утлую ладью свою па дно.

П и л и г р и м

А я взглянул! Испуганному глазу
Почудилось. . . по смерти расскажу!
Иной язык мне нужен для рассказа;
Здесь, па земле, я слов не нахожу!

РАЗВАЛИНЫ ЗАМКА В БАЛАКЛАВЕ

Те башни, на часах стоящие вдали,
От недругов тебя когда-то берегли
И красили собой, о Крым неблагодарный!
Не стало тех мужей, их славы лучезарной.

Чертоги рыцарей травой поросли;
Во мраке, между плит, гнездится змей коварный,
Колопны рухнули, простершись в пыли,
И вьется плющ по ним, и виснет грозд янтарный...

На сводах письма с короной и гербом,
Трофеи пышные, забытые с героем,
Чье имя некогда гремело перед строем

И проникало всех восторгом и огнем;
Теперь лишь воронья над ним летают роем
И машут траурным крылом...

АЮДАГ

Люблю смотреть с вершины Аюдага,
Как море вдруг взволнуется кругом
И заиграет пенистая влага
На солнце перекатным жемчугом;

Встают, блестят и зыблются кристаллы,
В утесы бьет бурливый их прибой,
Отхлынули — и яркие кораллы,
И перлы оставляют за собой!

Так и в тебе, страдалец горделивый,
Вскипит страстей неукротимый рой,
Когда ж волной отпрянет говорливой,
Оп перлы-песни ронит за собой!

Д. И. Минаев. 1846

ЧАТЫРДАГ

Поклоппик корапа целует твой прах —
Заоблачный, мрачный, гигант — Чатырдаг!
Чело ледяное для думы высокой,
Далеко занес ты, где звезды горят,
Где месяц гуляет в ночи одинокой!
Где крылья царь-птицы — орла не шумят!
Ты там одичалый питомец столетий,
Избитый громами под небом сидишь,
Как ангел-храпитель, один сторожишь,
И в небе не видишь грядущих столетий!
Ты с неба созданью прекрасный завет,
Достойный аллаху с земли мипарет!!!
Нас солнцем осветит, затопит ли мглою,
В родные ль пределы гяуры впадут,
И дома разграбят, и жен уведут,
Луга ль потемнеют под злой саранчею,
Ты глух под грозою сидишь, Чатырдаг,
Немой, неподвижный в пеленках эфира,
И только впимаешь, что скажет аллах
На горе, на радость удольного мира!

С. Ф. Дуров. 1846

АЮДАГ

Люблю, облокотясь на скалы Аюдага,
Глядеть, как борется волна с седой волпой,
Как, пеясь и дробясь, бунтующая влага
Горит алмазами и радугой живой.

Вот, словно рать китов, их буйная ватага
Бросается — берет оплот береговой
И, возвращаясь вспять, ровняет вместо стяга
Кораллы яркие и жемчуг дорогой.

Так и на грудь твою горячую, певец,
Невзгоды тайные и бури пабегают;
Но арфу ты берешь — и горестям конец.

Они, тревожные, мгновенно исчезают
И песни дивные в побеге оставляют:
Из песен тех века плетут тебе венец.

Е. Н. Шахова. 1849

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Несчастлив жаждущий взаимности напрасно,
Еще несчастнее, кто вовсе не любил,
Но сердце у того до жалости несчастно,
Кто, не любя, любимых прежде не забыл.

Нескромную красу и быстрый взгляд — бесстрастно
Заметит он, пресыщен и остыл;
Когда ж блеснет ему, что истинно прекрасно, —
Отцветший сердцем, он пред ангелом уныл;

С презрением к другим, виня себя, в гордыне
Минуя смертную, не подойдет к богине,
Равно глядит на них с прощальной тоской;

И сердце у него подобно той святыне,
Опустошенной бурь и времени рукой,
Где жить не хочет дух и не дерзнет земпой.

АГЮДАГ

Люблю смотреть с стремнины Агюдага,
Как черные ряды пенящихся валов
То стиснувшись шумят, то серебром снегов
В великолепии обрадуются влага;

То ударяются об отмель; как китов
Ложится к берегам плавучая ватага,
Их приступом берет и мечет волн отвага —
Кораллов, раковин и перлов щедрый лов.

Так на сердце поэта молодого;
В страстях — подобие волнения морского. . .
Когда ж пройдет прилив, без поврежденья злого,

Во глубь забвения ты топишь взрыв страстей:
Бессмертные стихи ты бросишь в слух людей,
И с них сплетут века красу главы твоей.

Г. П. Данилевский. 1851

СТЕПИ АККЕРМАНА

Плыву в степях сухого океана,
И в бездне трав качается мой челн,
Минуя куст пурпурного бурьяна
И купы роз среди зеленых волн.

На небе мгла. Тропинкой ехать трудно.
В пространствах звезд маяк мой не горит.
Но вот вдали пожар восходит чудной —
То пышный Днестр играет и блестит.

Смолкает степь. Мы стали одиноко.
И слышно мне, как чуткий змей скользит,
Как журавли летят — звенят высоко,

Как мотылек травую шелестит.
Жду голоса с отчизны. . . Ухо внемлет. . .
Но тихо все! Вперед! Пустыня дремлет.

А. А. Фет. 1854

СВИДАНИЕ В ЛЕСУ

Ты ль это? Так поздно? — Я сбился в потемках с дороги.
При месяце тусклом тропа обманула лесная.
Грустила? Меня вспоминала? — Скажи мне, могла я
О чем постороннем подумать, любимец мой строгий?

О, дай же мне руку! Позволь целовать эти ноги!
Дрожишь? Что с тобою? — Не знаю; в лесу я, гуляя,
Пугаюсь, чуть лист зашумит или птица ночная.
Ах, знать мы преступны, коль сердце так полно тревоги!

— Взгляни-ка мне в очи, в лицо. Никогда не бывала
Вина так смела и тревога с улыбкой такою.
Ужель ты преступна, что быть мне с тобой позволяла?

Сижу я далеко; люблюсь с отрадой немой. . .
И так я, мой ангел земной, наслаждаюсь тобою,
Как будто ты духом, как будто ты ангелом стала.

СТЕПЬ

Всплываю на простор сухого океана,
И в зелени мой воз ныряет, как ладья,
Среди зеленых трав и меж цветов скользя,
Минуя острова кораллов из бурьяна.

Уж сумрак — ни травы не видно, ни кургана;
Не озарит ли путь звезда, мне свет лия?
Вдали там облако, зарницу ль вижу я?
То светит Днестр: взопла лампада Аккермана.

Как тихо. — Постоим. — Я слышу стая мчится.
То журавли; зрачком их сокол не найдет.
Я слышу, мотылек на травке шевелится

И грудью скользкой уж по зелени ползет.
Такая тишь! Что мог бы в слухе отразиться
И зов с Литвы. Но пет! Никто не позовет. —

мулевский (И. В. Федоров). 1857

К ЛАУРЕ

Едва тебя увидел, уж воспламенился
И в незнакомом взоре давнего знакомства я искал,
И на щеках твоих взаимности румянец расцветал,
Как розы грудь, когда в нее зари оттенок перелился.

Едва запела ты, уж взор слезой я отуманил;
Твой голос проникал до сердца и за душу он хватал —
Казалось, ангел душу ту по имени назвал,
И в колокол небесный он минуту избавления ударил.

О милая! Пускай твои глаза признанья не боятся,
Когда тебя я взглядом, голосом когда моим волную,
Не говорю о том, что и судьба, и люди против нас грозятся,

Что должен я бежать, что безнадежно, друг, тебя люблю я.
Пусть брак земной иного подарит твоей рукою —
Признайся только мне, что бог свенчал меня с твоей душою.

Н. А. Луговской. 1858

КРЫМСКИЕ СОНЕТЫ

АККЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

Я вплыл в обширный край сухого океана,
Воз тонет в зелени и бродит, как ладья,
Среди лугов, в цветах, волнующих поля,
Минова острова кораллов из бурьяна.

Настала темнота... Ни следу, ни кургана,
Ищу я в небе звезд, вожатых для ладьи,
Там облако блестит, а там восход зари:
То светлый блеск Днестра, то лампа Аккермана.

Но стойте! Что за типы! В заоблачной стране
Я слышу журавлей таинственный полет,
Здесь слышу мотылька качанье на траве,

Там скользкой грудью змей по зелени ползет.
В таком безмолвии послышался бы мне
Клик из Литвы... Но в путь! Никто не позовет...

ВИД ГОР СО СТЕПЕЙ КОЗЛОВА

ПИЛИГРИМ И МУРЗА

П и л и г р и м

Аллах ли сам воздвиг там море льда стеною?
Иль ангелам отлил престол из мерзлых туч?
Иль дивы двинули преграду полземлею,
Чтоб каравану звезд пресечь с востока путь?

Какое зарево!.. Пожар то Истамбула!..
Аллах ли сам для всех плывущих там светил,
Когда покров свой ночь над миром протянула,
Багровый тот фопарь средь пеба засветил?

М у р з а

Там? — Был я: там зима! — Там клювами потоки
И реки горлом пьют из хладного гнезда;
Там мерзнет пар из уст в одно мгновение ока;

Там тучам и орлам путь замкнут навсегда,
И в лоне облаков гром дремлет одиноко...
Там над чалмой моей одна была звезда:
То Чатырдаг!

П и л и г р и м

Аа!..

БАХЧИСАРАЙ

Еще велик, но пуст дворец, где жил Гирей,
По тронам и софам, по всем углам чертогов,
Где лбом своим паши сметали пыль с порогов,
Там скачет саранча и вьется в кольцах змей.

Зеленый плющ пропик в окпо цветное здесь,
Побегами ползет на стены и на своды,
Поправ труды людей, оп — именем природы, —
Как в бальтасаров час, гласит «руипа здесь!»

Средь залы уцелел из мрамора сосуд,
Фонтан гарема в нем; досель журча упыло
Жемчужною слезой, в глуши вызывает тут:

«Где ж вы, о власть, любовь, могущество и сила?
Вы мните вечно жить — но струи шибко бьют,
О стыд, исчезли вы! — а ключ течет, как было...»

ГОРА КИКИНЕИЗ

МУРЗА

Взгляни в провал, лежат там пебо на долипе —
То море; но средь волн не птица ли гора,
Перуном сбита, два мощные крыла
Вокруг раскинула полрадую пыне

И островом снегов лазурь воды покрыва?
То туча — островом в той бездне поплыла:
На мир с ее груди спадают почь и мгла;
Вот лепта из огня чело ее обвила —

То молния. — Но стой! Здесь бездна под погами:
Нам нужно во всю прыть перескочить овраг;
Я прыгну — ты ж готовь своей пагайкой взмах,

Исчезну я — следи по камням ты глазами:
Блеснет ли там перо — тюрбан то будет мой;
А пет — то никому не ездить той тропой.

РАЗВАЛИНЫ ЗАМКА В БАЛАКЛАВЕ

Твердыня, бывшая на месте этих груд,
Неблагодарный Крым! была твоя ограда;
Теперь же в черепах гигантских здесь живут
Лишь гады подлые и люд — подлее гада.

Взойдем на башню, вверх. Ищу следа гербов:
Вот в этой надписи, в забвеньи — думать надо —
Покоится герой — гроза и страх полков,
Как червь, окутанный в листочек винограда.

Здесь грек ваял в степях карпиз афипский свой,
Авзопец укрощал отсель татар цепями,
И набожный хаджи певал намаз святой.

Теперь лишь коршуны летают над гробами,
Как в месте, где чума все обратила в прах:
Навеки водружен на башнях черный флаг.

АЮДАГ

Люблю я, опершись на скалы Аюдага,
Смотреть, как пенятся, гремя в своих рядах,
Сомкнутые валы иль вдруг забрызжет влага
То снегом серебра, то в радужных цветах.

Вал грянулся о мель; на волны он дробится,
Как армия китов, облегли берега,
С триумфом их берет; когда ж назад стремится,
Метет тьму раковин, кораллов, жемчуга.

Так страсти налетят грозою иногда
На сердце юное поэта молодого;
Но лишь он арфу взял — бегут укрыться снова

Во глубь забвения, не сделавши вреда;
Бессмертных песен ряд роняет тут же свету,
Из песен тех века плетут венок поэту.

В. Г. Бенедиктов. 1861—1873

СОНЕТЫ

К ЛАУРЕ

Чуть мелькнул мне взор твой — признаки мне зрелсь
Давнего знакомства в незнакомом взоре,
И твои ланиты ярко разгорелись,
Словно розы утра при златой Авроре.

Ты запела... Голос в душу мне проникнул,
Вспомнил я: не к раю ль бог меня сподобил?
Мнилось: аптел божий эту душу кликнул
И с небесной бапти час спасенья пробил.

Милая! Признайся!.. Бед я не умножу:
Если взглядом, словом сон твой потревожу,
То хотя бы жребий нас и разлучил —

Пусть я буду изгнан и убит судьбою,
Люди пусть другого обручат с тобою —
Бог твою б мне только душу заручил!

* * *

С собой говорю я, с другими немею,
Вдруг к сердцу вся кровь приливает моя;
В глазах моих искры мелькают, бледнею;
Иные с вопросом: не болен ли я?

Те шепчут: вполне ли рассудком владею?
Весь день так я мучусь. Вот время спать!
Авось хоть минутку украсть я успею
У мук моих после несносного дня!

Нет! Соп благодатный страдальцу неведом;
Мне сердце бьет в голову огненным бредом,
Вскочивши, я фразы слагаю, твержу:

Вот то-то и это злодейке скажу!
Но только увижу тебя — и пи слова!
А там вновь горю я, и мучусь я снова.

* * *

Ты ходишь так просто; в блестящую фразу
Ты слов не слагаешь; со всеми скромна;
А рады все быть к тебе ближе — и сразу
В одежде пастушки царица видна.

Вчера были песни и говор; был праздник;
Звучали твоих там подруг имена;
Тот гимны им пел, тот острился проказник:
Вошла ты — настала сейчас тишина.

Так в пирном разгаре смолкает вдруг зала,
Где к хору недавно зывал запевало
И бурно все шло в плясовом колесе.

Вот — тишь водворилась: чтоб значило это?
«То ангел промчался», — был отзыв поэта.
Все гостя почтили: узнали — не все.

СВИДАНИЕ В РОЩЕ

«Ты ль это? Так поадно!» — Что ж делать? В ночную
Мне пору досталось — в лесу поблуждать;
А ты — все ждала меня? Я торжествую... —
«Злой друг мой! Могла ли тебя я не ждать?»

Дай ручки свои мне! Я их расделую.
Дрожишь? Отчего? — «Ч готова бежать,
Чуть в роще шум листьев, крик птицы почую,
Мы верно преступны: зачем бы дрожать?..»

Преступны? .. Взгляни мне в глаза! — О, напрасна
Боязнь. Преступление не смотрит так ясно.
Иль то, что мы вместе, считать нам виной?

Однако ж так чужды мы близости тесной —
Так чужды, как будто б, мой ангел земной,
Ты вся для меня только ангел небесный.

Ханжа нас бранит, а шалун в легкокрылом
Разгуле глумится, что двое в стенах —
Ты — с юностью нежною, я — с моим пылом —
Сидим мы: я — в думах, ты — в горьких слезах.

Я бьюсь с искупеньем, хоть бой не по силам,
Тебя же пугает бряцанье в цепях,
Которыми рок приковал нас к могилам:
Как знать тут, что деется в наших сердцах?

Что ж это? Удел наслажденья иль муки?
Приникнув к устам твоим, сжав твои руки,
Могу ли удел свой я мукой назвать?

Когда ж нам приходится тяжело рыдать
В минуту свиданья пред веком разлуки —
«Вот, вот наслажденье!» — могу ль я сказать?

УТРО И ВЕЧЕР

Солнце на восходе гонит ночь-смуглянку;
А к закату месяц клонится унылый.
Роза, солнце видя, встала на приманку;
Под росой фиалка гнет свой стебель хилый.

Под окном Лауры я присел на планку,
А она, лаская локон свой, спросила:
«Отчего так все вы грустны спозаранку —
Месяц, и фиалка, да и ты, мой милый?»

Вечером явился я в картину новую:
Месяц позирался бодрый, носъ багровый;
Освежась, фиалка стобель поднимала;

Веселей, чем прежде, милая стояла
У окна того же; — и ж предстал Лауро
И присел, как утром, так же лоб нахмурия.

* * *

Неман! Родная река моя! Где твои воды —
Те, что я черпал когда-то детской рукой,
Те, по которым я после, в кипучие годы,
Плавал, прохлады пща под горючей тоской?

Здесь и Лаура, над зеркалом вечной природы
Лик свой лепчала цветами, любуясь собой:
Лик ее в зеркале этом в час тихой погоды
Здесь орошал я своею сердечной слезой.

Неман родимый! О, где твои прежние волны?
Где золотые надежды — все блага земли?
Где тот ребяческий возраст, утехами полный?

Милые бури остались в минувшем — вдали.
Где вы, Лаура, друзья мои? Прошлого тени безмолвны.
С прошлым зачем же и слезы мои не прошли?

* * *

В день знойный, измучен, стрелок молодой,
В раздумье вздыхая, стоял над рекой:
«Нет, прежде, — он мыслит, — увижу тебя я,
Чем скроюсь навеки из этого края!

Увижу — невидимый!».. Всадница вдруг
В уборе Дианы с зарочья блеснула,
Сдержала коня, взор назад повернула
И ждет... верно, спутника!.. Значит: сам-друг.

Стрелок отступил; весь он в трепете сжался
И с горькой усмешкой, как Кани, глядит...
Дрожащей рукою заряд его вбит...

Вот словно от мысли своей отказался —
Отходит... пыль видит вдали он: важно
Ружье на прицел... Но подьехал никто.

* * *

Жалок тот, чье сердце безважность губит;
 Жальче тот, чье сердце злая скука гложет;
 Но по мне всех жальче, кто совсем не любит
 Иль любви мипувшей позабыть не может.

Ветренной кокетке в ласке он откажет,
 Видя идол новый, взглянет староверцем;
 Ангела ж коль встретит, то опомнясь скажет:
 «Как к его стопам мне пасть с поблеклым сердцем?»

Там он презирает, тут себя випит он;
 Дев земных он гонит, от богинь бежит он;
 В нем, простясь с надеждой, сердце каменсеет,

И как разоренный храм оно в пустыне —
 Рушится и гибнет: жить в его святыне
 Божество не хочет, человек не смеет.

К.....

Ты в очи мне глядишь, вздыхаешь ты: напрасно!
 Во мне — змеиный яд. Прочь! Осторожна будь!
 Побереги себя! Доверчивость опасна.
 Ты увлекаешься. Спеши уйти! Забуди!

Одну еще люблю я добродетель страстно:
 То — искренность; так знай, что мне ты сыплешь в грудь
 Лишь искры адские. Я гибну; это ясно.
 Зачем же ангела мне в жребий свой втянуть?

Я наслаждаться рад, но обольщать не стану
 Из гордости. Дитя! Я — пересохший злак.
 Ты только расцвела, а я давно уж вяну.

Твоя обитель — свет, моя — кладбище, мрак.
 Так вейся ж, юный плющ, вокруг тополей зеленых,
 Дав место терпням при гробовых колоннах.

* * *

Неволя в первый раз меня лишь веселит;
 Я на тебя гляжу, а лба не тьмит мне туча;
 Я мыслю о тебе, а мысль моя — летуча;
 И вот — люблю тебя, а сердце не болит.

Не раз я признавал за счастье миг разгула,
Не раз в пылу и то за счастье принимал,
Что слово сладкое кокетка мне шепнула, —
Но, разыскан счастьем, его я проклинал.

Тех мнимых ангелов, когда любил я много,
Как много лил я слез в мучительном огне!
Теперь... теперь о них и вспомнить больно мне.

С тобой лишь счастлив я — молюсь и славлю бога
За то, что он так благ: послал тебя мне он —
Тебя, кем я ему молиться научен.

* * *

О милая! Мой рай — любви воспоминанья,
Но ад мой — мысль, что ты, быть может, схороня
В душе своей укор и совести признанья,
Тоску раскаянья скрываешь от меня.

Виновна ль ты, что вся полна ты обаянья
И что горит твой взор, как луч златого дня?..
Не вверилась ли ты мне слишком — от незнанья?
Не слишком ли творец нам много дал огня?

Те дни, недели те... ты помнишь? — были знойны.
Мы одолели их, все вместе, все вдвоем,
И были, милая, друг друга мы достойны.

Пойду теперь я в храм молиться — не о том,
Чтоб бог, простив мне грех, привел меня к покою,
Но только б не карал меня твоей тоскою!

ДЕНЬ ДОБРЫЙ

День добрый! — Будить ли? Сама ты проснись
Готова: в просонках душа уж твоя
В рай входит, но искры и нам остаются —
Так в облаке солнце, а видны края.

День добрый! — Взглянула ты: блещут и жгутся
Зрачки твои. Здравствуй, дешида моя!
Вкруг уст твоих мухи докучные вьются.
Уж в окнах — день божий, а с боку — и я.

С «днем добрым» пришел — по твой сон перервать я
Не смел... любовался... Ах, прежде вопрос:
Здорово ль проснулась? Легко ли спалось?

«День добрый!» К устам твою руку прижать я
Желал бы... ты гонишь... иду я... Вот платье!
Оденся ж: «день добрый» тебе я принес.

СПОКОЙНОЙ НОЧИ!

Кончена беседа. Спи! Спокойной ночи!
Ангелом небесным сон твой да хранится!
После слез пролитых отдохнут пусть очи,
Пусть покоем сладким сердце освежится!

Спи! Спокойной ночи! Каждого мгновенья,
Что мы были вместе, — след да отразится
В этом сне приятном! В дымке сновиденья
Образ мой пусть лучшим для тебя приснится!

Спи! Спокойной ночи! Но еще взгляни ты
Мне в глаза!.. Ты хочешь уж прислугу кликнуть...
Дай припасть мне к персям! — Ах! Они закрыты.

Дверь ты замыкаешь... Если б мог проникнуть
В скважину — тебе я сном сомкнуть бы очи
Не дал, повторяя: спи! спокойной ночи!

ДОБРЫЙ ВЕЧЕР

«Добрый вечер!» — Лучше нет привета;
Он мне мил — я не люблю рассвета;
Днем — все шум, когда ж приходит ночь,
То затворы говорят мне: прочь!

Молчалива вечером, под тенью
Ты скорей доступна увлеченью;
«Добрый вечер» чуть заслышишь ты —
Вспыхнет взор, блеснут твои черты.

«Добрый день» живущим вместе сладок:
Судится тут общий быт, порядок;
Для счастливица мил полночный час;

Где ж любовь должна робеть, томиться —
Там пусть «добрым вечером» притымится
Зоркость слишком говорливых глаз.

К Д. Д.

визиты

Вошел лишь и с нею успел я два слова
Промолвить — звонок! — и ливрейный тут хам
С докладом: визит!.. Чу! Звонят уже снова;
Один — из ворот, а другой — к воротам.

При входах всех волчьи я вырыл бы ямы,
Устроил капканы по всем тут местам;
А это не в помощь — за Стикс бы я самый
Ушел, окопался б и спрятался там.

Докучник сидит: смерть душа моя чует,
Казнится, мгновенья последнего ждет,
А он все о рауте вчерашнем толкует!

Вот — взял он перчатки... вот — шляпу берет!..
Я ожил — мне снова дух жизни дарован:
Что ж? — Вновь он уселся!.. Сидит, как прикован.

К ДЕЛАТЕЛЯМ ВИЗИТОВ

Как милым быть гостем — хочу я поведать
Совет мой: рассказом укрась свой визит,
Что там-де танцуют, там сели обедать,
Хлеб дешев — дождливое время стоит.

Коль двое в салоне тут — гость и хозяйка,
Смотри, наблюдая: каков их привет?
И все ли на месте? И их туалет
В порядке ли полном?.. Она... Замечай-ка!..

Смеется, но нехотя; он достает
Часы из кармана и смотрит лукаво,
Учтив, но в глазах-то заметна отрав —

Вставай п «прощайте» скажи; твой черед!
Желаю-де весело жить вам и здорово —
Когда ж ты их вновь посетишь? — Через год.

ПРОЩАНИЕ

К Д. Д.

Так сердце свое у меня отняла ты?
А впрочем, едва ли его я имел.
Иль совесть? .. А он-то? .. Иль требуешь платы?
За золото разве тобой я владел?

А все же не даром; в сердечные траты
Входил я; души я своей не жалел;
Все ласки твои окупил — и могла ты
Меня оттолкнуть? Знать, таков мой удел!

Теперь открываю твои побужденья:
Ты гимнов хотела — а что они? Дым.
Что вирши? — Для них-то ты счастьем моим

Играла? Но нет — не продам вдохновенья,
И имя твоё лишь бы вспомнилось мне —
Где таяли рифмы — замерзли б оне!

ДАНАИДЫ

Прекрасный пол! О, где ты, век златой? О, где вы,
Дви чудные, когда за полевой цветок,
За ленту алую — сдавалось сердце девы,
И перед милою быть сватом голубь мог?

Теперь дешевый век, и нежный пол — дороже.
Той золото даю: нет! гимны ей слагай!
Той сердце предлагал: отдай и руку! Боже!
Ту пел и славил я: богат ли? отвечай!

О данаиды! Я кидал (несчастный грешник!)
Святыню в бочку вам; при гимнах, при дарах,
Я сердцем жертвовал, расплавленным в слезах.

И вот я стал скупец из мота, стал насмешник
Из агнца! Хоть служить еще готов я вам
Дарами, песнями, — души уж не отдам!

ИЗВИНЕНИЕ

Я пел все о любви средь круга своего;
Тем правилось, а те тайком произносили:
«Что он вздыхает все? Ужели ничего
Иного он ни петь, ни чувствовать не в силе?»

Он в зрелых уж летах: подобный пыл его —
Одно ребячество». — Иные же спросили:
«Дар песен от богов дан разве для того,
Чтоб нам лишь о себе поэты голосили?»

Великомудрый суд! Алкееву схватил
Я лиру и на лад урсинский возгласил
Глаголом выпренним, — глядь! Слушателей нету!

Рассеялись они; их гром мой изумил;
Я ж струны оборвал и лиру кинул в Лету.
По слушателям быть назначено поэту.

КРЫМСКИЕ СОНЕТЫ

АККЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

Сухой океан подо мной; колеспица
Зеленую хлябь рассекает, как челн,
Кораллы бурьяна обходит и мчится
По бездне цветов, средь растительных волн.

Нигде ни тропы, ни кургана! Мы стали.
Нет звезд путеводных: повсюду — лишь мрак.
Вот — облако светлое!.. Вот — не заря ли?..
Нет! — Днестр это; там — Аккерманский маяк.

Стоим мы. Как тихо! Доходит до слуха
Полет журавлей с высоты... Чу! Дрожит
Там листик!.. Я слышу, как змейка скользит

По травке... В тиши я папряг свое ухо
Так сильно, что зов из Литвы будь — и тот
Я б слышал... Поедем. Никто не зовет.

МОРСКАЯ ТИШЬ

Скользит ветерок, чуть касаясь до флага.
Спит море: чуть зыблется ясная влага.
Так в грезах невеста под радугой снов
Проснется, вздохнет лишь — и спит уже вновь.

Лег парус на мачту и дремлет, как знамя
На древке, — где брани угаснуло пламя.
Корабль, как прикованный к месту, слегка
Колеблется. Отдых для сил моряка!

О море! Полипа таят твои воды:
На дне спит он, сжавшись, средь бурной погоды,
А в тишь свои ветви спешит растянуть.

О памяти! На дне твоём гидра есть злая:
Под бурей страстей она спит, отдыхая,
И жало вонзает в спокойную грудь.

ПЕРЕЕЗД ПО МОРЮ

Волны растут; пир чудовищам моря открылся.
Вот на веревочной сетке матрос пауком
Вздернулся вверх, в паутину свою углубился,
В нитях чуть зримых висит он и смотрит кругом.

Ветер! Вот ветер! Надулся корабль, отцепился;
Стены валов встают: он идет напролом;
Режет их, топчет, взлетел, с ураганом схватился,
Бурю под крылья забрав, рвется в небо челом.

Мысли, мечты тут, как парусы, я распускаю;
Дух мой над бездной, как мачты подъямлясь, идет,
Крик чуть раздастся — и в шуме веселом замрет.

Вытянув руки, я к палубе ниц припадаю:
Кажется, грудь моя сил кораблю придает;
Любо! Легко мне! Что значит быть птицей — я знаю.

БУРЯ

Парус в клочки; руль оторван. Шум! Рев! Завыванья!
Крики и вопли! — Отчаянно помпы скрипят.
Вырван из рук моряков их последний канат:
Солнце кровавое пикнет — закат упованья!

Вихрь торжествует... Идет к кораблю по волнам
Вставший из бездны дух смерти, шагает по влажным
Моря уступам — по этим горам стоэтажным:
Воин так штурмом песется к разбитым стенам!

Те еле живы; тот в корчах страдает жестоко;
Тот на прощанье склонился в объятья друзей;
Этот в молитвах пред смертью — противится ей.

Одаль один сел — и мыслит себе одиноко:
«Счастлив, кто может молиться на смертном пути
Или имеет кому хоть промолвить: прости!»

ВИД ГОР ИЗ СТЕПЕЙ ЕВПАТОРИИ

П и л и г р и м

Там... иль аллахом отвесно поставлен льдяной океан?
Или из туч замороженных ангелам трон изваян?
Или там духи полмира изрыли и вал возвели,
Чтоб от востока тут звезд караваны идти не могли?

Пышит вершина?.. пылает! — Иль это горит Цареград?
Или в то время, как ночь облекается в темный хилат,
Всем тут мирам, рассекающим море природы сквозь мрак,
В куполе неба аллах воздвигает свой светлый маяк?

М и р а

Там?.. О, я был там: зима там сидит, и мог видеть я тут,
Как все источники воду из рук у ней клевами пьют;
Там при дыханьи из уст моих иней и снег вылетал;

Там и орлы не бывали; там гром в колыбели дремал,
Тучи туда не вторгались: была над чалмой лишь звезда
Там у меня. Чатырдаг — это.

П и л и г р и м

А!

БАХЧИСАРАЙ

Еще велик, но пуст дворец Бахчисарая.
Челом пашей здесь пыль обметена — и пот
На тех диванах, где мощь нежилась людская.
То скачет сарапча, то гадина ползет.

В цветные окна плющ ворвался, и па своды,
На стены дерзко взлез и, человека троп
Заняв, во имя здесь владычицы-природы,
Как новый Вальтасар, «руина» пишет оп.

Средь залы мраморный ковчег стоит доныне:
Фонтан гарема здесь; источник уцелел;
Он точит перлы слез и говорит в пустыне:

Где ты, земная власть, где выпрепный удел?
Где роскошь и любовь? — Поток ваш бурно мчался,
Но — вы минули здесь! А водный ток — остался.

БАХЧИСАРАЙ НОЧЬЮ

Расходится после молитвы парод;
Отзвучье изапа последнее млеет;
Стыдливой невестой заря пламенеет:
Сребристый жепих к ее ложу идет.

В гареме небес — в этом море бездонном —
Являются звезды, — и облако там
Одно только плавает лебедем сонным:
Грудь белая, — пух золотой по краям.

Там — тень мппарета, там — тень кипариса,
Там — дальше — чернеют граниты кругом,
Как злобные духи в совете Эвлиса,

Накрытые ночи глубоким шатром:
С них молния, спрянув размахом фариса,
Сверкнула и тонет в пространстве немом.

ГРОБНИЦА ПОТОЦКОЙ

О роза юная! В садах, средь упоенья,
Ты сгилла. Прошлого счастливые мгновенья,
Вспорхнув, как мотыльки, от сердца твоего,
Пыль едкую оставили в глуби его.

Туда — на север все стремятся звезды — к Польше...
Но отчего ж в тот край оне теснятся больше?
Не взор ли твой, пока горел в нем божий свет,
Чрез небо шел туда и выжиг звездный след?

И мой здесь грустный век в уединеньи минет,
И пусть тут горсть земли на гроб мой дружба кинет!
Порой меж странников беседа тут идет:

Меня родная речь здесь, может быть, разбудит;
Когда ж тебе поэт слагать здесь песню будет —
Вблизи узрев мой холм, — и мне пусть пропоет.

МОГИЛЫ ГАРЕМА

МИРЗА К ПИЛИГРИМУ

Здесь из виноградника гроздьи недоспелые
Взяты в снедь аллахову беспощадной силою.
Здесь — средь моря счастья — скрыты перлы белые
Раковиной вечности — мрачною могилою;

Кроет их склеп времени и забвенья пыльного,
И чалмы, что видны здесь, жизнью не колышутся,
Словно бунчуки опе войска замогильного;
Вскользь, внизу, гяурами, имена их пишутся.

Розы сада райского! Вы, едва развитые,
Отцвели безвременно, навсегда закрытые
Листьями стыдливости от очей неверного.

Гроб ваш здесь позорится чужеземца зрением...
Я позволил: чувствую груз греха безмерного...
Но — из чуждых он один смотрит с умилением.

БАЙДАРЫ

На ветер пускаю коня и бича не жалею;
Леса, и долины, и скалы мелькают: лечу.
Как волны, песутся они пред зепицей моею:
Вихрь образов пью — охмелеть, обезуметь хочу.

Становится ль конь, утомясь, непокорен приказам,
Лобзаемы сумраком виды ль потускннуть хотят —
Разбитым стал зеркалом глаз мой: летят
Леса, и долины, и скалы в мечтах перед глазом.

Все спит: не усну я. Вот море! Кидаюсь в него —
И с гиком вал черпый гоню, пружу в берег его,
Чело под него наклонил я и вытянул руки...

Вот он пад моей головой разорвался!.. Средь волн
Я жду: закружится мой ум, как под вихрями челп...
Пуškai хоть на миг я избавлюсь от мысли, от муки!

АЛУШТА ДНЕМ

Гора с своих плеч уже сбросила мгlistый халат;
В полях зашептали колосья: читают намазы;
И молится лес — и в кудрях его майских блестят,
Как в четках калифа, рубины, гранаты, топазы.

Цветами осыпан весь луг; из летучих цветков
Висит балдахин: это — рой золотых мотыльков!
Сдается, что радуга купол небес обогнула!
А там саранча свой крылатый кортеж потянула.

Там злится вода, отбиваясь от лысой скалы;
Отбитые, снова штурмуют утес тот валы;
Как в тигра глазах, ходят искры в бующем море:

Скалистым побережьям они предвещают грозу —
Но влага морская колышится тихо впризу:
Там лебеди плавают, зыблется флот на просторе.

АЛУШТА НОЧЬЮ

Дышится легче мне; дол ветерком освежился.
Светоч небесный к плечам Чатырдага склонился,
Пурпура разлил потоки и вот — он угас:
У пилигрима на страже и ухо, и глаз.

Горы чернеют; в долинах все мрачно и глухо;
Шепчут ручьи, как сквозь сон, посреди васильков:
Запах их, музыка этих душистых цветов —
Сладкий, сердечный язык, утаенный от слуха!

Тишь с темнотою! Под ними успел бы я скоро,
Но поражен вдруг я блеском: то блеск метеора!
Мир охватил весь и небо потоп золотой.

Ночь! Средь соблазнов востока и ты — одалиска.
Негой баюкаешь ты, а колы сон уже близко,
К новой ты пеге зовешь, нарушая покой.

ЧАТЫРДАГ

В страхе лобзают пяди твою чада пророка.
Крым, кораблем будь: ты мачта ему — целый свет
Ты осенил, Чатырдаг: ты — земли минарет!
Гор падишах! Как над миром взлетел ты высоко!

Мнится, здема врата принял ты под надзор,
Как Гавриил. Темен плащ твой: то — лес горделивый!
И янычары свирепые — молний извивы —
Шьют по чалме твоей, свитой из туч, свой узор.

Солнце ль печет нас, во мраке не зрим ничего мы,
Нивы ль нам ест саранча, иль гяур выжег дома —
Ты, Чатырдаг, неподвижен и глух ко всему.

Ты, между небом и миром, служи драгоманом,
Под ноги гром подостлав и весь дол с океаном,
Внемлешь, к созданию бог что гласит своему.

ПИЛИГРИМ

У ног моих — страна, где дышится так льготно,
Где много и цветов, и светлых женских лиц,
Но сердцем все я рвусь в путь дальний, поворотом
И время... ах! ищу дальнейших в нем границ.

Литва! Лесов тех песнь дорожке слух мой ценит,
Чем песни соловьев салгирских и девиц,
И мне тех вересков болотных не заменит
Ни ананасов блеск, ни пурпур шелковиц.

От ней вдали, стремлюсь я к тем и тем предметам,
Но и в рассеянии вдыхать мне рок судил
О той, которую я с детства полюбил.

Там милая... Тот край взят у меня запретом;
Там все живет, следы любви моей храня:
Она мой топчет след, но... помнит ли меня?

ДОРОГА НАД ПРОПАСТЬЮ В ЧУФУТ-КАЛЕ

М и р з а

Молитву прочтя и поводья спустив, отвернись!
О всадник! Здесь разумом конским погам покорись!
Копь верный! Смотри, как, склонясь пад оврагом открытым,
Колени пригнул он, за край ухватился копытом.

Шагнул — и повиснул! Туда не заглядывай! Взор
До дна не дохватит впизу и не станет в упор.
Рукой не тянись туда: надо сперва окрылиться;
И мысли туда не ввергай: ее груз углубится,

Как якорь, опущенный с мелкой ладьи в глубину, —
Но моря пaskвозь не пронзив, не прицепится к дну,
А только ладью опрокинет в пучину и втянет.

П и л и г р и м

Мирза! А ведь я в эту щель заглянул и — дрожу!
Я видел там... Что я там видел — за гробом скажу;
Земным языком и не выразишь: слов не достанет.

ГОРА КИКИНЕИС

МИРЗА

Взгляни в эту пропасть! Там пеба лазурь у тебя под стопою:
То — море. Сдается, тут птицу, что в сказках зовут птах-горою,
Перуп поразил, и гигантские перья, как мачтовый лес,
Рассыпавшись, заняли места в полсвода небес —

И остров пловучий из снегу покрыл голубую пучину:
Тот остров средь бездны — то облако! Мира одел половину
Мрак ночи угрюмой, что выпла на землю из персей его,
Ты видишь: увенчано огненной лентой чело у нее —

То молния! Станем тут! Бездна под нами. По этим стремнинам
Должны чрез нее пронестись мы на полном скаку лошадином.
Вперед поскачу я: ты ж бич наготове и шпоры пмей!

Исчезну я — ты под утесы с их края смотри понемпогу!
Увидишь — мелькнет там перо: это будет верх шапки моей;
А пет — так уж людям не ездить той горной дорогой!

РАЗВАЛИНЫ ЗАМКА В БАЛАКЛАВЕ

Руины!.. А твоя то бывшая ограда,
Неблагодарный Крым! Вот замок! Жалкий вид!
Гигантским черепом он на горе стоит;
Гнездится в нем иль гад иль смертный хуже гада.

Вот — башня! Где гербы? И самый след их скрыт.
Вот — надпись... Имя... чье? Быть может, — исполина!
То имя, может быть, — героя: он забыт;
Как муху, имя то обводит паутина.

Здесь грек вел по стенам афинский свой резец;
Там — влох монголу цепь готовил; тут пришлец
Из Мекки параспев тянул слова намаза:

Теперь лишь черные здесь крылья хищных птиц
Простерты, как в местах, где губит край зараза —
Хоругви траура над сепию гробниц!

АЮДАГ

Люблю я созерцать с утесов Аюдага,
Как пенятся валы, встав черною степой,
Иль, снежно убелясь, серебряная влага,
Сияя в радугах, крутится предо мной.

Об мель дробится хлябь — и темных волн ватага,
Как армия китов, песок берегов
Вдруг осадившая, обратно мчась, все блага —
Коралл и перламутр роняет за собой.

Таков молодой поэт: тревоги и волненья
Вздымают грудь его; но — лиру взял певец,
Запел — и бурный вал отхлынул в глубь забвенья,

Отбросив к берегу те перлы вдохновенья,
Которые в веках блистая, наконец,
В его же перейдут торжественный вепец.

В АЛЬБОМ ПЕТРУ МОШИНСКОМУ

Поэзия! Где кисть, где краски все твои?
Мысль грустно втиснута в словесные границы
И в выражения закована мои,
Вкось из-за них глядит, как из-за стен темницы.

Поэзия! Где тон? где музыка твоя?
Пою, — но мой напев ей сердце не колышет;
Оп и не слышен ей: так соловей не слышит
Глухого ропота подземного ручья.

Здесь — на чужой земле — ни звучности, ни цвета,
И самое перо — покорный раб поэта —
Не повинуется владыке своему:

Для песни ноты лишь оно чертит... к чему?
Черты да знаки тут: сама же песня эта
Тем милым голосом уже не будет спета.

А. Пиотровский. 1861

ПИЛИГРИМ

Какая земля под моими ногами,
Какая лазурь над моей головою,
Какая красавица рядом со мною! —
А сердце далеко: меж прошлыми днями!

Литва! Ты милей мне своими лесами,
Чем девы Салгира своей красотою:
Там счастье я знал, хоть трясины ногою
Топтал, — здесь уныло брожу меж плодами.

Влечет к тебе, край мой, могучая сила,
Вздыхать заставляя о ней ежечасно —
О той, что когда-то любил не напрасно,

О той, что осталась в краю, где все мило...
Там шепчет ей все: «Оп любил тебя страстно!»
А помнит ли друга опа иль забыла?

Н. А. Костров. 1867

УТРО И ВЕЧЕР

В венке огнистых туч с востока день блистает,
На западе луна скрывает лик во мгле,
За солнцем роза грудь роскошно открывает,
Фиалка, вся в росе, лежит, склонясь к земле.

Лаура у окна балкона заблестала
И, пряди распустив косы своей златой,
— «О чем уже с утра печальны вы (сказала),
Фиалка, и луна, и ты, о милый мой?»

Я вечером пришел — и новое виденье!
Луна среди небес румяна и полна,
Фиалка поднялась, ожив с вечерней тенью.

Нарядней, веселей Лаура у окна,
И снова я сижу у ног ее в волненье,
Но, как и поутру, душа моя мрачна.

Н. П. Семенов. 1869

КРЫМСКИЕ СОНЕТЫ

АККЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

Я vyplыл на простор сухого океана;
Как челн, ныряет воз средь зелени лугов,
В волне шумящих трав плывет между цветов
И мимо островов коралловых бурьяна.

Уж мрак упал, нигде дороги, ни кургана;
Гляжу па небо я, ищу проводников:
Не утра ль там звезда, не день ли облаков?..
То блещет Днестр, возпла лампада Аккермана!

Постой!.. Какая тишь!.. Чу, журавлей полет!
Их не найдет зрачком и сокол беспощадный,
Я слышу, уж скользит и мотылек снует...

В такой тиши я слух так напрягаю жадный,
Что голос из Литвы, моей душе отрадный,
Я слышал бы... Пошел, никто нас не зовет!

МОРСКАЯ ТИШЬ

На высоте Тарханкута

Уж ветер флагами вверх едва играет;
Как перси нежные, вздымается волпа;
Так обрученная, о счастье грез полна,
Проснется, чтоб вздохнуть, и снова засыпает.

Подобно знаменам, когда уж бой затих,
Повисли паруса на мачте обнаженной;
Колышется корабль, как цепью пригвожденный;
Легко вздохнул матрос, настал веселья миг.

О море! Есть среди живых твоих созданий
Полип, который спит в дни бурные на дне
И руки тянет вверх при мертвой тишине;

О мысли! В твоей глубине есть гидра воспоминаний,
Что спит в дни грозных бед, тревожных ожиданий, —
А в дни покоя в грудь вонзает когти мне...

ПЛАВАНИЕ

Ужасный шум, кипит страшилища морей,
Матрос взбежал на верх; пора, готовьтесь, дети!
Взбежал, раскинулся, повис в воздушной сети,
Как у силка паука над петлею своей.

Взвыл ветер! Сорвался корабль с узды насилья,
В сугробах пенистых нырнул, хребет подъял,
Пятой стоптал волну, в даль неба нас помчал
И режет облака, вбирая ветер в крылья.

И дух мой высится, как мачта среди валов;
С веселой братьей крик невольный испускаю,
Мечта возносится, как грива парусов,

Припал я к кораблю и руки простираю,
Как будто лет его я грудью ускоряю:
Мне любо и легко быть птицей облаков...

БУРЯ

Разорван парус; вой, гроза, трещит кормило,
Шум громкий голосов и помп зловещий стук,
Канаты у людей уж вырвались из рук,
Надежды нет, зашло кровавое светило.

Победно вихрь завыл; и па хребет волны,
С ступени на ступень, средь общего смятенья,
Из бездн подьмется к нам гений разрушенья,
Как воин лезущий па штурм в пролом стены.

Тот замертво лежит, тот руки воздевает,
Тот падает, крестясь, в объятия друзей,
Тот молится, чтоб смерть сокрылась от очей;

Один лишь в стороне молчит и размышляет:
Счастлив, кто чувства все утратил для скорбей,
Кто с верою знаком, кто друга обнимает.

ВИД ГОР ИЗ СТЕПЕЙ КОЗЛОВА

Страппик

Аллах ли море льда стеной поставил там?
Иль ангелам в престол сковал он туч громаду?
Иль дивы из земли воздвигли ту преграду,
Чтоб караваны звезд не шли с востока к нам? ..

Какое зарево! — Не казнь ли Цареграду? ..
Или чуть мрак ночной простер по небесам
Одежду бурую, аллах зажег лампаду
По морю бытия кочующим мирам? ..

Мирза

Там был я: там зима утесов кроет щели;
Я видел горла рек там пьющих из гнезда;
Дохнул — из уст моих снежинки полетели;

Где нет пути орлам, нет облаков следа,
Мигуя спящий гром в туманной колыбели,
Я шел, и надо мной одна была звезда:
То Чатырдаг!

Страппик

Ага!!

БАХЧИСАРАЙ

В наследьи Гиреев пустыни картина!
Где лбами пашей подметались входы,
На софы, на троны, в раздольи свободы,
Взбираются гады, летит паутина.

Взялась, продираясь на стены и своды
Сквозь окна дворца, повилики былица
За дело людское, во имя природы,
И пишет письмом Валтасара: «РУИНА».

Из мрамора в зале пустой изваянье:
Фонтан то гарема стоит посредине,
В жемчужных слезах, и вызывает в пустыне:

Где ж сила и слава, любви обаянье? —
Удел ваш жить вечно, не молкнет журчанье:
Позор! вы исчезли, фонтан бьет и ныне! ..

БАХЧИСАРАЙ НОЧЬЮ

Меджиды с молитвой толпа покидает,
Изаан замирает в вечернем молчанье,
Зари лик стыдливой рубином пылает,
Царь ночи к любезной спешит на свиданье.

В гареме небес звезд зажглось блистанье,
К ним тучка в сафирный простор выплывает,
Как лебедь на озере сонный блуждает,
Окрай белой груди златое сиянье.

Тут тень минарета и тень кипариса,
А дальше, чернеясь и чела нахмурия,
Сидят, как шайтаны в диване Эвлиса,

Гиганты гранита под мраками бури,
С чела их вдруг молния, скоком Фариса,
Сверкнет по безмолвным пустыням лазури.

МОГИЛА ПОТОЦКОЙ

Увяла, роза, ты в весне роскошных дней!
Мгновенья прошлого, в краю очарованья,
Умчались от тебя, как мотыльки полей,
И брошен в глубь души был червь воспоминанья.

На полночь, к Польше, звезд столпившихся мерцанье...
Зачем на том пути так много тех огней?
Иль взор твой пламенный в минуту угасанья,
Всегда стремясь туда, там пролил свет лучей? ..

О полька! Я, как ты, здесь кончу дни — изгнанник.
Пусть бросит горсть земли мне милая рука!
У гроба часто тут ведет беседу странник:

Очнусь и я на звук родного языка,
И с думой о тебе, увидя, что близка
Могила, запоет и мне небес избранник.

МОГИЛЫ ГАРЕМА

МИРЗА СТРАННИКУ

В рассаднике любви аллах себе до срока
Взял грозды пежные. Гроб — вечности челнок —
Из моря счастья безвременно увлек
На лопо мрачное жемчужины востока.

Забвения на них простерта пелепа,
Над ними, как бунчук пад сонмом привидений,
Холодная чалма, и врезал на ступени
Гяур чуть видные на камне имена.

О розы райские! Без зла и без порока
Дни ваши отцвели под листьями стыда,
Сокрытые от глаз неверных навсегда;

Но осквернил — молю прощенья у пророка! —
Могила гостя взор... Я ввел его сюда:
Из всех чужих слезой его лишь тмилось око.

БАЙДАРЫ

Ударов не щадя, без цели я скачу;
Долипы, скалы, лес смеются, мелькают,
У ног моих плывут, как волпы, исчезают:
Тем вихрем образов упиться я хочу.

Когда ж весь в пепе конь едва стучит копытом,
И мир под кровом мглы уж краски потерял,
В моем сухом глазу — долины, лесов и скал
Снуют все образы, как в зеркале разбитом.

Земля объята спом, не спится только мне.
Скачу я к морю, вал, гудя, на брег стремится,
Я руки протянул, клопо чело к волпе,

Разбилась падо мной, в хаосе все кружится:
И жду, что мысль на миг, как чели на глубине
Крутимый волнами, в забвенье погрузится...

АЛУШТА ДНЕМ

Уж с персей скинула гора покров ночной,
Намазом хлеб шумит на ниве золотой,
И сыплет лес с кудрей, клоня свои вершины,
Как с четок дорогих, гранаты и рубины.

Весь луг в цветах; над ним цветов летучих рой,
Всех красок мотыльки, как радуги долины,
Раскинули кругом в алмазах балдахины,
И тянет саранча крылатый полог свой.

А там, где лысая скала в водах глядится,
Взбежит, отхлынет вал и море вновь клубится,
И в пене у него блеск тигровых очей.

На берега оно буруном грозным мчится,
Зато на глубине волна его нежней —
В ней флоты плещутся и стаи лебедей.

АЛУШТА НОЧЬЮ

Играет ветерок, и легче дня засуха,
На Чатырдаг с небес светильник пал миров,
Разбился в тысячи пурпуровых ручьев
И гаснет. Путник стал и напрягает ухо.

Чернеют скаты гор, в долинах ночь, и глухо,
Сквозь сон журчат ручьи по бархату лугов;
Повсюду аромат — то музыка цветов
Шлет сердцу голос свой, таинственный для слуха.

Уснул я под крылом безмолвной темноты;
Вдруг будит метеор меня — златым потоком
Он залил небеса и дол и высоты!

О ночь восточная! Красавица востока!
Ты негой к сну зовешь; но чуть задремлет око,
Вновь искрою очей для неги будишь ты.

ЧАТЫРДАГ

МИРЗА

Я, мусульманин, пал к стопам твоей твердыни,
О мачта Крыма! о великий Чатырдаг!
О света минарет! гор наших падишах,
Подъятый выше скал в заоблачной пустыне,

Сидишь у врат небес, хранитель их, могуч,
Как Гавриил в раю, куда взойдем из праха;
Твой плащ — дремучий лес, а янычары страха —
Потоки молний шьют чалму твою из туч.

Летит ли саранча, гяур ли жжет нам дома,
Палит ли солнце нас, объаты ли мы тьмой, —
Толмач творения меж небом и землей.

Под ноги подостлав людей, и дол, и громы,
Ты, Чатырдаг, среди природы, глух и строг,
Внимаешь лишь тому, что говорит ей бог.

СТРАННИК

У ног моих красы и роскоши страна,
Над головой моей свод неба вечно ясный,
Пригожи лица: что ж в былые времена,
В далекий край, увы! душа так рвется страстно?

Ты сладостней мне пел, Литвы шумящий лес,
Чем соловьи Байдар, Салгира чаровницы,
Там веселей топтал я мхи в тени деревьев,
Чем ананас золотой иль пурпур шелковницы.

Чар много для меня здесь в дальней стороне!..
Что ж неустанно так вздыхаю я о милой,
О той, кого любил еще в моей весне?

Она — в краю, где жить судьба мне возвращала,
Где все ей говорит о том, что с другом было, —
Мой попирая след, вздохнет ли обо мне?..

ДОРОГА НАД ПРОПАСТЬЮ В ЧУФУТ-КАЛЕ

М и р з а

Читай молитву, брось поводья, отвернись:
Ездох рассудок свой ногам коня пусть вверит.
Конь добрый! Посмотри, как стал, глубь оком мерит,
Присел, копытом брег хватает, и повис...

Ты не гляди туда! Взор, брошенный тобою,
Как в Ал-Каирский ключ, не достигнет до дна,
Над бездной не взмахни бескрылою рукою
И воли не давай там мысли: ведь она,

Как якорь с челнока, в безвестные пучины
Упавши молнией, до дна не долетит,
Но опрокинув челн, в хаос его умчит. . .

Странник

А я взглянул туда, мирза, но до копчины
Не расскажу, что зрел там в пропастях земных,
На то и слова нет на языке живых.

ГОРА КИКИНЕИС

МИРЗА

Взгляни на пропасть. Твердь небес на дол легла,
То море! На волпах, как будто поразила
Симурга-птицу вдруг перунова стрела,
Хвост радугой она в полнеба распустила

И снежным островом лазурь воды покрыва.
Плывущий остров тот есть туча! Ночи мгла,
Лиясь с ее груди, полсвета охватила.
Вот лента пламени вокруг ее чела,

То молния! . . Но стой! Брег дальний манит взоры,
Прыжком копя бы нам перелететь туда;
Скачу я: приготовь и бич ты свой, и шпоры,

Чуть скроюсь, ты гляди туда, где виснут горы:
Коль там блеснет перо, то буду я тогда,
Коль нет — не ездить тут уж людям никогда.

РАЗВАЛИНЫ ЗАМКА В БАЛАКЛАВЕ

Неблагодарный Крым! Красы твоей ограда,
Те замки грудюю развалин на горах
Торчат, как черепа гигантов, падших в прах,
В них гад, иль человек живет презренной гада.

Ищу следа гербов. Взойти на башню надо,
Вот надпись: может быть, страшившее в боях
Героя имя то, листьями винограда
Обвитое, как червь, здесь дремлет на стенах.

Тут грек резцом Афин ваял на диво глаза,
В цепях монгола тут сын Генуи водил,
Пришлец из Мекки неспь затягивал намаза:

А ныне коршуны летают вкруг могил,
И с башен, как в краю, где пропеслась зараза,
Хоругви черные возносят взмахом крыл.

ЛЮДАГ

Люблю глядеть, к степе прижавшись Аюдага,
Как черные валы то плещут па берега
Рядами тесными, то, как в метель снега,
В миллионных радугах крутятся пенной влагой,

Разбившись о мель, рассыпавшись волной,
Как будто рать китов, весь берег осаждают,
И с приступа бегут назад и за собой
Кораллы, перламутр и жемчуг рассыпают.

Так на сердце твоём, о молодой певец,
Вскипает часто страсть и грозной бурей стонет!
Но лиру ты лишь взял — страданию конец,

Утихнувши, оно в забвении потонет,
И песни за собой бессмертные уронит,
А веки для чела плетут из них вепец.

Н. В. Гербель. 1871

УТРО И ВЕЧЕР

В венце багряном Фсб всплывает над землей;
Печальный лик луны бледнеет, погасает.
Фиалка клонит взор под утренней росой
И роза лепестки к светилу простирает.

Лаура у окна. Смеясь, она ласкает
Густые пряди кос трепещущей рукой:
«О чем так рано вы грустите, — восклицает, —
Фиалка и луна, и ты, о милый мой?»

Промчался знойный день; вновь полная луна
Плывет среди небес, румяна и ясна;
Фиалка вновь цветет, исполнена надежды;

Опять моя любовь явилась у окна,
С сияющим лицом, в сияющей одежде;
А я... я все томлюсь, печальный, как и прежде.

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ДВОРЕЦ

Дворец Гирея пуст; средь зал его старинных,
По окнам, по софам, в преддвериях пустынных,
Где некогда паши сметали пыль челом,
Таится саранча и вьется змей кольцом.

В окно пробрался плющ, заткал собою своды
И гроздьями повис: он — именем природы —
Приемлет труд людской и пьет на стенах,
Как в валтасаров час: «Развалина и прах!»

В углу одной из зал виднеется сосуд:
Фонтан играет в нем; струи его бегут,
Роняя перлы слез, и шепчут средь пустыни:

Что случилось с вами — власть, и слава, и любовь?
Вы мнили вечно жить; ключ бил и падал вновь...
Увы! не стало вас; а ключ журчит поныне.

А. Н. Майков. 1871—1883

АККЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

В простор зеленого всплываю океана:
Телега, как ладья, в разливе светлых вод,
В волнах шумящих трав, среди цветов плывет,
Минуя острова колючего бурьяна.

Темнеет; впереди ни знака, ни кургана.
Вверяясь лишь звездам, я двигаюсь вперед...
Но что там? Облако ль? Денницы ли восход?
Там Днестр; блеснул маяк, лампада Аккермана.

Стой!.. Боже, журавлей на небе слышен лет,
А их — и сокола б не уловило око!
Былинку мотылек колеблет; вот ползет

Украдкой скользкий уж, шурша в траве высокой, —
Такая тишина, что зов с Литвы б далекой
Был слышен... Только нет, никто не позовет!

БАЙДАРСКАЯ ДОЛИНА

Скачу, как бешеный, на бешеном коне;
Долины, скалы, лес мелькают предо мною,
Сменяясь, как волна в потоке за волною...
Тем вихрем образов упиться — любо мне!

Но обессилен конь. На землю тихо льется
Таинственная мгла с темнеющих небес,
А пред усталыми очами все несется
Тот вихрь образов — долины, скалы, лес...

Все спит, не спится мне — и к морю я сбегаю;
Вот с шумом черный вал подходит; жадно я
К нему склоняюсь и руки простираю...

Всплеснул, закрылся он; хаос повлек меня —
И я, как в бездне челн крутимый, ожидаю,
Что вкусит хоть на миг забвенья мысль моя.

АЛУШТА ДНЕМ

Пред солнцем — гребень гор снимает свой покров;
Спешит свершить намаз свой нива золотая,
И шелохнулся лес, с кудрей своих роняя,
Как с ханских четок, дождь камней и жемчугов.

Долина вся в цветах. Над этими цветами
Рой пестрых бабочек — цветов летучих рой, —
Что полог, зыблется алмазными волнами;
А выше — саранча вздымает завес свой.

Над бездною морской стопт скала пагая,
Бурун к ногам ее летит, и раздробясь,
И пеною, как тигр глазами, весь сверкая,

Уходит с мыслию — нагрянуть в тот же час;
Но море синее спокойно — чайки реют,
Гуляют лебеди и корабли белеют.

АЛУПТА ПОЧЬЮ

Тяжелый летний зной остужен ветерками;
Упал на Чатырдаг светпльпик всех миров,
Змеится пурпуром пад склонами хребтов
И гаспет. Ночь царит в горах и за горами.

Стал робче пешеход. Чу! слыппеп звон ручьев;
На ложе сладких грез, увитом васильками,
Струится аромат, как музыка цветов,
И сердцу говорит беззвучными речами.

Смыкает сон мои усталые глаза...
Вдруг метеор сверкнул: в одно мгновенье ока
Он облил золотом и дол, и небеса...

О ночь восточная! Как гурия Востока,
Едва навеешь сон ты пегою своей,
Как будишь к пеге вновь сверканьем очей.

В. А. Петров. 1874

АККЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

Нас окружает степь, подобье океана;
Почтовая ладья ныряет средь валов
Шумящей зелени, раскинутых цветов,
Лишь кой-где острова багрового бурьяна.

Застигла почь меня в обширном поле лана.
Смотрю па свод, ищю меж звезд проводников...
Там звездочка взошла, там отблеск облаков...
Нет, это Днестр блестит, то лампа Аккермапа.

В глухом безмолвьи тьмы мне слышится полет
Трепещущих гусей пред соколом на воле;
Я слышу, что сверчок паложнице поет

И где касается уж скользкой грудью в поле.
Как будто в полуспе, вполъяве без забот,
Прислушиваясь вдаль, мечтать о нашей доле.

АЛУШТА ДНЕМ

Уже гора с груди стряхнула мглы хилаты,
Намазом дпя шумит колосьев полоса
И сыплет темный лес, спуская волоса,
Как с четок сам калиф, рубины и гранаты.

Роскошный луг в цветах, пад дим цветник богатый
Различных мотыльков, как радуги коса,
Брильянтовый памет скрывает небеса
И тянет саранча вдаль саван свой крылатый.

Утес, с обнаженным челом, глядясь в водах,
Штурм моря отразил; опять штурмует море
И в пене блещет свет, как в тигровых очах.

Для жителей грозу он предвещает вскоре;
А там купаются, качаясь на волнах,
И стадо лебедей, и флоты на просторе.

ДОРОГА НАД ПРОПАСТЬЮ В ЧУФУТ-КАЛЕ

М и р з а

Читай молитву, брось поводья, отвернись:
Тут скакуна погам ездок свой ум вверяет.
Прекрасный конь! Смотри, как глубь он измеряет,
Склонился, захватил копытом край — повис. . .

Туда ты не смотри! Там, устремляясь вниз,
Как в Ал-Каире, дна наш взор не достигает.
Рукою не маши — опа не окрыляет —
И мысль не выпускай: как якорь — берегись!

Перуном с челнока, над страшной глубиною,
Опа слетит, по дна не сыщет в море бед
И челноку приют даст хаос под волною. . .

П и л и г р и м

Мирза! А я взглянул — и в щель, сквозь целый свет,
Увидел я. . . по что? по смерти лишь открою:
На языке живых па это звуков пет.

КИКИНЕИС

П и л и г р и м

Блеснула сипова в долине меж холмов...

М и р з а

То море.

П и л и г р и м

По воде кружится снег клочками...

М и р з а

То облака с вершин, уж видимые нами.

П и л и г р и м

Там мох на берегу?..

М и р з а

Мох?.. Это ряд дубов.

П и л и г р и м

Путь заслонил завал...

М и р з а

Остатки хуторов.

Гроза их свергла вглубь: еще торчат из ямы
Концы ветвей, мечеть и дома под камнями,
А вот летят... Ты ждешь увидеть комаров?

Нет, то орлы... Постой! Пучина под ногами!..
Отъедем. Я опять со всех пущуся ног;
Поводья подбери и не жалея острог.

Где я исчезну с глаз, смотри, там меж скалами:
Блеснет перо, то мой тюрбан и путь пред нами;
А если нет, людям не ведать тут дорог.

Д. Д. Минаев. 1881

* * *

О милая! Поверь, мои воспоминанья
Смущает часто страх невольный за тебя,
И я боюсь, что ты, уставши от страданья,
Страдаешь и теперь, терзаясь и любя.

Чем виновата ты, что создана прекрасно,
Что я любил твой смех, что взгляд твой жег меня?
Не знали сами мы, что в страсть игра опасна;
Бог слишком много дал нам чувства и огня.

Почти всегда вдвоем, не нарушая долга,
С кипучей страстью мы боролись долго, долго,
Хоть были молоды и в нас кипела кровь,

А ныне, о творец! .. — у бога не прощенья
В слезах теперь молю, сверпивши преступленье, —
Молю, чтоб, отстрадав, не мучилась ты вновь.

С ДОБРЫМ УТРОМ

С добрым утром! Разбудить ли? Вижу чудную картину.
Ах, ее душа на небо унеслась наполовину,
А другая половина блещет в девственных чертах,
Словно солнца полупарье в серебристых облаках.

С добрым утром! .. Вот вздохнула ... Солнца луч в окно прокрался.
Жмуришь глазки ты от света. .. Я тобой залюбовался,
Льнут к устам шалуни-мухи, налетая на тебя. ..
С добрым утром в небе солнце, а с тобою вместе я!

С добрым утром! Но я вижу, ты, мой друг, еще не встала,
На пушистом ложе нежась. Потому спрошу сначала:
Как, скажи, твое здоровье? За тобою я слежу.

С добрым утром! Разве руку не могу поцеловать я?
Ты желаешь, чтоб ушел я? Ухожу. Возьми, вот, платье,
Встань скорей, и с «добрым утром» я тогда тебе скажу.

ДОБРЫЙ ВЕЧЕР

Добрый вечер! Право, лучше и приятней нет привета:
 Ни в глухую ночь, когда нам расставаться неизбежно,
 Ни при встрече рапним утром в блеске солнечного света,
 Не прощаюсь никогда я, не здороваюсь так нежно,

Как при сумерках вечерних с их отрадой тишиною...
 Даже ты сидишь безмолвно и от радости краснеешь,
 Лишь услышишь: добрый вечер! и в подобный час со мною
 Тихим вздохом или взглядом разговаривать умеешь.

Пусть для всех живущих вместе утро доброе сияет,
 Освещаю труд, который руки их соединяет.
 Пусть любовников счастливых охраняет тьма ночей;

Чтоб они в почтом блаженстве всех забот нашли забвенье,
 А у тех, кто любит тайно и таит души движенья,
 Добрый вечер пусть скрывает слишком яркий блеск очей.

В АЛЬБОМ ПЕТРУ МОШИНСКОМУ

Поэзия! Где кисть живой твоей руки?
 Едва начну писать, и — мысли со страниц
 Глядят, как узники, исполнены тоски,
 Из-за решетки их удушливой темницы...

Поэзия! Скажи, где музыка твоя?
 Пою, но моего она не слышит пенья.
 Не долетают так до слуха соловья
 Подземного ручья журчанье и движенья.

Не только краски, звук художника-творца,
 Но даже и перо, покорный раб певца,
 Уже не признает моих прав на чужбине:

И пишет не стихи, — о музы, где, где вы? —
 А знаки потные мелодии... увы! —
 Она не пропоеет мне этой песни ныне...

А. Н. Яхонтов. 1884

ШТИЛЬ

Сонно, лениво шалит ветерок с распустившимся флагом,
Свежую грудью волпа, чуть колеблясь, прозрачная дышет...
Грезится так и невесте о счастье желанном и близком.
Чуть лишь проснется, вздохнет — и опять замыкает ресницы.

Парус, как знамя победное после затихнувшей битвы,
К мачте прильпнув, задремал; чуть заметным движением лодка
В море качается, будто незримой прпкована цепью;
В тесном кружке мориков беззаботные песни и хохот.

Море, в волнах приутихших твоих, среди рыбок веселых
Страшный таится полип! Он на дне, когда буря чернеет,
В ясный же день на беду выставляет косматую лапу!

Мысль! В глубине ты питаешь змею, не падающую память:
Спит она мирно среди бурн судеб и волнения страсти,
Но — только сердце затихнет — вопьется в него своим жалом!

В. С. Лихачев. 1889

* * *

Ханжа осудит нас, развратник осмеет:
В уединении, где все зовет нас к счастью, —
Хоть молода она, а я пылаю страстью, —
Я опускаю взор, она же слезы льет.

Борюсь с соблазном я; она, звеня цепями,
Которыми судьба сковала руки нам, —
Надежду гонит прочь, противится мечтам,
И — что в сердцах у нас — не знаем мы и сами.

Не знаем — ад или рай... Стыдливо-кроткий взгляд,
Пожатые нежных рук, горячее лобзание...
О милая! Могу сказать я: это — ад?

Но вот уж слышу я твой вздох, твое рыданье —
Сам плачу я с тобой... Последний стои... прощай...
О милая! Могу ль сказать я: это — рай?

* * *

Ты смотришь мне в глаза, несчастное созданье!
Вздыхаешь, ласки ждешь в неведение святом? —
Беги, чтоб не сожгло тебя мое дыханье!
Беги, чтоб жизнь свою не проклинять потом!

Я искренность еще храню в душе порочной
И говорю: беги! — Развратный нелюдим,
Тебя ли, чистую, — кончая путь урочный, —
Тебя ли я свяжу со жребием своим?

Ребенка обмануть... какое унижение!
Игралище страстей — я весь перед тобой;
Тебе — поклонников и сверстниц шумный рой,

А мне — заброшенных могил уединенье:
На то и плющ, чтоб лгнуть к зеленым тополям,
На то и тернии, чтоб стлаться по камням!

А. А. Коринфский. 1892

БЛИЗЬ АККЕРМАНА

Раскинулся кругом безводный океан...
Нырять мой возок ладьей в зеленом море;
Колышятся цветы, и на степном просторе,
Как острова, встает коралловый бурьян...

Сгустились сумерки... Пропал из глаз курган...
Ищу я маяка в лучистом звездном хоре...
Что там блестит вдали? Заря в цветном уборе?
Нет, это светлый Днестр — за ним и Аккерман!...

Стой!.. Как здесь хорошо!.. Мне слышны в вышине
Аккорды журавлей; их не настиг бы кречет —
Так высоко они... я слышу в тишине,

Как стрекоза в траве с кузнечиком лепечет,
Как шелестит змея песком в овражном дне...
Поедем!.. С родины — «Вернись!» — не крикнут мне...

И. Н. Куклин. 1892

АККЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

Я выплыл на простор сухого океана:
Нырря в зелени, возок летит, как челн;
Цветами залитой, долиной шумных волн
Плыву меж островов коралловых бурьяна.

Уж мрак унал: нет ни дороги, ни кургана.
Ищу па небе звезд — проводников ладьи.
Депница всходит — блещет облако вдали...
То Днестр блестит, зажглась лампада Аккермана.

Как степь тиха! Чу... слышу журавлей полет,
Но не увидеть их сокольными очами.
Вот слышно, как в траве там мотылек спует.

Как скользкий уж ползет между стеблями.
В такой тиши так жадно напрягал я слух,
Что впял бы зов с Литвы... Но тихо все вокруг...

А. Ф. Мейснер. 1893

У МОГИЛЫ ПОТОЦКОЙ

Среди садов чарующей весны,
Где горы высятся, в лазури утопая,
Похоронив обманчивые сны,
Увяла ты, как роза молодая...

Не твой ли взор прожег лучистый след,
В вечерних небесах, на сепер устремленный?
О, как там много звезд, как их прекрасен свет,
В пучинах моря отраженный!...

Я знаю: и моя уж смерть недалеко...
Быть может, здесь знакомая рука
Закинет горсть земли и мне на гроб дубовый...

И, может быть, придет певец родной
И над моей могильною плитой
Кладбище огласит своею песнью новой...

Л. М. Медведев. 1895

ВИД ГОР ИЗ КОЗЛОВСКИХ СТЕПЕЙ

Пилигрим и мирза

Пилигрим

Аллахом ли из льдов там создана преграда,
Иль ангелам он троп из мерзлых туч сковал,
Иль дивы сдвинули обломки горных скал,
Чтоб не смогла прийти с востока звезд плеяда?

Но что за зарево?.. Иль то пожар Царь-Града,
Иль богом в час, когда на землю сумрак пал,
Чтоб на пути мирам плывущим день сиял,
В небесных высотах повешена лампада?

Мирза

Там?.. Был я... там зима спит в ледяной постели,
Там горло родников пьет из ее гнезда;
Дохнул — и снег летел; но там я был у цели,

Где нет дорог орлам, где стала туч гряда;
Я видел сонный гром в туманной колыбели,
Там над моей чалмой блестела лишь звезда:
То Чатырдаг!...

Пилигрим

Aa!!

БАХЧИСАРАЙ

Дворец Гиреев пуст, но дремлет в гордом сне.
Там, где с порогов пыль наши сметали лбами,
По тронам и софам, меж страсти тайниками,
Гад вьется, саранча роится в тишине.

Цветные стекла скрыл плющ, выюющийся в окне,
По сводам вверх сбежал он гибкими ветвями...
Как в Валтасара дни своими письмепами
«Руина» пишет здесь природа на степе.

Средь зал из мрамора сосуд, он цел доныне:
Гарема то фонтан, он до сих пор живет,
Струей жемчужных слез вызывающий к пустыне:

Где скрыты вы, любви и мощность, и почет?
Вам век бы жить и жить, источник быстр в долине...
О горе! Вы прошли, а ключ еще течет.

БАХЧИСАРАЙ НОЧЬЮ

Толпа молящихся оставила джамид,
Изана топот звук в затишьи молчаливом,
Зарделся лик зарп в томлении стыдливом:
То светлый царь к своей возлюбленной спешит.

Огнями вечных звезд гарсем небес горит,
Там, где сквозит простор сапфировым отливом,
Как лебедь, облачко в спокойствии сопливом
Плывет; грудь белая, край золотом повит.

Тень стелет мипарет и ветви кипариса,
Гранита черпых глыб черпеет ряд кругом,
Как сонмы дьяволов перед лицом Эвлиса,

Под кровом темноты; порой пад их шатром
Проснется молния и с быстротой Фариса
Пустыню обежит в молчании почном.

ГОРА КИКИНЕИС

МИРЗА

Взгляни на пропасть. В пей лазурь небес сияет.
То море. Кажется, среди его валов,
Кружась, орел-гора, сражен стрелой громов,
Как радуги дуга, взмах крыльев простирает

И снежным островом равнину вод скрывает.
То туча плавает тем островом снегов.
Полмира почти мглой покрыл ее покров...
Ты видишь, лепта там на лбу ее пылает?

То молния. Постой! Попался нам под поги
Провал; туда помчу на всем скаку коня.
Вот я скачу... ты жди, исполненный тревоги...

Я скроюсь... между скал гляди ты па меня...
Заблещет на чалме перо, то это я,
А нет, так значит пет там для людей дороги.

ЯСТРЕБ

НА ВЕРШИНЕ КИКИНЕИС (К*)

Вот ястреб, против туч исполненный бессилья,
В стихию чуждую грозою запесеп,
Весь мокрый и борьбой с ветрами утомлен,
На мачте, средь людей, свои расправил крылья.

Его никто теперь обидеть не решится,
Спокойный, как в лесу па ветке, он сидит...
Гость, Джиоваппа, он: кто гостю повредит,
Тот, если на море, пускай грозы страшится.

Припомни ты мое, свое припомни ты;
Ты в жизни видела удары бурь ужасных,
И крылья подрезал мне вихрь невзгод ненастных.

К чему слова любви, к чему обман мечты?
Ты ставишь сеть другим среди путей опасных...

А. Н. Кугушев. 1898

ПЛАВАНИЕ

Шум больше; чудища морей снуют толпами...
Матрос наверх взбежал — «готовьтесь» — кричит;
Взбежал — и, ухватив узлы снастей руками,
На сети призрачной он пауком висит.

О ветер! Вот корабль, не сдержан удилами,
Ныряет в пенистой метели, весь дрожит;
Он небо бьет челом, он в воздухе летит,
И, ветром поднятый, он мчится с облаками.

Мой дух за мачтой вслед полету отдался,
Невольный клик с толпы веселостью слился,
И парусом встает мое воображенье.

Простер я руки, пал на лоно корабля —
Сдается — бег ему прибавит грудь моя...
Легко мне! Любо! Птиц я знаю ощущение.

К. Д. Бальмонт. 1899

ЗАБЫТЫЙ ХРАМ

Несчастен — кто, любя, любим не может быть,
Несчастнее его — кто, не любя, томится,
Но всех несчастней тот, кто к счастью не стремится, —
Кто больше никогда не в силах полюбить.

Чуть страстью перед ним вакханка загорится,
Он, вспомянув прошлое, вспугнет свои мечты,
А перед ангелом любви и чистоты
С расцветшею душой не смеет он склониться.

То он вины себя, то он других винит:
Перед крестьянкой — горд, богини — он робеет;
И вечно он «прости» надежде говорит.

Так видим мы порой — забытый храм стоит;
В нем пусто и темно, в нем вечно сумрак веет,
В нем бог не хочет жить, а человек — не смеет.

А. П. Колтоновский. 1899

АККЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

Я выплыл на простор сухого океана:
Телега в зелени пырлет, как ладья;
Средь волн шумящих трав, качаясь, еду я,
Минуя острова цветущего бурьяна.

Темнеет... Ни пути не видно, ни кургана...
Ищу я в небе звезд, отрады моряков...
Что рдеет там? Заря или отблеск облаков? —
То полоса Днестра и факел Аккермана!..

Стой!.. Тихо как... Слышать крик журавлей с высот, —
Куда б и сокола не достигнуло око;
Слышать, как мотылек былинку колыхлет

Иль проползет змея... Мой слух в тиши глубокой
Так чутко напряжен, что из Литвы б далекой
Услышал зов... — Пошел! Никто там не зовет...

И. А. Бунин. 1902

АККЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

Выходим на простор степного океана.
Воз тонет в зелени, как челн в равнине вод,
Меж заводов цветов, в волнах травы плывет,
Минуя острова багряного бурьяна.

Темнеет. Впереди — ни шляха, ни кургана.
Жду путеводных звезд, гляжу па небосвод...
Вон блещет облако, а в нем звезда встает:
То за стальным Днестром маяк у Аккермана.

Как тихо! Постоим. Далеко в стороне.
Я слышу журавлей в незримой вышине,
Внемлю, как мотылек в траве цветы колышет,

Как где-то скользкий уж, шурша, в бурьян ползет.
Так ухо звука ждет, что можно бы расслышать
И зов с Литвы... Но в пути! Никто не позовет.

АЛУШТА НОЧЬЮ

Повеял ветерок, прохладною лаская.
Светильник мира пал с небес на Чатырдах,
Разбился, расточил багрянец на скалах
И гаснет. Тьма растет, молчанием пугая.

Чернеют гребни гор, в долинах ночь глухая,
Как будто в полусне, журчат ручьи впотьмах;
Ночная песнь цветов — дыханье роз в садах —
Беззвучной музыкой плывет, благоухая.

Дремлю под темными крылами тишины.
Вдруг метеор блеснул — и, ослепляя взоры,
Потопом золота залил леса и горы.

Ночь! одалиска-ночь! Ты навеваешь сны,
Ты гасишь лаской страсть, по лишь опа утихпет —
Твой искрометный взор тотчас же снова вспыхпет!

ЧАТЫРДАГ

Склоняюсь с трепетом к стопам твоей твердыни,
Великий Чатырдаг, могучий хап Яйлы.
О мачта крымских гор! О минарет Аллы!
До туч вознесся ты в лазурные пустыни

И там стоишь одиш, у врат падзвездных стран,
Как грозный Гавриил у врат святого рая.
Зеленый лес — твой плащ, а тучи — твой тюрбан,
И молнии на нем узоры ткнут, блистая.

Печет ли солнце пас, плывет ли мгла, как дым,
Летит ли саранча, иль жжет гяур селепья, —
Ты, Чатырдаг, всегда и нем и недвижим.

Бесстрастный драгоман всемирного творенья,
Поправ весь дольпий мир подножием своим,
Ты внемлешь лишь творца предвечные велепья!

А. П. Доброхотов. 1909

БАЙДАРЫ

Лечу на лпхом скакупе, к бирюзовому морю спускаюсь,
Долипы, орлиные скалы волшебной, парядной толпой
Плывут из-под пог, в глубине, пред взором моим расстилаясь...
Я к Черному морю спускаюсь с своею заветной мечтой.

Мой вздыбленный копъ не внимает узды прихотливой желапьям
И мчится с распушенной гривой, как ветер, вперед и вперед...
Темнеет... Июльские звезды своим лучезарным сияньем
Смягчают душевные раны и бремя житейских забот.

Но что там мятежно поет? Ах, это на гордом просторе
На грозную, страшную битву свои посылая валы,
Милльоном гремит голосов сердитое Черное море;

И гневно оно ударяет о выступы серой скалы,
На небе волшебю алеют зари перламутровой краски,
А море мне шепчет немолчно свои изумрудные сказки...

В. Н. Крачковский. 1913

АККЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

Взрываю грудь сухого океана:
Повозка в зелени ныряет, будто челн,
Средь разноцветных, средь шумящих волн,
Минуя риф коралловый бурьяна.

Темнеет. Ни дороги, ни кургана.
Шатер небесный чист — ни звезд, ни туч.
Лишь — облако вдали... лишь — ясный луч...
То Днестр блестит, маяк сверкает Аккермана...

Стоим. Как тихо!.. Слышен журавлей
Полет, незримых и для сокола очей...
Внимает ухо, как трепещет колос,

Как, шелестя травой, змея ползет...
Ах, из Литвы не донесется ль голос
Зовущий?.. Нет, никто не позовет.

В. Ф. Ходасевич. 1921

БУРЯ

Прочь — парус, в щепы — руль, рев вод и вихря визг;
Людей тревожный крик, зловещий свист насосов,
Канаты вырваны из слабых рук матросов,
С надеждой вместе пал кровавый солнца диск.

Победно вихрь завыл; а там на гребни пены,
На горы тяжкие нагроможденных вод,
Вступает смерти дух — и к кораблю идет,
Как воин яростный, — в проломленные стены.

Ломают руки тот, тот потерял сознание,
Тот в ужасе, крестясь, друзей своих обнял,
А тот молитвой мнит от смерти оградиться.

Был путник между них: сидел один в молчанье
И думал он: счастлив, кто здесь без чувств упал,
Кто детски молится, кому есть, с кем проститься.

ЧАТЫРДАГ

Тренещет мусульман, стопы твои лобзая.
На крымском корабле ты — мачта, Чатырдаг!
О мира минарет! Гор грозный падишах!
Над скалами земли главу до туч вздымая,

Как сильный Гавриил перед чертогом рая,
Воссел недвижно ты в небесных воротах.
Дремучий лес — твой плащ, а молнии сеют страх,
Твою чалму из туч парчою расшивая.

Нас солнце попелит; туманом даль мрачим;
Жрет саранча посев; гяур сжигает дома, —
Тебе, о Чатырдаг, волненья незнакомы.

Меж небом и землей толмач, — к стопам твоим
Повергнув племена, породы, земли, громы,
Ты внемлешь только то, что бог глаголет им.

С. М. Соловьев. 1929

БАХЧИСАРАЙ

Велик, но запустел Гиреев дом могучих!
Еще следы пашей хранят софы и пол,
Но скачет сарапча и змей ползет, где цвел
Престол могущества, уют лобзаний жгучих.

Сквозь окна тянутся побегы трав колючих
По сводам степ глухих. Природы произвол
Победу празднует, и видится глагол
«Развалины и прах» на прежде грозных кручах.

Средь зала мраморный белесет водомет:
Фонтан гарема цел; один среди пустыни
Росой жемчужных слез оп плещет и поет:

«О, где же вы, любовь, могущество, гордыня?
Вы мпили пережпть журчанье этих вод...
О стыд! Вы все прошли, а я струюсь донепе!»

БАХЧИСАРАЙ ПОЧЬЮ

Народ расходится; джамиды опустели;
Изапа замер звук в вечерней тишине,
Заря стыдливая — в рубиновом огне,
Сребристой почой царь спешит к ее постели.

Зажжег гарем небес: повсюду заблестели
Лампады вечных звезд; в сапфирной вышине,
Как лебедь дремлющий, белея на волне,
Повисло облако, его края зардели.

А там, где мипарет и черный кипарис
Отбрасывают тень, граниты-исполины,
Как дьяволы в дворце Эвлиса, собрались

Под кровом сумрака. Порою с их вершины
Зарница рдяная песется, как Фарис,
И гаснет в голубом молчании долины.

ГРОБНИЦА ПОТОЦКОЙ

В краю весны, где все — очарованье,
О роза юная, твой цвет поблек,
Умчалось прошлое, как мотылек,
Но сердца жгла змея воспоминанья.

На полночь, к Польше звездное сиянье
Уводит взор... все ярче их поток...
Нетленный пламень глаз твоих зажег
Огнистый след на небесах изгнанья.

И я поляк. Я копчу жизнь вдали
От родины, среди одиноких жалоб.
Но все-таки душа моя желала б

Иметь на гроб хоть горсть родной земли!
Родная речь порою мне звучала б,
Когда бы здесь скитальца погребли.

МОГИЛЫ ГАРЕМА

МИРЗА СТРАННИКУ

Здесь на лозе любви незрелый и зеленый
К столу аллахову был срезан виноград,
И невод вечности со дна морских усад
Плепил жемчужины в глухое смерти лого,

Закон заблечения здесь правит непреклонно;
Тюрбан холодных плит оберегает сад,
Как войско призраков... едва заметен ряд
Имен, иссеченных рукой иноплеменной.

О розы райские! Дни ваши отцвели
Под листьями стыда у чистого потока,
И взоры чуждые вас видеть не могли.

Теперь на гроб глядит пришлец земли далекой...
Позволил это я. Пророк, прости, впемли!
Но прослезился он, вздохнув с тоской глубокой.

СТРАННИК

У ног моих — страна обилия и мпра,
Красивых много лиц в толпе, кругом шумящей;
Здесь небо ясное... Но отчего все чаще
Мне здесь становится и холодно и сиро?

Леса моей Литвы — любимый угол мпра!
Мне ваши мхи милей, чем анапас блестящий,
Над топями болот вы мне певали чаще,
Чем соловьи Байдар и девушки Салгира.

Так далека она! Но сердцем неостылым
Зачем вздыхаю я все глубже, постоянной
О той, кого любил в дни молодости ранней?

Она — в родном краю, пенастом и унылом,
И, может быть, теперь блуждает по поляне,
Топча мои следы... Но помнит ли о милом?

С. С. Советов. 1943

АККЕРМАПСКИЕ СТЕПИ

Я выплыл на простор степного океана;
Нырять в зелени, среди густых лугов,
Как челн, возок скользит средь паводка цветов
И мимо островов коралловых бурьяна.

Спустился мрак; нигде ни пляха, ни кургана;
Я в небе звезд ищу — челну проводников;
Там облако блестит? Там луч сверкнуть готов?
Нет, это Днестр блестит — маяк у Аккермана.

Постой! Какая тишь! Чу! Слышу — журавли,
Которых соколы б увидеть не смогли;
Я слышу — мотылек в траве шуршит, и вьется,

И скользкой грудью уж касается земли.
Так напрягаю слух, что даже донесется
И зов с Литвы. Но нет, никто не ответит!

О. Б. Румер. 1948

АККЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

Я выплыл на простор сухого океана;
Возок мой, как ладья, ныряет по волнам
Шумящих буйных трав, минуя там и сям
Уступы островов коралловых бурьяна.

Темнеет... Ни тропы не видно, ни кургана.
Ищу на небе звезд, небесных вех ладьям;
Сверкает облако вдали, светает там?..
То блещет Днестр, зажглась лампада Аккермана.

Как тихо!.. Постойм... Я слышу журавлей,
Незримых соколу, и то, как меж стеблей
Порхает мотылек, их тонкий стан колыша,

Как скользкая змея среди травы ползет...
Я в этой тишине, быть может, зов услышу
С Литвы... Но дальше в путь — никто не позовет.

БУРЯ

Все снасти сорваны, шум волн и блеск из туч,
Тревожные свистки, зловещный хрип пасосов,
Последний вырвался капат из рук матросов;
Заходит солнце, с ним надежды слабый луч.

Завыл победно вихрь, и черный гонимый смерти,
Как воин, что на штурм разбитых стен идет,
Направил к кораблю свой шаг по кручам вод,
Нагромоздившихся из мутной крутоверти.

Кто полумертв лежит, кто руки заломил,
Кто, чуя смерть, друзей целует на прощанье,
Кто молится творцу, чтоб смерть он отвратил;

Один из путников сидит, храня молчанье,
И думает: «Блажен, кто выбился из сил
Иль дружбою богат, иль верить в состоянья».

ВИД ГОР ИЗ СТЕПЕЙ КОЗЛОВА

ПИЛИГРИМ И МИРЗА

П и л и г р и м

Аллах ли там оплот из ледяных громад
Воздвиг и ангелам престол отлил из тучи?
Иль дивы этот вал поставили могучий,
Чтоб звездам преграждать дорогу на закат?

Какой там блеск вверху! Пылает ли Царьград,
Иль то аллах зажег маяк на горной круче,
Чтобы указывать пути в ночи дремучей
Мирам, которые во мгле небес кружат?

М и р з а

Туда взбирался я... Там, пасти рек питая
И клювы родников, сидит Зима седая;
Там исторгали снег, дыша, мои уста;

Я был, где и орлам дороги пезнакомы,
Я тучи миновал, в которых дремлют громы,
И пад моей чалмой стояла лишь звезда.

То Чатырдаг наш!

П и л и г р и м

А!

ПИЛИГРИМ

Пусть подо мною край, целящий от печали,
Безбрежная лазурь над головой моей...
Кругом красавицы, — однако все сильнее
Влекусь я в дальний край и в днй мипувших дали.

Литва! Мне сладостней твои леса певали,
Чем хор салгирских дев, байдарский соловей,
И выбь твоих трясин топтал я веселей,
Чем здешние сады в их пышном покрывале.

Так много красоты дарит мне край чужой!
Зачем же день и ночь вздыхаю я по той,
Которую любил в дни молодости милой?

Быть может, там, в краю, куда возврата нет
Изгнаннику, она, топча мой свежий след,
О сердце преданном моем давно забыла.

АЮДАГ

Взойдя па Аюдаг и опершись о скалы,
Я созерцать люблю стремительный набег
Волн расходившихся и серебристый снег,
Что окаймляет их гремящие обвалы.

Они, как чудищ рать, с отвагой небывалой
Свирепым приступом берут кремнистый брег,
Но вдруг, как будто кто дорогу им пресек,
Бегут пазад, мечта нам жемчуг и кораллы.

Не так ли и тебя, о молодой поэт!
Порой ввергает страсть в мятежное волненье.
Но лиру поднял ты, — и словно бы в ответ

Страсть убегает прочь в густую мглу забвенья,
Стихами дивными свой устилая след...
Из них тебе венки сплетают поколепья.

А. М. Ревич. 1968

БАХЧИСАРАЙ НОЧЬЮ

Молитва кончена, и опустел джамид,
Вдали растаяла мелодия призыва;
Зари вечерней лик порозовел стыдливо;
Златой король ночей к возлюбленной спешит.

Светильниками звезд гарем небес расшит;
Меж ними облачко плывет петоропливо,
Как лебедь, дремлющий на синеве залива, —
Крутая грудь бела, крыло, как жар, горит.

Здесь — минарета тепь, там — тепь от кипариса,
Поодаль глыбы скал уселись под горой,
Как будто дьяволы сошлись на суд Эвлиса

Под покрывалом тьмы. А с их вершин порой
Слетает молния и с быстротой Фариса
Летит в безмолвие пустыни голубой.

ГРОБНИЦА ПОТОЦКОЙ

Ты в сказочном саду, в краю весны увяла.
О роза юная! Часов счастливых рой
Бесследно пролетел, мелькнул перед тобой,
Но в сердце погрузил воспоминаний жало.

Откуда столько звезд во мраке засверкало,
Вон там, на севере, над польской сторопой?
Иль твой горящий взор, летя к земле родной,
Рассыпал угольки, когда ты угасала?

Дочь Польши! Так и я умру в чужой стране.
О, если б и меня с тобой похоронили!
Пройдут здесь страшилки, как прежде проходили,

И я родную речь услышу в полусне,
И, может быть, поэт, придя к твоей могиле,
Заметит рядом холм и вспомнит обо мне.

ПИЛИГРИМ

Передо мной страна волшебной красоты,
Здесь небо ясное, здесь так прекрасны лица.
Так почему ж душа в далекий край стремится,
В былые времена влекут меня мечты?

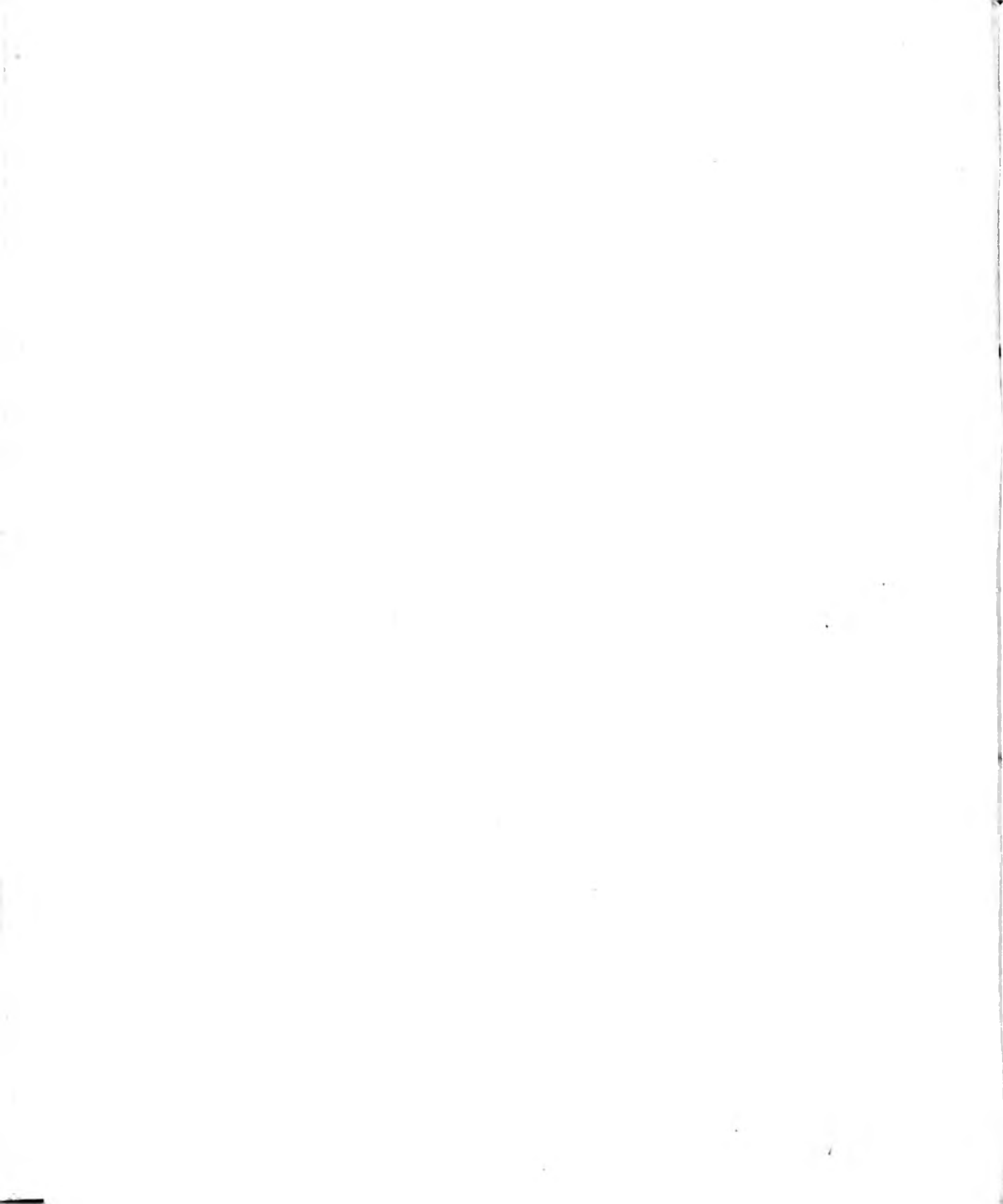
Литва! Своей листвою мне слаще пела ты,
Чем соловей Байдар, чем юная певица;
Бродя среди болот, умел я веселиться,
А здесь не веселят ни рощи, ни цветы.

Какою прелестью манит земля чужая!
Так отчего ж грущу, со вздохом вспоминая
Далекую мою, подругу давних лет?

Она в родном краю, куда мне нет возврата,
Где все ей говорит, как я любил когда-то.
Вздохнет ли обо мне, на мой ступая след?

ПРИЛОЖЕНИЯ

«СОНЕТЫ» АДАМА МИЦКЕВИЧА

Введение

Опубликованные в Москве в конце 1826 г. «Сонеты» не были романтическим дебютом Адама Мицкевича. В 1822 г. в Вильне появился томик стихотворений, в предисловии к которым польский поэт провозгласил себя приверженцем романтической поэзии, проникнутой идеями народности и историзма. В следующем году там же вышел из печати «второй томик» поэтических произведений Мицкевича¹ с героико-легендарной поэмой «Гражина» и ковенско-виленскими «Дзядами», романтической драмой, в которой вертеровская трагедия несчастливой любви выносится на форум народного обряда-мистерии — высший суд и хранилище вечно живых моральных истин, созданных народом на протяжении многих веков его существования. Произведения эти, открывшие новую эпоху в развитии польской литературы, почти не привлекли к себе внимания в печати, если не считать нескольких положительных откликов, опубликованных в варшавских журналах.² И только «Сонеты» прорвали «плотину молчания», которой безуспешно пытались оградить читателей от новых веяний ревнители строгих и неизменных правил классицизма. Никогда ни одно произведение Мицкевича, не исключая величайших его шедевров — 3-й части «Дзядов» и «Пана Тадеуша», не вызывало таких бурных общественных откликов, какими были встречены «Сонеты» в польской и русской печати. Разразившаяся «война» между «классиками» и романтиками, словно очистительный вихрь, смела обветшалые литературно-аристократические и узко сословные традиции и открыла путь для полного торжества романтической поэзии, отвечающей духу и устремлениям польского народа. Это была поистине грозная прелюдия накануне могучего взрыва — польской революции 1830 г.

То, что именно «Сонеты» послужили поводом для «журнальной войны», не было случайностью. Созданные в первый год ссылки поэта в Россию, накануне восстания декабристов и вскоре после его разгрома, в обстановке полицейских преследований, распространившихся на лучших представителей русского и польского общества, жертвой которых

¹ Poezje Adama Mickiewicza. T. 1—2. Wilno, 1822—1823.

² Wanda, 1822, t. 3, N 7, s. 97—98; Astrea, 1823, t. 3, N 5, s. 215—218; Biblioteka Polska, 1825, t. 1, s. 124—132, 176—187.

был, в частности, и сам Мицкевич, сонеты были восприняты как поэтический отклик на события того времени, как выражение настроений скорби, сожалений о погибших надеждах, верности прошлому, духовной стойкости.

Уже не из мира народных поверий и легенд — из современной жизни, со всеми ее реальными конфликтами, вошел в польскую поэзию новый лирический герой. Одним из самых блистательных завоеваний в поэтике Мицкевича русского периода было глубокое проникновение в мир духовных переживаний человека, увиденного в его частной и всеобщей жизни. «Любовные» сонеты можно рассматривать в этом отношении как некий род драматического произведения с насыщенным психологическим действием сюжетом. Динамизм внутреннего развития возникает не из внешней описательности или авторских деклараций — это художественное постижение трагических коллизий жизни современного общества через частную судьбу человека. Индивидуальное, частное приобретает масштаб больших идеологических явлений, не теряя при этом своей конкретности, а порою даже точной биографической соотнесенности. Пафос субъективности не находится в противоречии с реальными жизненными наблюдениями, с описаниями любовных переживаний и бытовых сцен. Едва ли не каждый из сонетов несет в себе драматический взрыв, вызываемый столкновением лирического героя с окружающей его средой. Конфронтация эта достигает высшего накала в завершающих одесский цикл сонетах и получает свое разрешение в трагическом финале «Извинения»: «Каков ты, слушатель, таким и быть поэту!». Происходит разительный сдвиг. Обычное для романтической поэзии противостояние героя и враждебного ему мира, казалось бы, исчезает: осуждению подвергается уже не одно общество, но и сам поэт, неразрывно с ним связанный и выражающий его духовные устремления. Отрицание приобретает всеобщий, тотальный характер, но конфликт все же остается открытым. В самой горечи размышлений о судьбе поэта в современном мире, зараженном духом малодушия и даже трусости, скрывались силы неприятия и сопротивления, героические струны, вскоре зазвучавшие в «Конраде Валленроде» и отразившиеся в поэтической атмосфере «Крымских сонетов».

Композиция «Сонетов» в известном смысле предвосхищает построение 3-й части «Дзядов». Подобно лирическому Густаву, переродившемуся в грозного мстителя Конрада, герой любовных сонетов, погруженный в призрачную жизнь одесских салонов и порывающий с нею, превращается в носителя высшей идеи — в Поэта — Изгнанника — Пилигрима. Преображение это не прошло бесследно для внутренней структуры сонетов. Конфликтность ситуаций, определявшая драматизм одесских стихотворений, исчезла вместе с чувственным реализмом эротических описаний и подробностями бытовых наблюдений. Внимание Мицкевича полностью сместилось на внутренний мир лирического героя «Крымских сонетов», приобретшего черты посланничества и романтической исключительности. Ориентализм Мицкевича возникал не только под непосредственным впечатлением от поездки по Крыму, сохранявшему в ту пору

яркий колорит мусульманской культуры («Я видел Восток в миниатюре!»), по и как художественный стиль, позволивший выразить могучее, едва ли не космическое своеобразие личности Пилигрима. В этом отношении можно сказать, сознательно допуская преувеличение, что не Крым подсказал необходимость обращения к ориентальному стилю, а новый герой заставил польского поэта взглянуть на Крым глазами «сына Востока»; экзотика приобретала отчетливо выраженную идеологическую функцию, которая нуждается в объяснении.

Для просветительского сознания XVIII в. Восток, под которым разумелись прежде всего государства библейской древности и мусульманской культуры, был миром классического деспотизма, невежества и духовной расслабленности — ярким примером искажения естественных норм развития человечества и самой сущности человека, искажения, впрочем, характерного и для многих европейских стран. «Персидские письма» Монтескье, использовавшего большую литературу европейских путешественников по Востоку, были прямо обращены против абсолютистской Франции: отсутствие «законных» или «естественных» прав человека везде сопровождалось нравственной и политической деградацией человечества. Образ восточного мудреца, искусно проповедующего истины (кому же? Не столько безгласной и апатичной толпе, сколько «тиранам» и «деспотам» — и не открыто, а в соответствующем этим обстоятельствам жанре басни, сказки, иносказания или аллегории), стал едва ли не господствующим для всей просветительской «ориентальной» литературы, что позднее отразилось в стихах Пушкина:

На нпти праздного веселья
Низал он хитрою рукой
Прозрачной лести ожерелья
И четки мудрости златой.

Романтическое движение, возникшее как следствие социальных потрясений конца XVIII в. и пересмотра всех его духовных ценностей, разрушило универсальную модель общественного прогресса, созданную просветителями, и выдвинуло свою плюралистическую типологию культур. Рациональной, расчетливой, индивидуалистической, раздираемой эгоистическими интересами цивилизации Запада был противопоставлен целостный мир Востока, увиденный преимущественно в его библейской и корабельской героике, в суровых нравах горных и кочевых племен, в национальном своеобразии быта. Восток, куда перенесено действие многих романтических поэм, менее всего декоративен; на его грозном фоне отчетливее прорисовывался трагизм европейской культуры, выраженный в характерах и судьбах романтических героев, будь то «Гяур» Байрона или «Кавказский пленник» Пушкина. Интерес к Востоку перерастал в пристальное внимание к местному колориту, заметно сказавшееся в примечаниях Байрона к «восточным поэмам», в пушкинских описаниях жизни горцев; проявлялся в стремлении постичь и выразить неповторимость этой столь отличной от «дряхлого» Запада цивилизации и —

одновременно — пайти в ней нравственные и философские идеалы, необходимые для самопознания и возрождения человечества. Утверждение этих идеалов сопровождалось отбором «ценностных» традиций восточных культур, определившим художественную структуру «Западно-восточного дивана» Гёте и «Подражаний Корану» Пушкина, заметившему в этой связи, что не любит Т. Мура, потому что тот «чересчур уж восточен. Он подражает ребячливо и уродливо — ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. Европейец, и в упоении восточной роскоши, должен сохранить вкус и взор европейца».³

Мицкевич воспринимал Восток отлично от Гёте или Пушкина, но и в нем сохранялся «вкус и взор европейца». Он отказался от чрезмерной вычурности восточной стилистики, объясняя одному из своих друзей, что восклицание «A-a!», которым завершается сонет «Вид гор из степей Козлова», «выражает лишь удивление Пилигрима смелости Мирзы и чудесам, которые увидел тот на вершине. По-восточному надо бы сказать, что Пилигрим при этих словах положил в уста палец удивления».⁴ Еще более разительна подмена в «наивосточнейшем» сонете «Чатырдаг»: архангел Гавриил выступает там в роли, которую надлежало выполнять герою восточной мифологии Рамегу, что Мицкевич особо оговаривает в примечаниях. Уже давно было замечено, что в сонете «Алушта днем» образ нивы, приветствующей бога, скорее связан с традициями христианской литературы и более близок «Шестодневу» Василия Великого, нежели арабам или персам.⁵ И вызвано это не одним желанием быть понятным для европейского читателя. Ведь сам герой «Крымских сонетов» был христианином и, как писал когда-то В. Г. Белинский, лишь притворялся «правоверным мусульманином». Еще более любопытно в этом отношении общее понимание пейзажа в «Крымских сонетах».

В домусульманскую эпоху пейзаж в персидской поэзии почти не представлен, если не считать фольклорные заимствования в лирике рубаи, сохранявшей устойчивые сопоставления или сравнения облика возлюбленной (возлюбленного) с луной, кипарисом и главным образом с великим множеством цветов. Примерно с IX и X вв., когда запрет на изображения явлений природы, характерный для зороастрийской и мусульманской религий, был по существу снят, обращения к природе стали более частыми в поэзии,⁶ но сам пейзаж оставался — если не считать редчай-

³ Пушкин А. С. Собр. соч., т. 9, М., 1962, с. 148.

⁴ Mickiewicz Adam. Dzieła, t. XIV, cz. 1. Warszawa, 1955, s. 309. Мицкевич заимствовал последнее определение из книги Сепковского, которой пользовался во время работы над «Сонетами» (Sękowski J. Collectanea z dziejopisów tureckich rzeczy, do historii Polski służących, t. II. Warszawa, 1825, s. 263).

⁵ Погодин А. Л. Адам Мицкевич. Его жизнь и творчество, т. I. М., 1912, с. 386—387.

⁶ Никитина В. Б. 1) К постановке некоторых проблем в изучении классического наследия иранских народов. — В кн.: Иранская филология. М., 1971, с. 95; 2) Природа в литературе иранского Возрождения. — Там же, с. 102—115; Ворожейкина З. Н. Пейзаж в персидском четверостишии XII—XIII вв. — В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1974, с. 101—104.

шие исключения — в традициях «цветочных» или «растительных» трафаретов-символов. И это понятно. В культуре мусульманского мира человек еще не отделился от природы, не воспринимал себя в трагической обособленности от нее, не сделал ее объектом созерцания, не зависящим от собственного существования. Даже в суфийской космогонии, где божество разлито во всем сущем и нет принципиальных различий между человеком, животным, травой и минералом, все же учитывалась степень «воплощения» божества, проявившего себя с наибольшей полнотой в человеке, что создавало определенную иерархию отношений и исключало распространенные в европейской цивилизации пантеистические представления о природе, где человек был лишь ее частью, к тому же соподчиненной. В классической и суфийской поэзии природа могла быть источником радости, красоты, чувственных переживаний и наслаждений, противопоставленных аскетическому религиозному сознанию, могла стать даже объектом философских размышлений о судьбе человека (с сохранением фольклорного параллелизма и принципов апимизации), но она никогда не возвеличивалась по отношению к нему и тем более не обоготворялась; природа оставалась низшей формой проявления божественной сущности.

Нечто противоположное мы находим в «Крымских сонетах» Мицкевича. Здесь полностью господствует стихия пейзажа, могучие силы природы, — степи, море, горы, преклощение перед которыми достигает апогея в молитвенном обращении к «Чатырдагу». Мицкевич не стремится ни к стилизации, ни к строгому воспроизведению национального своеобразия восточной культуры, он творит собственную космогонию, широко обращаясь к распространенной в персидской и арабской поэзии гиперболлизации, свободно используя образы восточной мифологии и отработанные приемы усложненного метафорического языка. Могущество природы в отличие от персидской поэзии подчеркивает ничтожность и тщету человеческих усилий и — одновременно — поистине космический масштаб трагических переживаний Пилигрима. Лирический герой сонетов все время пытается преодолеть пропасть отчуждения от природы — подняться на вершину Чатырдага, заглянуть в таинственную расселину вселенной, найти успокоение в бурной стихии моря, по горечь воспоминаний о прежней жизни остается с ним. И в этой верности прошлому, в трагическом разладе с действительностью, мифологизированной в масштабах вселенной и вечности, выражена художественная идея «Крымских сонетов», демеафоризованная в стихах Пушкина:

Там был Мицкевич вдохновенный
И посреди прибрежных скал
Свою Литву воспоминал.

Торжествующая в сонетах лирическая стихия объединяет их в циклы, соединенные между собой единством героя. Мир его внутренней жизни раскрывается на фоне одесских салонов в двадцати двух «любовных» сонетах и в стремительно меняющемся потоке степных, морских и горных пейзажей восемнадцати крымских стихотворений. Бесконечно многооб-

разный в своих нюансах психологизм одесских сонетов сменяется пышными ориентальными описаниями, но лирический герой, даже становясь Пилигримом, сохраняет цельность переживаний. Это — польский поэт, родом из Литвы, изгнанный из своего отечества и тяжело переживающий с ним разлуку, но не сгибающийся под ударами судьбы. Это он, влюбленный, страдающий, чутко и трепетно переживающий каждую встречу с любимой, бесконечно откровенный во всех своих проявлениях, поднимается до отрицания ложных и продажных чувств, господствующих в мире, где все стало предметом торга и выгоды, мелких и эгоистических интересов, до осуждения общества, для которого цены на зерно важнее народных волнений в Греции, а поэзия гражданского подвига способна лишь вызывать страх и растерянность. Это с ним связан культ воспоминаний о прошедшем, создающий особую трагическую атмосферу, которой насыщены сонеты. Это в его глазах отражены необычно яркие по живописи красок пейзажи Крыма. Это ему принадлежат глубокие раздумья над быстротечностью времени, над гибелью былых цивилизаций, звучащие грозным предостережением современному миру насилия и тирании. Поразительно, что все это богатство зрительных наблюдений, тончайших душевных переживаний, историкософических размышлений, окрашенных чувством любви к родине, смогло вписаться в узкую раму сонетов, каждый из которых воспринимается как отдельная глава из путевого дневника поэта-изгнанника, как страницы жизни самого Мицкевича.

Мир, увиденный *in my mind's eyes*,* был прежде всего миром индивидуальных переживаний и постижений. Но само индивидуальное, биографическое утратило, как это было при классицизме, свое частное значение и стало идеологическим принципом, определяющим характер стилиобразования, образную структуру восприятия действительности. Автор, творивший собственную поэтическую биографию, рассматривал свою задачу идеологически: все мелкое, бытовое опускалось, человек представал в самых высших проявлениях своего духа. Романтическая биография могла совпадать с реальной, но не была ей тождественна.

Сонет, навеянный первыми встречами в Одессе с Иоанной Залеской (первоначальная редакция «К Лауре»), в процессе последующей переработки стал соотноситься с юношеской любовью поэта к Мариле Верещак. Воспоминания о ней вплетены в образную ткань многих одесских и крымских сонетов, как, впрочем, и других произведений, написанных в России, не исключая исторической поэмы «Конрад Валленрод». Адресаты любовной лирики почти не различимы: поэт раскрывал мир своих сердечных переживаний, а не реальные черты женщин, которыми был увлечен. Его волновали не столько конкретные лица, сколько определенные ситуации, коллизии, которые могли повторяться в разное время и по различным поводам (нравственные переживания, связанные с влечением к женщине,

* «... в глазах моей души» — цитата из «Гамлета» (1 акт, 2 сцена), использованная Мицкевичем в качестве эпиграфа для программного стихотворения «Романтика» (1822).

находящейся «под заклятием», то есть в браке, неравенство состояний или возраста и т. п.). Вот почему столь неудачны по большей части различные попытки идентифицировать женские образы в «любовных» сонетах с конкретными одесскими знакомыми поэта. Польские исследователи не раз отмечали наивные просчеты биографических и психологических интерпретаций,⁷ но этими критическими замечаниями суть вопроса не исчерпывается. Терпевшие частные неудачи в отдельных наблюдениях, биографические и психологические методы изучения восторжествовали в общей характеристике всего южного периода жизни Мицкевича.

Первый год ссылки Мицкевича в России, его пребывание в Одессе и Крыму, — одна из наименее изученных страниц биографии польского поэта. Здесь можно встретиться с разнообразнейшими «умолчаниями»: и в воспоминаниях современников, не всегда сообщавших все то, чему «свидетелями были», и в официальных документах, крайне немногочисленных, к тому же уцелевших не в полном объеме, и в высказываниях самого поэта, отнюдь не озабоченного необходимостью создания летописи собственной жизни. Вполне естественно, что исследователь, сталкиваясь с отсутствием многих фактических сведений об этом периоде жизни поэта, пытается обнаружить их следы в его творчестве. Поэтическая ситуация, зачастую весьма свободно толкуемая, переносится на биографическую. Весь одесский год жизни Мицкевича предстал в этом освещении как время «сниженного полета», как пора, когда поэт полностью погрузился в интимно-камерный мир одесских салонов. Вчерашний конспиратор, осужденный за патриотическую деятельность в виленских тайных студенческих обществах, совсем недавно дружески сблизившийся с К. Рылевым и А. Бестужевым и другими участниками движения декабристов, внезапно отошел от своих вольнолюбивых друзей, от волновавших его еще вчера политических споров. И все это было накануне восстания декабристов, на юге России, в раскаленной атмосфере политического брожения, в местах, где встречались «делегаты» польских и русских тайных обществ и выковывались первые звенья русско-польского революционного сближения. Конечно, для подобных утверждений нужны более веские основания, чем отдельные поэтические цитаты из одесских стихотворений Мицкевича. Тем более что происхождение и реальный исторический подтекст последних еще не полностью прояснены. Поэтому вместо того, чтобы подменять биографический факт поэтическим, нужно прежде всего попытаться восстановить реальную почву, действительность, из которой исходил поэт в своем творчестве и без которой оно не может быть до конца понято.

⁷ Podhorski-Okołów L. *Łudziłem despote... Mickiewicz a dekabryści*. — *Odrodzenie*, 1946, nr. 8 (65); Kleiner J. *Mickiewicz*, t. I. Lublin, 1948, s. 522—524. См. также критические замечания об опытах биографической интерпретации сонетов Мицкевича в комментариях Ч. Згожельского к падапню: *Mickiewicz Adam. Dzieła wszystkie*, t. I, cz. 2. Wiersze. 1825—1829. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, Wyd. «Ossolineum». 1972.

Одесский год жизни Адама Мицкевича

Мицкевич посвятил ориентальные сонеты своим «товарищам путешествия по Крыму», но не назвал их имен. Они стали известны лишь много лет позднее. Сходную сдержанность проявил также один из «товарищей», совершивших вместе с Мицкевичем поездку по поэтическому полуострову. В своем доносе на декабристов Иван Осипович Витт глухо упомянул о «двух виленских профессорах», за которыми ему было поручено вести наблюдение, но не стал расшифровывать их имен. Возможно, это спасло их от ареста и следственного процесса в тревожные дни, наступившие после разгрома восстания 14 декабря 1825 г. Но что связывало Мицкевича и его приятеля Юзефа Ежовского с выдающимся мастером полицейского сыска и провокаций Виттом? Почему последний оказался в числе «товарищей путешествия по Крыму»? И что побудило самого Витта включить свои наблюдения над ссыльными поляками в общую сеть розысканий по делу политических заговорщиков?

24 августа 1824 г., после длительного судебного процесса по делу филоматов и филарстов, следственная комиссия сенатора Н. Н. Новосильцова приняла решение выслать наиболее деятельных участников этих обществ из Литвы и «употребить их по части училищной в отдаленных от Польши губерниях». В числе осужденных был Адам Мицкевич. 6 ноября он выехал из Вильны, а в ночь на 9 прибыл уже в Петербург, где вместе с остальными филоматами, «кои посвятили себя учительскому званию», должен был получить новое назначение. Министром народного просвещения был в ту пору небезызвестный А. С. Шишков, недавно женившийся на вдове Лобажевского, окруженный поляками и не одобрявший жестких полицейских акций Новосильцова в Литве. Он благожелательно отнесся к «виленским профессорам» и сделал все необходимое, чтобы помочь им определиться в одесский Ришельевский лицей, что явно расходилось с высочайше одобренным мнением об «отдаленных от Польши губерниях». Пока шла ведомственная переписка и оформлялась документация, ссыльные поляки знакомились с северной столицей, только что пережившей катастрофу наводнения, и весьма близко сошлись с русскими литераторами, среди которых было немало будущих участников восстания декабристов.

Теперь уже нелегко восстановить нити, которые связывали польских и русских конспираторов. Но даже немногие свидетельства, случайно уцелевшие с того времени, необычайно выразительны. С начала 20-х годов в Петербурге проживал двоюродный брат Ежовского и хороший знакомый Мицкевича В. Пелчинский, регулярно сообщавший в своих письмах в Вильну о литературных и политических новостях столичной жизни. Основную информацию Пелчинский получал от Ф. Булгарина, который помог ему вступить в Вольное общество любителей российской словесности, познакомил с К. Рылеевым. С Булгариным связан был и другой приятель Мицкевича — член общества филаретов Доминик Орлицкий. В 1822 г. он приехал в Петербург с рекомендательным письмом адъютанта

Виленского университета К. Колтрыма к Булгарину. Последний ввел Орлицкого в круг своих друзей и знакомых, среди которых был Рылеев. Знакомство оказалось достаточно длительным и небесполезным для польских интересов Рылеева. «Семь первых месяцев, в течение которых я тщетно ожидал появления вакантного места в школе инженеров, — рассказывал на следствии о своем пребывании в Петербурге Орлицкий, — я занимался изучением языков либо чтением польских сочинений с г. Рылеевым, ассессором уголовного суда в Петербурге».⁸ По-видимому, Орлицкий, будучи сам поэтом и почитателем Мицкевича, познакомил с поэзией последнего Рылеева. Не случайно, что ко времени этих совместных чтений относятся опыты рылеевских переводов баллад «Свитезянка» и «Лилия», опубликованных в 1822 г. в первом томе сочинений Мицкевича. Можно полагать, что знакомство Мицкевича с Рылеевым также состоялось через посредство Булгарина. Правда, во время студенческих беспорядков в Литве почтенный Фаддей порядочно струхнул. Этот «величайший либерал», как его аттестовал Пелчинский, едва ли не в крик просил профессора всеобщей истории Виленского университета И. Лелевеля не направлять к нему больше с рекомендациями виленских студентов, готовых по любому поводу декламировать стихи о какой-то «польской народности». Но вряд ли эти пастроения могли сколько-нибудь отразиться на отпоеении Булгарина к Мицкевичу. Умел же он до конца дорожить своей дружбой с Рылеевым и Грибоедовым. Такую же преданность он сохранял на протяжении всего своего знакомства к Мицкевичу. К тому же искус представить себя в глазах русских литераторов другом гениального польского поэта был слишком велик для тщеславного и беспринципного журналиста.

Будущие декабристы встретили польских изгнанников со всей сердечностью и теплотой. Они увидели в них своих единоплеппников, несправедливо подвергшихся полицейским гонениям. Сам Мицкевич впоследствии вспоминал, что русские заговорщики не таились перед польскими ссыльными, приглашали на свои вечера, где звучали грозные призывы к свержению тирании. «Тайные общества, — вспоминал поэт, — состояли из самых деятельных, восторженных и чистых представителей русской молодежи. Никто из них не преследовал личных интересов, никто не был движим личной ненавистью». В послании «К русским друзьям» (1832) Мицкевич называл пророческими имена Рылеева и Бестужева, своих друзей, которых он «по-братски обнимал». Столь же значительна по своему содержанию краткая запись в «Памятной книжке» Александра Бестужева от 31 декабря 1824 г.: «Вечером до 11 часов у нас сидели Мицкевич, Ежовский и Малевский. Пили за Новый год».⁹ Если вспомнить, что совсем недавно Рылеев виделся с приехавшим с юга Пестелем и вел переговоры о предстоящей в недалеком будущем революции, в которой должно

⁸ ЦГА ЛитССР, ф. 567, оп. 2, д. 1342, л. 12.

⁹ Бестужев А. А. Памятная книжка 1824 г. Публ. с примеч. Н. В. Измайлова. — В кн.: Памяти декабристов. Сборник материалов, I. Л., 1926, с. 70.

было принять участие и польское Патриотическое общество, то можно себе представить, какой приподнятой и исполненной надежд была атмосфера этой новогодней встречи. Отблески этих настроений отразились в письме к одесскому поэту В. И. Туманскому, которое Рылеев передал с Мицкевичем в конце января 1825 г. накануне отъезда последнего в Одессу: «Полюби Мицкевича и друзей его Малевского и Ежовского: по чувствам и образу мыслей они уже друзья, а Мицкевич к тому же и поэт — любимец нации своей...». А. А. Бестужев в свою очередь также обращался к Туманскому: «Рекомендую тебе Мицкевича, Малевского и Ежовского. Первого ты знаешь по имени, а я ручаюсь за его душу и талант. Друг его Малевский тоже прекрасный малый. Познакомь их и наставь; да приласкай их, бедных...».¹⁰ Пронизанные духом революционных устремлений письма Рылеева и Бестужева обращены не к одному Туманскому. Их значение много шире. Это своего рода «партийная» рекомендация, политический паспорт на вхождение Мицкевича в круги южных вольнодумцев. Что же представляла в этом отношении Одесса, куда Мицкевич прибыл вместе со своими друзьями 17 февраля 1825 г.?

Разноязычный шумный портовый город, связанный «обильным торгом» со всем средиземноморьем, почти не привлекал к себе внимания будущих декабристов, которые бывали там лишь случайно, во время летних купаний либо в служебных поездках. В пестрой хронике одесской жизни начала 20-х годов мелькают порою имена М. Ф. Орлова, П. И. Пестеля, М. С. Лунина, Н. М. Муравьева, М. А. Фонвизина, местных уроженцев братьев Поджио, воспитанника одесского лицея А. О. Корпиловича и некоторых других будущих декабристов. Но все это эпизодично, без устойчивых связей с городом. Положение изменилось после переезда в Одессу Волконских. Мария Николаевна провела в Одессе все лето, но Сергей Волконский приехал значительно раньше, еще весной, и с кратковременными поездками в Киев, Бердичев и другие места находился там до конца лета 1825 г.¹¹ В выдержках из дневников и воспоминаний И. П. Липранди, опубликованных по поводу книги П. И. Бартенева «Пушкин в южной России», приведена чрезвычайно важная характеристика общественной жизни Одессы, относящаяся именно к этому времени. «Я смотрю со своей точки зрения на этот отъезд Пушкина (из Одессы в Михайловское в августе 1824 г., — С. Л.), как на событие, самое счастливое в его жизни: ибо, вслед за его выездом, поселился в Одессе князь С. Г. Волконский, женившийся на Раевской; приехали оба брата Булгари, Поджио и другие; из Петербурга из гвардейского генерального штаба штабс-капитан Корнилович делегатом Северного общества; из армии являлись: генерал-интендант Юшневский; полковник Пестель, Аврамов, Бурцев и пр. пр. Все это посещало князя Волконского (как это видно и из донесения Следственной комиссии), и Пушкин, с мрачно ожесточенным духом, легко мог

¹⁰ Ш[угуров] Н. Туманский и Мицкевич. — Киевская старина, 1899, т. 64, кн. 3, с. 297—302.

¹¹ ИРЛИ, ф. 57, оп. 5, № 2, л. 160; ГБЛ, ф. 244, п. 3612, № 7. Письма Н. Н. Раевского (старшего) Е. Н. Орловой (1825); ЦГВИА, ф. ВУА, д. 889, ч. 3, л. 220.

быть свидетелем бредней, обуревавших наших строителей государства, и невинно сделаться жертвой, как я заметил уже в другом месте». ¹² Этот перечень имен следует дополнить декабристами М. Ф. Орловым и В. Л. Давыдовым, о пребывании которых в Одессе летом 1825 г. известно из переписки Раевских—Орловых, а также именами представителей польского Патриотического общества. Начинаясь в мае летний сезон был превосходным предложением для конспиративных встреч и переговоров. «Как в Киев на зимние контракты, — писал мемуарист, — так летом в Одессу охотно едут на морские купанья, итальянскую оперу, торговлю зерном... приезжает множество польских семейств». ¹³ Наплыв усиливался со второй половины июня, после окончания ежегодной ярмарки в Бердичеве. Именно тогда приехал в Одессу видный деятель Патриотического общества маршал Волынской губернии П. Мошинский, с которым Волконский вел переговоры в Бердичеве. Таким же «делегатом» прибыл из Варшавы Ян Дембовский, один из устроителей Патриотического общества. Волконский вспоминал, что виделся с ним «в Одессах»: «Судя по его со мною разговору, он знал, что я имел сообщения с Яблоновским и Мошинским». ¹⁴ Можно привести еще немало имен русских и польских конспираторов, в той или иной степени причастных к переговорам, которые вел Волконский по поручению Пестеля с представителями Патриотического общества, но общая картина и без того ясна. Летом 1825 г. центр едва ли не всей политической деятельности «южан» переместился в Одессу, которая действительно превратилась, по меткому определению одного из современных исследователей, в «гнездо декабристов» на юге России.

Сосланный в Одессу и как бы сменивший там Пушкина, Мицкевич не мог не быть свидетелем «бредней, обуревавших наших строителей государства», как злобно писал позднее о декабристах Липранди. Более того, существуют данные, позволяющие ввести Мицкевича в близкое окружение Волконского. Менее всего должен приниматься во внимание Туманский. Рылеев изрядно ошибался в политической репутации своего одесского знакомого, с которым не виделся добрых три года. За это время преуспевающий при графе М. С. Воронцове чиновник успел забыть о гражданском пафосе стихов, с которыми он выступал в Петербурге в 1822 г. Среди «путеводителей» польского поэта по конспиративной Одессе нужно назвать Александра Корниловича, поляка по происхождению, близкого друга Рылеева, посредника между Северным и Южным обществом (в последнее он вступил в мае 1825 г.), навещавшего в Одессе Волконского и хорошо знавшего Мицкевича, как он сам об этом писал впоследствии брату. ¹⁵ К одесскому времени относится также начало приятельных отношений Мицкевича с Петром Мошинским, которому он позднее в весьма загадочных обстоятельствах подарил альбом своих автографов. Наконец, нужно остановиться на личности Густава Олизара,

¹² Русский архив, 1866, стлб. 1476—1479.

¹³ Jełowicki A. Moje wspomnienia (1805—1838). Kraków, 1903, s. 177.

¹⁴ Восстание декабристов, т. X. М., 1953, с. 127.

¹⁵ Корнилович А. О. Сочинения и письма. М.—Л., 1957, с. 294.

человека яркой романтической судьбы, привлёкшей внимание Пушкина и Мицкевича. Безответно влюблённый в Марию Раевскую, Олизар не смог перенести отказа и поселился в Крыму, где воспевал в бесчисленных виршах свою Амиру (анаграмма имени Раевской). Пушкин посвятил молодому поэту стихотворение «Певец, издревле меж собою враждуют наши племена...», Мицкевич — завершающий крымский цикл сонет «Аюдаг». Возможно, что этот сонет, как и мемуары Олизара, опубликованные во Львове в 1892 г., содействовали появлению распространённого мнения, что встреча двух польских поэтов состоялась лишь в Крыму. Но легенда о «крымском отшельнике» требует уточнений: большую часть времени Олизар проводил в разъездах между южным берегом Крыма, Киевом и Одессой. В 1825 г. он был частым гостем в доме Волконских в Одессе и даже просил «бедного Сержа» сделать переводы со своих стихотворных обращений к Марии. Тогда же, в Одессе, Олизар познакомился «с нашим польским Вергилием»: «...к нему я обращал свои скорбные и поэтические признания».¹⁶ Сведения, которые здесь приподымаются, содержатся в письме Олизара к М. Н. Волконской от 14 июня 1859 г., где он вспоминает о своих последних встречах с любимой женщиной в Одессе. Естественно, что в письме не затронуты политические сюжеты, но можно не сомневаться, что «признания», с которыми Олизар обращался к Мицкевичу, не исчерпывались одними элегическими вздохами. Даже в поэме «Храм страданий» («Świątynia boleści»), написанной в 1825 г. и полностью посвященной его неудачной любви к Раевской, немало гневных выпадов против «тиранов»-помещиков и ярких гражданских восклицаний.¹⁷ Олизар не таил своих убеждений и слыл в общественном мнении политическим вольнодумцем, что привлекало к нему внимание полицейских кругов. Хотя он формально не принадлежал к Патриотическому обществу, он немало содействовал сближению польских и русских заговорщиков и был осведомлен о переговорах, которые они вели в Киеве и Бердичеве в 1824 и 1825 гг. Один из «посредников» Патриотического общества А. Гродецкий открыл ему планы совместного революционного выступления русских и польских тайных обществ и предложил в случае «начала действий» встать во главе шляхты Киевской губернии. Олизар с восторгом принял это предложение. «Никто, — восклицает он с жаром в своих мемуарах, — не вселял в меня столько сил и бодрости!». С такою же признательностью вспоминает Олизар С. И. Муравьева-Апостола и его «молодого друга» М. П. Бестужева-Рюмина, с которыми был дружен и которые советовали ему «излечить болезнь души» энергичным и деятельным служением родине.¹⁸

Сходные пожелания мог высказывать Олизару и сам Мицкевич, который разделял вместе со своими польскими и русскими друзьями революционные надежды. Встречи в Петербурге и Одессе вселяли уверенность в будущее. Несмотря на перенесенные испытания, Мицкевич со-

¹⁶ ЦГАОР, ф. 48, д. 182, л. 8—9.

¹⁷ Rkp. Biblioteka Jagiel., sygn. 590, k. 1—18.

¹⁸ Pamiętniki G. Olizara (1798—1865). Lwów, 1892, s. 163—165.

хранял мужество и оптимизм. 14 апреля 1825 г. он вписал в альбом своей одесской приятельницы Иоанны Залеской стихотворение «Пловец» с характерным признанием: «Lepiej mi posród żywiołów bezrzędu Walczyć co chwila z nowymi przygody Niż gdyby wybrnął i z cichego łądu Patrzył na morze i liczył swe szkody».*

В мае начинают налаживаться связи Мицкевича с виленскими друзьями. Он просит Марьяна Пясецкого (через посредство сестры Ф. Малевского) переслать списки своих произведений, в том числе «Оды к юности» и послания к И. Лелевелю, очевидно, необходимых ему для новых одесских друзей.¹⁹ В это время в Литве после недавнего разгрома филематских и филаретских обществ снова стало возрождаться студенческое движение. Появились новые тайные организации. Одна из них — Общество военных друзей, созданное по инициативе друга Мицкевича филемата М. Рукевича, — приняла участие в восстании декабристов. Какие-то сведения о революционном брожении в Литве, к которому были причастны многие не попавшие под следствие филематы и филареты, по-видимому, доходили до Одессы, где в связи с начавшимся летним сезоном было немало приезжих из Литвы. В середине июля в Одессу приехал приятель Мицкевича, бывший филарет, постоянно поддерживавший связи с Вильной, доктор К. Качковский. Возможно, что от него Мицкевич мог получить сведения о предстоящем приезде в Аккерман в должности «цынутного (уездного) лекаря» С. Гациского, своего младшего товарища по Виленскому университету, которого ему удалось спасти от полицейских преследований во время следствия по делу филаретов. С целью повидаться с Гациским Мицкевич между 22 и 25 июля совершил кратковременную поездку в Аккерман в обществе местного помещика К. Мархоцкого, на хуторе которого Любомилы был создан первый вариант сонета «Аккерманские степи». Сейчас уже трудно судить, в какой мере эта поездка могла соотноситься с конспиративными интересами поэта, с жизнью польского революционного подполья. Мемуаристы усиленно подчеркивают «тайный», «засекреченный» характер этой поездки, но, думается, это связано не с той информацией, которую мог и надеялся получить Мицкевич от Гациского, а с новыми обстоятельствами жизни поэта, исключавшими любую возможность не только ведения конспиративной работы, но даже общения со многими друзьями и знакомыми.

24 июня 1825 г. генерал-губернатор Новороссии и полномочный наместник Бессарабской области М. С. Воронцов получил предписание от вел. кн. Константина Павловича установить за Ежовским «ближайшее наблюдение» и учредить «секретный надзор за перепиской его с жителями присоединенных от Польши губерний». Поводом для этих санкций послужила шутливая открытка Ежовского к сестре его приятеля Софье Малевской, в которой он изобразил ее «королевой всего Черноморья».

* «Лучше ему в буре стихий Снова и снова бороться с опасностями, Чем, выбравшись на тихий берег, Смотреть на море и считать свои потери».

¹⁹ Mickiewicz Wł. Żywot Adama Mickiewicza, t. I. Poznań, 1929. s. 216.

Перехваченное полицией письмо переполошило литовские власти. В нем увидели «тайный смысл», предположение «суетных умов», мечтающих о древних границах польской державы, свидетельство продолжающихся «происков» филоматов. Как ни случаен был предлог, сенатор Новосильцов его использовал для возобновления преследований филоматов и филаретов, для установления за ними полицейского надзора не только в Литве, но и вне ее пределов. Удар, направленный на Ежовского, угрожал многим лицам, окружавшим его или бывшим с ним в переписке, и прежде всего жившему с ним на одной квартире Мицкевичу.

Полицейское наблюдение должно было развиваться по трем направлениям: через посредство одесского почтмейстера Македонского, местного градоначальника, поручившему слежку градской полиции, и правящего должность директора Ришельевского лицея Дудровича. К счастью, перлюстрация в те годы еще не была узаконена. В почтовом ведомстве холодно отнеслись к предложению Воронцова и отказались вскрывать письма Ежовского и его корреспондентов. Малорезультативны были и остальные полицейские дознания. Стремясь отвести от лицея какие-либо подозрения, Дудрович настойчиво подчеркивал, что Ежовский «не имел никаких связей с чиновниками лицея», «что он по целым дням не бывает в заведении», что «по причине непрерывного почти отсутствия кандидата Ежовского из дому лицея градская полиция удобнее может доставлять подробные сведения о поведении его в городе...».²⁰ Любопытно, что вопреки Дудровичу и, очевидно, по тем же побуждениям, полицмейстер в свою очередь утверждал, что Ежовский «по слабости здоровья... весьма редко выходит из квартиры (из лицея, — С. Л.) и бывает только вхож в дом помещика Залеского».²¹ 17 июля Ежовский выехал из Одессы в Москву для определения в университет. 19 июля туда же отправился Малевский. Наблюдение за ними было остановлено. Но для Мицкевича, остававшегося в Одессе еще четыре месяца, полицейские преследования не прекратились, напротив, стали особо угрожающими. Может быть, никогда он не ощущал с такой тревогой свое поднадзорное положение. Именно в это время он узнает — и, вероятно, не без помощи друзей, близких к окружению С. Волконского, — что оказался в фокусе провокаторских розысканий Витта и его талантливых пособников по этому позорному ремеслу.

Будучи начальником всех поселенных войск на юге России, генерал-лейтенант И. О. Витт исполнял также должность попечителя Ришельевского лицея, куда прикомандировали Мицкевича на время до его переезда на новую службу при канцелярии московского генерал-губернатора. Пока шла переписка по этому вопросу, наблюдение за ссыльным поэтом входило в прямые обязанности Витта, бывшего «по совместительству» личным агентом императора, поручившего ему еще в 1819 г. проникнуть в «густую завесу мрака, злодеев скрывающего». Разумеется, высокопо-

²⁰ ООГА, ф. 44, оп. 1, д. 17, л. 21, 23; Вержбовский Ф. К биографии Адама Мицкевича в 1821—1828 годах. СПб., 1898, с. 43.

²¹ ООГА, ф. 1, оп. 200, д. 5, л. 22.

ставленный попечитель, поляк по воспитанию, разыгрывавший из себя покровителя поэта, не прибегал к услугам мелких чиновников — у него были свои более надежные помощники. О них дает известное представление состав участников путешествия в Крым, предпринятого по инициативе Витта 25 июля 1825 г. Помимо Мицкевича, совершившего накануне тайную поездку в Аккерман, спутниками Витта были, в частности, А. К. Бошняк и К. Собаньская, провокаторская деятельность которых была столь глубоко скрыта, что о ней стало известно лишь в послереволюционные годы, когда были рассекречены архивы тайной полиции. Тем удивительней выглядят сведения Мицкевича о Бошняке, которые он сообщал в своих лекциях о славянских литературах и в устных рассказах, записанных детьми поэта. По свидетельству Мицкевича, во время крымского путешествия либо сразу же после него ему неожиданно стало известно о двойной роли Бошняка: скромный и увлеченный своим делом энтомолог, за которого тот себя выдавал, оказывается, помогал Витту, по собственному признанию генерала, «вылавливать мошек всякого рода». Товарищи поэта, узнав от него об этих обстоятельствах, очевидно, не зря «дрожали, припоминая себе разные выражения, слишком смело высказанные в присутствии Бошняка».²² Но возможно ли предполагать, чтобы в разгаре напряженной слежки за декабристами Витт мог разоблачить в разговоре с Мицкевичем своего опытного агента, чье имя он не вспоминал даже в тайных доносах императору? Сомнительно. Не правомерней ли искать источники уникальной по-своему информации поэта в других сферах?

Напомню, что весной 1825 г. Бошняку, принявшему на себя, как он сам выразился, «личину отчаянного и зверского бунтовщика», удалось войти в доверие к члену Южного общества В. Н. Лихареву и многое выведать через него. Бошняк даже предложил тому ввести в общество генерала Витта, якобы сочувствующего революционным планам и готового своими войсками содействовать их осуществлению. Легкомысленное поведение Лихарева серьезно встревожило руководство Южного общества: кандидатура Витта казалась более чем сомнительной. Когда же начальник штаба 2-й армии П. Д. Киселев по-приятельски сообщил С. Г. Волконскому, что правительство уже оповещено Виттом и советовал ему «вынуть иголку из игры», Лихареву предложили объявить Бошняку, что «все заговорщики разошлись» и «всякое производство дел вовсе прекращено».²³ Приехавший с летних сборов в Одессу Волконский также оповестил находившихся там декабристов о провокаторских происках Витта и Бошняка. Только с учетом этих обстоятельств можно понять странное упоминание о Корниловиче в до-

²² Mickiewicz Adam. Dzieła, t. X. Warszawa—Kraków, 1950, s. 340; Gorecka z Mickiewiczów Maria. Ze wspomnień o moim ojcu. — Pamiętnik Tow. Lit. im. A. Mickiewicza, t. I. Lwów, 1887, s. 239—240; Mickiewicz Wł. Żywot Adama Mickiewicza, t. 1, s. 222, 226—227.

²³ Красный архив, 1925, кн. 9, с. 205—212; Восстание декабристов, т. X, с. 119, 148, 151—152, 164; т. XI, с. 396.

Перехваченное полицией письмо переполошило литовские власти. В нем увидели «тайный смысл», предположение «суеушных умов», мечтающих о древних границах польской державы, свидетельство продолжающихся «происков» филوماتов. Как ни случаен был предлог, сенатор Новосильцов его использовал для возобновления преследований филوماتов и филаретов, для установления за ними полицейского надзора не только в Литве, но и вне ее пределов. Удар, направленный на Ежовского, угрожал многим лицам, окружавшим его или бывшим с ним в переписке, и прежде всего жившему с ним на одной квартире Мицкевичу.

Полицейское наблюдение должно было развиваться по трем направлениям: через посредство одесского почтмейстера Македонского, местного градоначальника, поручившему слежку градской полиции, и правящего должность директора Ришельевского лицея Дудровича. К счастью, перлюстрация в те годы еще не была узаконена. В почтовом ведомстве холодно отнеслись к предложению Воронцова и отказались вскрывать письма Ежовского и его корреспондентов. Малорезультативны были и остальные полицейские дознания. Стремясь отвести от лицея какие-либо подозрения, Дудрович настойчиво подчеркивал, что Ежовский «не имел никаких связей с чиновниками лицея», «что он по целым дням не бывает в заведении», что «по причине непрерывного почти отсутствия кандидата Ежовского из дому лицея градская полиция удобнее может доставлять подробные сведения о поведении его в городе...».²⁰ Любопытно, что вопреки Дудровичу и, очевидно, по тем же побуждениям, полицмейстер в свою очередь утверждал, что Ежовский «по слабости здоровья... весьма редко выходит из квартиры (из лицея, — С. Л.) и бывает только вхож в дом помещика Залеского».²¹ 17 июля Ежовский выехал из Одессы в Москву для определения в университет. 19 июля туда же отправился Малевский. Наблюдение за ними было остановлено. Но для Мицкевича, остававшегося в Одессе еще четыре месяца, полицейские преследования не прекратились, напротив, стали особо угрожающими. Может быть, никогда он не ощущал с такой тревогой свое поднадзорное положение. Именно в это время он узнает — и, вероятно, не без помощи друзей, близких к окружению С. Волконского, — что оказался в фокусе провокаторских розысканий Витта и его талантливых пособников по этому позорному ремеслу.

Будучи начальником всех поселенных войск на юге России, генерал-лейтенант И. О. Витт исполнял также должность попечителя Ришельевского лицея, куда прикомандировали Мицкевича на время до его переезда на новую службу при канцелярии московского генерал-губернатора. Пока шла переписка по этому вопросу, наблюдение за ссыльным поэтом входило в прямые обязанности Витта, бывшего «по совместительству» личным агентом императора, поручившего ему еще в 1819 г. проникнуть в «густую завесу мрака, злодеев скрывающего». Разумеется, высокопо-

²⁰ ООГА, ф. 44, оп. 1, д. 17, л. 21, 23; Вержбовский Ф. К биографии Адама Мицкевича в 1821—1828 годах. СПб., 1898, с. 43.

²¹ ООГА, ф. 1, оп. 200, д. 5, л. 22.

ставленный попечитель, поляк по воспитанию, разыгрывавший из себя покровителя поэта, не прибегал к услугам мелких чиновников — у него были свои более надежные помощники. О них дает известное представление состав участников путешествия в Крым, предпринятого по инициативе Витта 25 июля 1825 г. Помимо Мицкевича, совершившего накануне тайную поездку в Аккерман, спутниками Витта были, в частности, А. К. Бошняк и К. Собаньская, провокаторская деятельность которых была столь глубоко скрыта, что о ней стало известно лишь в послереволюционные годы, когда были рассекречены архивы тайной полиции. Тем удивительней выглядят сведения Мицкевича о Бошняка, которые он сообщал в своих лекциях о славянских литературах и в устных рассказах, записанных детьми поэта. По свидетельству Мицкевича, во время крымского путешествия либо сразу же после него ему неожиданно стало известно о двойной роли Бошняка: скромный и увлеченный своим делом энтомолог, за которого тот себя выдавал, оказывается, помогал Витту, по собственному признанию генерала, «вылавливать мошек всякого рода». Товарищи поэта, узнав от него об этих обстоятельствах, очевидно, не зря «дрожали, припоминая себе разные выражения, слишком смело высказанные в присутствии Бошняка».²² Но возможно ли предполагать, чтобы в разгаре напряженной слежки за декабристами Витт мог разоблачить в разговоре с Мицкевичем своего опытного агента, чье имя он не вспоминал даже в тайных доносах императору? Сомнительно. Не правомерней ли искать источники уникальной по-своему информации поэта в других сферах?

Напомню, что весной 1825 г. Бошняку, принявшему на себя, как он сам выразился, «личину отчаянного и зверского бунтовщика», удалось войти в доверие к члену Южного общества В. Н. Лихареву и многое выведать через него. Бошняк даже предложил тому ввести в общество генерала Витта, якобы сочувствующего революционным планам и готового своими войсками содействовать их осуществлению. Легкомысленное поведение Лихарева серьезно встревожило руководство Южного общества: кандидатура Витта казалась более чем сомнительной. Когда же начальник штаба 2-й армии П. Д. Киселев по-приятельски сообщил С. Г. Волконскому, что правительство уже оповещено Виттом и советовал ему «вынуть иголку из игры», Лихареву предложили объявить Бошняку, что «все заговорщики разошлись» и «всякое производство дел вовсе прекращено».²³ Приехавший с летних сборов в Одессу Волконский также оповестил находившихся там декабристов о провокаторских происках Витта и Бошняка. Только с учетом этих обстоятельств можно понять странное упоминание о Корниловиче в до-

²² Mickiewicz Adam. Dzieła, t. X. Warszawa—Kraków, 1950, s. 340; Gorecka z Mickiewiczów Maria. Ze wspomnień o moim ojcu. — Pamiętnik Tow. Lit. im. A. Mickiewicza, t. I. Lwów, 1887, s. 239—240; Mickiewicz Wł. Żywot Adama Mickiewicza, t. 1, s. 222, 226—227.

²³ Красный архив, 1925, кн. 9, с. 205—212; Восстание декабристов, т. X, с. 119, 148, 151—152, 164; т. XI, с. 396.

носе Витта: «Можно получить также сведения от гвардейского генерального штаба штабс-капитана Корниловича, принадлежавшего сему обществу, но раскаявшегося, увидя бездну ужасную, в которую оно сможет ввести».²⁴ Известно, что Корнилович оставался деятельным участником общества и после своего разговора с Виттом, с которым он встречался в Одессе. Его мнимое «раскаяние» может быть объяснено лишь сведениями, полученными от Волконского, которые заставили его быть сугубо осторожным в общении с хорошо осведомленным в делах общества провокатором. В дневниковых записях Роберта Ли, личного врача М. С. Воронцова, опубликованных лишь в 1854 г., содержится интереснейшее упоминание о разговоре с С. Волконским. 22 июля 1825 г. на балу в честь тезоименитства Марии Федоровны Волконский, указывая на Витта, предостерег англичанина: «Будьте осторожны в своих разговорах, он шпион императора» («Take care what you say, hi is the emperog's spy»)²⁵ Если Волконский таким образом предупредил приехавшего в Одессу иностранца, то можно смело утверждать, что Мицкевича, политического ссыльного, также оповестили о грозящей ему опасности. Тем более что такое оповещение входило в обязанности членов Южного общества декабристов как одно из условий русско-польского соглашения, заключенного между представителями Патриотического общества и Южного общества на киевских контрактах 1824 г.

Обратим, однако, внимание на то, что отмеченный Ли разговор с Волконским состоялся за три дня до крымской поездки Мицкевича, когда ищейка Бошняк сбился со следу, не смог продолжать свои успешно начатые розыскания. Не была ли в этих условиях поездка в Крым предпринята Виттом с целью восстановить нити, связывавшие его с русско-польским революционным подпольем? Положение Мицкевича в окружении с такой тщательностью подобранных спутников говорит о многом. Сам Витт замечал применительно к этому времени, что следил за ним «с особенной строгостью». И это было написано в Крыму 13 августа 1825 г. в известном допосе на декабристов, в значительной своей части посвященном «двум вилениским профессорам», Мицкевичу и Ежовскому. Правда, Витт пришел к благополучному для ссыльных поляков выводу, что «здесь поведение их оказалось вполне безупречным», но можно ли ему доверять в этом вопросе? Конечно, вполне вероятно, что наблюдение за Мицкевичем не дало тех результатов, на которые надеялся Витт, хотя общественные связи поэта не могли оставаться для него неизвестными. Нельзя также исключать той благосклонности, с какой относилась к Мицкевичу Каролина Собаньская, писавшая, по свидетельству Ф. Ф. Вигеля, тайные доносы Витту, «сему блестящему, но совершенно безграмотному генералу». Разумеется, нельзя забывать и о том, что многолетняя любовница Витта умела «подниматься» над своими личными привязанностями: она легко и безболезненно предала доверивше-

²⁴ Шильдер Н. К. Император Александр I, т. IV. СПб., 1903, с. 411.

²⁵ Lee Robert. The last days of Alexander and the first days of Nicholas (Emperors of Russia). London, 1854, p. 11.

гося ей Антонию Яблоновского. Пожалуй, правдоподобней другое объяснение. И в своем доносе, и в разговоре с Александром I, состоявшимся в Таганроге 18 или 19 октября 1825 г., Витт останавливался лишь на фактах, связанных с русскими тайными обществами, полностью обходя польскую часть «заговора». Между тем о последней у него были довольно основательные сведения. Задолго до «разысканий» Бошняка Витт пахупывал контакты с польскими революционными кругами. Осенью 1824 г. он «доверительно» сообщал Л. Сапеге о существовании в Польше и России тайных обществ и о своем желании принять участие в предстоящей революции.²⁶ В конце того же года Витт намекал Грушецкому и Блендовскому, что готов вступить в члены Патриотического общества. Зимой 1825 г. он получил от Каролины Собаньской, ставшей любовницей Яблоновского, обстоятельные сведения о переговорах, которые велись между русскими и польскими тайными обществами.²⁷ Возможно, что он держал эти факты «про запас», стремясь до конца не опустошать свою «шкатулку». Возможно, что искусный провокатор готовился к решительному удару, который собирался нанести на киевских контрактах 1826 г., где должны были встретиться ведущие заговорщики. Как бы то ни было, но Витт не хотел раскрывать всех своих карт, а продолжение разговора о «виленских профессорах» неизбежно вело к польской теме, которую он старательно избегал.

Вряд ли Мицкевич догадывался о подлинной сущности Собаньской, агента и провокатора, но само ее нахождение при Витте в обществе с Бошняком внушало сомнения, вызывало тревогу и беспокойство. Следы этих волнений отразились в переписке поэта и в его творчестве. С Собаньской связан целый ряд мотивов одесской лирики, в том числе сонеты «Данаиды» и пронизанный горькими рефлексиями «Ястреб». Ситуация «поездки в горы» в целях полицейского сыска воспроизведена с явно биографическими штрихами (русский генерал, его любовница — красавица-полька, «доктор», занимающийся шпионажем, и т. д.) в незаконченной драме «Барские конфедераты» (1835). Не случайно и то, что во время следствия по делу декабристов в Одессе распространялись слухи о причастности Мицкевича к этим событиям. «По их милости, — писал с горечью поэт, — я дважды тонул, один раз был расстрелян, несколько раз сидел взаперти, не считая других, менее трагических видов смерти». Друзья Мицкевича, не желая павлечь на него «несчастье», просили его избегать осложнений с Собаньской.²⁸ В более поздние годы друг поэта по эмиграции Л. Реттель, являясь к его устным воспоминаниям, писал: «И поистине чудом Мицкевич, ведя близкое знакомство с декабри-

²⁶ Sapieha L. Wspomnienia (1803—1875). Lwów—Warszawa—Poznań, 1912, s. 42, 43, 230; ЦГАОР, ф. 48, д. 327, л. 887 об. (Показания Грушецкого, подтверждающие достоверность воспоминаний Сапег о совместной поездке с Виттом).

²⁷ Korczak-Branicki X. Les nationalités Slaves. Lettres au Révérend P. Gagarin (S. J.). Paris, 1879, p. 326, 327; Askaniya Sz. Jeszcze o kompanii krymskiej Mickiewicza. — Wiadomości Literackie, 1934, N 6, s. 5.

²⁸ Mickiewicz Wł. Żywot Adama Mickiewicza, t. I, s. 225—226.

стами и рассуждая с ними об их проектах будущей конституции, не был замешан в восстании, уцелел и потом, во время правительственного террора, когда велось следствие».²⁹

Цена этого «чуда» была достаточно велика. Последние месяцы жизни на юге были отравлены атмосферой политического сыска, угрозой новых преследований. О трагических настроениях поэта той поры говорит стихотворение «Размышления в день отъезда» — скорбный итог переживаний, связанных с крымской поездкой и общением со спутниками Витта. Своеобразным комментарием к этим дням может служить впервые публикуемое письмо брата декабриста В. С. Норова, Авраамия, недавно вернувшегося из путешествия по святым местам и познакомившегося с Мицкевичем в Одессе незадолго до отъезда последнего из нее. Будущий министр народного просвещения обращался к своему приятелю П. А. Вяземскому:

«Odessa le 9. Novembre 1825.

Mon cher Prince, esperant que vous me gardez un petit souvenir d'amitié, je vous adresse un bon ami à moi et que je suppose vous être connu par sa brillante reputation dans la litterature Polonaise; s'est M^r le Professeur Mitzkewitsch. Doué d'un grand genie et d'un ame profondement sensible, le sort le conduit à Moscou; tout à fait isolé; sans parens, sans amis et sans concitoyens, son ame poetique a plus besoin d'epanchement que de toute autre chose; et je ne peux l'adresser qu'à vous. Faites vous bien connaître par lui, et il oubliera une partie de des chagrins. Introduisez le cher Prince dans vos cercles et procurez lui aussi la connaissance de Dmitrieff. Tout ce que vous ferez pour lui sera profondemens sent par mon coeur.

Il va être place auprès du Gouverneur — Général *по особым поручениям*, ce qui met par une fonction de Poete. Vous saurez de lui-même comment il y a été conduit. — Recevez l'assurance de la sincère amitié que je vous porte et gardez moi une place dans votre memoire.

Tout à vous Abr. du Noroff».³⁰

²⁹ Реттель Л. Александр Пушкин. — Звенья, 1934, т. III—IV, с. 209—210.

³⁰ ЦГАЛИ, ф. 195, он. 1, д. 2424, л. 1—2. На второй половине листа адрес: «Его сиятельству Милостивому государю князю Петру Андреевичу Вяземскому в Москве». (Сообщено М. И. Гиллельсоном). Пер.: «Одесса 9 ноября 1825 г.

Дорогой князь, в надежде, что вы сохранили ко мне какие-то дружеские чувства, я посылаю Вам моего доброго друга, который, полагаю, известен и вам своим блестящим положением в польской литературе. Это профессор Мицкевич. Он одарен великим гением и глубоко чувствующей душой. Судьба привела его в Москву. Он очень одинок. Лишенная родных, друзей и сограждан, его поэтическая душа жаждет более всего излияния; лучшее, что я могу сделать, — это направить его к вам. Пусть он узнает вас поближе, и он забудет часть своих горестей. Введите его, дорогой князь, в ваши круги и познакомьте также с Дмитриевым. Все, что вы сделаете для него, глубоко отзовется в моем сердце. Он тотчас будет помещен при генерал-губернаторе по особым поручениям, что соответствует его назначению Поэта. Вы узнаете от него самого, как с ним обошлись.

Примите уверения в моей искренней дружбе и сохраните для меня местечко в вашей памяти.

Весь ваш Авр. Норов».

Удивительный по своему правдивому звучанию документ! В самые тяжкие для поэта дни рядом с ним появлялись новые друзья, пытавшиеся облегчить участь изгнанника. Из Петербурга Мицкевич увозил в Одессу послание Рылеева. Из Одессы в Москву Норов обращался к Вяземскому, заранее определяя будущий круг дружеских связей Мицкевича. Но какое глубокое различие в тональности двух писем. Одно из них овеяно мажорной патетикой революционных ожиданий, другое несет на себе отпечаток скорбных переживаний поэта, предвосхитившего настроения, характерные уже для последекабрьской эпохи. И если в написанном позднее посвящении «товарищам путешествия в Крым» видна осторожность конспиратора, умевшего «обманывать деспота», то в самих сонетах отразилась «голубиная простота» поэта, об «излияниях» которого в общении с друзьями с такой подкупающей искренностью писал Норов.

Одесса сменилась Москвой, куда Мицкевич приехал за два дня до восстания декабристов. Он был очевидцем начавшихся арестов и мог сам опасаться участи многих своих друзей, привлеченных к следствию. На грозном фоне последекабрьской России тревожные предчувствия, угнетавшие поэта в последние месяцы его пребывания на юге, приобретали особое значение. История вторгалась в мир личных переживаний и воспоминаний, озаряя их светом больших идеологических трагедий. Сонеты, создаваемые в Одессе и в Москве, были поистине «излиянием» могучей индивидуальности Мицкевича, поэтическим сгустком духовного опыта поколения, пережившего горечь утрат и поражений, но сохранившего верность своим идеалам и нравственную независимость среди торжествующего насилия и сервилизма. Личное, частное в «Сонетах» сливалось с историческим, становилось поэтической биографией Мицкевича и его времени. Но в конкретных обстоятельствах, связанных с происхождением сонетов, временем их создания и оформления в циклы, остается еще много неясного, нуждающегося в дальнейшем изучении.

История текста

Едва ли не все известные в литературе автографы сонетов Мицкевича, как и остальных его стихотворений, написанных в России, находились в альбоме, принадлежавшем Петру Мошинскому и получившему впоследствии название по имени его владельца. Впервые об этом альбоме стало известно в 1859 г., когда Мошинский, живший к тому времени в Кракове, переслал его на короткое время в Париж, где Ю. Клячко и Е. Янушкевич подготавливали посмертное издание сочинений поэта. В двух первых томиках издания, появившихся в 1860 и 1861 гг., были опубликованы незавершенные сонеты «Ястреб», «Ответь, поэзия! Где кисть твоя живая?», другие стихотворения и наиболее интересные к ним варианты. Авторитет Клячко и Янушкевича был достаточно высок, и к текстам, которые они опубликовали, обращались на протяжении многих десятилетий издатели сочинений поэта. Лишь в 1922 г. С. Пигонь

указал на серьезные искажения и ошибки, полностью лишаящие парижское издание текстологического значения.³¹

В 1895 г. с альбомом ознакомился Б. Губрынович, который действовал по поручению Литературного общества им. Адама Мицкевича, затеявшего критическое издание сочинений поэта. В 1898 г. он опубликовал сделанное им описание альбома и с большой тщательностью воспроизвел находившиеся в нем автографы, конечно, на уровне филологических представлений конца XIX в.³² Так, он модернизировал не только синтаксис, но и орфографию рукописи, не передал последовательности вписанных поэтом исправлений, не всегда принимал во внимание цвет чернил и почерк. Одновременно Губрынович сделал копию с альбома, в которой с большим вниманием отнесся к его внешнему виду и к особенностям записей. В Брухнальском, использовавшему эту копию при подготовке второго тома стихотворений Мицкевича (1901), она представлялась идентичной с альбомом Мошинского, и он почти не обращался к публикации, в которую вкрались отдельные неточности, опечатки.³³ К сожалению, копия, сделанная Губрыновичем, бесследно затерялась. Столь же печально сложилась судьба самого альбома. Губрынович был последним исследователем, непосредственно изучавшим альбом.

³¹ Pigoń S. Jakiego Mickiewicza znamy? .. — *Przegląd Warszawski*, 1922, N 12.

³² Gubrynowicz B. Album Piotra Moszyńskiego. — In: *Pamiętnik Tow. Lit. im. Adama Mickiewicza*, t. VI. Lwów, 1898, s. 480—544.

³³ Ч. Згожельский обратил внимание на расхождение между указанной Губрыновичем пагинацией страниц в альбоме и инвентарной записью в библиотеке Мошинских: в первом случае остаются незаполненными стр. 49, 62—67, 69—75, 86 и 99—144. Во втором случае отмечено, что записи сделаны на 98 страницах (Mickiewicz Adam. *Dzieła wszystkie*, t. I, cz. 2, s. XXIII, odsył. 2). Расхождение это легко устранить. Подсчет стихотворных строк показывает, что Мицкевич записывал на отдельные страницы альбома от 11 до 18—19 строк, причем наиболее частым вариантом были записи, содержавшие 14—15 строк (сонеты). Не лишним будет в этой связи высказать предположение, что стихотворение «Путешествие в Аккерман» (ранняя редакция сонета «Аккерманские степи»), расположенное на 48-й странице и вместе с вариантами насчитывающее 24—25 строк, могло также занять часть 49-й страницы. Более разительны другие примеры. Следуя за пагинацией, указанной Губрыновичем, мы легко установим, что Мицкевич разместил в альбоме перевод из Данте («Уголино»), записывая на каждую из трех страниц по 46 строк, а перевод из Гёте («Путник») — по 42 строки на каждую из пяти страниц! Если учесть общие размеры листа (11×17,9 см), то ошибки, допущенные в публикации Губрыновича, станут очевидными. Поэт физически не мог вписать на столь ограниченном пространстве такие большие стихотворения. Оставшиеся незаполненными в описании Губрыновича листы в действительности были заняты указанными стихотворениями. Поэтому наиболее оправданным будет исправить существующую пагинацию и указать, что перевод из Данте размещен не на 59—61-й страницах, а на 59—67-й; перевод из Гёте — не на стр. 76—77, 83—84, 87, а на 69—77, 83—84, 86—87. Первое стихотворение при такой пагинации занимает в альбоме 10 страниц (приблизительно по 13—14 строк на страницу), второе — 13 страниц (приблизительно по 15—16 строк на страницу), что соответствует как общему типу записей в альбоме Петра Мошинского, так и физическим возможностям страницы. Тем самым подтверждается достоверность инвентарной записи: вряд ли 15 незаполненных страниц могли остаться незамеченными при описании альбома.

Несмотря на усилия многих ученых, это богатейшее собрание автографов оставалось недоступным. Ни С. Пиголь, ни В. Боровый, ни Л. Плошевский, готовившие капитальное «сеймовое» издание, не могли получить разрешение на осмотр альбома. Сказалось ли в этом ревнивое отношение к альбому его позднейших владельцев либо, — что вероятнее, — их равнодушие, сейчас уже трудно судить. Но в послевоенные годы альбом и вовсе исчез. Возможно, что он затерялся среди случайных книг и рукописей, брошенных в Кракове наследниками Мошинских или попал в какое-то зарубежное собрание. Недавно предпринятые проф. Ч. Эгожельским настойчивые поиски не привели к каким-либо положительным результатам.³⁴

Таким образом, старая публикация Губрыновича и дополняющие ее примечания Брухнальского ко второму тому стихотворений Мицкевича, изданных Литературным обществом в 1901 г., — важнейшие источники сведений об альбоме Петра Мошинского, лишь отчасти дополняемые списками, сделанными с него еще при жизни Мицкевича. Обстоятельства, связанные с утратой источника, естественно, серьезно затруднили филологическое исследование альбома, выяснение его происхождения, времени заполнения, истории бытования. Между тем даже те сведения, которые сообщает Губрынович, еще далеко не в полной мере изучены, не подвергнуты критическому анализу. Необходимость в этом тем настоятельнее, что некоторые утверждения Губрыновича стали основанием для весьма распространенных легенд, искажающих реальное значение альбома для изучения творческой истории сонетов и других стихотворений Мицкевича, созданных в России.

Происхождение альбома связано многими нитями с политической биографией Мицкевича. Клячко и Янушкевич, крайне поверхностно ознакомившись с этим первоклассным собранием автографов, дали ему теперь ставшее общепринятым название альбома Петра Мошинского. Читатели первого посмертного издания сочинений Мицкевича нередко воспринимали это название буквально, как альбом, принадлежавший Мошинскому, в который польский поэт время от времени заносил свои стихотворения. О распространенности подобных представлений свидетельствует хотя бы такой курьезный факт, что известный русский поэт В. Г. Бенедиктов, переводивший Мицкевича с конца 1850-х годов и хорошо знакомый с изданием Клячко и Янушкевича, озаглавил свой перевод сонета «Ответь, Поэзия! Где кисть твоя живая?» — «В альбом Петру Мошинскому», хотя стихотворение, вероятнее всего, посвящено З. А. Волконской. Парижское издание ввело в заблуждение одного из крупнейших польских литературоведов конца прошлого века Ю. Третьяка. В статье

³⁴ История поисков альбома изложена Ч. Эгожельским (Mickiewicz Adam. Dzieła wszystkie, t. I, cz. 2. Wiersze. 1825—1829, s. VII—XIII).

«Мицкевич в Одессе» он писал, что поэт посещал в Одессе богатого подольского помещика Петра Мошинского и заполнял его альбом своими произведениями. При этом не расшифровывалось, каким образом туда попали тексты, написанные в то время, когда Мошинский, замешанный в дело декабристов, находился в заключении в Петропавловской крепости.³⁵ Сходных представлений придерживался Г. Бигеляйзен.³⁶ И лишь публикация Губрыновича положила конец этим домыслам. Исследователь указал на надпись, сделанную на последней 144 странице альбома его владельцем: «Собственноручный альбом Адама Мицкевича подарен мне в Петропавловской крепости в Петербурге в 1829 году Марьяном Пясецким. Петр Мошинский».

Надпись не оставляет сомнений в том, что альбом был заполнен до того, как он попал к Мошинскому, и что его происхождение не связано с одесским домом подольского помещика. Но число вопросов в связи с публикацией Губрыновича отнюдь не уменьшилось, а, напротив, резко возросло. Петропавловская крепость не была в те годы местом для обычных городских прогулок, а камера, в которой пахотился «государственный преступник» Петр Мошинский, не предназначалась для светских визитов. Каким же образом туда проник приятель Мицкевича Марьян Пясецкий? Ведь для того, чтобы передать альбом Мошинскому, с ним нужно было повидаться. И почему этот альбом оказался собственностью Пясецкого? Знал ли Мицкевич об этом даре? Все это выглядит настолько необычно, что остается лишь сожалеть, что до сих пор загадочные обстоятельства, при которых альбом стал собственностью Мошинского, не выяснены.

Губрынович пытался ответить лишь на некоторые из этих вопросов. Ему не показалось достаточно убедительным предположение, что Мицкевич после выхода своих сочинений в 1829 г. и накануне отъезда за границу мог подарить своему другу уже потерявшую свое рабочее назначение рукопись, — слишком редки и необычны были для поэта подобные дары. Более вероятным казалось Губрыновичу то, что «почтенный „Кудрявый“ — таким было прозвище Пясецкого — приобрел альбом иным, менее легальным путем»,³⁷ т. е. попросту его похитил. Поскольку «реабилитация» Пясецкого связана не только с историей альбома, но и с неизвестными страницами биографии Мицкевича, остановимся несколько подробнее на этом вопросе.

Воспитанник Волынского лицея Марьян Пясецкий в 1819 г. поступил на юридический факультет Виленского университета по рекомендации его куратора Адама Чарторыского. В 1821, 1822 и 1824 гг. он пахотился «в чужих краях для усовершенствования по части административных наук», с тем, чтобы за каждый год прослужить в ведомстве университета по два года. Но это обязательство оказалось невыполненным. После

³⁵ Tretiak J. Mickiewicz w Odessie. — In: Szkice literackie. Kraków, 1896, s. 122.

³⁶ Mickiewicz Adam. Dzieła. Lwów, 1903, t. I, s. 460.

³⁷ Gubrynowicz B. Album Piotra Moszyńskiego, s. 482.

возвращения из северной Германии Пясецкого сразу же арестовали по обвинению в принадлежности к Союзу филаретов, в который он был принят еще накануне своего первого выезда за границу. В 1825 г. следствие о филматах и филаретах уже давно было завершено, «дело» Пясецкого оказалось последним, к тому же оторванным по времени звеном в этой цепи. Тем значительней мужество, проявленное Пясецким во время следствия. По свидетельству полицейского чиновника, он «бросился, как кажется с умыслом, из окна со второго этажа и долгое время притворялся сумасшедшим». После своего выздоровления Пясецкий некоторое время находился в Вильне под полицейским надзором, а затем был определен учителем в Архангельск. Накануне выезда из Вильны в 20-х числах марта 1826 г. Пясецкий подал прошение, чтобы ему разрешили следовать до места назначения через Петербург, «имея там что-то важное объявить, что в Вильне и без высочайшего повеления никому открыты он не может».

Так началась последняя отчаянная попытка легальным путем защитить уже осужденных, доказать несправедливость и лживость получивших высочайшую санкцию обвинений. «Единственным моим старанием, — писал Пясецкий в перехваченном полицией письме, „изобличающем дерзкий и лукавый характер“, — будет убедить правительство, что клевета, брошенная на нас на счет худого образа мыслей, есть действие расчетов людей, пахотящих в том собственную пользу. Никогда не буду я подобен тем моим учителям, которые первые соединились с врагом империи и монарха (Наполеоном, — С. Л.), а потом, дабы загладить гнусные их деяния, доносят на невинных своих учеников, несчастных жертв собственных их коварных правил и учений; не буду подобен и тем, которые ложными донесениями или от собственных их агентов выдуманными постоянно тревожат правительство, губят несправедливо невиннейших единственно для того, чтобы сим образом отвлечь внимание власти, дабы она не видела злоупотреблений и хищений казенных денег». И все это писалось вскоре после разгрома восстания декабристов, в обстановке жесточайшего полицейского террора, репрессий и крайней настороженности и подозрительности, проявляемой правительственными органами. Правда, Пясецкому, успевшему добраться до Петербурга и проведенному там несколько дней в конце марта 1826 г., не удалось добиться высочайшей аудиенции и сообщить императору «какую-то тайну». Обеспокоенный «происками» бывшего филарета вел. князь Константин Павлович потребовал, чтобы Пясецкого, «закоснелого фанатика», известного своей «пронырливостью и коварством», прислали к нему в Варшаву.

После проведенного следствия Константин Павлович сделал вывод, что Пясецкий «ходатайствует не собственно за себя только, но и за все общество филаретов, прося покровительства и внимания к страданиям членов оною, получивших наказание за заблуждения их... Шаг сей Пясецкого доказывает, что общество филаретов, коего целию было поддерживать друг друга и один другого защищать, еще как видно не совершенно рушилось, по крайней мере в образе мыслей его, Пясецкого».

Вел. князь распорядился «не допускать Пясецкого к учительской работе», но не придал этому делу особого значения и даже разрешил Пясецкому спустя год переехать из Вильпы в Петербург для определения на службе при исполнительной полиции Министерства внутренних дел в ранге коллежского секретаря — нечто вроде судебного исполнителя.³⁸

Мицкевич, приехавший в Петербург 4/16 декабря 1827 г., узнал обо всем из первых рук. Он прямо ссылается на это в некомментируемой части письма к Т. Зану от 3/15 апреля 1828 г.: «По Петербургу слоняется кривоустый, кудрявый Марьян, история которого длинна, и рассказать ее можно лишь разве устно».³⁹ Еще в бытность свою в Одессе Мицкевич через Малевского просил Пясецкого выслать из Вильпы списки некоторых своих произведений.⁴⁰ В Петербурге же он сразу поручил своему приятелю вести все свои издательские дела, следить за прохождением рукописи «Конрада Валленрода» через цензуру и полусхотливо называл его своим «поверенным».⁴¹ Учитывая эту степень близости между друзьями, можно не сомневаться, что Пясецкий оповестил поэта о своих контактах с Мошинским. Но каким образом вообще могли состояться какие-то встречи между человеком, едва избежавшим политических репрессий, и находящимся под следствием «государственным преступником» Петром Мошинским?

Посещение родственниками и знакомыми заключенных в Петропавловской крепости было делом исключительной сложности. На протяжении всего следствия, которое проводилось в Петербурге над членами Патристического общества, ни один из 27 заключенных в казематы крепости не имел свиданий со своими близкими или поверенными в делах. И это длилось свыше двух лет, начиная с января 1827 г., когда за К. Вагнером замкнулась дверь 13-й камеры Невской куртины, — основной поток арестованных пришелся на май и июнь месяцы (П. Мошинский попал во 2-ю камеру кровверка 2 июня 1827 г.), — до февраля 1829 г. Вся корреспонденция проходила через 3-е отделение и тщательно проверялась, причем само право переписки давалось лишь в исключительных случаях. Лишь после подтверждения императором приговора по делу членов польских тайных обществ (27 февраля 1829 г.) положение несколько изменилось. Некоторому смягчению содействовала также предстоящая коронация Николая I в Варшаве, что сопровождалось известным заигрыванием с польским обществом. Заметно усилилось влияние так называемой «польской партии» (чиновников польского происхождения, в том числе из близкого окружения А. Х. Бенкендорфа).

2 марта 1829 г. Идалия Платер, фрейлина двора, получила благодаря заступничеству императрицы разрешение на встречу с братом — Г. Собанским. Это было первое такого рода разрешение. Жена Мошинского Иоанна,

³⁸ ЦГА ЛПТ СССР, ф. 567, д. 165 (1825). О Марьяне Пясецком; ф. 567, д. 23 (1826). Об определении Марьяна Пясецкого учителем в Архангельск; ф. 421, д. 79 (1826). О высланном в Архангельск Пясецком.

³⁹ Mickiewicz Adam, Dzieła, t. XIV, cz. I, s. 379.

⁴⁰ Mickiewicz Wł. Żywot Adama Mickiewicza, t. I. Poznań, 1890, s. 202—203.

⁴¹ Mickiewicz Adam, Dzieła, t. XIV, cz. I, s. 379.

приехавшая в ноябре 1828 г. в Петербург и горевшая желанием (правда, недолго) отправиться вслед за мужем в Сибирь, настойчиво добивалась с ним встречи. Но все ее усилия оказались тщетными. Письмо на высочайшее имя встретило отказ (28 ноября 1828 г.). Тогдашний поверенный в делах Мошинского К. Саббатин не мог получить даже разрешения на право переписки со своим подопечным. Переписка была разрешена лишь после вынесения приговора. К этому времени Иоанна Мошинская сменила поверенного: вместо Саббатина им стал М. Пясецкий. 5 апреля 1829 г. Мошинский в письме к Пясецкому просил последнего обратиться к «высокому покровителю» (Бенкендорфу), обещавшему разрешить встречи уже осужденному «государственному преступнику» со своим поверенным. Бенкендорф действительно одобрил просьбу Мошинского. 18 апреля Пясецкий обратился с письмом на высочайшее имя. 24 апреля разрешение было санкционировано Николаем.⁴²

Этот неожиданный покровительственный жест был связан с предстоящей отправкой Мошинского по этапу в Сибирь (первоначальная дата отправки намечалась на 25 мая 1829 г.), к тому же встречи должны были проходить «при свидетелях» и не чаще одного раза в неделю. Учитывая, что со времени получения разрешения на посещение Мошинского в тюрьме и до его предполагаемого отъезда в Сибирь оставалось несколько менее месяца, мы вправе утверждать, что за это время Пясецкий мог встретиться с «государственным преступником» не более трех-четырёх раз. Впоследствии отъезд несколько раз откладывался и состоялся лишь 26 декабря 1829 г. Но Пясецкий, разумеется, не мог всего этого знать и должен был разрешить все интересовавшие его дела до 25 мая. Вполне естественно предположить, что именно в это время Пясецкий передал альбом с автографами Мицкевича Мошинскому. Вероятней всего, это было сделано не при первой, а в одну из последующих встреч, где-то между 10 и 25 мая. В этой связи не лишним будет напомнить, что 15 мая Мицкевич выехал из Петербурга за границу.

Не странно ли выглядит, что Пясецкий, никогда ранее не знавший Мошинского, при начальном же знакомстве с ним предлагает ему в дар альбом с драгоценными автографами своего гениального друга? Если согласиться с вполне правдоподобным предположением, что Мицкевич мог передать свой альбом Пясецкому лишь после февраля, когда из печати вышло новое двухтомное издание его произведений и он перестал нуждаться в альбоме, либо — что еще вероятней — это произошло незадолго до его отъезда, в конце апреля — начале мая, то ситуация представится еще более удивительной. Преклонявшийся перед своим гениальным другом Пясецкий, только получивший от него на память при приближении разлуки альбом, тут же передаривает эту святую для него реликвию в общем совершенно чуждому человеку. Не правда ли, мы выкажем несправедли-

⁴² ЦГИА СССР, ф. 1280, оп. 1, д. 11. Секретное управление комитета СПб. крепости. Входящие бумаги, ч. 2 (1828), л. 2—4, 258; 275; ЦГАОР, 1 экзп. 1827, д. 173, ч. 1, л. 289—290, 293—294.

вое отношение к Пясецкому, натуре, по-своему героической, если поверим в подобную бестактность в его поведении.

Иначе будет выглядеть ситуация, если представить себе Пясецкого в его настоящей роли — поверенного не только в делах Мошинского, но и Мицкевича. Начиная с первого своего приезда в Петербург и вплоть до отъезда за границу Мицкевич находился в постоянном общении с Пясецким. Не исключено, что Иоанна Мошинская именно по рекомендации поэта избрала Пясецкого своим поверенным. Для Пясецкого это было первое самостоятельное ведение дел в Петербурге, и сомнительно, чтобы только что приехавшая Мошинская решилась без серьезной протекции поручить столь ответственное дело совершенно неизвестному ей человеку. Да и вряд ли Пясецкий мог быть известен в Петербурге как опытный юрист. Трудно отказаться от предположения, что только Мицкевичу, знавшему Мошинских еще с одесских времен (оставляю в стороне гипотезу Л. Подгорского-Околува, видевшего в Иоанне Мошинской главную героиню одесских советов⁴³), могла прийти в голову идея рекомендовать Пясецкого, деловые качества которого он высоко ценил. Как бы то ни было, но Пясецкий безусловно информировал поэта о всех перипетиях дела, связанного с Мошинским и его супругой, добивавшейся выезда вслед за мужем в Сибирь.

Судьба альбома с автографами поэта, подаренного Пясецким Мошинскому, может проясниться лишь на фоне политической биографии Мицкевича тех лет.

Пясецкий был не единственным источником сведений Мицкевича о петербургском процессе членов Патриотического общества. 10/22 августа 1827 г. польский поэт из Москвы обратился с письмом к своему одесскому приятелю Готарду Собанскому, недавно получившему чин камер-юнкера и служившему в Петербурге при министерстве внутренних дел. Письмо касалось предстоящего издания «Конрада Валленрода», виньетку к которому собирался нарисовать Собанский. Мицкевич подробно излагал, каким он хотел видеть будущий рисунок.⁴⁴ Надеждам этим не суждено было осуществиться. Вместо того чтобы изобразить «великого магистра закрывшимся в своей келье», Собанский сам угодил в тюремную «келью». 25 сентября 1827 г. он был арестован и брошен в казематы Петропавловской крепости по обвинению в нелегальной переписке с «государственными преступниками» — Л. Собанским и П. Мошинским. Почти одновременно подобная участь постигла двоюродного брата Мошинского В. Пининского. Нелегальная переписка шла через майора Богданова, с которым познакомил Собанского другой весьма близкий знакомый поэта по Одессе Станислав Шемиот, взявший позже на себя хлопоты о своем угодившем в тюрьму друге. Не мог не встречаться Мицкевич и с приехавшей из Одессы женой Л. Собанского Розалией, урожденной Лубенской, приятель-

⁴³ Podhorski-Okółów L. O mickiewiczowskiej «Donnie Giovannie», «Trzy Joanny» (Odrodzenie, 1946, N 12, 14).

⁴⁴ Mickiewicz Adam. Dzieła, t. XIV, cz. 1, s. 349.

ницей И. Залеской и Шемиотов. Собанской, настойчиво домогавшейся встреч с мужем, несколько раз отказывали в просьбах, а в начале 1829 г. даже выслали за «пронырливость» из Петербурга.⁴⁵

В воспоминаниях С. Моравского, врача, практиковавшего в Петербурге и знавшего Мицкевича еще по Виленскому университету, содержится любопытный штрих, дополняющий наши представления об отношении Мицкевича к судьбе польских политических узников: «Новомейский, живший в то время па Волини, вместе с Михалом Ромером, уездным маршалом Игнатием Завишой, известным редким своим красноречием, Струмилой, Вагнером, Чарковским, семидесятилетним литовским обозным Карлом Прозором и другими был схвачен, заключен в тюрьму, судим и, в конце концов, после многих камер, помещен в Петропавловскую крепость в Петербурге. По истечении известного времени, в 1828 или 1829 году, монарх даровал ему и его коллегам свободу. Я жил тогда уже постоянно в Петербурге. Он навестил меня ненадолго. Я также нанес ему и его коллегам короткий визит, поскольку все они проживали у Демута и не располагали временем, получив распоряжение немедленно оставить столицу, и им нужно было еще уладить дела с отъездом, а время было зимнее и снежное. Мицкевич, Адам, все же успел устроить обед для Завиши, на котором был и я. Другие опасались — и не без оснований — даже нос высунуть наружу, чтобы снова не попасть случайно в камеру. У всех — а их было немало — лица были белей голландского полотна, словно их кто-то мукой посыпал. Столько лет не видеть солнца!».⁴⁶

Описанный Моравским эпизод можно с относительной точностью датировать. 27 февраля 1829 г. начальник главного штаба сообщал, что «государь император соизволил освободить ныне же содержащихся в СПб. крепости по делу о злоумышленных обществах в польских губерниях существующих арестантов: Петра Лаговского, Карла Прозора и Карла Дзеконского, дабы арестантам сим по освобождении из крепости было дозволено прожить в столице не более трех дней».⁴⁷ Основная масса привлеченных к следствию была освобождена в первых числах марта, во всяком случае до 14 марта, когда Мицкевич выехал в Москву, где провел более месяца. В начале апреля литовский военный губернатор уже сообщал о поведении находящихся под полицейским надзором Завиши, Новомейского, Струмилы и Вагнера.⁴⁸ Если мы вспомним, что как раз в начале марта Мицкевич наконец получил разрешение на выезд за границу и малейшая неосторожность могла перечеркнуть все его планы, то значение этой встречи у Демута, довольно точно описанной Моравским, станет яснее.

Спустя несколько дней после обеда, данного в честь освобожденных из Петропавловской крепости узников, Мицкевич выехал в Москву, откуда вернулся 17 апреля. По-видимому, Пясецкий ознакомил поэта с письмом,

⁴⁵ ЦГАОР, 1 эксп., 1827, № 173, ч. 1, л. 278.

⁴⁶ Morawski St. Kilka lat młodości mojej w Wilnie (1818—1825). Warszawa, 1924, s. 57—58.

⁴⁷ ЦГИА СССР, ф. 1280, оп. 1, д. 11, л. 113 об.

⁴⁸ ЦГАОР, 1 эксп., 1827, ч. 1, д. 173, л. 294.

вое отношение к Пясецкому, натуре, по-своему героической, если поверим в подобную бестактность в его поведении.

Иначе будет выглядеть ситуация, если представить себе Пясецкого в его настоящей роли — поверенного не только в делах Мошинского, но и Мицкевича. Начиная с первого своего приезда в Петербург и вплоть до отъезда за границу Мицкевич находился в постоянном общении с Пясецким. Не исключено, что Иоанна Мошинская именно по рекомендации поэта избрала Пясецкого своим поверенным. Для Пясецкого это было первое самостоятельное ведение дел в Петербурге, и сомнительно, чтобы только что приехавшая Мошинская решилась без серьезной протекции поручить столь ответственное дело совершенно неизвестному ей человеку. Да и вряд ли Пясецкий мог быть известен в Петербурге как опытный юрист. Трудно отказаться от предположения, что только Мицкевичу, знавшему Мошинских еще с одесских времен (оставляю в стороне гипотезу Л. Подгорского-Околува, видевшего в Иоанне Мошинской главную героиню одесских сонетов⁴³), могла прийти в голову идея рекомендовать Пясецкого, деловые качества которого он высоко ценил. Как бы то ни было, но Пясецкий безусловно информировал поэта о всех перипетиях дела, связанного с Мошинским и его супругой, добивавшейся выезда вслед за мужем в Сибирь.

Судьба альбома с автографами поэта, подаренного Пясецким Мошинскому, может проясниться лишь на фоне политической биографии Мицкевича тех лет.

Пясецкий был не единственным источником сведений Мицкевича о петербургском процессе членов Патриотического общества. 10/22 августа 1827 г. польский поэт из Москвы обратился с письмом к своему одесскому приятелю Готарду Собанскому, недавно получившему чин камер-юнкера и служившему в Петербурге при министерстве внутренних дел. Письмо касалось предстоящего издания «Конрада Валленрода», виньетку к которому собирался нарисовать Собанский. Мицкевич подробно излагал, каким он хотел видеть будущий рисунок.⁴⁴ Надеждам этим не суждено было осуществиться. Вместо того чтобы изобразить «великого магистра закрывшимся в своей келье», Собанский сам угодил в тюремную «келью». 25 сентября 1827 г. он был арестован и брошен в казематы Петропавловской крепости по обвинению в нелегальной переписке с «государственными преступниками» — Л. Собанским и П. Мошинским. Почти одновременно подобная участь постигла двоюродного брата Мошинского В. Пининского. Нелегальная переписка шла через майора Богданова, с которым познакомил Собанского другой весьма близкий знакомый поэта по Одессе Станислав Шемиот, взявший позже на себя хлопоты о своем угодившем в тюрьму друге. Не мог не встречаться Мицкевич и с приехавшей из Одессы женой Л. Собанского Розалией, урожденной Лубенской, приятель-

⁴³ Podhorski-Okółw L. O mickiewiczowskiej «Donnie Giovannie», «Trzy Joanny» (Odrodzenie, 1946, N 12, 14).

⁴⁴ Mickiewicz Adam. Dzieła, t. XIV, cz. 1, s. 349.

ницей И. Залеской и Шемиотов. Собанской, настойчиво домогавшейся встреч с мужем, несколько раз отказывали в просьбах, а в начале 1829 г. даже выслали за «пронырливость» из Петербурга.⁴⁵

В воспоминаниях С. Моравского, врача, практиковавшего в Петербурге и знавшего Мицкевича еще по Виленскому университету, содержится любопытный штрих, дополняющий наши представления об отношении Мицкевича к судьбе польских политических узников: «Новомейский, живший в то время на Волыни, вместе с Михалом Ромером, уездным маршалом Игнатием Завишой, известным редким своим красноречием, Струмиллой, Вагнером, Чарковским, семидесятилетним литовским обозным Карлом Прозором и другими был схвачен, заключен в тюрьму, судим и, в конце концов, после многих камер, помещен в Петропавловскую крепость в Петербурге. По истечении известного времени, в 1828 или 1829 году, монарх даровал ему и его коллегам свободу. Я жил тогда уже постоянно в Петербурге. Он навестил меня ненадолго. Я также нанес ему и его коллегам короткий визит, поскольку все они проживали у Демута и не располагали временем, получив распоряжение немедленно оставить столицу, и им нужно было еще уладить дела с отъездом, а время было зимнее и снежное. Мицкевич, Адам, все же успел устроить обед для Завиши, на котором был и я. Другие опасались — и не без оснований — даже нос высунуть наружу, чтобы снова не попасть случайно в камеру. У всех — а их было немало — лица были белей голландского полотна, словно их кто-то мукой посыпал. Столько лет не видеть солнца!»⁴⁶

Описанный Моравским эпизод можно с относительной точностью датировать. 27 февраля 1829 г. начальник главного штаба сообщал, что «государь император соизволил освободить ныне же содержащихся в СПб. крепости по делу о злоумышленных обществах в польских губерниях существующих арестантов: Петра Лаговского, Карла Прозора и Карла Дзеконского, дабы арестантам сим по освобождении из крепости было дозволено прожить в столице не более трех дней».⁴⁷ Основная масса привлеченных к следствию была освобождена в первых числах марта, во всяком случае до 14 марта, когда Мицкевич выехал в Москву, где провел более месяца. В начале апреля литовский военный губернатор уже сообщал о поведении находящихся под полицейским надзором Завиши, Новомейского, Струмиллы и Вагнера.⁴⁸ Если мы вспомним, что как раз в начале марта Мицкевич наконец получил разрешение на выезд за границу и малейшая неосторожность могла перечеркнуть все его планы, то значение этой встречи у Демута, довольно точно описанной Моравским, станет яснее.

Спустя несколько дней после обеда, данного в честь освобожденных из Петропавловской крепости узников, Мицкевич выехал в Москву, откуда вернулся 17 апреля. По-видимому, Пясецкий ознакомил поэта с письмом,

⁴⁵ ЦГАОР, 1 эксп., 1827, № 173, ч. 1, л. 278.

⁴⁶ Morawski St. Kilka lat młodości mojej w Wilnie (1818—1825). Warszawa, 1924, s. 57—58.

⁴⁷ ЦГИА СССР, ф. 1280, оп. 1, д. 11, л. 113 об.

⁴⁸ ЦГАОР, 1 эксп., 1827, ч. 1, д. 173, л. 294.

которое отправил на высочайшее имя, добываясь свидания с Мошинским. Можно не сомневаться также в том, что Пясецкий обстоятельно изложил Мицкевичу свои впечатления от первых встреч с Мошинским, которые состоялись между 25 апреля и 15 мая 1829 г., — слишком исключительным, помимо всего остального, был этот факт в практике политического процесса. 4 мая был выпущен под надзор полиции несостоявшийся иллюстратор «Конрада Валленрода» Готард Собанский, очевидно, повидавшийся с поэтом и простившийся с ним перед своим отъездом из Петербурга, который состоялся 6 мая. 8 мая Иоанна Мошинская получила официальное разрешение «следовать за мужем в Сибирь», но с утратой всех гражданских прав. Вспыхнувший вскоре после этого роман с Юревичем нарушил все планы Иоанны Мошинской, потерявшей всякий интерес к Сибири и озабоченной лишь одним — разделом имущества.

Хроника этих событий не могла не занимать в той или иной мере внимания Мицкевича накануне его отъезда за границу. Петр Мошинский был единственным личным знакомым Мицкевича среди заключенных, остававшихся в Петропавловской крепости (Людвик Собанский был освобожден еще 30 марта). К тому же Мошинский был осужден наиболее строго: «лишить графского достоинства и дворянства и сослать в Сибирь на поселение на десять лет»; не забудем, что 24 из 27 находившихся под следствием были освобождены после весьма незначительных мер наказания (пребывание в крепости от двух месяцев до году) и отправлены на места жительства под полицейский надзор. Мошинский в некотором роде находился как бы в фокусе всех интересов Мицкевича, связанных с судьбой заключенных в Петропавловскую крепость членов Патриотического общества. Поэт, не побоявшийся рискнуть своим заграничным паспортом, давая прощальный обед Завише и его «коллегам», не мог не испытать желания проститься и со своим одесским знакомым, оказавшимся в столь трагической ситуации. Общий «поверенный» в делах Мицкевича и Мошинского Марьян Пясецкий располагал возможностями облегчить это прощание. Приведенные выше факты дают известные основания для предположения, что Мицкевич накануне отъезда за границу мог передать через Пясецкого Мошинскому свой альбом с автографами стихотворений, связанных с Одессой и Крымом, — благородное напоминание о времени, когда они познакомились и встречались друг с другом.

Надпись, сделанная новым владельцем альбома на одной из его последних страниц, несколько не противоречит этому предположению. Напротив, было бы удивительно, если бы Мошинский указал, что альбом подарен ему самим автором. В тюремных условиях, в которых он находился, такая надпись могла привести к самым нежелательным последствиям, прежде всего, для Мицкевича. Опыт с нелегальной перепиской, которую пытались вести с Мошинским Г. Собанский и В. Пинипский, оставался еще достаточно свежим в его памяти. Иное дело Пясецкий, имевший официальное разрешение посещать заключенного в Петропавловской крепости. Как раз эти факты Мошинский зафиксировал в своей надписи, подчеркивая «легальный» характер этого дара: «Album własnoręczne Adama

Mickiewicza darowane mi w fortecy Petropawłowskiej w Petersburgu 1829 roku przez Maryana Piaseckiego».

Исследуя судьбу альбома с автографами Мицкевича, погружаясь в малоизученные разделы его биографии, мы пытались объяснить, при каких обстоятельствах альбом изменил свое назначение: перестал быть рабочей тетрадью поэта и стал собранием автографов, драгоценной реликвией, перешел к другому владельцу. Собственно, речь шла лишь о том времени, когда Мицкевич потерял надобность в альбоме, о причинах, которые могли его побудить расстаться с ним, о последней главе в биографии альбома, принадлежавшего поэту. Но главная проблема остается открытой. Какими были начальные главы жизни альбома? Когда и почему он стал заполняться? В какой мере он может быть использован для хронологических атрибуций стихотворений, вписанных в него? Каково значение этих автографов в творческой истории отдельных произведений поэта?

С того времени, когда Губрынович воспроизвел содержание альбома, тот стал рассматриваться как главный и едва ли не единственный источник, позволяющий определить время создания сонетов, написанных в Одессе и Крыму. Опровергая легенду об изначальной принадлежности альбома Мошинскому, Губрынович не сомневался в его одесском происхождении.⁴⁹ Эти наблюдения были подхвачены С. Виндакевичем. Во время своего путешествия в Крым Мицкевич располагал, по мнению исследователя, двумя записными книжками, которые заполнял своими дорожными впечатлениями, — одна из них получила название альбома Мошинского, другая осталась нам неизвестной, хотя ее содержание легко восстановить. Ход рассуждений Виндакевича вполне ясен: поскольку в альбоме Мошинского представлены не все сонеты, то отсутствующие заносились в другую тетрадь. «Мицкевич, записывая первый сонет, не знал, каким будет последний. Дорожная его тетрадь превосходно объясняет генезис сонетов: они разбросаны в ней без всякого порядка», т. е. вписывались в альбом по мере их создания, и последовательность этих записей отражает временные соотношения в процессе возникновения стихотворений.⁵⁰ Более осторожен был в своих выводах Брухнальский. По его мнению, «альбом Мошинского не дает слишком многого для этих столь ожидаемых выяснений, как из-за своей неполноты (отсутствие десяти сонетов), так и потому, что он заполнялся не только в Одессе и Крыму, но и в Москве». Тем не менее Брухнальский не сомневался в южном происхождении альбома и видел в стихотворении «Размышления в день отъезда» хронологическую веху, разделившую одесско-крымский и московский периоды. Остановившись на утверждениях о ковенско-виленском происхождении сонета «К Лауре», исследователь писал: «Теперь, когда мы ознакомились с содержанием альбома Мошинского, в котором находится автограф „К Лауре“, значительно отличающийся от опубликованного текста в московском издании, время создания этого сонета можно с полной уверен-

⁴⁹ Gubrynowicz B. Album Piotra Moszyńskiego, s. 480—492.

⁵⁰ Windakiewicz St. Sonety Krymskie. — Kraj, 1896, N 45, s. 190; N 46, s. 202, п др.

ностью отнести к Одессе». В другом месте он пишет, что «автограф „Благословення“ находится в альбоме Мошинского и относится поэтому к одесскому времени».⁵¹

Одесское происхождение альбома Мошинского не вызывало сомнений ни у кого из исследователей творчества Мицкевича. Но, пожалуй, никогда ранее авторитет альбома не поднимался так высоко, как это было сделано в последнем фундаментальном издании «всех произведений Адама Мицкевича», выдающемся достижении польской филологической науки, итоговом труде целого ряда поколений исследователей творчества поэта. В обстоятельном критическом комментарии Ч. Згожельского к первым двум томам стихотворений полностью реализован выдвинутый еще Виндакевичем принцип зависимости хронологических атрибуций от расположения автографов в альбоме, правда, с некоторыми уточнениями и с большей предположительностью. Исследователь проявляет оправданную осторожность в определении времени создания сонетов и настойчиво подчеркивает, что в этом отношении альбом не дает «достаточных оснований для выводов, поскольку в нем содержится лишь часть сонетов и он, как будто, не был единственной тетрадью, куда поэт вписывал свои творения». Вместе с тем Ч. Згожельский склонен поддержать уже существующую традицию: «Более близкое рассмотрение порядка произведений, вписанных в альбом, убеждает, однако, в справедливости утверждений Виндакевича». И в более сдержанной форме — «порядок записи произведений в альбоме Мошинского может соответствовать — в определенной степени — хронологической очередности их создания». Но в отличие от Виндакевича, ограничившего себя рассмотрением лишь тех записей, которые представлены в альбоме, автор «критического приложения» обращается и к отсутствующим, не уцелевшим, но когда-то бесспорно существовавшим автографам. И в том, и в другом случае альбом Мошинского остается фактором, наиболее часто принимающимся во внимание при определении времени создания стихотворений.

«Отсутствие автографа в альбоме Мошинского затрудняет решение вопроса; если все же поэт не написал сонета (XII) в Одессе, то весьма правомерно было бы перенести его создание на пребывание Мицкевича в Москве». То же говорится о сонете XIII: «Мог быть написан во время жизни поэта в Москве либо еще в последние недели одесского периода; так, по крайней мере, можно судить из того факта, что его нет в альбоме Мошинского». Поскольку сонет XIV также не представлен в альбоме Мошинского, то время его написания предположительно переносится к концу одесского и даже на начало московского периода.

Такой же тип аргументации распространяется на крымские сонеты. «Отсутствие автографа, — говорится в примечаниях к сонету «Бахчисарай почью», — дает известные основания отнести его создание за границы 1825 года, на время жизни поэта в Москве». «Вероятнее всего „Байдары“ относятся к позднему, быть может, к московскому периоду формиро-

⁵¹ Dzieła Adama Mickiewicza, t. II, Lwów, 1901, s. 10—11, 442, 446.

вания сонетов». Также определено время создания сонетов «Алушта ночью», «Алушта днем», «Чатырдаг», «Гробница Потоцкой», «Могила гарема», «Развалины замка в Балаклаве», «Аюдаг».⁵²

Подобные предположения покоятся на убеждении, — правда, нигде отчетливо не сформулированном, — что альбом Мошинского заполнялся преимущественно в Одессе и лишь отчасти в Москве. Согласно этому представлению, отсутствие тех или иных стихотворений в альбоме Мошинского может скорее говорить в пользу перенесения их создания на более поздний период жизни поэта. Иными словами, подразумевается, что, будь эти стихотворения написаны ранее, еще в Одессе или Крыму, они неминуемо оказались бы па страницах альбома Мошинского.

Трудно согласиться с логикой приведенных выше наблюдений, даже если они выражены в примечаниях с необходимой осторожностью и в сопровождении смягчающих уточнений. Дело в том, что альбом Мошинского заполнялся — факт этот общеизвестен — до 1828 г. включительно. Все сонеты Мицкевича, вошедшие в издание 1826 г., были написаны до появления в альбоме стихотворений 1827—1828 гг. Следовательно, в альбоме было достаточно места, чтобы Мицкевич мог вписать в него сонеты, которые возникли не в Одессе, а в первые месяцы московской жизни. Естественно рождается вопрос, почему он это не сделал? Ведь речь идет не об одном или двух стихотворениях. Больше половины одесских и крымских сонетов (21 из 40) осталось вне альбома Мошинского. Эти сонеты, разумеется, существовали не в воздухе, а в каких-то записях, в других альбомах или тетрадах,⁵³ которыми поэт пользовался в бытность свою в Одессе, Крыму и Москве.⁵⁴

Какими бы ни были наши достаточно общие представления о недошедших автографах сонетов Мицкевича, уже сейчас можно сделать несколько вполне оправданных умозаключений. Прежде всего следует признать, что отсутствие в альбоме Мошинского многих одесских и крымских сонетов безусловно свидетельствует о том, что наряду с известным альбомом существовали другие записи стихотворений Мицкевича, созданных в 1825—1826 гг. Из этой констатации вытекает очевидное суждение о том, что отсутствие тех или иных сонетов в альбоме не является (и не может являться) основанием для уточнения датировок или предположительного перенесения времени создания стихотворений на московский период жизни поэта.

С неменьшими трудностями можно столкнуться при определении времени создания сонетов, вписанных в альбом Мошинского. В примечаниях Ч. Эгожельского — по своему характеру они являют собой род небольших филологических монографий, сопровождающих каждое стихотворение, — часто указывается на хронологическую зависимость стихотворений от места, занимаемого тем или иным автографом в альбоме. Сонет «К Лауре» — одно из первых и ранних стихотворений, созданных

⁵² Mickiewicz Adam. Dzieła wszystkie, t. I, cz. 2, s. VIII, 110—193.

⁵³ Kraj, 1896, N 45, s. 189.

⁵⁴ A ër (Rz ar z e w s k i). Mickiewicz w Odessie i twórczość jego z tego czasu. Warszawa, 1898, s. 36.

в Одессе, по месту нахождения автографа в альбоме Мошинского рядом с первыми записями. О другом сонете (III) сказано, что его «нужно, по-видимому, отнести к первым месяцам жизни Мицкевича в Одессе, что по меньшей мере следует из того, что сонет одним из первых был вписан в альбом». В спорах о виленско-ковенском происхождении ряда сонетов Ч. Згожельский считает решающими не биографические гипотезы, а тот факт, что «черновой текст сонета вписан в альбом Мошинского среди произведений, созданных в Одессе». Для сонета «Благословение» «решающим является факт записи черновой редакции на первых страницах альбома Мошинского: сонет мог быть написан в первые месяцы жизни в Одессе». О сонете «Добрый вечер»: «Если исходить из того места, которое занимает сонет в альбоме Мошинского, то он мог быть написан поэтом среди первых одесских произведений».

С такою же последовательностью все крымские сонеты отнесены к последним месяцам жизни Мицкевича в Одессе и первым — в Москве. Некоторые различия и уточнения вносятся с учетом порядка заполнения альбома. Так, например, сонет «Бахчисарай», открывающий альбом, но вписанный уже после того, как были заполнены его первые листы, был, по мнению комментатора, написан, вероятно, в Одессе.⁵⁵

Таким образом, фундаментальной основой, на которой покоятся все хронологические атрибуции, является убеждение, что альбом Мошинского заполнялся по мере создания стихотворений и соответственно тот порядок, в котором они следуют друг за другом, позволяет приблизительно воспроизвести время и очередность их создания. Эта мысль развита у С. Випдакевича, полагавшего, что «бесплановая» запись сонетов в альбоме Мошинского последовательно отражает путешествие поэта по Крыму. Но с этими предположениями трудно согласиться. Они не соответствуют ни реальному путешествию поэта, ни логике записей сонетов в альбоме. «Композиция» сонетов в альбоме Мошинского не совпадает ни с географической, ни с хронологической последовательностью передвижений Мицкевича в Крыму, да и вообще по югу.

«Путешествие в Аккерман» («Аккерманские степи»), которое биографически предшествовало всем стихотворениям из крымского цикла, находится в его конце, неподалеку от стихотворения «Размышления в день отъезда» из Одессы. Написанный в Крыму «Бахчисарай» открывает альбом и предшествует более раннему одесскому циклу сонетов. Первый созданный в Крыму сонет, как об этом свидетельствует авторитетная запись слов Мицкевича в дневнике Ф. Малевского, получивший впоследствии название «Пилигрим» (первоначально в альбоме Мошинского: «В Крыму на Чатырдаге»), находится лишь на одиннадцатом месте в ряду других автографов альбома Мошинского. Первые зрительные впечатления от горного Крыма запечатлены в сонете «Вид гор из степей Козлова», который помещен в альбоме между «Путешествием в Аккерман» и стихотворением, навеянным предстоящим отъездом из Одессы,

⁵⁵ Mickiewicz Adam. *Dzieła wszystkie*, t. I, cz. 2, s. 166.

в конце крымского цикла. Там же рядом, в крымско-московском окружении, два одесских сонета — «Охотник» и «Пара» («Утро и вечер»). Между вариантами сонета, описывающего путешествие в Аккерман, вписана вторая часть виленской импровизации «Папа».

Если сопоставить реальное содержание альбома с мнением Виндакевича, видевшего в нем пекий род путевого дневника, то трудно найти пример большего несоответствия: между автографами отсутствуют какие-либо биохронологические связи, а попытки их обнаружить или установить могут привести лишь к полной неразберихе.

Чтобы как-то объяснить все эти несообразности и противоречия, в примечаниях Ч. Згожельского нередко доказывается — и небезосновательно — что отдельные стихотворения вписывались в альбом с уже существовавших ранее автографов. Поскольку большинство стихотворений не датировано автором, а «биографические гипотезы» по большей части не вызывают доверия, такие объяснения становятся вполне правомерными. Но они не всегда спасают от противоречий. Так, хотя стихотворение «Размышления в день отъезда» имеет авторскую датировку «29 октября 1825», оно почему-то вписано в «московскую» часть альбома. В примечаниях с некоторыми оговорками приводится мнение Губрыновича, высказавшего предположение, что дата, поставленная поэтом, якобы относится не ко времени написания стихотворения, а к самому факту отъезда, который мог быть зафиксирован в подписи под стихотворением уже в Москве. Сопоставление этого объяснения с реальными фактами из жизни поэта в высшей степени поучительно.

20 октября по старому стилю или 1 ноября по новому исполняющий обязанности директора Риппельевского лицея объявил Мицкевичу о состоявшемся 26 X/7 XI предписании отправить его в Москву для определения в канцелярию московского генерал-губернатора. Из-за болезни попечителя лицея И. О. Витта исполнение предписания было несколько задержано и окончательный отъезд состоялся лишь 1/13 XI. Если бы Мицкевич вспоминал в Москве о своем отъезде из Одессы, он бы вспомнил либо тот день, когда ему объявили об этом (20 X/1 XI), либо самый отъезд, состоявшийся 1/13 ноября 1825 г. Но в том-то и дело, что Мицкевич не ошибся в дате: он написал «размышления» по поводу отъезда из Одессы за день-два до того, как он состоялся и когда этот вопрос был уже окончательно решен. Содержание стихотворения, насыщенного атмосферой ожидания, одиночества, приближающегося расставания, вполне соответствует именно этой дате. Приходится отвести объяснение Губрыновича. Число, указанное поэтом, точно фиксирует время создания стихотворения, а не самый отъезд и воспоминания о нем, записанные уже в Москве.

Суть приведенного выше примера отнюдь не сводится к необходимости сохранения единственной указанной поэтом среди одесских стихотворений даты; сама методология, опирающаяся на биохронологическую очередность внесенных в альбом Мопшинского записей, терпит здесь свою неудачу. Действительно, если исходить из того, в целом разумного и оправданного биографическими соображениями представления, что одесские со-

неты были в основном написаны раньше крымских, а крымские сонеты предшествовали появлению стихотворений, написанных в Москве, то альбом Мошинского, который якобы должен отражать этот процесс, представляет больше исключений, чем подтверждений, для такого заключения. Происходит незаметная, но существеннейшая логическая неувязка: характеристика происхождения альбома находится в разительном противоречии с его содержанием.

Здесь уместно напомнить, что происхождение альбома никто сколько-нибудь серьезно не обследовал и версия о хронологической последовательности внесения в него стихотворений не является научно установленным фактом. Старая, идущая со времен Виндакевича, традиция, принятая на веру многими исследователями творчества Мицкевича, нуждается в серьезном обосновании. К сожалению, альбом Мошинского скорее описан, чем изучен. И как ни полезны описательные характеристики Губрыновича и Брухнальского (сейчас это единственные источники сведений об альбоме), они не могут заменить главного: прежде чем опираться на альбом Мошинского при определении времени создания содержащихся в нем стихотворений, необходимо установить время заполнения самого альбома, прояснить по мере возможностей его «индивидуальную биографию».

Начнем с твердо установленных фактов. 28 октября 1826 г. рукопись «Сонетов» была одобрена цензором М. Каченовским. Сама рукопись была сдана в цензуру несколько ранее, 20 октября. Естественно, что замысел издания «Сонетов» возник еще раньше, в летние и осенние месяцы 1826 г. В одном из своих писем, написанных в августе, Ф. Малевский упоминал о выходе нового цензурного устава. Не сказалось ли в этом какое-то беспокойство, связанное с предстоящими хлопотами по поводу издания «Сонетов»? Тем более что один из знакомых Малевскому цензоров В. Г. Анастасевич был вскоре переведен из Москвы в Петербург. Как бы то ни было, но в августе и сентябре замысел «Сонетов» уже не только существовал, но и оформлялся для предполагаемого издания. Если теперь обратиться к альбому Мошинского и взглянуть на него в перспективе издательских интересов Мицкевича, то не может не поразить один примечательный факт: альбом совершенно не затронут этими хлопотами, он заполнялся в своей «южной» части до того, как у Мицкевича сложились какие-либо представления о самостоятельном издании сонетов, об их делении в циклы. Тем самым возникает возможность определить с относительной точностью верхнюю границу заполнения альбома одесскими и крымскими стихотворениями — она поднимается не выше августа — сентября 1826 г. К этому времени альбом Мошинского был в основном заполнен: из общего числа 44 стихотворений было вписано 38 (в том числе 19 «любовных» и «крымских» сонетов), занявших 67 листов. Замыкающим одесско-крымский цикл было стихотворение «Кикинеиз» (л. 68), представляющее собой одну из ранних редакций будущего сонета.

Более сложен вопрос о происхождении альбома, о времени, когда он стал заполняться. Уже при первом знакомстве с ним, во всяком случае в той копии, которую опубликовал Губрынович, бросаются в глаза не только хронологические несоответствия, на что уже обращалось внимание, но и хаотическое, лишенное каких бы то ни было жанровых или тематических связей размещение стихотворений. Но в этом потоке, казалось бы, случайных записей, внесенных поэтом в альбом в годы его жизни в России, есть некая странность, настоятельно требующая объяснения. В самом деле, альбом открывается двумя стихотворениями, написанными в Вильне в 1823 и 1824 гг. Конечно, мысль о перенесении на этом основании альбома в виленско-ковенские времена весьма сомнительна: одесское происхождение этих записей по большей части не вызывает сомнений. Но что побудило Мицкевича остановиться на стихотворениях, ни тематически, ни генетически не связанных с остальными, составляющими довольно устойчивое «русское» содержание альбома? Почему поэт не избрал для записи свои другие, еще не опубликованные в то время стихотворения? Ведь обращался же он через посредство Малевского к М. Пясецкому в Вильну с просьбой прислать ему списки своих произведений, в том числе «Оду к юности» и полный — без цензурных пропусков — текст «Послания к Иоахиму Лелевелю». Но, начиная свой альбом, он почему-то остановился на двух стихотворениях, между которыми вообще ничего не было общего: они разделены добрым годом времени, одно обращено к любимой девушке («К Марии, 1823»), другое является импровизацией, с которой поэт выступил перед своими друзьями в Вильне незадолго до отъезда в Россию («Паша», 1824). И все же выбор этих стихотворений не был случаен; он был продиктован какими-то определенными мотивами, возможно вскоре для самого поэта потерявшими свое значение, по в тот момент, когда стихотворения вносились в альбом, достаточно значительными. Исследование этих мотивов, восстановление литературно-общественной и психологической ситуации, в которой тогда находился поэт, — как бы приблизительны и предположительны ни были наши наблюдения, — позволяют более углубленно понять некоторые недостаточно изученные факты творческой биографии Мицкевича.

Замысел издания 3-го тома своих произведений появился у Мицкевича еще в Вильне, но следствие по делу филоматов и филаретов с последующей ссылкой «в отдаленные от Польши губернии» на время отодвинуло эти планы. Они снова возродились незадолго перед отъездом в Москву. А. А. Скальковский, повидавшийся с поэтом сразу же после его приезда в столицу, сообщал своему виленскому приятелю Д. Загоровскому 18 декабря 1825 г.: «Адам Мицкевич приехал в Москву; недавно рассказал мне, что в скором времени издаст третий томик своих поэтических произведений».⁵⁶

⁵⁶ Pió oń St. Z dawnego Wilna, Wilno, 1929, s. 122.

В первые месяцы московской жизни работа над третьим томиком почти не продвинулась. В своих письмах поэт несколько раз жаловался, что муза его, «слегка ожившая в Одессе», вновь замолчала, когда он получил распоряжение о выезде.⁵⁷ Высоцкий, встречавшийся с Александром Мицкевичем, передавал И. Лелевелю, что «Адам (по словам брата) молчит, не поет, ибо голоден».⁵⁸ В марте ситуация несколько изменилась, поэт снова принялся за третий томик и даже сообщил А.-Э. Одынду, что вскоре его издаст.

Понятно, что в пору деятельной подготовки третьего тома, когда сбор и обработка написанных ранее стихотворений для намечаемого издания становились важнейшим делом, Мицкевич не мог без глубокого возмущения воспринимать незаконные и небрежные публикации своих произведений в варшавских журналах. Огорчение Мицкевича было тем значительней, что главным инициатором этих публикаций, поставлявшим в журналы его произведения, был А.-Э. Одынец, поэт романтического направления, боготворивший своего старшего друга и откровенно ему подражавший.

В своем письме из Москвы от 22 февраля (6 марта) 1826 г. Мицкевич упрекал Одынца за «заочное опубликование» своих стихотворений, о чем он узнал «с немалым гневом» еще в Харькове, по пути в Москву. «Как-то не верится, чтобы я мог, даже после вина, создавать такие ничтожные стихи...», — писал Мицкевич по поводу опубликования в «Варшавском журнале» (*Warszawski dziennik*, 1825, т. I, 539) импровизации в честь Александра Ходзки. «Ты должен был, — продолжал он с горечью, — публично заявить, мой Эдвард, что это апокриф».⁵⁹ Негодование поэта было настолько сильным, что даже спустя два месяца после харьковских впечатлений он не мог успокоиться и намеревался, сразу же после получения «Варшавского журнала», послать письмо с протестом. Можно себе представить настроение поэта, когда, едва отправив письмо к Одынду, он снова увидел в февральском номере все того же «Варшавского журнала» новые хищнические публикации своих произведений, в том числе стихотворения «К М.» и импровизации «Паша», впоследствии получившей название «Ренегат. Турецкая баллада». Вскоре после этого в «Польской библиотеке» (*Biblioteka Polska*), издаваемой Ф. Дмоховским, появился протест, присланный «другом Мицкевича».

Кто был этим другом, написавшим письмо, столь яростное по тону, увлеченное и, добавим, совершенно не исследованное как историко-литературный документ? В. Боровый высказал предположение, что этим «анонимным приятелем» мог быть Петрашкевич или Ежовский. С. Пигонь также склонялся к кандидатуре Ежовского. Эту версию поддерживает В. Биллип: «Сейчас уже трудно установить с полной достоверностью личность написавшего письмо; заявление его автора о том, что он располагает подлинным автографом поэта (стихотворение «К М.»), воз-

⁵⁷ Mickiewicz Adam. Dzieła, t. XIV, cz. 1, s. 283.

⁵⁸ Pamiętnik Tow. Lit. im. A. Mickiewicza, t. I, s. 150.

⁵⁹ Mickiewicz Adam. Dzieła, t. XIV, cz. 1, s. 282.

можно, указывает на кого-то из старых виленских знакомых. Небольшой разрыв во времени, отделяющий публикацию стихотворения от рассматриваемой корреспонденции, заставляет искать автора среди лиц, находившихся в Варшаве либо поддерживавших постоянный контакт с литературными кругами столицы. Вполне вероятно, что заметка была написана Ю. Ежовским». Несколько отличное мнение высказывает Ч. Згожельский: «Опровержения поэт не послал, но, быть может, сообщил кому-то из своих друзей — в Вильне или Варшаве — о своем недовольстве, и тот, как только представился случай, а таким стали публикация в „Варшавском журнале“, написал письмо к редактору „Польской библиотеки“, по-видимому предварительно не оповестив поэта».⁶⁰

Заметно различие в интерпретации одного и того же факта. Для В. Биллипа, поддержавшего кандидатуры, выдвинутые В. Боровым и С. Пигоном, быстрая полемическая ответа на незаконные публикации — косвенное свидетельство того, что он исходил из московского окружения поэта: слишком мало времени оставалось для переписки с варшавскими друзьями. Напротив, Ч. Згожельский ищет анонимного корреспондента среди варшавских или виленских знакомых Мицкевича; и этот предположительный автор (имя его не названо) столь поспешен в своем обращении к редактору «Польской библиотеки», что даже не успел списаться по этому поводу с поэтом.

Теперь уместно заметить, что в действительности подобной временной зависимости между опубликованием стихотворений в февральских номерах «Варшавского журнала» и возражением анонимного «друга Мицкевича» не было. Письмо-протест появилось во втором томе «Польской библиотеки», вышедшем с большим запозданием, лишь к концу третьего квартала, в сентябре 1826 г. В редакционном примечании Ф. С. Дмоховский извинился перед читателями за то, что, по не зависящим от него причинам, он вместо обычных трех книг смог выпустить лишь две.⁶¹ Таким образом, само по себе время опубликования письма ни о чем не свидетельствует и не может служить основанием для каких бы то ни было выводов о предполагаемом авторе корреспонденции. Даже если Мицкевич ознакомился с оскорбившими его публикациями «Варшавского журнала» в марте или апреле 1826 г., у него было достаточно времени, чтобы списаться с друзьями и подготовить продуманное и принципиальное по своей литературно-общественной позиции письмо в редакцию «Польской библиотеки».

Поэтому, прежде чем привлекать кандидатуры возможных авторов анонимно опубликованного письма, нужно обратиться к человеку, без которого это письмо было бы вообще невозможно, по инициативе которого оно появилось, было в известном смысле им продиктовано — и в своем содержании, и в общей направленности, и в отдельных интона-

⁶⁰ Mickiewicz Adam. Dzieła, t. XIV, cz. 1, s. 284, odsył. 9; Billip W. Mickiewicz w oczach współczesnych. Warszawa, 1962, s. 68, odsył. 1; Mickiewicz Adam, Dzieła wszystkie. t. I, cz. I, s. 314.

⁶¹ Biblioteka Polska, 1826, t. 2, s. 272.

циях — к человеку, который по существу был действительным автором письма, к Адаму Мицкевичу.

Письмо отличается богатой и сложной в оттенках идеологической оркестровкой. На первый план выступает его автор, беспристрастный и просвещенный читатель, поклонник прекрасного таланта Мицкевича, возмущенный бесцеремонными публикациями его стихотворений. Он не стремится вступать в «полемиические схватки» и заинтересован лишь в одном — в установлении истины, о чем пишет со слов поэта, присылающего ему свои «многочисленные жалобы» на творимые злоупотребления. Возникает впечатление, что между поэтом и его «безымянным другом» шла оживленная переписка, что их разделяло немалое расстояние. Но эта протяженность существовала не в географическом, а в литературном пространстве, и сам автор письма с головой себя выдает, когда ссылается на лежащую перед ним «аутентичную рукопись поэта», из которой цитирует первую строфу стихотворения «К М.». Рукопись, о которой идет речь, хорошо известна. Она находится в альбоме Мошинского и в восходящих к нему копиях О. Петрашкевича.

По мнению Ч. Згожельского, как, впрочем, и многих других исследователей творчества Мицкевича, в альбом Мошинского была вписана ранняя редакция стихотворения, корсарская же публикация в «Варшавском журнале» отражает более позднюю редакцию, поскольку сам поэт в издании 1838 г. вернулся к ней, а не к версии из альбома.⁶² К тому же впервые опубликованный в феврале 1826 г. текст отличался большим художественным совершенством, чем альбомный вариант.

Принимая на веру эти утверждения, мы рискуем впасть в парадоксальную ситуацию. Ведь суть выступления анонимного автора выражалась в протесте против опубликования незаконченных произведений поэта. Но почему же он тогда с такой яростью ополчился на «Варшавский журнал»? И почему он увидел в стихотворении «К М.», «помимо прекрасных находок, удачных мыслей и легких рифм, небрежность и полное отсутствие завершенности», в то время когда в журнале была приведена более поздняя и совершенная редакция, нежели та, к которой он обращается в своем письме и которая представлена в альбоме Мошинского? Неужто Мицкевичу и его «безымянному другу» изменили память и художественное чутье, вряд ли иначе можно спутать поздний вариант стихотворения с более ранним. Для Мицкевича (и инспирированного им автора) в пору работы над третьим томом произведений это было попросту невозможно. Но тогда вся гневная филиппика против использования в печати «фальсифицированных копий» повисает в воздухе, оказывается чисто риторическим приемом.

К счастью, проблема легко разрешима. Никакого противоречия в позиции автора письма нет. Редакция стихотворения, на которую он ссылается, явно несет на себе следы более позднего происхождения, чем опубликованная на страницах «Варшавского журнала». Дело в том, что

⁶² Mickiewicz Adam, Dzieła wszystkie, t. I, cz. 1, s. 314.

Мицкевича обеспокоили встречающиеся в стихотворении повторы и он внес изменения в первую (3—4) и последнюю строфы (38, 40), а также исправил восьмую строфу (32). Представить себе подобную правку, произведенную в обратном направлении, — нельзя. Но Мицкевич не ограничил себя чисто формальными моментами. Изменились смысловые акценты стихотворения. В 1823 г. мотив взаимной любви, пусть остающийся лишь в воспоминаниях, взаимной верности перед лицом неодолимой судьбы, звучал еще достаточно сильно: не только поэт, но и его любимая сохраняют память о прошедшем:

Precz z moich oczu, posłucham od razu.
Precz z mego serca... i serce posłucha.
Precz z mej pamięci... nie... tego... rozkazu
Moja i twoja pamięć nie posłucha.*

В автографе из альбома Мошинского в этой строфе появилась новая тема, отсутствовавшая в виленьской редакции, — тема одиночества: обращение к Марии опущено, лишь память одного поэта остается глухой к насильственным велениям судьбы (4), и этот мотив усилен и укрупнен предшествующим стихом (3):

Precz z mej pamięci! posłucham rozkazu,
Lecz pamięć będzie na rozkazy głucha.**

Существенно изменился общий строй стихотворения. Параллелизм в описании переживаний бесследно исчез. Образ Марии остался лишь в воспоминаниях поэта. Атмосфера трагизма безмерно сгустилась. В конце шестой строфы редакции, опубликованной в «Варшавском журнале», Мария, дочитав роман, автор которого соединяет возлюбленных, вздыхает, если не с надеждой, то с сожалением: «Почему наш роман так не закончился?».⁶³ В автографе, на который ссылается «безымянный друг Мицкевича», эта мысль выражена с безысходной определенностью: «Судьба иначе завершила наш роман». Какими бы, однако, тяжкими ни были удары судьбы, они не могут поколебать духовной стойкости поэта, священных прав памяти. Культ воспоминаний превращается в некий род поэтического заклания. И здесь Мицкевич уже не боится обращения к одному и тому же слову. В пятнадцатом стихе он заменил «Przypomnisz» («Ты вспомнишь») на более энергичное и волевое «Pomuz-lisz» («Ты подумаешь»), настойчиво повторяющееся — как заклинание

* Прочь с глаз моих!.. послушаюсь я сразу, Из сердца прочь... и сердце послушно, Забудь, совсем!.. нет... этому приказу ни моя, ни твоя память не могут быть послушны.

** Забудь совсем!.. послушен я приказу. Но память к ним [приказам] останется глуха.

⁶³ В более ранней редакции, опубликованной в познанском издании 1828 г. по копии, переписанной А. Бернатовичем с автографа Мицкевича (Mickiewicz Adam. Poezyc, t. 2. Poznań, 1828, s. 211), этот мотив выражен с еще большей отчетливостью: Smutkiem ściśniona: «czemuż», rzekniesz sobie: «Naszych serc dzieje los tak nie zakończył!» (Охваченная печалью: «Почему, — ты скажешь себе, — судьба так не завершила роман наших сердец!»).

и побуждение — во всех последующих строфах (19, 24, 28, 31, 36). Идея посвящения любимой становится всеобщей, она торжествует не только над препятствиями реальной жизни, но и над самой смертью. Именно этими побуждениями продиктована необходимость изменения восьмой строфы (38, 40):

Tak w każdym miejscu i o każdej dobie,
W tem co cię bawi i w tem co cię wzrusza
Wszędzie i zawsze będę ja przy tobie
A gdy ja umrę będzie moja dusza.*

Поэт довел свою работу над стихотворением до конца. Оно приобрело законченную и совершенную форму, но всеми своими мотивами — одиночества, безысходности, культом памяти — сопрягалось уже не с виленьской, а с одесско-московской лирикой Мицкевича. Теперь понятно, почему анонимный автор письма придавал столь большое значение исправлениям, внесенным в первую строфу стихотворения. Но они показались незначительными не только будущим исследователям творчества Мицкевича,⁶⁴ но и первому читателю этой публикации, редактору «Польской библиотеки». Ему остались непонятны различия между двумя редак-

* Так повсюду и в любое время Во всем, что тебя развлекает или волнует, Везде и всегда я буду с тобою, А после смерти будет моя душа.

⁶⁴ Так ли уж был неправ П. Хмелевский, единственный из ученых, который «дал себя обмануть» публикацией в «Польской библиотеке», принимая приведенные там исправления первой строфы для своего издания сочинений Мицкевича (Варшава, 1886, 211)? Аргументы, имеющие силу филологических фактов, свидетельствуют о позднейшем характере редакции стихотворения, вписанного в альбом Мошинского. Но тогда возникает вопрос, оправданно ли принимать первую виленьскую редакцию 1823 г. за окончательную? Тот факт, что она была опубликована в парижском издании 1838 г., «просмотренном и исправленном автором», не является решающим, поскольку обстоятельства, связанные с участием поэта в предпринятии А. Еловицкого, не вполне ясны. По-видимому, Мицкевич именно «просматривал», а не редактировал свои произведения, причем эта работа проводилась не всегда внимательно и не охватывала всех текстов. Ч. Згожельский высказал обоснованное предположение, что стихотворение «К М.» «перекочевало» в это издание без каких-либо существенных изменений из первого парижского (1828, 11, 213), в свою очередь заимствовавшего текст из «Варшавского журнала», против которого с таким возмущением выступил поэт и его анонимный друг в 1826 г. Но к 1838 г. эти построения перестали быть актуальными. К тому же у поэта не было под рукой исправного текста: альбом Мошинского остался в России. Вероятней всего, Мицкевич попросту не обратил внимания на это стихотворение. Так, он не изменил ошибочную датировку с 1822 на 1823, как это сделал в автографе, бывшем в альбоме Мошинского. Еще разительней другой пример. В 1837 г. Мицкевич исправил одно выражение в тексте стихотворения по экземпляру парижского издания 1828 г., принадлежавшему Т. Понговскому, а спустя год не внес его в издание Еловицкого, хотя это выражение соответствовало тексту автографа из альбома Мошинского. Вряд ли этот эпизод можно объяснить чем-либо иным, кроме равнодушного отношения к новой публикации стихотворения. К такому выводу склоняется и Ч. Згожельский, хотя в вопросе о соотношении двух редакций он придерживается традиционных представлений (ук. соч., 1, 316—318). Но, чем больше сомнений вызывает издание 1838 г., тем авторитетней становится позднейшая редакция стихотворения, сохранившаяся в альбоме Мошинского и являющаяся для того времени наиболее полным выражением авторской воли Мицкевича.

диями; во всяком случае они, в его глазах, не оправдывали резкого тона письма. «Сожалеем, — писал Ф. С. Дмоховский в редакционном примечании, — что сочинитель письма не прислал нам других исправлений, имеющихся в том же стихотворении, дабы восстановить вполне репутацию г. Мицкевича. И, если другие варианты окажутся достаточно выразительны, мы просили бы его прислать полный текст стихотворения в том виде, в каком оно было написано автором». Далее молодой варшавский журналист проявил немалую проницательность, высказав свое недоумение по поводу выбора стихотворного отрывка для полемики. Последнее замечание было прямо в цель: «...обвинения сочинителя письма были бы более справедливыми по отношению к импровизации г. Мицкевича „Паша“, которую он сочинил в кругу своих друзей, возможно, расставаясь с ними навсегда и не думая об ее опубликовании. Но литературная общественность, не сведущая ни в отношениях, ни в обстоятельствах, при которых возник замысел этой импровизации, сочла ее самым странным созданием, которое могло вылиться из чьей-либо головы, противники же романтизма получили новый повод, чтобы восстать против порчи вкуса и дикого, безумного воображения романтиков».⁶⁵

Можно понять педоумение Дмоховского. Из двух стихотворений, опубликованных в «Варшавском журнале», анонимный автор письма избрал для защиты Мицкевича не самое яркое и эффектное, а сравнительно нейтральное, в котором лишь опытный глаз способен обнаружить различие двух редакций, равно достойных в эстетическом отношении. Чем же был вызван этот выбор? Напомним еще раз, с каким бурным негодованием воспринял Мицкевич опубликование импровизации, обращенной к А. Ходзке. Он даже требовал, чтобы Одынец объявил «апокрифом» эту «мазню», «жалкие вирши», которые казались ему постыдными, порочащими его поэтическую репутацию. Но едва он успел отправить письмо Одынцу, как в том же марте месяце ему стали известны новые варшавские публикации, на сей раз стихотворения «К М.» и импровизации «Паша». Последняя была напечатана по случайному списку, с такими дикими погрешностями против грамматики и здравого смысла, что рядом с нею даже послание к Ходзке могло считаться образцовым стихотворением. Было от чего прийти в отчаяние. Письмо с протестом стало необходимостью. Но что следовало опровергать?

Авторство Мицкевича ни у кого не вызывало сомнений. Усердие Одынца не знало пределов — он не только поставлял тексты неопубликованных стихотворений поэта в варшавские журналы, но и охотно занимался декламацией, распространяя в салонах столицы славу своего гениального друга. В этих условиях не могло быть и речи о том, чтобы объявить эти стихи апокрифами. Любой разговор об этих неудачных публикациях неизбежно перерастал, с точки зрения Мицкевича, в его диффамацию, дискредитировал его как поэта. Оставалось лишь единственное — любой ценой отвлечь от них общественное внимание, нейтрализо-

⁶⁵ Biblioteka Polska, 1826, t. 2, s. 187.

вать литературную критику, переключить ее на другие предметы. Лишь в свете этих размышлений могла возникнуть смелая и решительная мысль — вынести на суд читателя стихотворение высшего класса и на его примере показать, сколь серьезна требовательность автора, как тщательно он обрабатывает свои творения, прежде чем отдавать их в печать, делать всеобщим достоянием. Стихотворение «К М.» было отличным поводом для этого сильного тактического хода. Творческая ответственность за свой труд была энергично противопоставлена предприимчивости издателей, охотно печатающих незавершенные произведения.

Впервые в польской литературной жизни с такой отчетливостью была выражена мысль об авторском праве и авторской воле. Конечно, контрафакция, незаконная перепечатка чужих произведений, была известна издавна. Особенно широкое распространение она получила в XVIII в., который по справедливости можно назвать эпохой расцвета анонимной литературы. Причины этого явления были разнообразны и коренились как в политических обстоятельствах времени, так и в особенностях литературного движения, в нормативной эстетике классицизма с его преувеличенным вниманием к жанровым различиям, таившим в себе угрозу дезинтеграции личности автора. Контрафакция в ту пору лишь изредка вызывала возражения — и не столько со стороны автора, сколько издателя, чувствовавшего себя материально ущемленным конкурирующим предприятием. Появившиеся в XVIII в. отдельные законодательные постановления, направленные на защиту авторских прав и регулирующие взаимоотношения с издателями, фактически оставались почти без употребления и не оказывали сколько-нибудь значительного влияния на текущую литературную жизнь. Институт авторского права в своих основных чертах сложился лишь во второй половине XIX в., как правовое выражение громадного опыта, накопленного романтической и реалистической литературой.

Тем удивительнее прозвучало выступление анонимного друга Мицкевича на страницах «Польской библиотеки» в 1826 г. Принцип авторской воли — никто, кроме автора, не вправе решать судьбу его произведений — был неслыханной новостью не для одной варшавской журналистики. Отличавшийся немалой общественной чуткостью Ф. С. Дмоховский тут же поспешил возразить, что «пельзя обвинять редакторов периодических изданий, использующих принадлежащие им права и публикующих то, что им приносят. Издатели журналов и газет справедливо могут защитить себя известным ответом Мольера: „Je prends mon bien partout où je le trouve“.* Никогда они не откажутся от созданий прекрасного таланта, пусть не вполне законченных; тем более что читатели воспринимая стихи, публикуемые в журналах, как первые пробы и наброски, не видят в них завершенных произведений, которые надеются найти в окончательно обработанном виде в собрании сочинений автора».⁶⁶

* «Я беру свое добро всюду, где только его нахожу».

⁶⁶ Biblioteka Polska, 1826, t. 2, s. 188.

Дмоховский не был оригинален в своих суждениях. Подобные мнения были узаконены литературной практикой того времени. Пушкин корил А. А. Бестужева, который напечатал вопреки желанию поэта полный текст элегии «Редсет облаков летучая гряда»: «... в старину мне случилось забалтываться стихами, и мне грустно видеть, что со мною поступают, как с умершим, не уважая ни моей воли, ни бедной собственности».⁶⁷ Но это было высказано в частной переписке, идея авторской воли лишь начинала прорисовываться в литературном сознании эпохи, и случай с Дмоховским представляет интерес именно своим «общим выражением лица».

На фоне этих традиционных литературных прав выступление безымянного друга поэта в «Польской библиотеке» было крайне симптоматично. Оно прозвучало как некая общественная декларация в защиту прав автора на свою собственность, причем понятие собственности понималось до уровня ответственности за художественную законченность поэтического творения. Трудно предположить, чтобы кто-нибудь, кроме Мицкевича, мог с такой последовательностью отстаивать новую для тех лет идею авторской воли. Еще труднее, как мы уже видели, были бы поиски анонима, способного обнаружить с такой точностью различия между двумя редакциями стихотворения «К М.». Только Мицкевич мог остановить свой выбор на приведенном в письме стихотворном отрывке, определить полемические тоналности выступления в защиту авторских прав, расставить необходимые акценты. Наконец, упоминание о том, что автор письма располагает автографом действительно завершенной редакции стихотворения «К М.», также ведет нас к владельцу альбома, позднее подаренного Петру Мошинскому. Таким образом, проблема анонимного автора начинает постепенно перерастать в проблему литературного героя.

Обращаясь к читателю от лица своего безымянного друга, Мицкевич значительно облегчал стоявшую перед ним задачу: он мог с большей свободой высказаться по взволновавшим его вопросам, создать иллюзию читательской объективности, исключавшей личные пристрастия. «Я изложил здесь несколько своих мыслей, — говорится в корреспонденции, опубликованной в «Польской библиотеке», — не с целью вступать в полемические схватки, но для того, чтобы представить вещи в их истинном свете, как их надлежит видеть, чтобы судить о вышеупомянутом стихотворении Мицкевича». Несколько позднее, уже после получения первых отрицательных отзывов на «Сонеты», Мицкевич писал Одынцу, стремясь остудить его запальчивость в спорах с «классиками»: «Хорошо избегать диспутов, еще лучше уметь их вести спокойно и без раздражения».⁶⁸

Это был последний отзыв, последний отпечаток определенной литера-

⁶⁷ Пушкин А. С. Собр. соч., т. 9, с. 87.

⁶⁸ Miśkiewicz Adam. Dzieła, t. XIV, cz. 1, s. 344.

турной позиции, уже терявшей в апреле 1827 г. свою актуальность для Мицкевича, вскоре вполне оценившего масштабы полемической бури, вызванной появлением «Сонетов». Но в марте 1826 г., когда создавалось письмо-протест, Мицкевич еще пытался завязать какие-то контакты с варшавской литературной общественностью, в том числе с кругами умеренных сторонников классицизма. Ему претил литературный экстремизм неумных защитников романтизма, среди которых было немало его последователей и подражателей, и он какое-то время стремился к «мирному сосуществованию» различных литературных направлений в интересах общего развития польской культуры. Этими тенденциями пронизано содержание «протеста».

Автор письма почти сливается с неким «просвещенным читателем», к мнению которого он с уважением прислушивается и в котором можно легко обнаружить черты всегдашняя варшавских салонов и прописного критика столичных журналов. Да и сама проблема «законченности», «завершенности», правда взятая в аспекте защиты авторских прав, еще отдает строгими правилами классицизма. Не случайно в этой связи хищническим публикациям незавершенных произведений Мицкевича в письме противопоставлена неопубликованная, но полностью законченная трагедия поэта «Демосфен», написанная в духе классицизма и осужденная самим автором на уничтожение. Даже в сетованиях на варшавские журналы, которые должны «отражать современный уровень литературы и просвещения» и помещать на своих страницах произведения, «полностью завершенные, отличающиеся хорошим вкусом и красотой выражения», содержатся типично классицистские требования.

В то же время автор письма признает «высокий талант Мицкевича», «достойно выступающего на новом поприще романтической поэзии», и с уважением отзывается о его стихотворениях, отмеченных «совершенством и красотой». Тем серьезнее упреки в адрес издателей журналов, которые «не считаются с тем, что наносят ущерб доброму имени автора, что его творение, едва возникшее под первым движением пера, прочитанное в кругу друзей и лишь им одним приятное, не ставшее достоянием публики, не обработанное рукой творца и потому легко уязвимое для критики, они издают для всеобщего обозрения по своим фальсифицированным копиям; и все это происходит в то время, когда автор, занимаясь окончательной отделкой своих произведений для третьего тома (сочинений), безрадостно замечает, что его опередили в мыслях и пожеланиях, исполнение которых принадлежит исключительно ему». Борьба с хищническими публикациями, от которых «страдает доброе имя автора», включена в контекст общелитературного движения. Произведения, лишенные необходимой законченности, «служат дурным примером для молодых авторов с неустоявшимся вкусом, который не позволяет им достичь совершенства, увидеть изъяны и недостатки; последние они без труда воспринимают и — были бы в стихах кладбище, тень умершего или пустынного, да рифма в конце — легко создают баллады и разносят в печати эти псевдотворения. Таким путем мы познакомим-

лись с собранием весьма посредственных баллад, изданных в одном томе в Вильне несколько месяцев назад». ⁶⁹

Здесь снова автор письма невольно выдает себя.

«Несколько месяцев назад» в Вильне появился первый том стихотворений А.-Э. Одынца (*Odyńsie A.-E. Poezye. Wilno, 1825*). Он состоял из баллад и переводов. В пространном предисловии автор излагал свои взгляды на романтическую поэзию, теорию баллады и легенды, на мир таинственного и необычного. Стихотворения Одынца были встречены положительными откликами в печати. Особенно шумным и восторженным было выступление «Варшавского журнала», увидевшего в молодом авторе новое светило романтической поэзии. Даже Дмоховский, не разделявший этих преувеличенных похвал, отдавал должное таланту Одынца. «Издатели „Варшавского журнала“ — писал он в рецензии на это издание, — превознесли стихотворство г. Одынца превыше Мицкевича. Но мы уже убедились, что в этих стихах нет окончательной отделки. Хотя стиль Одынца отличается красотой и приятностью, он все же не сравним со стилем Мицкевича. У Мицкевича едва ли не каждое выражение новое, по крайней мере необычное. Он грешит лишь одним — желанием находить новые обороты и вводить в поэзию провинциализмы. Что же касается Одынца, то он, ежели будет продолжать совершенствоваться в искусстве поэзии, со временем станет достойным учеником и соперником восхитительного автора *Свитеязьки и Дзядов*». После подробного, мелочного анализа отдельных стихотворений с указанием частных погрешностей в языке и стиле Дмоховский приходит к выводу, что «менее всего достоинства в переводах, а легенды занимают первое место». Легенды или баллады представляются редактору «Польской библиотеки» наиболее талантливыми среди стихотворений Одынца. ⁷⁰

Крикливый тон «Варшавского журнала» раздражал Мицкевича. Невзвешенными казались ему также оценки Дмоховского. Эпигонский подражательный характер поэзии Одынца, незаслуженно превознесенной в печати, был для него очевиден. Подобный успех таил в себе угрозу компрометации нового романтического направления. «Нет ничего удивительного в том, — писал поэт Одынцу в марте 1826 г., — что мои мнения не совпадают с теми, которые высказывают в Варшаве; не берусь судить, кто прав, но в чем я уверен, так это в том, что до сих пор не читал ни одной здравомыслящей рецензии о твоих произведениях и нахожу в рецензентах узость взглядов». Далее Мицкевич подвергает критике именно те произведения, которыми восхищался Дмоховский. Положительно оценивая переводы Одынца («„Светлана“ — одно из лучших твоих стихотворений и самый лучший из всех переводов, которые мы имеем»), поэт в резком тоне отзывается о его балладах. Он корит своего молодого друга «за отсутствие естественности в рассказе», за многочисленные отступления от жизненной правды: «...язык страстей и драма-

⁶⁹ Biblioteka Polska, 1826, t. 2, s. 185.

⁷⁰ Ibid., 1825, t. 3, s. 276.

тические ситуации еще говорят о молодости автора, то есть об отсутствии опыта и глубокого познания сердца». Критические замечания Мицкевича метили не только в отдельные произведения Одынца, но и в его теорию баллады, в его эклектические представления о сущности романтической поэзии. Поэтике декоративной таинственности и мелодраматических эффектов была противопоставлена правда жизни, глубина и значительность переживаний, страстей. Заканчивая свой разбор и указывая на ложные ситуации, банальные образы, небрежное отношение к слову, Мицкевич дружески предупреждал: «...если ты создаешь то, что слагает либо мог бы легко сложить любой другой, то воздержись от писания».⁷¹

Наблюдения Мицкевича над балладами Одынца выделяются на фоне тогдашней прессы своей оригинальностью и необычностью. Они не совпадают ни с одним из критических выступлений тех лет. И только в письме, опубликованном в журнале Дмоховского, встречаются аналогичные оценки, правда выраженные в более резкой форме. Анонимный друг Мицкевича осуждает эпигонский характер поэзии Одынца, подчеркивая банальность и посредственность баллад, включенных в первый том стихотворений, вышедших в 1825 г. в Вильне. Несколько позднее, после выхода второго тома стихотворений Одынца в 1826 г., Мицкевич как бы повторил свою оценку в письме к его автору: «Каким бы ни было общественное мнение, я ценю этот томик намного выше первого».⁷² Отмеченную близость в суждениях о поэзии Одынца, и в частности о его балладах, можно рассматривать как еще один из аргументов в пользу авторства Мицкевича в вопросе об анонимной публикации в журнале Дмоховского.

Как видно из содержания письма, оно отличалось немалым литературным своеобразием. Письмо было написано в традициях классицизма, но с откровенно выраженными симпатиями к Мицкевичу и романтической школе, что, впрочем, не исключало самого сурового осуждения поэзии эпигонов нового направления. Любопытно, что именно такой была литературная позиция Дмоховского, пытавшегося проявить объективность в завязавшейся борьбе «классиков» и романтиков и не раз положительно упоминавшего в своем журнале об успехах в развитии «прекрасного таланта г. Мицкевича». Конечно, анонимный автор учитывал характер журнала, в который он обращался со своим протестом. Но значение этого публицистического выступления было много шире.

В литературном движении середины 1820-х годов таились — об этом еще будет идти речь — возможности для известных компромиссов (пусть весьма ограниченных и временных, но все же характерных) романтиков с отдельными представителями позднего классицизма. Лидер поль-

⁷¹ Mickiewicz Adam. Dzieła, t. XIV, cz. 1. s. 295.

⁷² Ibid. В этих словах можно увидеть полемическую реплику Мицкевича на рецензию Дмоховского: «Второй том Мицкевича значительно ниже первого; со вторым томом Одынца произошло то же самое, — что же теперь будет с третьим?..» (Biblioteka Polska, 1826, t. 2, s. 236).

ского романтизма, оказавшийся самым строгим критиком своих посредственных подражателей, сознательно шел на сближение с Дмоховским. Совместно со своими друзьями он содействовал Н. А. Полевому в переводе с польского программой статьи Дмоховского «О состоянии, духе и стремлении новейшей польской поэзии» («Московский телеграф», 1826, ч. 10, № 15, 16), а также всерьез высказывал желание сотрудничать в «Польской библиотеке». В марте 1827 г., когда журнал уже прекратил свое существование, Мицкевич, еще не знавший об этом, в письме к Одынду воздал должное столичным журналам с характерным отмежеванием от изданий романтического толка: «No per deos immortales!»* Этот жалкий [Варшавский] Журнал изрядно меня опечалил. Как он ничтожен! Самая плохая проза! Невыносимые стихи, неудачно подобранные статьи, крайняя неряшливость в редактировании, ошибки в наборе; исключение составляют исследования Лелевеля, которые я выгреб из этого стока чепухи и невежества. А каковы примечания редактора!... Тебя возмущал Дмоховский, а я его ставлю в десятки раз выше издателей Журнала. Он хорошо пишет по-польски, не несет чуши. Рецензия на „Эдипа“ Гумпницкого в целом разумна; стихи его, по крайней мере, гладки и правильны. Дмоховский, если будет работать, потянет на хорошего литератора, и я бы желал, чтобы ты завязал с ним приятельские отношения, пожели с этими якобы романтиками, от которых можно ошалеть».⁷³ Это было одно из последних заявлений такого рода. Логика общественной жизни вела к поляризации литературных позиций, к ожесточенной борьбе с классицистским «парнасом», получившей свое завершение в знаменитой статье Мицкевича «О варшавских критиках и рецензентах».

Разумеется, всеми этими соображениями проблема авторства анонимного письма не исчерпывается. Доказывая, что Мицкевич был инициатором и автором письма по существу затронутых в нем вопросов, мы тем самым не исключаем возможного соучастия кого-либо из его ближайших друзей. По стилю, отмеченному явно разговорными интонациями, с пагромаждением уточняющих и поясняющих придаточных предложений, едва согласованных между собой, письмо напоминает поток температурной речи, только что скрепленной необходимыми синтаксическими формами. Возможно, что Мицкевич продиктовал свой протест одному из московских товарищей. Возможно, что тот не просто записывал слова поэта, но и вносил какие-то частные поправки, подобно тому как это сделал Одынец, опубликовавший отрывок из письма Мицкевича.⁷⁴ Но личность этого человека едва ли восстановима.

* «ради бессмертных богов!».

⁷³ Mickiewicz Adam. Dziela, t. XIV, cz. 1, s. 328.

⁷⁴ Сам поэт в письме к Одынду в марте 1827 г., сообщая о выходящих в Москве журналах, просил, чтобы тот, «тщательно отредактировав» эти сведения, поместил их в своей газете. Одынец выполнил эту просьбу и опубликовал в одном из последних апрельских номеров «Варшавского курьера» за 1827 год «Отрывки из частного письма, полученного из Москвы» (Mickiewicz Adam. Dziela, t. XIV, cz. 1 329—330).

Вряд ли соавтором Мицкевича был О. Петрашкевич, бесконечно преданный филоматскому сообществу его архивариус, человек удивительной моральной стойкости, но достаточно далекий от каких-либо литературных амбиций. Столь же сомнительна кандидатура Ежовского, жившего в Москве несколько уединенно и, по словам Малевского, избегавшего новых знакомств. Будучи полностью занятым преподаванием греческого языка в Московском университете, он все больше замыкался в своей работе и маловероятен как соучастник этого боевого публицистического выступления. Если уж обращаться к фактору «правдоподобия», то предпочтительней кандидатура Ф. Малевского. Не говоря уже о том, что у Малевского издавна сохранялись личные контакты с Варшавой, в 1826—1827 гг. он наиболее близок к Мицкевичу по литературным занятиям. Малевский интересуется публицистикой: принимает какое-то участие в «Московском телеграфе», замысливает вместе с Мицкевичем издание журнала «Ирис», проявляет внимание к «Польской библиотеке». К тому же «правовая» проблематика письма также может быть соотнесена с личностью «юриста» Малевского.

Как бы ни решался вопрос о соавторе, вопрос об авторе не вызывает сомнений. По силе публицистической страстности, по новизне и значительности поднятых проблем, связывающих борьбу за авторское право с общелитературным движением, по своеобразию литературной позиции и критических оценок, наконец, по характеру содержащейся в нем информации письмо, опубликованное Дмоховским, несет на себе отпечаток творческой индивидуальности Мицкевича и может дополнить число его литературно-критических выступлений, написанных в данном случае, возможно, с соучастием Малевского.

Теперь наступило время вернуться к альбому Мошинского, который открывается стихотворениями, вызвавшими после своего появления в печати гневный протест Мицкевича. Вероятней всего, поэт не располагал списками этих стихотворений. Ознакомившись с незаконными публикациями в «Варшавском журнале», он стал перерабатывать их текст. Новую, более позднюю, редакцию «К М.» он внес на первую страницу альбома, полностью раскрыв криптоним и указав на время создания стихотворения («К Марии. — 1823»). Тогда же был серьезно переработан текст импровизации, что зафиксировано в самом названии: «Basza. 1824 wtześ 11 impro porz.» («Паша. 1824 октяб[ря] 11 импро[визация] испр[авленная]»). Предполагать, что Мицкевич изменил редакции этих стихотворений еще в Вильне или Одессе, нет ни малейших оснований: первые две записи в альбоме являются явным откликом на самовольные публикации в «Варшавском журнале». Поэт впервые столкнулся с распространенным в те годы журнальным хищничеством, он вырабатывал новые для литературной жизни тех лет моральные и правовые нормы поведения. Исправления, которые вносились в текст «заочно» опубликованных произведений, были реализацией принципов, выдвинутых в письме-протесте. Надпись к импровизации, вписанной в альбом Мошинского, конечно же, говорит об определенном этапе работы над стихотворением—

это полемический выпад против «nieporządkowanych» («неисправленных») публикаций, часто встречающихся в журналах той поры. Вместе с тем эти особенности небезынтересны и для «биографии» альбома Петра Мошинского. Следы литературной полемики на страницах альбома убедительно оповещают о времени его рождения: альбом стал заполняться в марте—апреле 1826 г., когда Мицкевич был озабочен подготовкой так и не осуществившегося издания третьего тома своих произведений.

Стихотворения, открывающие альбом, свидетельствуют еще об одной его характерной особенности: это в значительной степени не первоначальные записи, а списки с уже существовавших ранее автографов, независимо от того, переписывал ли их Мицкевич без поправок или подвергал различным исправлениям. Польские исследователи уже обращали внимание на этот факт, хотя и не соотносили его с общей характеристикой альбома. В примечаниях к последнему изданию произведений Мицкевича Ч. Эгожельский перечислил не менее 20 стихотворений, которые были внесены в альбом с более ранних списков. Это — «Бахчисарай», «К Марии. 1823», «Паша. 1824 окт. 11 импро[визация] испр[авленная]», «Сонет. В Крыму на Чатырдаге», «Сон», «Разговор», «Элегия 1. Час», «Два слова», «К **. Неуверенность», «Элегия», «Сватовство», «Блоха п раввин», «Буря», «О ясные, сладостные, чистые воды...», «Пара (Утро)», «Паша. Ч. II.», «Путник», «Дозор», «Три Будрыса». Этот список можно дополнить «Размышлениями в день отъезда» (если рассматривать это стихотворение как переписанное в альбом с уже существовавшего автографа, то исчезнут мнимые противоречия, которые исследователи находят между датой, поставленной поэтом, и местом размещения стихотворения в альбоме), сонетами «Добрый вечер», «Благословение», «Визит», «Стрелок (Охотник)» и др. Вообще принятый в этом случае формальный признак — сохраняет ли данный автограф вид белой или черновой записи — может учитываться лишь с большими ограничениями: некоторые стихотворения в альбоме Мошинского, сохраняющие все особенности первоначальной записи, в действительности списаны с более ранних редакций, над которыми поэт продолжал работу («Буря», «Путешествие в Аккерман»). Но даже если ограничиться уже установленным в литературе, с теми или иными уточнениями, списком названий, то получится весьма впечатляющая картина. Едва ли не половина всех записей в альбоме Мошинского, занимающих большую часть всех заполненных страниц, — позднейшего происхождения! Факт, по-своему любопытный: в альбом не столько вписывались новые стихи, сколько вносились старые. Уже одна эта особенность ставит под сомнение одесско-крымское происхождение альбома и служит дополнительным аргументом в пользу Москвы. Для того чтобы переписать в альбом столь большое число стихотворений, нужна же какая-то дистанция во времени, отделяющая первый творческий акт от последующего собирания стихотворений и их переработки.

Вполне естественно, что в Москве, замышляя издание третьего тома своих произведений, Мицкевич испытал потребность собрать уже напи-

санное. Этой цели послужил альбом, первая часть которого стала заполняться преимущественно весной 1826 г., между мартом—апрелем и летними месяцами, до того как появился замысел издания «Сонетов». Альбом был лишен какой-либо циклизации и хронологической последовательности. Стихотворения вписывались без определенного плана и порядка, в том виде, в каком они существовали, либо с изменениями и поправками, которые поэт вносил в процессе переписки. Из всего этого следует, что альбом был по своему характеру рабочей черновой тетрадью, и примечательно, что это свое предназначение он сохранил до конца.

После того как Мицкевич внес на 68 страницу альбома стихотворение «Кикинеиз», наступил длительный перерыв. Летом и осенью поэт был занят подготовкой «Сонетов». Можно полагать, что эта работа была завершена еще в конце сентября, поскольку уже в начале октября Мицкевич снова вернулся к замыслу «третьего томика», который представлялся ему «целиком составленным из мелких стихотворений». Хотя в письме Одынцу от 6/18 октября 1826 г. Мицкевич упоминал о «приведении в порядок рукописей», которые должны были составить содержание третьего тома (издание казалось делом решенным), работа задерживалась по разным обстоятельствам, возможно, из-за «литовской поэмы», которой был поглощен поэт. 6/18 января 1827 г. он снова (в который раз!) сообщал Одынцу: «Как только закончу Валленрода, начну заниматься элегиями, переводами и т. д., которые составят третий томик или скорее дополняют новое издание. Ни *сонеты*, ни *Конрад Валленрод* в это издание не будут включены».⁷⁵

В течение всего этого времени, исполненного интенсивным творческим трудом, альбом Мошинского оставался без движения. Во всяком случае в него не было внесено ни одно стихотворение. Лишь в конце 1827 г., не ранее первых чисел ноября, в альбоме появляются новые записи — «Греческая компата» и «Ответь, Поэзия! Где кисть твоя живая...». Сонет, подаренный Волкопской вместе с изданием «Сонетов» и, возможно, посвященный ей, был пропитан мотивами московской лирики поэта. Связь сонета с Волкопской подчеркнута и местом его расположения в альбоме: он следует сразу же за «Греческой комнатой» — между двумя стихотворениями оставалось два чистых листа (83—84), на которые позже Мицкевич вписал окончание своего «Путника». Заметим, что сонет был написан приблизительно за полгода до «Греческой комнаты», где-то между началом 1827 г. и 29 мая того же года. Запись в альбоме не просто нарушает хронологический принцип (созданный ранее «Греческой комнаты» сонет вписан в альбом после нее); эта запись, несмотря на свой черновой характер, является списком с не дошедшего до нас автографа и еще раз подтверждает «копийное» содержание альбома: из шести вписанных в него стихотворений между ноябрем 1827 г. и окончанием 1828 пять являются явными списками с ранее существовавших

⁷⁵ Mickiewicz Adam. Dzieła, t. XIV, cz. 1, s. 321.

редакций, а о шестом — «Греческой комнате», — по-видимому, можно сказать то же самое.

После опубликования «Конрада Валленрода» Мицкевич отказался от планов издания «третьего тома». В начале 1829 г. появилось двухтомное издание произведений Мицкевича, включавшее в себя лучшее из созданного за все годы литературного творчества. По справедливому замечанию Ч. Згожельского, вполне вероятно, что именно в это время поэт в последний раз обратился к альбому и вписал на свободные листы, оставшиеся между стихотворениями в его последней части, перевод из Гёте («Путник»), вскоре почти без поправок опубликованный им в первом томе петербургского издания.

Теперь пришло время сделать выводы.

Прежде всего, альбом Мошинского отличался от остальных не дошедших до нашего времени записных книжек или тетрадей принципиально важной особенностью: он состоял по преимуществу не из первоначальных записей, первых поэтических впечатлений, занесенных Мицкевичем сразу же на бумагу, а из списков с уже существовавших автографов, предназначавшихся для дальнейшей работы или уже подвергнувшихся тем или иным изменениям. Альбом Мошинского был «промежуточной» тетрадью между первыми черновыми редакциями и беловыми, подготовляемыми к опубликованию. По своему назначению это было собрание ранее написанных стихотворений, которые должны были войти в предполагаемое издание «третьего тома» произведений поэта.

Далее. Ставшее традиционным в литературоведении представление о том, что альбом заполнялся в Одессе, Крыму и Москве по мере создания отдельных стихотворений, никогда не было научно обоснованным и документально доказанным, оно противоречит реальному содержанию альбома, порядку размещенных в нем стихотворений и их по большей части копийному характеру. В действительности, как это можно полагать, альбом заполнялся не в одесский, а в московский период жизни поэта. В своей основной (первой) части он сложился между мартом—апрелем и июнем—июлем 1826 г., до того как оформился замысел издания «Сонетов». С началом работы над циклами «любовных» и «крымских» сонетов изменилась общая концепция «третьего тома», вследствие чего альбом потерял для Мицкевича свое первоначальное значение.

Далее. Будучи по своему характеру предварительным собранием стихотворений, альбом был полностью лишен какой-либо тематической циклизации и хронологической последовательности; стихотворения отбрасывались и записывались без определенного принципа или порядка, связанного со временем их создания. Именно этими обстоятельствами объясняются так называемые противоречия в размещении стихотворений в альбоме: крымские сонеты предшествуют одесским, а последние примыкают к московским стихотворениям либо находятся в их окружении. В силу этого своеобразия альбом, представляющий первостепенный интерес для изучения истории текста, не может рассматриваться как важнейший источник для хронологических определений одесско-крымских стихо-

творений: порядок их размещения в альбоме не имеет никакого отношения ко времени их создания. Можно лишь предполагать — и то в самом общем виде, — что часть стихотворений, представленных в альбоме, уже существовала до марта—апреля 1826 г., когда Мицкевич стал собирать материалы для «третьего томика» своих произведений.

И последнее. Не только в хронологическом, но и в топографическом отношении престиж альбома Мопшинского сильно завышен. Он не может служить основой для реконструкции путешествия поэта по Крыму. Еще меньше он дает данных для распространенных в литературе представлений о том, что Мицкевич в композиции «крымских сонетов» значительно отошел от реального маршрута своих передвижений по романтическому полуострову. Характерно в этой связи авторитетное мнение С. Випдакевича, полагавшего, что сонет «Вид гор из степей Козлова» написан не в начале, а в конце всего цикла крымских стихотворений. Наблюдение это обосновывалось тем, что стихотворение занимало в альбоме, якобы непосредственно заполнявшемся во время путешествия по Крыму и в Одессе, одно из последних мест, соседствуя с «Размышлениями в день отъезда». Тем самым подтверждался тезис о том, что порядок размещения сонетов в московском издании 1826 г. («Вид гор из степей Козлова» следует там за «Аккерманскими степями» и тремя «морскими» сонетами, пятым по счету) не соответствует действительному времени их создания и путешествию поэта по Тавриде.⁷⁶ Происходит разительная подмена представлений! Не реальными фактами биографии Мицкевича проверяется альбом, а само путешествие реконструируется по порядку записей, сделанных поэтом в альбоме. Но подобные утверждения находятся в противоречии как с хроникой жизни Мицкевича, так и с содержанием альбома, заполнявшегося, вероятней всего, в Москве.

В начале своего путешествия по степному Крыму поэт впервые увидел («из степей Козлова») горы, был потрясен их красотой и мощью, испытал радость преклонения перед ними. Впечатления от этой встречи и составляют содержание пятого сонета. Следуя за «Тишиной», «Плаванием» и «Бурей», он строго соответствует маршруту путешествия Мицкевича по Крыму и четко, можно сказать, топографически точно фиксирует начало этого путешествия. Мнение о якобы произвольном (независимом от реальной поездки) расположении сонетов в издании 1826 г. сильно преувеличено. За одним-двумя исключениями Мицкевич не отходил от той последовательности, в какой он ознакомился с примечательностями Крыма. Не альбом Мопшинского, а московское издание «Сонетов» является истинно поэтическим дневником путешествия поэта по Тавриде.

Важнейшие источники информации для датировки одесских и крымских стихотворений содержатся главным образом не в альбоме Мопшинского, заполнявшемся уже в Москве, а в немногочисленных высказываниях самого поэта (письма, записи разговоров), в некоторых обстоятельствах его биографии, в позднейших свидетельствах мемуаристов.

⁷⁶ Windakiewicz St. Sonety Krymskie, s. 202.

В дневнике Ф. Малевского сохранилась конспективная запись одного из рассказов Мицкевича: «Сонеты. В октябре. Есть песчолько, где ничего нельзя ни убавить, ни прибавить, и они были написаны сразу... Самый первый сонет на Чатырдаге». Опубликовавший этот отрывок Вл. Мицкевич восстапавил в квадратных скобках дату «1827», т. е. указал, что этот разговор происходил «в октябре [1827]» года.⁷⁷ Ст. Пигонь в своих примечаниях к «Разговорам Мицкевича» отмечает, что, «вероятно, речь идет о 1825 г., когда создавались „Крымские сонеты“».⁷⁸ Возможно и другое толкование. Мицкевич мог упомянуть об октябре 1826 г., когда была завершена работа над «Сонетами» и они получили цензурное разрешение. Тогда единственным авторитетным свидетельством останется лишь указание на крымское происхождение первого из (очевидно, «крымских») сонетов Мицкевича, что можно соотнести с сентябрем—октябрем 1825 г.⁷⁹ Вскользь высказанное замечание Мицкевича о «музе», «слегка ожившей» в последние месяцы его жизни в Одессе, также согласуется с этой датировкой. Конечно, отдельные сонеты могли быть написаны ранее, еще в Литве («К Немапу»). Нет оснований также не доверять воспоминаниям К. Мархоцкого, который связывает появление сонета «Аккерманские степи» с кратким пребыванием поэта на хуторе Любомила по пути в Аккерман.⁸⁰ По-видимому, ряд сонетов был написан еще до отъезда в Москву, хотя трудно сказать что-либо определенное по этому поводу. Правда, Н. И. Савич вспоминал, что виделся у П. П. Гулака-Артемовского с Мицкевичем, который «заезжал в Харьков — по дороге из Крыма в Москву — в 1826 г., вез с собою знаменитые свои Крымские сонеты».⁸¹ Сам факт этой встречи вполне вероятен. Савич был действительно близок с Гулаком-Артемовским и мог познакомиться у него с польским поэтом. Но упоминание о сонетах весьма сомнительно: здесь явно сказались позднейшие впечатления, когда имя Мицкевича полу-

⁷⁷ Przewodnik naukowy i literacki. R. XXV. Lwów, 1898, s. 1143.

⁷⁸ Mickiewicz Adam. Dzieła wszystkie, t. XVI. Warszawa, 1933, s. 46, 47.

⁷⁹ Mickiewicz Adam. Dzieła wszystkie, t. I, cz. 2, s. 107.

⁸⁰ Ланда С. С. Адам Мицкевич накануне восстания декабристов. — В кн.: Литература славянских народов. В. 4. М., 1959, с. 119—122. Там же устанавливается время посадки поэта в Аккерман и создания первого наброска будущего сонета (22 июля 1825 г.). Существует и другое мнение. Отмечая то обстоятельство, что поэт вписал «Путешествие в Аккерман» в альбом Мошинского среди сонетов, отражающих впечатления от путешествия по Крыму, а не перед ним, как можно было бы ожидать, следуя логике хронологических событий, П. Н. Берков и подержавший его Ч. Згожельский пришли к выводу, что, вопреки свидетельству мемуариста, первые наброски стихотворения возникли позднее, уже после возвращения из Крыма, а не накануне, во время предшествовавшей этому путешествию поездки в Аккерман. Но эта аргументация теряет свою убедительность, поскольку исходит из представлений об одесско-крымском происхождении альбома Мошинского, в то время как он стал заполняться лишь в Москве (Берков П. Н. «Аккерманские степи» Мицкевича. — В кн.: Доклады и сообщения фил. ф-та ЛГУ, в. 3. Л., 1951, с. 268, 275—277; Mickiewicz Adam. Dzieła wszystkie, t. I, cz. 2, s. 150—151).

⁸¹ М[арцевич] Л. Николай Иванович Савич. — Киевская старина, 1904, т. 84, кн. 2, с. 236.

чило широкую известность как автора крымских сонетов, одним из усердных почитателей которых был сам Савич.

В пользу московского происхождения многих сонетов Мицкевича свидетельствуют также соображения филологического характера. Уже в примечаниях к львовскому изданию сочинений Мицкевича В. Брухнальский обратил внимание на явные следы обращения поэта к «Путешествию по Тавриде» И. М. Муравьева-Апостола, известного ему, по-видимому, по немецкому изданию 1826 г. («Поэт при помощи книги русского происхождения должен был восстапавливать свои впечатления» от путешествия по Крыму; в «Могилах гарема» Брухнальский увидел «любопытный пример преобразования прозы в поэтическое творение под рукой гения»). Но из этого неизбежно следовал вывод, что по крайней мере сонеты «Вид гор из степей Козлова», «Бахчисарай», «Бахчисарай ночью», «Могила гарема», «Гробница Потоцкой», «Байдары», «Дорога над пропастью в Чуфут-Кале», «Кикинеиз», «Развалины замка в Балаклаве» — девять из восемнадцати! — были написаны не в Крыму, а в Москве, где окончательно сложился взгляд на поэта как на странника, идущего к высшей цели, — Пилигрима.⁸²

Если исходить из тех данных, которые были здесь приведены, то время создания большинства сонетов придется отнести на московский период жизни поэта. Но и здесь альбом Мошинского, как мы уже успели в этом убедиться, немного может дать для выяснения замысла издания «Сонетов» как самостоятельного художественного цикла. Можно лишь предполагать, что этот замысел оформился не позднее августа — сентября, поскольку уже 20 октября рукопись «Сонетов» была сдана в цензуру. В этой связи немалый интерес вызывает неучтенная в литературе полемика Мицкевича со своим будущим цензором М. Т. Каченовским вокруг сонетов Петрарки.

В августовской книжке «Вестника Европы» за 1826 год появилась переведенная из «Журнала прений» (*Journal des débats*) статья Ф.-Б. Оффмана «Спор литераторов о стихотворениях Петрарки». Выбор автора не был случаен для журнала. Один из самых влиятельных критиков — приверженцев классицизма, защищавший крайне правые тенденции в политической и литературной жизни Франции первой четверти XIX в., Оффман был хорошо известен в России своими бешеными нападениями на «развратных муз романтического Парнаса», виновных «в пренебрежении правил, в необузданности и бреднях испорченного воображения». «Они превозносят похвалами независимость гения, так как преобразователи политические проповедовали нам свободу; они жалу-

⁸² Dzieła Adama Mickiewicza, t. II. Lwów, 1901, s. 458, 460—469. Наблюдения Брухнальского были поддержаны А. Л. Погодиным (Погодин А. Л. Адам Мицкевич. Его жизнь и творчество, т. I. М., 1912, с. 372—382). См. также: Zgorzelski Cz. O liykach Mickiewicza i Słowackiego. Lublin, 1961, s. 119—125 («Pielgrzym w krainie dostatków i kraszy»); Sawrymowicz E. Poetycka wizja Krymu w sonetach Mickiewicza. — Przegląd Humanistyczny, 1968, № 5, s. 9—16; № 6, s. 11; Makowski S. Świat «Sonetów krymskich» Adama Mickiewicza. Warszawa, 1969, s. 149—153, 156.

ются на нашу нетерпимость к деспотизму, потому что мы [не] хотим покориться деспотизму гуннов, готфов и вандалов, наводнявших нашу литературу и наш театр».⁸³

Хотя в новой статье Оффмана не было прямых выпадов против романтизма, весь тон его глумливых наскоков на Петрарку был связан с романтической традицией восприятия творчества «певца Воклюзского», и прежде всего с оценками братьев Шлегелей.⁸⁴ Он пахнул в лучших сонетах «много выискапного, мысли неудобопонятные, остроты, недостойные поэта великого». Что сказать о поэте, который «острится в пьесах чувствительных, выражает любовь свою антитезами...»? Неожиданные сравнения и антитезы особенно потешали французского критика, полагавшего, что это — явный признак «дурного вкуса», свойственный «посредственным стихотворцам». «Чего должно ожидать мне, дерзнувшему коснуться листа дерева, которое будучи то laugo, то Lauga, и жепщиной и растением, вдруг то простирает свои ветви, то объятия, подымлет прекрасные свои волосы или прекрасные свои листья и снабжает автора тысячами забавных каламбуров». «Я досадовал, видя, что столько искусства, ума и таланта употреблено на украшение вещей, таких ребяческих и ничтожных». Как один из примеров, исполненный «погрешностями», Оффман приводит 47 сонет «Benedetto sia' i giojno». Общий вывод весьма строг: «Стихотворения его [Петрарки] наполнены игрою слов, ложными мыслями, остротами и двусмыслием — такими недостатками, коих ниже красоты лучших стихов не могут заменить в глазах умного читателя». Оффман видел в возрождающемся интересе к Петрарке угрозу «порчи вкуса», «засорения литературного языка» просторечием. Сам Петрарка, по мнению французского критика, называя свои стихотворения «jugellas vulgares» (простонародными пустячками), оценил их вернее, «нежели его испуганные почитатели».⁸⁵

Статья Оффмана во многом предвосхищала литературную полемику, развернувшуюся в польской печати после появления «Сонетов» Мицкевича. Неожиданно актуальной она оказалась и в московских салонах, которые посещал польский поэт. «Мицкевич, — вспоминал К. А. Полевой, — при многосторонней, удивительной своей образованности глядел на все самобытно и в каждом предмете умел находить новые стороны. Пошлость, тривиальность, мелкие понятия были для него нестерпимы. Приведу здесь один случай, который покажет оригинальный взгляд и

⁸³ Дух журналов, 1815, ч. I, кн. 3, с. 10; 1817, ч. XXI, кн. 27, с. 111—124; кн. 28, с. 137—148. Подробнее см.: Заборов П. Р. Жермена де Сталь и русская литература первой трети XIX века. — В кн.: Ранние романтические веяния. Л., 1972, с. 188—190.

⁸⁴ Ф. и А.-В. Шлегели относили Петрарку наряду с Данте и Тассо к первым романтическим поэтам, а в сонете (с его антитезами, игрою слов и противопоставлениями) видели поэтическую форму, позволявшую раскрыть внутренний мир человека в его противоречивом единстве. А.-В. Шлегель был первым переводчиком Петрарки на немецкий (Welti H. Geschichte des Sonettes in der Deutschen Dichtung. Leipzig, 1884).

⁸⁵ Вестник Европы, 1826, № 16, с. 241—255; № 17, с. 9—25.

пылкость Мицкевича. В „Вестнике Европы“ Качеповского была переведена статья известного французского остроумца Гофмана, где он подсмеивался над Петраркой, над его платонической любовью к Лауре и старался доказать, что достоинство его сонетов в игре слов, изысканной до такой степени, что, наконец, нельзя различить, о ком он говорит: о Лауре или о лавровом дереве. Кто-то стал хвалить остроумие этой статьи. Мицкевич вспыхнул и с негодованием произнес: „Этот нестерпимый Качеповский только тем и замечателен, что умеет отыскивать такие статьи и затрагивать такие вопросы, где в основании злость и бессильное желание уронить чью-нибудь славу. Во-первых, статья Гофмана есть только выборка из Сисмонди, который холодным умом судил о самом нежном и страстном из поэтов. Нигде идеальная страсть к женщине не выражена с такою силою и с таким разнообразием, как в сонетах Петрарки. Из каждого воспоминания о любви своей он создал поэтическую песнь! И как все это выражено, с каким неподдельным чувством!“. Тут Мицкевич начал переводить по-французски разные сонеты Петрарки и в заключение сказал: „Нет поэзии на свете, если это не поэзия!“. Он говорил так умно, сильно, возвышенно, что я не могу передать этого, передавая только основную мысль его, которую развил он как самый блистательный профессор».⁸⁶

Воспоминания Ксенофонта Полевого дают возможность восстановить содержание спора по поводу статьи Оффмана и резких критических замечаний Мицкевича, явно продиктованных как его интересом к поэзии Петрарки, так и собственной работой над сонетами. Любопытно, что Мицкевич перевел именно тот сонет из Петрарки, который вызвал наиболее язвительные замечания Оффмана. Уж не был ли это прямой полемический отклик на вызов французского критика? Слишком разителен выбор польского поэта: из нескольких сотен сонетов остановиться на 47-м. Но в альбоме Мошинского «Sonnet z Petrar. (Benedetto il giorno)», получивший в окончательной редакции название «X. Благословение (Из Петрарки)», вписан на 12-й странице, среди первых записей сонетов.⁸⁷ Сомнительно, чтобы эти записи можно было перенести на более позднее время, непосредственно предшествующее сдаче «Сонетов» в цензуру.⁸⁸ Хотя воспоминания Полевого не датированы, ясно, что описанный там эпизод мог произойти не ранее августа 1826 г., вскоре после появления перевода статьи Оффмана, когда Мицкевич, по-видимому, уже завершал свою работу над подготовкой «Сонетов» к изданию. Тем большую ценность получают воспоминания Полевого. Высказывания польского поэта о Петрарке можно рассматривать как характеристику собственного творчества, как своеобразное предисловие к собственным сонетам.

⁸⁶ Полевой Н. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934, с. 210.

⁸⁷ Gubrunowicz B. Album Piotra Moszyńskiego, s. 498.

⁸⁸ Конечно, можно было бы выдвинуть предположение, что Мицкевич познакомился со статьей Оффмана еще до ее перевода в журнале Качеповского, по публикации в Journal des débats, который мог быть доступен в Москве уже весной 1826 г.

Можно лишь сожалеть, что Полсвой, восхищенный эрудицией польского поэта, не передал всех оттенков его высказываний о сонетах Петрарки, но главное он уловил с большой чуткостью: зерно будущего конфликта с М. Каченовским, редактором «Вестника Европы» и цензором, которому вскоре предстояло рассмотреть рукопись «Сонетов» Мицкевича.

Опиравшийся на устные источники и свидетельства еще живых очевидцев, сын поэта писал об издании «Сонетов»: «Цензора Анастасевича, с которым был коротко знаком Малевский, перевели в Петербург. Нужно было искать другого, знавшего польский. Наконец-то цензором согласился стать Михаил Каченовский, профессор Московского университета. Он выбросил лишь два стиха:

Trzy tylko znam pokłony, co spodlić nie mogą:
Przed bogiem, rodzicami i kochanki nogą.*

Цензор был оскорблен тем, что поэт умолчал о царе. Разрешение к печати было подписано 28 октября 1826 года».⁸⁹

Нет оснований не доверять этим сведениям. В. Г. Анастасевич, на которого Мицкевич возлагал вначале определенные надежды в связи с прохождением «Сонетов» через цензуру, начинал свою службу при А. Чарторыйском, был тесно связан с Вилеппским университетом и его ректором Ш. Малевским, отцом приятеля поэта. Упоминание о переводе Анастасевича в Петербург позволяет внести важные хронологические уточнения. Новый цензурный устав, подготовленный А. С. Шишковым и кн. П. А. Ширинским-Шихматовым и получивший у современников прозвание «чугунного», был подписан Николаем еще 10 июня 1826 г. Но лишь 1 августа Л. Л. Карбоньер был назначен представителем вновь учрежденного главного цензурного комитета, а 4 августа — цензоры, в том числе Анастасевич, тогда же переехавший в Петербург. В том же августе Малевский сообщал родителям из Москвы о новом цензурном уставе, что можно поставить в связь с беспокойством, вызванным переводом Анастасевича в Петербург. По-видимому, к этому времени уже сложился замысел издания «Сонетов» и авторская рукопись была подготовлена (либо над ней завершалась работа) для представления в цензуру. Волнения, связанные с реорганизацией цензурного комитета, с выбором места издания и поисками нового цензора, заняли немало времени — лишь 20 октября рукопись «Сонетов» оказалась в руках Каченовского.

Более сложным представляется вопрос о характере (и достоверности!) цензурных изъятий. По-видимому, Вл. Мицкевич обращался в этом случае к «Библиографическим заметкам», помещенным в первом томе парижского издания сочинений Мицкевича (1869), где эти сведения изложены в несколько измененной и более подробной версии: «Цензура

* Я знаю лишь три поклона, которые не могут унижать: Перед богом, родителям и у ног любимой.

⁸⁹ Mickiewicz Wł. *Zywot Adama Mickiewicza*, t. I, s. 250.

позволила себе внести лишь незначительные исправления, по целиком исключила один сонет, завершавшийся следующими двумя стихами», — и после того, как были процитированы уже приведенные стихи, сообщались мотивы решения: «Цензор увидел в них оскорбление для чести русских, бьющих поклоны перед царем».⁹⁰

Сопоставивший эти факты Ч. Згожельский пришел к малоутешительным выводам: «Если доверять сведениям о вмешательстве цензуры, то несколько странным может показаться полное исчезновение запрещенного к печати сонета: в то время тексты, прошедшие цензуру, уже не терялись; разве Петрашкевич, многократно сплавивший со всей тщательностью копии с автографов поэта, смог бы обойти в своих списках этот сонет? Вряд ли это возможно. Нельзя ли поэтому эти сведения отнести в разряд явно вымышленных анекдотов о Мицкевиче?».⁹¹

Конечно, ссылки на Петрашкевича не вполне убедительны. Далеко не все материалы из его архива уцелели. В сохранившихся же списках представлены в копиях всего семнадцать сонетов, меньше половины опубликованных в 1826 г. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Петрашкевич не переписал сонет, исключенный цензурой, либо сделанная им копия затерялась в сложных и нередко драматических перипетиях, которые довелось перенести его архиву. Решающими в этом вопросе могут явиться свидетельства самой цензуры.

21 октября 1826 г. в цензурном комитете при императорском московском университете в присутствии председательствующего проректора И. А. Двигубского, а также декапов Ф. А. Мерзлякова и В. М. Котельницкого были рассмотрены «рукописи, вновь поступившие, под заглавием: 1) Начала Риторики Авг. Ернаста; 2) Sonety Adama Mickiewicza. Определено: поручить первые две: профессорам Мерзлякову и Каченовскому». Там же указано, что рукопись была припесена «по препоручению Мицкевича магистром философии Петрашкевичем», который в «день обратной выдачи» 28 октября «получил ее же». Наибольший интерес, однако, вызывает графа «Вся ли рукопись одобрена», где указано, что «исключена статья под названием Szolobitność». «Статья» означает отдельное, самостоятельное сочинение, в данном случае сонет, от которого сохранились лишь название и два завершающих стиха. Достоверность сведений о вмешательстве цензуры и само существование сонета «Поклонение» не вызывает сомнений, но лишь время покажет, удастся ли обнаружить текст этого утраченного стихотворения Мицкевича.

1 ноября 1826 г. в цензурном комитете было определено, что «Сонеты» Адама Мицкевича, «просмотренные и одобренные пропущены... за подписанием декана Цветаева». Последняя запись о «Сонетах» Мицкевича находится в «книге для отпечатанных сочинений». 2 декабря 1826 г. Ф. А. Мерзляков отметил, что «восемь экземпляров и пятьдесят копеек внес и билет получил Иван Степаков», очевидно служащий из

⁹⁰ Mickiewicz Adam. Dzieła, t. I. Paryż, 1869, s. V.

⁹¹ Mickiewicz Adam. Dzieła wszystkie, t. I, cz. 2, s. 99.

университетской типографии, принесший в цензурный комитет обязательные экземпляры отпечатанного издания.⁹²

«Билет», выданный цензурой, был визой на гражданство: из творческой лаборатории поэта «Сонеты» вышли в большой мир литературы, общественной жизни, культуры.

«Сонеты» Адама Мицкевича в литературно-общественной жизни второй половины 1820-х годов

Вышедшие в Москве в конце 1826 г. «Сонеты» Адама Мицкевича вызвали полемику не в одной польской прессе. Они стали поводом для острых дискуссий в русской литературной среде, дискуссий, не обративших на себя внимания историков русской и польской литературы, но крайне важных как для понимания общелитературного процесса, так и эволюции эстетических представлений Мицкевича.

«Вот необходимое и удовлетворительное явление. Изящное произведение чужеземной поэзии, произведение одного из первоклассных поэтов Польши, напечатано в Москве, где, может быть, не более десяти читателей в состоянии узнать ему цену; оно вышло из типографии и перешло в область книгопродавцев без почестей журнальных, без тревоги критической, как знаменитый путешественник, скрывающийся в своем достоинстве от дани любопытности и гласных удовольствий суетности».⁹³

Начиная этими словами свою рецензию на «Сонеты» Мицкевича, Вяземский, естественно, не подозревал, какую бурю критических выступлений вызовет новое творение польского поэта. Но он сам в немалой степени содействовал накалу литературной борьбы в последней и, пожалуй, самой ожесточенной «сшибке» между «классиками» и романтиками.

Статья Вяземского, опубликованная в мартовском номере «Московского телеграфа», была написана в виде предисловия к сделанному им в прозе полному переводу «Крымских сонетов». Сожалея о том, что польская литература мало известна в России, хотя она «соплеменница» русской, Вяземский выражал надежду, что «узы природного сродства и взаимной пользы в словесности должны бы, кажется, нас сблизить». Свой перевод он рассматривал, как «счастливым жребий запечатлеть один из первых шагов к сей желаемой цели ознакомлением русских читателей с сонетами Мицкевича, которые, без сомнения, прихотят к дальнейшему знакомству».

«Семейное сближение» на поприще литературы открывало перед Вяземским новые возможности для утверждения принципов романтизма в современной поэзии. Уже в характеристике «миролюбивой размены» между двумя родственными народами содержалось отрицание национальной замкнутости, культурной изоляции. При этом почти полностью сни-

⁹² Центральный государственный архив г. Москвы, ф. 31 (московский цензурный комитет), оп. 1, ед. хр. 10, л. 78 об.—79; 161—161 об.; ф. 31, оп. 5, ед. хр. 15, л. 38.

⁹³ Московский телеграф, 1827, ч. 14, № 7, с. 191. Там же сообщение о поступивших в продажу «Сонетах» (с. 226).

малась проблема национального своеобразия. Народное существует лишь как выражение общего «духа времени», который с наибольшей полнотой проявляется в творчестве гениальных творцов. Потому-то Мицкевич и «принадлежит к малому числу избранных, коим предоставлено счастливое право быть представителями литературной славы своих народов», потому-то ему принадлежит «почетное место в современном нам поколении поэтов».

Хотя Вяземский по понятным причинам уклонялся от определения «духа времени», представляя это право «каждому здравомыслящему человеку», ход его рассуждений вполне ясен. «Как книгопродавцы во времена Монтескье требовали Персидских писем от французских авторов, так, можно сказать, нынешнее поколение требует байроновской поэзии, не по моде, не по прихоти, но по глубоко в сердце заронившимся потребностям нынешнего века!».

Смелое сопоставление, проведенное между французским обществом кануна великих потрясений и современным, не было скрытым призывом к революционным действиям. «Дух преобразований», который еще недавно заставлял везде «умы клочкотать», смелся настроениями разочарования и горечи. Трагический мир поэзии Байрона, пропизанный пафосом отрицания и нравственной непримиримости, оказался созвучным его русским и польским почитателям, пережившим разгром восстания декабристов, последнего в ряду неудавшихся европейских революционных выступлений 1820-х годов. Отстаивание нравственной независимости становилось для Вяземского единственной формой борьбы с торжествующим насилием и духовной деградацией окружавшего его общества. Байронизм Вяземского после 1825 г. резко усилился, приобрел программный характер. Отношение к творчеству «шотландского барда» стало единственным мерилom современной поэзии. В статье о «Сонетах» Мицкевича содержится одна из самых высоких оценок значения Байрона в русской литературе.

«Байрон не изобрел своего рода: он вовремя избран был толмачом человека с самим собою. Он положил на музыку песню поколения, он ввел новые буквы, которые напечатали понятия и чувства, тающиеся под спудом за недостатком знаков выразительных. Как ни делайте, а если хотите говорить языком понятным и уместным, то вы от букв и правописания этого языка не отделаетесь: соображения их будут разные, но средства для возбуждения разнообразных понятий и впечатлений одни. Вот, может быть, одна из характеристических примет романтизма: освобождаясь от некоторых условных правил, он покоряется потребностям. В нем должно быть однообразие, но это однообразие природы, которое всегда ново и заманчиво».

Вяземский явно полемизировал с Кюхельбекером и Пушкиным. В своих статьях, опубликованных в 1824 г. в «Мнемозине», Кюхельбекер с ошеломившей современников смелостью противопоставил «великого Гёте и — недозревшего Шиллера», «огромного Шекспира и однообразного Байрона!». Сходные мысли высказывал Пушкин («Байрон бросил одно-

сторопный взгляд на мир и природу человечества, потом отвратился от них и погрузился в самого себя».⁹⁴ За внешней близостью оценок скрывались разные эстетические системы: Кюхельбекер ополчился на Байрона во имя архаических представлений о роли гения, об идеальной поэзии, высоком стиле;⁹⁵ Пушкин преодолевал субъективно-лирическую стихию Байрона на путях историзма, все более углубляющегося постижения реального мира.

В 1827 г. Вяземский уже не мог, походя, как это было раньше, отмахнуться от «пивного упоения» Кюхельбекера, да и отношение Пушкина к творчеству Байрона требовало обоснованного ответа. Опытный журнальный боец Вяземский не уклонился от главного удара, но перенес сражение в область известного спора между «классиками» и романтиками. «Прививной классицизм» разнообразен в своих проявлениях, но это ложное, искусственное разнообразие оторванного от жизни творчества. «Истинное должно быть однообразно: в верном выражении чувства, в сличении видимого с желаемым, в отголоске ощущений и понятий, построенных событиями...». В таком понимании «однообразие» Байрона перестает быть свидетельством его ограниченности. Напротив, это его величайшее достоинство, родовой признак современной поэзии, верно постигающей «дух века». Эту же «истину чувств» Вяземский находил в поэзии Мицкевича.

Ратуя за поэзию, отражающую запросы духовной жизни современного общества, Вяземский по-своему истолковывал излюбленные романтиками категории «самобытности» и «подражательности». В близости к поэзии Байрона проявлялись оригинальность и самостоятельность истинного поэтического таланта, его духовная зрелость. «Кажется, в нашем веке невозможно поэту не отзываться Байроном, как романисту не отзываться Вальтер Скоттом, как ни будет велико и даже оригинально дарование и как ни различествуй поприще и средства, предоставленные или изобретенные каждым из них, по обстоятельствам или по воле».

⁹⁴ Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М.—Л., 1959, с. 218—222, 402—403; Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969, с. 117—119.

⁹⁵ Мнение о том, что отношение Кюхельбекера к Шекспиру стало складываться лишь на Кавказе (1821—1822 гг.) в общении с Грибоедовым и под его преобладающим влиянием, является сильно преувеличенным. Уже во время своего посещения Гёте в Веймаре в 1820 г. Кюхельбекер познакомился с эстетическими теориями братьев Шлегелей и почерпнул в них высокую поэтическую оценку Библии, а также характерное противопоставление «всеобъемлющего гения» Шекспира и Гёте «однообразию» Шиллера и Байрона, правда истолковав это в духе борьбы за создание насыщенной пафосом гражданских идей национальной поэзии. В то же время русский романтик, вопреки литературным декларациям, оставался в своем творчестве приверженцем столь созвучного ему и близкого по духу шиллеровского «антузгамма». Проблема генезиса эстетической концепции Кюхельбекера, в том числе его взглядов на теорию перевода, в литературе не поставлена. Лишь в связи с изучением «русского Шекспира» Ю. Д. Левин останавливается на некоторых частных вопросах отношения Кюхельбекера к А.-В. Шлегелю (Международные связи русской литературы. М.—Л., 1963, с. 318—320).

Примечательно, что Вяземский оправдывает «ориентализм» сонетов не одним тем, что «наивосточнейшие сравнения, обороты вложены поэтом в уста мирзы, который проводник польского пилигрима». ⁹⁶ Отражая возможные нападки «литературных старообрядцев», он замечает, что «некоторый отблеск восточных красок есть колорит поэзии века, что кисти Байропа, Мура и других первоклассных поэтов современных напоены его радужными красками». «Крымские сонеты» напоминают автору статьи путевые заметки, сходствующие со «странническим журналом» Чайльд-Гарольда, и он ставит некоторые из них наряду с лучшими строфами английского поэта. «Такое сочувствие, такое согласие нельзя назвать подражанием; оно, напротив, певольная, но возвышенная стачка (не умею вернее назвать) * гениев, которые, как ни отличаются от сверстников своих, как ни зиждительны в очерке действия, проведенном во круг их Провидением, но все в некотором отношении подвластны духу времени и движимы в силу каких-то местных и срочных законов». ⁹⁷

Что разумел Вяземский, говоря о «стачке гениев», и кого он включал в их число, можно узнать из опубликованной незадолго до его рецензии о сонетах Мицкевича статьи Н. А. Полевого «Взгляд на русскую литературу 1825 и 1826 гг. (Письмо в Нью-Йорк к С. П. Д.)». Статья была помещена в январском номере «Московского телеграфа» за 1827 год и содержала безрадостную оценку состояния русской литературы, в котором она пребывала в последнее время, т. е. после разгрома восстания декабристов и в пору разгула правительственных репрессий. Это само по себе мужественное выступление было резко усилено Вяземским, который включил в статью Полевого чрезвычайно ответственный в политическом отношении текст: «В эти два года много пролетело и исчезло тех резвых мечтаний, которые веселили нас в былое время. Думаю и повторяю слова поэта

O myśli! w twojej głębi jest hydra pamiątek...

Смотрю на круг друзей наших, прежде оживленный, веселый, и часто (думая о тебе) с грустью повторяю слова Саади (или Пушкина, который нам передал слова Саади): одних уж нет, другие странствуют далеко!». ⁹⁸

Вяземский обращался к поэзии Мицкевича и Пушкина, чтобы выразить горечь воспоминаний об утраченных надеждах, сожаление о погиб-

⁹⁶ Мысль эта была позднее повторена В. Г. Белинским (Телескоп, 1835, ч. 27, стр. 373).

* «Стачка, согласие; сталкиваться, стовариваться: судебное слово, употребленное в Уложении (Словарь Академии Российской). В.». — Примечание Вяземского.

⁹⁷ Московский телеграф, 1827, ч. 14, № 7, с. 191—204.

⁹⁸ Там же, ч. 13, № 1, с. 9. Авторство Вяземского было установлено М. И. Гиллельсоном по библиографическим записям С. Д. Полторацкого (ГБЛ, ф. 233, к. 80, № 10, л. 28). Вяземский цитирует в подлиннике, не называя Мицкевича, 12-й стих из сонета «Морская тишь» («О мысли! в твоей глубине есть гидра воспоминаний!..») и сопягает его с эпиграфом Пушкина к «Бахчисарайскому фонтану», явно намекая на судьбу декабристов.

ших и сосланных друзьях. «Господствующие идеи века» были пропозаны духом гражданского негодования, нравственной непримиримости к насилию. Оппозиционные настроения Вяземского были очевидны для читателей «Московского телеграфа». Опытный и чуткий, но совершенно беспринципный журналист Ф. Булгарин, служивший негласным «референтом» при 3-м отделении по «части литературной», доносил А. Х. Бенкендорфу: «Если со вниманием прочесть замеченные места в первой статье № 1, то ясно обнаружится желание издателя дать почувствовать читателям, что письмо сие пишется Николаю Тургеневу под вымышленными буквами; явный ропот противу притеснения просвещения... и сожаление о погибших друзьях на странице 9 было всеми понято и доставило большой ход журналу. В статье все жалуются на два последние года, т. е. 1825 и 1826, — время отлучки Тургенева и ссылки бунтовщиков. Все так ясно изъяснено, что не требует пояснений».⁹⁹ В более развернутом виде эти же обвинения были высказаны в письме А. Х. Бенкендорфа к Вяземскому от 31 августа 1827 г. Среди полученных «высочайшее одобрение» замечаний были следующие: «...в № 1 Телеграфа... на стр. 8 ставится вопрос: что сделали русские в течение последних двух лет? А ведь это годы 1825 и 1826. Ниже вы говорите: в конце 24-го года мы надеялись продвинуться вперед в 25-м; эта надежда была обманута, как и многие другие... Сколько сладостных химер разрушено в течение этих двух лет! Далее цитируются стихи Саади в переводе Пушкина. Я не могу поверить, чтобы вы, приводя эту цитату и говоря о друзьях, умерших или отсутствующих, думали о людях, справедливо пораженных законом; но другие сочли именно так, и я предоставляю вам самому догадываться, какое действие способна произвести эта мысль... в вашем № 7, стр. 195, 196 и 197, обратило на себя внимание то, что вы говорите о так называемой стачке или согласии [пробел] господствующих идей века с идеями лорда Байрона. Нет сомнения в том, что талант Байрона замечателен; но известно, какое печальное употребление он часто делал из него, известно, что этого великого живописца страстей всю жизнь пожирала мрачная, почти доходящая до ненависти страсти вследствие своего рода гордого отворачивания ко всему, что имеет право на уважение и любовь человечества; что он долгое время был отъявленным врагом всех существующих установлений, всех признанных верований, морали и религии, даже естественной религии. Поэтому можно справедливо удивляться, когда говорят, что люди нашего времени, выдающиеся своими талантами, придерживаются его взглядов; я хотел бы верить, что это не так, и в случае надобности было бы достаточно привести примеры Карамзина и Вальтер Скотта, чтобы доказать противное».¹⁰⁰

⁹⁹ Тексты дописок па «Московский телеграф» от 19, 21 и 23 августа 1827 г. были опубликованы М. И. Сухомлиновым (Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. II. СПб., 1889, с. 386—391).

¹⁰⁰ Французский текст письма и перевод были опубликованы М. И. Гиллельсоном, полагавшим, что его автором был сам А. Х. Бенкендорф. Впоследствии исследо-

И доносы Булгарина, и предостерегающее письмо шефа жандармов исходили в своем содержании из общественных откликов на статью Вяземского о сонетах Мицкевича. Идеологическая концепция письма Бенкендорфа явно перекликалась с выступлениями «Вестника Европы», яростно осуждавшего романтическое движение. Уже в апреле 1827 г. М. Т. Каченовский глумливо потешался над характеристикой Байрона в рецензии Вяземского.¹⁰¹ В июньском номере «Вестника Европы» с программными замечаниями «На статейку, выдернутую из „Московского телеграфа“», выступил Н. И. Надеждин. В обычном для журнала издательском тоне он излагал мнения Вяземского, который старался «доказать, что гений творца сонетов, как и всякий другой поэтический гений, не может в нынешнем веке проявиться не в духе поэзии байроновской». Не высказывая открыто своего отношения к Мицкевичу, Надеждин иронически замечал, что Вяземский «старается возвысить польского стихотворца на степень гения, доказывая, что сонеты его есть не подражание Байрону, а возвышенная с ним стачка».¹⁰²

В своей фанатической ненависти к романтизму и свободолюбивым идеям Надеждин доходил едва ли не до литературного доносительства. Один из героев его фельетона, выступающий под характерным именем «Чадского», пародирует Вяземского в тосте «за упокой самого великого Байрона! Вдохновенного изъяснителя всех идей, всех страстей, всех бешенств настоящего бурного века», оскорбительно отзываясь о Пушкине, которого называет «Угаровым», «нашим северным Байроном», и обвиняет современных поэтов в неистовом романтизме, в ненависти и отрицании всех освященных временем устоев. В примечании к вызывающим заявлениям «Чадского» Надеждин многозначительно замечает: «Чуждое дело! — Можно ли еще сомневаться теперь в симпатической стачке гениев». Он даже использовал выражение Вяземского в перевернутом виде для названия фельетона. «Стачка гениев» превратилась под его желчным пером в «Сонмище нигилистов»,¹⁰³ прозвище, впоследствии получившее право гражданства в русской культуре.

Впервые удалось обнаружить оригинал, написанный Д. Н. Блудовым по агентурным запискам, переданным ему фон Фоком (Гиппелельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество, с. 158—159). Небезынтересно, что в последней редакции письма сохранились следы «авторской индивидуальности» Булгарина: осведомитель опустил приведенную Вяземским цитату из Мицкевича, дабы не привлекать внимания к сильному польскому поэту. Это было сделано не бескорыстно, поскольку совсем незадолго до письма сенатор Н. Н. Новосильцев обвинил Булгарина в принадлежности к «польской партии», в связях с Виленским университетом и в покровительстве высланным оттуда полякам.

¹⁰¹ Вестник Европы, 1827, № 8, с. 316—317. Каченовский сочувственно ссылается на Булгарина, выступившего против Вяземского под именем Сира Барского (Северная пчела, 1827, № 58).

¹⁰² Вестник Европы, 1827, № 12, с. 264—285.

¹⁰³ Николай Надеждин. Сонмище нигилистов. — Вестник Европы, 1829, № 2, с. 97—115. О литературной позиции Надеждина в пору его сотрудничества с Каченовским см. статью Ю. Майна в издании: Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика. М., 1972, с. 3—23.

Надеждин не ограничился одними насмешками. Он пытался опрокинуть всю систему рассуждений Вяземского. Если последний объяснял бедственное состояние русской литературы политическими обстоятельствами, то Надеждин связывал это положение со всеплением романтизма, чуждого коренным потребностям русской общественной жизни. «И можно ли гения подчинять другому? Но сего требует, говорят нам, поэзия нашего века. Неужели ныне достигли высоты всеобщего идеала и положили предел стремлению человека?». «Неужели он (Байрон. — С. Л.) сотворил всеобщий идеал изящного, искомый всеми и всегда?». «Если поэзия Барда чужеземного получила у нас право гражданства, то единственно потому, что мы не имеем еще национальной поэзии...». ¹⁰⁴

Аргументы Надеждина отличались неожиданным своеобразием. В полемике с романтическими концепциями Вяземского он обращался к романтическим категориям «самобытности», «оригинальности», «национальной поэзии». Старое классическое оружие заметно обветшало, правила, почерпнутые из Буало, были безнадежно дискредитированы, и вчерашние защитники строгого «вкуса» и «изящного» вынуждены были пользоваться теориями, восходящими к Гердеру, Спмонди и мадам де Сталь, правда, в характерном истолковании. Гражданской поэзии романтизма, пропитанной пафосом свободолюбия и индивидуальной активности, был противопоставлен архаический идеал народной поэзии, ориентированный на сентиментально-идиллические образцы. Одновременно с Надеждиным на страницах того же «Вестника Европы» «житель Васильевского острова» Н. А. Цертелев восклицал по поводу народных песен: «Сию безыскусственную поэзию предпочитаю я большей части наших романсов, баллад и (слушайте, слушайте!) даже многим романтическим поэмам!». «Русский должен быть русским писателем, подобно как Гомер греческим, Шекспир английским и проч...». ¹⁰⁵

Теоретическим обоснованием этих тенденций стало письмо К. Бродзинского к редактору «Варшавской газеты», опубликованное как предисловие к песням славянских народов. Статья Бродзинского была тотчас же переведена Каченовским для «Вестника Европы». Ее сочувственно цитировал А. Я. Максимович в своем предисловии к изданию малороссийских песен, дважды опубликованному в 1827 г. ¹⁰⁶ Концепция «народной поэзии» польского преромантика Бродзинского была откровенно враждебна литературе гражданского романтизма.

Бродзинский следует уже ставшему традиционным представлению о том, что романтическая поэзия родилась в средние века и была выражением духа рыцарской эпохи, с ее верой в чудесное, таинственное, с ее мистическими томлениями. Возрождение этих традиций, наблюдаемое в Германии со времени Шиллера и Гёте, кажется польскому автору бо-

¹⁰⁴ Вестник Европы, 1827, № 12, с. 286, 287, 288.

¹⁰⁵ Там же, с. 272, 273.

¹⁰⁶ Предисловие М. А. Максимовича к сб. «Малороссийские песни» (М., 1827) было опубликовано в «Вестнике Европы» (1827, № 15, с. 47).

лезню, поразившей современную поэзию, уходом от естественных форм развития, искажением здоровых начал народной жизни. «Чувствительность единственно направлена к тоске по молодости, которую поэт-мечтатель провел без всякой пользы и потому не знает сам, па что употребит остальные годы своей жизни. Такой дух нынешней поэзии, вкравшийся даже во Францию вместе с Байроном, никак не может почестся картиною естественного быту общежития, и отнюдь не стремится он к сей благой цели. „Сии, прославленные модою творения, — говорит Шафарик, издатель словацких песен, — суть не что иное, как волкапы Парпаса, которые, ослепляя и оглушая блеском своим и громом, напоследок засыпают нас золою“».*

К счастью, по мнению Бродзинского, славянский мир в отличие от западного не знал эпохи феодализма, что имело немаловажные последствия для его духовного развития. «Будучи далекими от желаний причудливых и странных, от страстей буйных и насильственных, имея воображение не своевольное и не расстроенное», славяне способны «к постоянному совершенствованию своих прав и вкуса» и «остаются пыне народом единственным, которого вкус, обычаи и песни папоминают нам картину Греции древней». «Друг человечества, друг тишины заметит в них (народных песнях, — С. Л.) милый образ невинности и счастья жизни».¹⁰⁷

Для Мицкевича выступление Бродзинского было полнейшей неожиданностью. В авторе «Веслава» он видел своего возможного союзника и какое-то время разделял его компромиссные настроения в споре с «классиками». Даже в пору создания «Сопетов» Мицкевич еще теоретически не осознавал в полной мере своего новаторства, глубины размежевания с поэзией позднего классицизма. Положительные в целом отклики на первые два тома произведений поэта, особенно на его «Баллады и романсы» (1822), с которыми выступали «варшавские критики» (Дмоховский на страницах «Польской библиотеки» и Ф. Моравский в частной переписке), внушали надежду, что классические по форме «Сонеты» вызовут к себе не менее благожелательный интерес.¹⁰⁸ И вдруг,

* Характеристика Байрона, которую Бродзинский приписывает П. Шафарику, в действительности принадлежит Я. Коллару (B a t o w s k i H. Przyjaciele słowianie. Warszawa, 1955, s. 63—64, 196).

¹⁰⁷ Бродзинский К. О народных песнях славян. — Вестник Европы, 1827, № 13, с. 46—47.

¹⁰⁸ Узнав о первых отрицательных отзывах на «Сонеты», Мицкевич сделал в письме к Одынду (14/26 апреля 1827 г.) характерное признание: «Правду говоря, я предвидел все заранее: что дамы примут меня без особой нежности, что масса читателей не слишком будет увлечена, но все же признаюсь, что надеялся пайти у классиков, если не одобрение, то большее понимание» (Mickiewicz Adam. Dzieła, t. XIV, cz. 1, s. 337). Только Ф. Моравский, захваченный красотой «Сопетов», проявил понимание, на которое надеялся поэт. В письме к сыну артистара варшавских «классиков» А. Е. Козьмяну (март—апрель 1827 г.) он сообщает, как «величайшую ересь», что вообще не находит в «Сонетах» романтических образов и настроений. «Когда он изображает горы, то удивляется лишь их огромности, подчеркивающей нашу ничтожность в сравнении с ними. Когда он вступает

словно порыв приближающейся критической грозы, статья Бродзинского с резкой поляризацией литературных позиций. Вчерашний защитник романтизма стал одним из его наиболее ожесточенных хулителей.

«Не могу поверить, — писал Мицкевич Одынцу 6/18 октября 1826 г., — чтобы то, что там говорится о Байроне и вообще о немецкой и английской поэзии, было выражением литературной веры Бродзинского. Не знаю, что за тип этот Шафарик, называющий Байрона вулканом, который лишь ослепляет и засыпает пеплом. Этот дым, пепел, фантасмагории, чертовщину находят в поэзии Байропа журнальные критики, пытающиеся посредством множества слов выразить темные для них самих представления». Недоумевая, почему славянам чуждо все «ужасное, возвышенное, трагическое», Мицкевич решительно возражал Бродзинскому: «Никто не будет отрицать, что славянские песни дышат сладостью, деликатностью и радостью Анакреона; но нужно ли нашу литературу сводить к одним песням Анакреона, да еще в те времена, которые видели Гёте, Шиллера, Мура и Байрона?». ¹⁰⁹

Выпады против Байрона не отличались новизной. Литературные староверы не были одиноки. Идеолог немецкого романтизма Ф. Шлегель пазывал Байрона «эмиссаром дьявола» и «апостолом скептицизма». После 1825 г., на фоне следственных процессов по делу декабристов, подобные обвинения, нередко перераставшие в политическое доноительство, становились важнейшими аргументами в литературных спорах о путях развития современной поэзии. «Наступило время, — писал Мицкевич в уже упоминавшемся письме к Одынцу, — чтобы они (эти суждения о Байроне, — С. Л.) уступили место более основательным наблюдениям». По-видимому, эта слова можно рассматривать как свидетельство намерения поэта выступить в печати в защиту Байропа от «журнальных критиков», что и было им сделано в статье «Гёте и Байроп», написанной, вероятно, вскоре после появления рецензии Вяземского на «Сонеты». И польский, и русский поэты проявили удивительное единомыслие в своем отношении к творчеству Байрона и современному литературному процессу; и это сходство, возможно, сознательно подчеркнутое, — дружеское общение между Вяземским и Мицкевичем позволяет сделать такое предположение, — не только включает статью польского поэта в контекст литературных полемик того времени, но и служит дополнительным основанием для ее датировки 1827 г. ¹¹⁰ Статья, очевидно,

па необозримые степи и псчезает в тихом, пустынном и безлюдном океане, то в этом обширном пространстве одиночества вспоминается отчизна: все можно отдать, чтобы услышать оттуда хотя бы один голос. Чего же здесь больше — романтического или классического? Когда же он говорит о возлюбленной, то скорее следует за древними в изображении чувственной, а не современной мечтательной любви. Я мог бы привести тысячи доказательств того, что «Сонеты» Мицкевича означают его переход от романтизма к классицизму» (Billip W. Mickiewicz w oczach współczesnych, s. 336).

¹⁰⁹ Mickiewicz Adam. Dzieła, t. XIV, cz. 1, s. 304.

¹¹⁰ Ср. с аргументацией Ю. Кляйцера, обстоятельно рассмотревшего этот вопрос (Kleiner J. Mickiewicz, t. II, cz. 1. Lublin, 1948, s. 13—14).

предназначалась для одного из варшавских журналов либо для «Московского телеграфа». Не лишено интереса и то обстоятельство, что Вяземский в это время также собирался написать очерк о Байроне.¹¹¹ Но все эти намерения были перечеркнуты «отеческим внушением», полученным Вяземским в начале сентября 1827 г. из 3-го отделения. Можно не сомневаться, что польский поэт был осведомлен своим другом о содержании критических высказываний Бенкендорфа в адрес Байрона. Хронологические границы написания статьи Мицкевича заметно сужаются: после сентября 1827 г. ее создание было бы невозможно. Ведь не случайно же в предисловии к переведенным И. И. Козловым «Крымским сонетам» Вяземский, в основном повторивший свою рецензию, был вынужден опустить все «сомнительные» места, относящиеся к английскому поэту и литературному движению.¹¹² Обошел отмеченные полицейским вниманием проблемы и Мицкевич в опубликованном в начале 1829 г. предисловии «О варшавских критиках и рецензентах».

Статья «Гёте и Байрон» не была дописана. Но и в этом незавершенном виде она по своему содержанию напоминает литературный манифест — документ, в котором с наибольшей полнотой отразились литературные воззрения Мицкевича в пору начавшихся в русских и польских журналах споров вокруг «Сонетов».

Подобно Вяземскому, Мицкевич выступает безоговорочным приверженцем «миролюбной размены» между народами в области культуры. Он придает этому фактору столь большое значение, что считает его решающим в историческом развитии национальных литератур. Даже в эпохи «порчи вкуса» и падения общественных добродетелей тесные связи с другими народами могут способствовать поиску новых путей, пробуждению здоровых сил. «Если бы греки знали поэзию варваров и любили ею заниматься, возможно, что они смогли бы найти в себе новые силы и не оставались бы в продолжении пятнадцати веков холодными подражателями древних образцов».¹¹³

Заметно различие между предисловием «О романтической поэзии» и статьей «Гёте и Байрон». В 1822 г. Мицкевич объяснял упадок античной поэзии преимущественно политическими обстоятельствами и, не в последнюю очередь, нашествием «чужеземцев». В 1827 г. мотивировка изменилась: именно «чужеземцы», «варвары», разрушившие древний мир, могли содействовать возрождению греческой поэзии, выйдя последней из присущего ей состояния замкнутости. Если для автора «Баллад и романсов» важнейшим критерием поэзии был «чистый дух пародности», лишенный каких-либо чужеродных примесей (проблема влияния решалась негативно как омертвляющая живой процесс подражатель-

¹¹¹ Последнее упоминание Вяземского об этом замысле, возникшем еще в 1824 г., относится к июлю 1827 г. (Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество, с. 163).

¹¹² Крымские сонеты Адама Мицкевича. Переводы и подражания Ивана Козлова. СПб., 1829, с. X—XII.

¹¹³ Mickiewicz Adam. Dzieła, t. V, cz. 1. Warszawa—Kraków, 1950, s. 237.

пость), то для создателя «Сонетов» истинная народность проявлялась лишь в той мере, в какой она отражала «дух века», общий для всех народов, взаимно оказывающих друг на друга благотворное влияние. Народность утратила свой замкнутый архаичный характер, какой она имела в историко-литературных построениях Бродзинского, и стала рассматриваться как выражение общественных потребностей современной жизни. «Дух века» становится с этого времени для Мицкевича господствующей эстетической категорией, вскоре определившей критический пафос последнего выступления поэта против «варшавских критиков и рецензентов».

«Дух времени», глашатаем которого выступал Мицкевич, был равно враждебен сторонникам классицизма и Бродзинскому, видевшим «золотой век» поэзии в классической древности либо в славянской архаике. Распространенная среди «классиков» теория органического развития человечества — от детства к старению, с которым якобы соотносится уже наступивший упадок искусств, — представляется поэту сомнительной и преждевременной в своих выводах: род человеческий еще не утратил молодости и непосредственности ощущений, о чем свидетельствует расцвет современной поэзии, отмеченной прежде всего великими именами Гёте и Байрона.

Выбор этих имен не был случайным. Ставшее традиционным противопоставление романтизма и классицизма уже не удовлетворяет Мицкевича. Он разрушает теорию «единого потока» современной поэзии, продолжая литературные споры, начатые Кюхельбекером еще до восстания декабристов и продолженные Вяземским в рецензии на «Сонеты». Обращаясь к «исторической критике», отмежевываясь от школярских правил нормативной эстетики, Мицкевич рассматривает историю поэзии типологически, как бы в вертикальном срезе; он делит ее на два больших рода — на поэзию, обращенную в прошлое, и поэзию настоящего и будущего, на эпическую и лирическую. К первой он отсыл в древности Гомера, ко второй — Алкея и Тиртея, «брюдавших на лютнях во главе вооруженных отрядов». В новое время эти направления представлены творчеством Гёте и Байрона.

Характеристика Байрона проникнута духом историзма и... полемики с «журнальными критиками». Мицкевич явно заимствует у «Шафарика» (Коллара) образ «ослепляющего вулкана», но дает ему принципиально иное толкование: «Американская революция, долгая и упорная война против Франции, партии, разделившие во мнениях самих англичан, — все занимало общество; рождалось великое множество новых представлений и чувств, не хватало лишь поэта, который бы их воспел. Это была огромная масса горячих, подземных материалов, искавшая в окрестных горах нового кратера». «Вулканическое» явление Байрона не было случайностью, болезненным отклонением. Он лишь вовремя был избран, если воспользоваться определением Вяземского, «толмачом человека с самим собою. Он положил на музыку песнь поколения...». Мицкевич развивает эту мысль. В поэзии английского поэта от-

разились «чувства молодого человека, живущего в девятнадцатом веке, мысли философа и политические размышления англичанина». Проблема подражательности, таким образом, снималась. Байронизм стал синонимом современной поэзии. Подражать Байрону означало отражать запросы современной жизни. «Песни Байрона отзывались во всей Европе и создавали подражателей. Так струна, которую затронули, заставляет звучать другие, молчавшие, но так же настроенные струны».

Значение Байрона для современной поэзии безмерно абсолютизировалось. Даже сравнение с Гёте служит еще большему возвеличиванию английского поэта, торжеству субъективного начала. Искусство и воображение противопоставлялись истинным чувствам. Художник человеку. «Как неудачны все сравнения Гёте с Байроном! — записывал в 1827 г. слова Мицкевича Ф. Малевский. — Первый всегда остается мастером, второй — человеком. Один пишет, чтобы создать творения искусства, другой — излить собственные чувства. Байрон возвысил и облагородил достоинство поэта и человека».¹¹⁴

Актуальный для русской литературы тех лет вопрос об «однообразии» Байрона Мицкевич решает, сходно с Вяземским, к вящей славе английского поэта. В основу всех оценок положен критерий отношения к жизни. Гёте с одинаковой легкостью создавал разнообразные характеры, потому что был равнодушен к своим моделям. Хотя Аделаида, Гретхен и Мина взяты из реальной жизни, он не узнал бы в них своих прежних возлюбленных и подруг: лишённые индивидуальных черт, они столь же безжизненны, как мрамор Кановы. Иное дело Байрон, сохранивший до конца дней своих «живое воспоминание о той, которой поклонялся в молодости. Кого бы он не воспевал, она всегда была перед его глазами, и он не мог удержаться, чтобы не изливать собственные чувства. Первая возлюбленная отразилась в характере всех героинь его поэзии. Он не создавал другие натуры не потому, что не мог, — не хотел заниматься их изучением. Байрон пропес образ своей любимой, может быть, менее прекрасный, но более верный, даже с сохранением физических недостатков...».¹¹⁵

В пламенной апологии английского поэта легко различимы интонации авторской исповеди. Большую часть этих наблюдений Мицкевич мог бы вполне отнести к себе. «Живое воспоминание» о первой любви сохраняло свою власть и над его поэзией. Даже отдельные сонеты, связанные в своем происхождении с другими женщинами («К Лауре»), в процессе последующей над ними работы стали соотноситься с Мари-лей Верещак. Правда, в чувственном насыщенном жизненными реалиями мире «любовных сонетов» образ Марили был осложнен позднейшими переживаниями и размышлениями. И все же был прав М. Монацкий, когда находил в сонетах чувства, которые воодушевляли героя

¹¹⁴ Przewodnik naukowy i literacki. R. XXV, s. 1142—1143.

¹¹⁵ Mickiewicz Adam. Dzieła, t. V, cz. 1, s. 238—241, 243.

четвертой части «Дзядов».¹¹⁶ Но тот же критик осудил поэта за то, что последний не мог удержаться, чтобы не излить собственные переживания в «Конраде Валленроде», исторической поэме из эпохи крестовых походов.¹¹⁷ То, что казалось Мохнацкому нарушением исторической достоверности и жанровых особенностей героико-романтической поэмы, составляло самую сущность художественного мышления Мицкевича, высказавшего свои взгляды на лирическую поэзию в статье «Гёте и Байрон».

Борьба Вяземского и Мицкевича за Байрона в 1826—1829 гг. имела отчетливо выраженный гражданский характер. Она не была доведена до конца не только в силу политических обстоятельств времени. Русское литературное движение развивалось в сторону реализма, через преодоление субъективного начала как господствующего в художественном творчестве метода.¹¹⁸ Для Мицкевича, однако, проблема Байрона не исчерпывалась русским аспектом этого вопроса, она затрагивала коренные основы его мировоззрения. В пору создания «Сонетов» и «Конрада Валленрода» поэт уже не удовлетворял традиционные жанровые или профессиональные представления о литературе. Поэзия сливалась с жизнью, становилась «ковчегом» чувствований отдельного человека и всего народа, призывом к действию и самим деянием. Роль поэта приобретала черты посланничества. Автор не отделял себя от героя и ощущал вместе с ним свою нераздельность с народом во всей органичности его исторического существования. Субъективное было единственной мерой проникновения в мир чувств современного человека, осознанием его нравственного долга. За спорами вокруг Байрона открывались перспективы последующих лет, путь к созданию «дрезденских» «Дзядов».

Столь важная для поэтики Мицкевича проблема байронизма почти не была затронута в польской печати, шумно откликнувшейся на появление «Сонетов».¹¹⁹ Несколько упоминаний в статье М. Мохнацкого о сходстве «пилигрима» с Чайльд-Гарольдом,¹²⁰ да самые общие литературные сближения между двумя поэтами в письмах Ю. Б. Залеского и Т. Запа — вот, пожалуй, и все, высказанное в этой области. Правда, в начале июня 1827 г. «Польская газета» поместила перевод рецензии Вяземского, но из него были опущены все наблюдения о Байроне и современной романтической поэзии.¹²¹ Обещание опубликовать полный

¹¹⁶ Mochński M. O «Sonetach» Adama Mickiewicza. — *Gazeta Polska*, 1827, N 80, 82. — In: Billip W. Mickiewicz w oczach współczesnych, s. 82—83.

¹¹⁷ Mochński M. O literaturze polskiej w wieku XIX. Warszawa, 1830. — In: Billip W. Mickiewicz w oczach współczesnych, s. 294—296.

¹¹⁸ Разумеется, этим не предreshалась судьба мятежной музыки Байрона в России. В 1830-е годы она ожила в творчестве Лермонтова, в его протестующей субъективности.

¹¹⁹ В уже упоминавшейся хрестоматии Биллипа насчитывается около ста названий, связанных с полемикой вокруг «Сонетов».

¹²⁰ Billip W. Mickiewicz w oczach współczesnych, s. 85, 333, 337—338.

¹²¹ Rosyjskie tłumaczenie «Sonetów» Mickiewicza. — *Gazeta Polska*, 1827, № 156. — In: Billip W. Mickiewicz w oczach współczesnych, s. 126—129.

текст статьи в «Варшавском журнале» не было осуществлено, возможно, по вине цензуры: в августе правительственное мнение о поэзии Байрона уже стало обязательным для печати. Конечно, цензурные обстоятельства сами по себе мало что объясняют. Главное заключалось в ином. Поэзия Мицкевича намного опережала эстетическое сознание современного ему читателя, и в этом разрыве существовали возможности конфликта, вылившегося в знаменитую «войну классиков с романтиками».

В большинстве критических выступлений основное внимание уделялось скрупулезному выявлению различных «отклонений» от принятых норм языка, вплоть до грамматических «ошибок», провинциализмам, словам, заимствованным из других языков, простонародным формам, обильно вводимым поэтом в свои произведения и якобы разрушавшим коренные основы польской литературной речи. Неприемлемые для нормативной эстетики романтические образы — вся система поэтического мышления Мицкевича, — естественно, служили все той же чудовищной цели — «порче языка», затемнению его классической ясности. И эта опасность представлялась ретроgrадам — и не только литературным — тем очевидней, что даже многие из них признавали гениальную одаренность поэта.

За «филологическими» обвинениями скрывалась ожесточенная общественная борьба. Консервативная концепция языка сложилась в польском общественном сознании еще до появления первых поэтических сборников Мицкевича. Она была оправдана и самой природой языка, всегда тяготеющего к устойчивым формам и нормативности, и политическими условиями жизни польского народа: после уничтожения государственности необходимость в сохранении языка вырастала в главную проблему развития всей культуры и становилась едва ли не единственным фактором самого существования народа. Концепция эта вырастала из традиций Просвещения, с его борьбой против галлицизмов и пышной цветистости сакской эпохи. Просветительская идеология рассматривала народ либо как потенциального носителя естественных добродетелей, либо как идеальную совокупность просвещенных, т. е. осознавших свои подлинные («естественные») интересы граждан; реально существующий народ выглядел в «свете разума» темной невежественной массой, исполненной предрассудков и нуждавшейся в просвещении, в преобразовании. Язык, созданный народом, также нуждался в «очищении» и «преобразовании», которое могло быть проведено лишь «великими писателями», следующими правилам «хорошего вкуса и истины». Автор известной «Грамматики польского языка» О. Копчинский уже в предисловии к первому изданию (1778) предостерегал от «простонародья, часто крайне плохо говорящего по-польски». Отношение польского просветителя Я. Спядецкого к романтизму объясняется не одной неприязнью к спиритуализму немецкой философии. Убежденному стороннику Локка и Вэкопа было чуждо само обращение к исторически сложившейся специфике национальной культуры, к фольклору, народным говорам. Просветительская программа в области языка оказывалась лишенной главного — демокра-

тического масштаба действий, политических перспектив; представления о народе опрокидывались в сословное прошлое, защита языка от чужеродных влияний, от «осквернения» перерастала в национальный изоляционизм.

К «патриотической школе» ревнителей языка примыкал К. Бродзинский. Вслед за просветителями он осуждал галломанию шляхты и в то же время романтическое движение, которое считал порождением западноевропейского средневековья. Поклонник «тихих добродетелей» польских поселян, этот преромантик обращался к «образованному обществу», и прежде всего к светским дамам («полькам»), с призывом «опекать и развивать родной язык». Понятие народности легко подменялось понятием «просвещенного общества» с утопической проекцией в историю «республиканского народа». Над литературным языком нависла реальная угроза его полной изоляции от живительных истоков народной речи и превращения в литературный жаргон узкой элиты посетителей варшавских салонов.

Поэтическое творчество Мицкевича разрушало устои консервативного понимания языка, культуры, народности. Своим обращением к провинциализмам, к простонародной лексике, к словам, заимствованным из чужих языков, Мицкевич объяснял внутренней потребностью литературного процесса, т. е. рассматривал литературный язык как развивающееся явление, чуждое схоластическим правилам и запретам варшавской школы «классиков». Спор шел по существу вокруг различного понимания народности. В борьбе с романтиками, выдвигавшими демократическую идею «создания» нового народа, объединились все консервативные силы — от правоверных последователей классицизма до сторонников Бродзинского. Воспитанник последнего Ф. Дмоховский, эклектически соединявший «правила истинного вкуса» с сентиментально истолкованной народностью и в этом духе пытавшийся еще недавно «перевоспитывать» Мицкевича, одним из первых выступил против «Сонетов», взывая, в частности, к именам преромантика Бродзинского и ожесточенного и непримиримого защитника классицизма Козмына: якобы именно они сохранили в поэзии вопреки романтическому поветрию «скромность и умеренность», любовь к «родине и семейным добродетелям», «простоту обычаев», — словом, все то, что существует в народном характере и языке, еще не подвергнутом порче, — «самом дорогом наследии наших предков».¹²² Сам Козмян, отличавшийся большой социальной чуткостью, высказался по этому поводу более определенно в письме к Ф. Моравскому (март 1827): «Сонеты Мицкевича Мостовский»¹²³ наилучшим образом оценил одним словом: мерзость. Не знаю, что ты мог найти в них хорошего; все непристойно, низменно, грязно,

¹²² Dmochowski F. S. Uwagi nad «Sonetami» Pana Mickiewicza. — Biblioteka Polska, 1826 (1827), t. 3. — In: Billip W. Mickiewicz w oczach współczesnych. s. 72—77.

¹²³ Т. Мостовский (1768—1842) — один из самых непримиримых врагов романтизма.

невежественно; все может быть крымским, татарским, но не польским... Расстроенное воображение Мицкевича возбуждают грязные литовские прачки». И несколько позднее тому же корреспонденту (22 декабря 1827 г.): «И мы поедem в Стамбул, чтобы учиться языку Мицкевича, а, научившись, возможно, полюбим его; пока же трудно хвалить то, что не понимаешь... Что общего с народной поэзией имеют Чатырдаги и турецкие ренегаты? Немцы в балладах воспевают по крайней мере своих баронов, а мы — турок, татар и казаков, да к тому же еще их собственным языком».¹²⁴

Исход «литературной войны» был заранее предрешен. Поэзия Мицкевича с такой быстротой распространялась в польском обществе, с такой отзывчивостью воспринималась читателем, что рядом с этим поистине всеобщим признанием злобное брюзжание варшавских «классиков» было фактом, значение которого в истории литературы сильно преувеличено. Бурный поток творчества Мицкевича сметал на своем пути все плотины и препоны.

На читательском рынке «Сонеты» появились в конце декабря 1826 г. 2 января 1827 г. Булгарин сообщил об этом событии К. С. Сербиновичу, близко знавшему петербургскую полонию. В конце того же месяца Сербинович занес в свой дневник характерную запись: «Вечеру приходит ко мне П. Ю. Шепелевич. Он принес мне Sonety Adama Mickiewicza. Читаем и восхищаемся».¹²⁵ В марте Козмян неодобрительно писал из Варшавы: «Литовцы настолько переполнены славой своего сморгонского поэта, что заполнили все дома этими Сонетами. Валерий Красинский галопом разносит их повсюду».¹²⁶ В апреле анонимный рецензент в «Польской газете» высказывал общее мнение, когда писал, что все мы «повторяем наизусть Сонеты Мицкевича».¹²⁷ Не прошло и года после выхода книги Мицкевича, а во Львове уже появились «Сонеты» Яна Непомуцена Каменского (1827), в том же году издал свои «Сонеты» в Петербурге Ю. Шостаковский. В 1828 г. «сонетомания» не ослабевала: свои «опусы» издали в Варшаве Ст. Братковский, во Львове — К. Б. Антонович. Дикое подражание Мицкевичу опубликовал в 1829 г. в Кракове Ю. Лапсинский, скрывшийся под криптонимом «...».

Тогда же издал свои «Сонеты» И. Е. Подгоский. В вышедших в Вильне в 1830 г. «Поэзиях» отставного поручика «клястицко-гусарского полка» Адольфа Броница первая часть книги занята сонетами, правда в большей своей части ничего общего с ними не имеющими. К этому следует добавить, что во второй половине 1820-х годов не было ни одного журнала, альманаха или газеты, на страницах которых не были бы представлены сонеты.

Есть нечто наивное в этих попытках овладеть поэтическим языком

¹²⁴ Billip W. Mickiewicz w oczach współczesnych, s. 335, 342 j dr.

¹²⁵ ЦГАЛИ, ф. 195, ед. хр. 5586, л. 1 об., 9.

¹²⁶ Billip W. Mickiewicz w oczach współczesnych, s. 335.

¹²⁷ Ibid., s. 102.

Мицкевича, передающим тончайшие оттенки душевных переживаний, внутренний мир человека. Первое поколение читателей Мицкевича создавало особую поэтическую атмосферу восприятий, значение которой для последующего развития польской культуры еще не в полной мере оценено. Но сама по себе подражательная поэзия не поднималась над уровнем посредственности. Расчищая дорогу романтизму, привлекая к литературному движению внимание читателей, подготавливая их для новых восприятий, эпигоны в то же время по самой своей природе были сторонниками компромисса: они стремились примирить идеи романтизма с традиционными представлениями, снять или притупить резкость и остроту открытия, нового видения мира, подменить жизненный образ устойчивым застывшим паблоном. Подражание становилось фактом субъективно не осознанной полемики, идеологического спора между гениальным творцом и его восторженными, но ограниченными почитателями. Культ индивидуальности, во всем богатстве его личных и общественных устремлений, вплоть до освобождения личности и народа, был так же чужд эпигонам, как и рациональная идеология сторонников классицизма. Свойственное романтизму отрицание «разума», которое являлось особой формой преодоления абстрактного характера просветительского мышления, подменялось в подражательной поэзии «смирением разума» перед высшей силой, отказом от протеста и бунта, растворением индивидуального своеобразия в сословном сознании шляхты. Освоение образной системы романтизма шло по пути примирения новых художественных средств выражения с традиционным типом шляхетского мышления. Зарождалась — пока еще неотчетливо и неопределенно — новая идеологическая структура, отдаленный предшественник массовой культуры, с характерным переплетением «передовых лозунгов» с максимами мещанской морали.

Идеологическое выхолащивание неизбежно сопровождалось распадом поэтики романтизма, разрывом внутренних связей в его образной системе. Эклектизм закономерно стал органичным свойством эпигопской поэзии. Выхваченные из контекста поэтические образы и сравнения механически переносились в чужую среду, где они лишались своей оправданности и необходимости. Происходил как бы процесс «выветривания» оригинального обусловленного конкретными впечатлениями содержания. Романтический образ превращался в литературный трафарет, клише, пригодное для массового употребления.

Значительных художественных удач почти не было, если не считать блестящее исключение — сонеты начинавшего свою литературную деятельность Юлиуша Словацкого (1827).¹²⁸

Разумеется, значение «Сонетов» отнюдь не исчерпывается всеми этими литературными восприятиями. Они лишь фиксируют распрост-

¹²⁸ Ср. интересные наблюдения Е. Саврымовича по поводу датировки первого сонета Ю. Словацкого, написанного после знакомства с «крымскими сонетами» (*Kalendarz życia i twórczości Juliusza Słowackiego*. Wrocław, 1960, s. 53).

равняющееся излучение поэзии Мицкевича. За ними открывается волнующееся море читательских интересов, увлечений, споров. Поэзия вышла за пределы столичных литературных салонов. Произведения Мицкевича взрывали застывшие эстетические представления, вкусы, каноны, приобщая к литературе нового читателя. «Сонеты» проникали в далекие помещичьи фольварки, в среду безземельной шляхты, мало чем отличавшуюся от крестьянства, в уездные училища. Их с восторгом заучивали наизусть студенты университетов, учащиеся школы подхорунжих, будущие конспираторы и участники революционных выступлений. Влияние поэзии распространялось на демократические слои населения. Поистине она становилась средоточием духовных сил польского общества, выражением его нравственных идеалов, свободлюбивых устремлений, могущественным фактором обновления всей национальной жизни, «арфой и мечом» народа. Пронизанная духом гуманных идей, вся обращенная в будущее, поэзия Мицкевича ни в чем не утратила своего звучания. Взволнованное искреннее слово поэта во всей своей непосредственности доходит и к современному читателю.

ПРИМЕЧАНИЯ

Первое издание «Сонетов» Адама Миккевича появилось в Москве в декабре 1826 г. (*Sonety Adama Mickiewicza. Moskwa, 1826*). Вторично они были изданы с небольшими авторскими поправками в составе петербургского двухтомника произведений польского поэта в 1829 г. (*Poezye Adama Mickiewicza, 2 t. Petersburg, 1829*).¹ При жизни Миккевича «Сонеты» перепечатывались в его сочинениях, выходивших в Париже и Познани (1828), в Познани и Варшаве (1832 и 1833), в Париже (1838 и 1844). В первом посмертном издании сочинений Миккевича, подготовленном в Париже в 1861 г. детьми поэта, были опубликованы несколько ранних редакций сонетов по автографам, хранившимся в так называемом альбоме Петра Мошпского. Содержание альбома было полностью воспроизведено в 1898 г. Б. Губрыновичем на страницах *Pamiętnika Tow. Lit. im. Adama Mickiewicza*. Полное научное описание «Сонетов», с учетом всех прижизненных изданий, а также списков с не дошедших до нашего времени автографов, сделано Ч. Эгожельским в академическом собрании сочинений поэта (*Mickiewicz Adam. Dzieła wszystkie, t. I, cz. 2. Wiersze. 1825—1829. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, Wyd. «Ossolineum», 1972*).

Вскоре после выхода первого польского издания «Сонетов» появились русские переводы — П. А. Вяземского и И. И. Дмитриева (Московский телеграф, 1827, ч. 14, № 7). В окружении Пушкина и Вяземского, нередко по их прямой инициативе, возникали новые переводы — А. Илличевского, В. Щастного, И. Козлова, Ю. Познанского и др. Польское восстание 1830—1831 гг. и последовавшие вскоре цензурные санкции задержали, но не остановили опубликование переводов из Миккевича: они появлялись анонимно на страницах русской печати на протяжении едва ли по четверти века. После снятия цензурного запрета в 1857 г. «Сонеты» полностью или частично были переведены Н. Бергом, И. Федоровым (Омулевским), В. Бенедиктовым, Н. Семеновым, Н. Гербелем, А. Н. Майковым и др. В конце XIX—начало XX в. интерес к поэзии Миккевича несколько пригас, правда, среди переводчиков встречаются имена К. Бальмонта и И. Бунина. В советское время к «Сонетам» обращались С. Соловьев, О. Румер, В. Левик и др. Внимание к творчеству польского поэта особенно возросло в послевоенные годы; неоднократно, в частности, переиздавались «Сонеты», начиная от пятитомного собрания сочинений 1948—1954 гг. и кончая сборниками произведений Миккевича 1968 и 1973—1974 гг.

Основной текст «Сонетов», публикуемый в настоящем издании в переводе В. Левика, дополнен тремя сонетами (Дополнение I). Один из них — «Поклонение» (*Czołobitność*) — сохранился лишь в виде фрагмента, достоверность которого подтверждается архивными материалами цензурного комитета, исключившего этот сонет из издания 1826 г. (см. Послесловие). Два других — «Ястреб» (*Jastrząb*) и «Ответ, Поэзия! Где кисть твоя живая?» (*Poezyjo! gdzie cudny pędzel twojej ręki?*) — даны, вслед за польскими академическими изданиями, как непосредственно связанные с общим содержанием сонетов либо вскоре созданные после них. Сонеты

¹ Górski K. Pisownia autoryzowanych wydań Mickiewicza do r. 1829 jako wskaźnik tekstologiczny. — In: O języku Adama Mickiewicza. Wrocław, 1959.

«Где сплнх глаз твоих озарены огнем...» («Gdzie dawniej źrenicami oświecane twemi...») и «Веселые вчора расстались мы с тобой...» («Rozeszliśmy się wczora weseli i zdrowi...»), нередко включаемые в собрания сочинений поэта, но авторская принадлежность которых остается сомнительной, не введены в состав издания.

В разделе «Сонеты Адама Мицкевича в русской поэзии» (Дополнение II) приводятся переводы, сделанные в годы жизни польского поэта в России и цензурного запрета, и — выборочно, в наиболее характерных и значительных образцах, — переводы последующих лет, в хронологической последовательности их появления в печати либо по времени их создания, если они по тем или иным соображениям остались в рукописи. В примечаниях сообщаются сведения о времени и обстоятельствах создания переводов, об их первых публикациях и всех последующих, сделанных при жизни поэта, об откликах на них в печати. Настоящее издание дает, таким образом, широкую картину жизни «Сонетов» Адама Мицкевича в русской литературе — от их первого появления в Москве в 1826 г. и первых «переложений» на русский язык до современных переводов в исторической перспективе за минувшие сто пятьдесят лет.

Переводы сонетов даны в последовательности их размещения в тексте издания 1826 г. Сохраняются названия переводов. В скобках указываются номера сонетов по оригиналу и порядок расположения их в переводе. При подготовке настоящего издания учитывались библиографические материалы, опубликованные под ред. академика М. П. Алексеева в книге «Адам Мицкевич в русской печати» (М.—Л., 1957), а также архивные источники, указания на которые в каждом отдельном случае даются в тексте примечаний.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АМ	— Адам Мицкевич в русской печати. 1825—1955. Библиографические материалы. Составители: Б. М. Богатырь, Я. Л. Левкович, А. С. Морщихина, А. Н. Степанов. Ответственный редактор М. П. Алексеев. М.—Л., 1957.
ГБЛ	— Рукописный отдел Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина.
ГПБ	— Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
КС.	— «Крымские сонеты».
ООГА	— Одесский областной государственный архив.
ПД	— Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР
С.	— Сонеты («любовные»).
ЦГА ЛитССР	— Центральный государственный архив Литовской ССР.
ЦГАЛИ СССР	— Центральный государственный архив литературы и искусства СССР.
ЦГАОР	— Центральный государственный архив Октябрьской революции.
ЦГИА СССР	— Центральный государственный исторический архив СССР.

Ссылки на собрание сочинений Мицкевича (Mickiewicz Adam. Dzieła, t. I—XVI. Warszawa, «Czytelnik», 1955) даются в тексте примечаний лишь с указанием тома и страницы.

SONETY ADAMA MICKIEWICZA. Moskwa, 1826. W drukarni uniwersytetu. Nakładem autora (Сонеты Адама Мицкевича. Москва, 1826. В типографии университета. Изданием автора). Эпиграф «любовных сонетов» — «Quand'era in parte altr'uom da quel ch'i'sopo» («Когда отчасти был другим, чем ныне, человеком») — взят

на Петрарки («Sonneti e canzoni in vita di Madonna Laura». Parte prima. Sonneto primo). Эпиграф перед «Крымскими советами» — «Wer den Dichter will verstehen, Muss in Dichter's Lande gehen» («Кто хочет поэта постичь, должен отправиться в страну поэта») — взят из «Западно-восточного Дивана» Гёте, но не из «Ghuld Nameh» XII части, как пишет Мицкевич: Гёте дважды использовал эти стихи в своих примечаниях (West-oestlicher Dywan von Goethe. Stuttgart, 1819, S. 241, 498).

Некоторые экземпляры с литографированным приложением: «Sonet V-ty. Widok Czatyrdahu ze stepów Kozłowa. Na wiersz perski s polskiego przełożył Murza Topczy-Baszy. Prf. Adjunkt w Uniwersytecie St. Petersburgskim, tłumacz w kolegium Azjatyckiem i kawaler orderu Włodzimierza 4-ey klasy» («Сонет V-й. Вид Чатырдага из степей Козлова. С польского на персидский стихами перевел Мураа Топчи-Баши. Проф. адъюнкт Санкт-Петербургского университета, переводчик Азиатского департамента и кавалер ордена Владимира 4-го класса»). Фототипическое издание.

Еще до того, как «Сонеты» были отпечатаны, у Мицкевича возникло желание дополнить издание литографированным приложением одного из сонетов в переводе на персидский язык. Перевод был сделан Мирзой Джафаром Топчи-Баши (в русской традиции Топчбашевым, первым преподавателем персидского языка в Петербургском университете) с помощью своего ученика, бывшего воспитанника Виленского университета и друга Мицкевича Александра Ходзки, подготовившего буквальный перевод с польского на персидский (Mickiewicz Wł. Żywot Adama Mickiewicza, t. I. Poznań, 1929, s. 252—253; Reychman J. Zainteresowania orientalistyczne w środowisku mickiewiczowskim w Wilnie i Petersburgu. Warszawa, 1955 (na prawach rękopisu); Zajączkowski A. Orient jako źródło inspiracji w literaturze romantycznej doby mickiewiczowskiej. Warszawa, 1955). Задача, стоявшая перед переводчиком, была не из легких. Стихотворение, написанное в ярком ориентальном стиле, нужно было перевести на язык той культуры, которую оно представляло в польской поэзии. Но романтический Восток Мицкевича (как, впрочем, и Гёте, Байрона и Т. Мура) значительно отличался от поэзии реального Востока и в характере понимания локального колорита, и в системе отбора образных элементов стиха, и в самой структуре художественного мироощущения. Персидская поэзия, полностью опиравшаяся на классическое наследие, еще не располагала в ту пору возможностями для освоения литературных завоеваний современной европейской культуры. К тому же сам Топчи-Баши не был «одним из лучших ныне здравствующих поэтов своего отечества», как его напыщенно аттестовал А. Ходзко, и менее всего был способен к смелым творческим решениям, которые неизбежно возникали при первой попытке перевода стихотворения европейского поэта на персидский язык. Представитель традиционной восточной книжности, ориентированный в своих литературных и педагогических вкусах на классическую и суфийскую поэзию, Топчи-Баши подверг романтическое стихотворение характерной деформации.

Прежде всего, стали слышными «бытовые» сигналы восточного слога: в «хила-тах», или «халатах», вызывавших удивленные возражения со стороны многих польских и русских читателей, для персиянина не было ничего необычного или экзотического. В интерпретации Топчи-Баши исчезло столь важное для романтической поэтики представление о восточной экзотике как определенном мировоззренческом стиле, что привело к существенным сдвигам в образной структуре стихотворения. Лирический герой сонета («пилигрим») утратил свой ориентальный наряд: из его речи исчезло обращение к дивам, чуждое для мусульманских представлений о роли сверхъестественных сил в поэтических описаниях природы. Имя Аллаха, дважды упомянутое «пилигримом», для поклонника Хафиза и Руми, «живого образчика поэта суфийской школы», как называли Топчи-Баши его ученики (Григорьев В. В. Имп. СПб. университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870, с. 217), казалось неуместным в лирическом стихотворении, и он заменил его другими эпитетами бога. Да и сам «пилигрим», ставший синонимом скитальца в европейской поэзии, не мог найти себе аналога в восточном дервише, он был решительно дезавуирован, вместо него появился реальный польский поэт, путешествующий по Крыму. Столь же будничную метаморфозу претерпел загадочный «мпрза»: им оказался крымский знакомый Мицкевича. Необходимость в много-

численных пояснениях разрушила избранную для перевода форму газели (лирическое монорифмическое стихотворение, состоящее из 12 бейтов-двустопных с повторением первого бейта в конце) как наиболее соответствующую по формальным признакам сонету. Перевод более чем в два раза превысил оригинал. У Мицкевича 14 стихов, 105 слов. У Топчи-Баши 34 стиха, 249 слов. Но даже при таком расширении рассказа о Мицкевиче, подменивший романтическую проблему поэта-изгнанника, не мог вписаться в стихотворение и был перенесен в предисловие с использованием некоторых биографических сведений о встречах Топчи-Баши с поэтом и отдельных образов из других сонетов (описание горы — из «Чатырдага», сравнение поэзии с жемчугом, выброшенным на берег после бури, — из «Аюдага»). Предисловие по переводу предисловие по существу слилось с содержанием стихотворения: эмоционально насыщенная атмосфера сонета растворилась в комментаторских разъяснениях, где декоративная восточная орнаменталистика мирно соседствует с прозаическими частностями. Приводим это стихотворение в переводе А. А. Яскеляйн, любезно проконсультировавшей нас по некоторым вопросам, связанным с персидской поэтикой.

«Переведено с польского языка на персидский в Санкт-Петербурге и напечатано в типографии высокого покровителя барона Шпеля в 1826 г. от рождества Христова.

Во имя его святое!

Без сомнения, целью создания этих нестройных слов было не тщеславие, а лишь желание приобрести сердца друзей. И причина сложения в стихи этих неумелых речей исключительно уважение к воле друзей, а не намерение приписать себя к семье поэтов. Это совсем не корыстное желание прославиться, ибо сей ничтожный раб никогда не видел в себе способности развязать со знанием всех тонкостей язык пера на пиру красноречия или показать свое искусство в стихосложении, сравнениях, слоге. Печальная, горькая жалоба — свидетель мук, сжигающей его сердце. Но в счастливый день имел я честь присутствовать в доме науки, гнезде ученойшего из ученых и достойнейшего из достойных, первого знатока восточных языков и несорванного друга моего, г. Сенковского, поляка, вместе с юношей совершенным, достойным, ученым, мудрым, знающим и благожелательным, то есть с г. Мицкевичем, поляком, который поистине в искусстве поэзии был светилом века и избранником своего города. Его стихи, красноречивые, подобные полновесному жемчугу, были известны людям достойным и знающим польский язык. После достижения чести свидания и приобретения милости разговора мы завязали связь знакомства и долгое время в радости и веселии ее укрепляли. Так как он имел в душе страсть к путешествиям, то вскоре, смешав мед нашей дружбы с ядом разлуки, поднял крыло полета из Санктпетербурга к Крымским владениям. „Полно скорбеть об этом отъезде, здесь не место повествовать о нем“. Когда во время путешествия своего по этой стране пришлось ему проезжать мимо очень высокой горы и взгляд его упал на величественную вершину, то море его чувств от созерцания этой страшной горы взволновалось и волны стали наступать, подобно цепи гор, и каждую полновесную жемчужину, которая оттуда [из моря] была выброшена на берег рифмы, он напизал на пять письма. Также он пожелал перевести их [стихи] на персидский язык. Затем по причине старых дружеских отношений, которые он имел с ним рабом [со мною], он приказал, чтобы я напизал их на пять персидской рифмы. Хотя сей бедный раб Мирза Джафар ибн Алимердан Бек Туси из рода Топчи Баши Оглы по причине отсутствия таланта и времени отказался от этого, но [он знал, что], во-первых, оказать любезность другу есть правило хорошего воспитания, и, во-вторых, что общим желанием моих друзей и людей близких было перевести стихи с языка чужеземного на персидский, что до сих пор не делалось. Эти две причины ухватили за ворот желанья сердца, и он, как мог, пошемпогу напизал слова на пять рифмы. Я слишком растянул выражения, но, надеюсь, что этот недостаток мой будет покрыт полней прощения.

Перевод

Я увидел высокую гору посреди степи.

Глава ее была покрыта льдом и снегом и вокруг был мороз.

Содрогнулся я, увидев ледяную гору,
Удивился, ахнул: «Но сон ли это?»

Не море ли это простерлось из ледяного источника
Совершенным искусством всемогущества божьего?

Или это лазурный престол
Для всхожденья ангелов неба с его голубых облаков?

Нет, это не гора видна,
А стена протянута Александром, чтобы заградить проход
войску Иаджуджа.

На вершине ослепительный свет. Подобно молнии в туче,
Блеск его лучей каждый миг высоко в небесах.

Ты сказал бы, что с вершины, пронзившей небо,
Непреставно видно пламя пожара городских степ Цареграда.

Может быть, когда бог устранивал при ночной темноте,
Это был светильник, подвешенный к небесному своду.

О крымском мпрзе

Мой спутник и проводник из крымских князей
Был благородный мпрзаде и любезный юпоша.

О величии этой горы и об ее природе
Рассказал, как о лазурной небесной обители.

Он сказал: „Однажды я там был.
Не было видно ни облаков, ни лица земли.

Со всех сторон потоки, волны их одна за другой, как горные цепи,
Текли, как живой дух по ожившей степи.

Я видел там пристанище хищной птицы,
Обитель снега и льда, и пристанище мороза.

Когда ядохнул, снег осыпался с уст моих
Из-за жестокой стужи, которая там была.

Об этой высоте и величии я думал,
Что путь мой, на той вершине, скребущей небо,

Непопел быстроходному верблюду,
Недоступен быстролетной [птице] Опка.

Прошел я мимо тучи с грозой,
Накопец, пришел туда, где были только Плеяды“».

В начале декабря 1826 г. Мирза Джафар Топчи-Баши обратился в главный цензурный комитет с просьбой рассмотреть «рукопись переведенных мною с польского языка стихов под заглавием *Widok Czatyrdahu ze stepów Kozłowa* на персидский язык, который я предлагаю издать в количестве тысячи двухсот экземпляров». Пос-

леднее указание может служить веским свидетельством для определения общего тиража московского издания «Советов» (точных сведений в этом вопросе нет), поскольку перевод замыслился в виде приложения к нему. Главный цензурный комитет, не располагавший переводчиками с восточных языков, принял решение на заседании 7 декабря 1826 г. «означенную рукопись на персидском языке препроводить в мп. СПб. университет на рассмотрение и просить о возвращении оной потом со скрепою по листам того лица, коему рассмотрение оной будет поручено и с уведомлением, может ли быть дано позволение на напечатание оной». Того же 7 декабря в делах комитета отмечено, что «упоминаемую в сем прошении подлинную рукопись получил X-го класса Александр Ходако». 10 декабря Совет университета «поручил кандидату Волкову рассмотреть рукопись на персидском языке, содержащую в себе перевод польского стихотворения». Вскоре Волков донес, что «в означенной рукописи не нашел он ничего противного правилам, коими цензурный комитет руководствуется при одобрении подобных сочинений». 19 декабря Совет университета «препроводил рукопись, как должно, по листам скрепленную», в главный цензурный комитет, где уже 21 декабря было «определено: предоставить г. цензору надворному советнику Гаевскому дать позволение на печатание рукописи, содержащей в себе перевод на персидский язык стихотворения *Widok Czatyrdahu ze stepów Kozłowa*» (ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 1, д. 527 (1826), л. 1—5).

Довольно быстро прошедшая через цензуру рукопись перевода надолго задержалась в типографии Ланге, о чем не без досады Мицкевич сообщал в Варшаву А.-Э. Одынту 14/26 апреля 1827 г.: «Этот перевод должен был войти в издание [«Советов»], но по вине литографов и моих петербургских агентов он поздно появился и теперь уже не нужен» (XIV, ч. 1, с. 309). Почти одновременно Ходако сделал новый «подстрочник», на сей раз с персидского на польский. В том же письме к Одынту Мицкевич писал: «Дошли ли к вам из Петербурга экземпляры персидского перевода этого совета? Любопытное предисловие Джафара, переведенное на польский, вышлю тебе позднее» (там же). Персидское «сочинение» Топчи-Баши показалось Ходаку недостаточно «восточным», и он усилил краски местного колорита, дополняя перевод собственными вымышленными построениями. Вместе с тем Ходако заменил в отдельных случаях малопонятные для европейского читателя образы или выражения. Так, если Топчи-Баши отказался от чисто поэтического сравнения ледяной горы со стеной, воздвигнутой дивами, чтобы преградить путь звездам, и обратился к кораническому преданию об Александре Македонском, который для защиты от нападения северных племен Иаджудж и Маджудж (Гог и Магог) построил в долине между двух гор непреодолимое препятствие — стену (Коран, сура 14), то Ходако в свою очередь переправил эти легендарные и не вполне привычные для литературного сознания эпохи названия племен на скифов. Для описания высоты горы Ходако превратил — не без тяготения к поэтической красноречивости — «быстроходного верблюда» в «льва, даря быстрогогих», а баснословную птицу Онку, часто встречающуюся в персидской поэзии, в том числе у Гафиза (Болдырев А. Персидская хрестоматия. М., 1826, ода № 26 и др. Этим изданием Топчи-Баши пользовался как главным пособием в своей преподавательской деятельности), на «орла, вождя быстрокрылых». Перевод Ходаки был опубликован лишь в январе 1829 г. (*Dziennik Warszawski*, 1829, t. 15, nr. 44, s. 81—86), но был известен в кругах русских литераторов и ранее. Можно полагать, что Вяземский пользовался именно этим польским подстрочником, когда перевел на русский значительную часть «сего любопытного образца восточного красноречия» в марте 1827 г. (Московский телеграф, 1827, ч. 14, № 7, с. 220—221). По убедительным наблюдениям Н. В. Измайлова, Пушкин использовал ориентальные мотивы этого перевода в стихотворении «В прохладе сладостной фонтанов...» (октябрь—ноябрь 1828 г.), посвященном, вероятнее всего, автору «Крымских советов» (Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. М.—Л., 1975, с. 147—173). Наблюдения эти можно расширить. Русскому поэту был известен, по-видимому, полный текст предисловия, включая примечание к нему Ходаки, позднее опубликованное как редакционное, с восторженным похвалами Топчи-Баши; возможно, что последние были иронически переосмыслены

Пушкиным в изображении «восточного красавца» (варианты: «цареградский», «тегеранский», «татарский») — антипода «волшебника милого, владельца умственных садов». В примечании сообщались некоторые биографические сведения о Топчи-Баши и о его работе над переводом сонета Мицкевича: «Мирза Джафар перелагал сонет с буквального перевода на персидскую прозу. Он избрал размер стиха, согласный с природой его языка и весьма приятный на слух. Мирза Джафар поистине является одним из лучших ныне здравствующих поэтов своего отечества. После присоединения Грузии он переехал в Петербург и уже освоился с европейскими обычаями, но сохранил до сих пор национальную одежду, религию и славу отечественной музы. У него имеется также дом и сад в Тифлисе, и недавно он дал письмо своим знакомым, едущим в Грузию, чтобы садовник открыл для них сад и угощал всеми плодами. Прекрасную память и талант рассказчика он соединяет с большой легкостью владения разными языками, как например персидским, турецким, грузинским, армянским, русским и др.». Нужно заметить, что Топчи-Баши, приехавший в Петербург в 1817 г. вместе с персидским посольством и навсегда оставшийся в России, до конца своих дней (он умер в 1871 г. в возрасте 80-ти лет) так и не овладел языком своей новой родины: два оригинальных стихотворения Топчи-Баши, написанные им на персидском и турецком языках в честь установления памятника Александру I в 1834 г., — единственное литературное выступление после опубликования персидского переложения сонета Мицкевича, — были переведены на русский его учениками (Григорьев В. В. Некролог Топчибашева. Отд. оттиск из VIII т. Известий русского археологического общества за 1872 г.).

В. В. Левик (род. в 1907 г.)

СОНЕТЫ АДАМА МИЦКЕВИЧА

Один из крупнейших представителей современного поэтического перевода, Вильгельм Веняминович Левик много и плодотворно обращался к поэтическому наследию Шекспира, Петрарки, Камюэса, Ронсар, Гёте, Шиллера, Гейне, Байрона, Шелли, Ленау, Петефи, Бодлера, Верлена, Рембо и др. Значительное место в творчестве Левика занимает польская тема. В его переводах стали известны читателю многие произведения Ю. Словацкого, С. Высянского, Б. Лесмяна, Л. Стаффа. Едва ли не на протяжении всего своего творческого пути Левик особое внимание уделяет поэзии Мицкевича. В 1940 г. он перевел послание «К русским друзьям» (30 дней, 1940, № 11—12, с. 48), а в 1941 г., в первые месяцы войны (совместно с А. Штейнбергом), — отрывок из поэмы «Гражина» («Но злей тевтон, чем люта змея...»), опубликованный в «Интернациональной литературе» (№ 9—10, с. 122). В 1946 г. появились первые «любовные сонеты» — «К Лауре» и «Впервые став рабом...» — в изд.: Мицкевич Адам. Избранное. М., 1946, с. 106, 113. В 1948 г. был завершен перевод всего цикла «любовных сонетов» (кроме VII и X — переводов М. Петарки) и нескольких «крымских сонетов»: «Морское плавание», «Тишина на море», «Буря» (Мицкевич Адам. Избранное. М., «Правда», 1948, с. 26—28; Мицкевич Адам. Избранное. М., Детгиз, 1948, с. 40—42). Остальные сонеты, за исключением «Чатырдага», были переведены в 1955 г. (Мицкевич Адам. Избранные произведения. В 2-х томах. Т. 1. М., 1955, с. 143—163, 168—178, 180—184; Мицкевич Адам. Избранные произведения. М., Детгиз, 1955, с. 91—98, 99—102).

М. Рыльский, редактировавший переводы Левика, писал о них А. Дейчу 5 июня 1948 г.: «Я сейчас весь в работе над русским Мицкевичем; переводы, особенно лирики, оставляют желать лучшего: требуют большой редакторской работы Крымские сонеты и многое другое. Выделяются переводы В. Левика (передайте ему сордечный привет). Ему удалось передать запас образов, метафор, сравнений, эпитетов Мицкевича. Любовные сонеты, в которых так чувствуется влияние Петрарки, получили достойное воплощение. Как же Мицкевич умел сочетать разные тона,

не боясь впасть в дисгармонию! И с какой яркостью он видит все богатство красок мира. Великий поэт! И как я понимаю переводчиков: какой это каторжный и пленительный труд переводить Мицкевича! (Из архива А. Дейча). О переводческом мастерстве Левика писал К. Чуковский: «Он переводит не только ямбы — ямбами, хорей — хорейми, но и вдохновение — вдохновением, красоту — красотой... благодаря непринужденности дикции в переводах Левика не чувствуется ничего переводческого: речь его текуча, как в подлиннике, к какому бы жанру не принадлежал этот подлинник» (Чуковский К. Собрание сочинений в 6 томах, т. 3. М., 1966, с. 326—327). Сходные наблюдения высказывал П. Топер: «Талант В. Левика — истинно переводческий талант, талант перевоплощения. Он переводит поэтов самых разных народов, веков, настроений, но его меньше всего можно обвинить в переводческой „всеядности“, потому что эта широта — не следствие равнодушия... Нас покоряет ощущение достоверности перевода, мы с первых же строк начинаем доверять его правдивости. Переводы Левика „эквилибры“ (то есть в них всегда столько же строк, сколько в подлиннике), „акзиметричны“ (то есть они сохраняют размер подлинника), в них переносы, паузы, интонационные перебои в подавляющем большинстве соответствуют переносам, паузам, интонационным перебоим в подлиннике» (Мастерство перевода. Сб. статей. М., 1959, с. 200—201). И. Кашкин видит своеобразие Левика-переводчика в том, что тот, будучи живописцем по своим интересам, «учился смотреть на натуру широко, единым взглядом охватывать ее всю в целом, не разбавляя целостно воспринятый образ излишним вниманием к несущественным деталям» (Новый мир, 1956, № 11, с. 254). Б. Слудский, указывая на то, что «язык переводов Левика определен языком русского классика», вместе с тем отмечает «живописность» как важнейшую особенность поэта-переводчика (Волшебный лес. Стихи зарубежных поэтов в переводе Вильгельма Левика. М., 1974, с. 8—10). Левика удалось, по мнению Ю. Гаврука, воссоздать с большим поэтическим талантом «словесную живопись, гармонию и глубину „Крымских сонетов“» (Неман, 1975, № 12, с. 176).

«Сонеты» в переводе Левика часто переиздавались. Они вышли отдельным изданием (Мицкевич Адам. Сонеты. М., 1958) и в сборниках произведений польского поэта: Мицкевич Адам. Стихотворения. М., 1956, с. 87—106, 110—112, 115—118, 123—127; Мицкевич Адам. Лирика. М., 1963, с. 55—74, 78—80, 83—86, 92—94; Мицкевич Адам. Стихотворения. Поэмы. М., 1968, с. 67—77, 79—81, 83, 86—88; Мицкевич Адам. Стихотворения. М., 1974, с. 97—122, 126—127, 132, 136, 144—148; Мицкевич Адам. Ода к молодости. Избранные стихотворения. М., 1974, с. 66—68, 71, 74, 78, 81—83, 85—87, 91—94, а также в книгах: Польская поэзия, т. 1, М., 1963, с. 219, 221—223, 226, 231; Из европейских поэтов. XVI—XIX вв. Пер. В. Левик. М., 1956, с. 238—254 (второе изд.: М., 1967, с. 160—164); Волшебный лес. Стихи зарубежных поэтов в переводе В. Левика, с. 247—249.

Для настоящего издания В. В. Левик обновил свои переводы и дополнил их новыми — сонетами «Чатырдаг», «Ястреб», «Ответь, Поэзия! Где кисть твоя живая...», а также двумя не переведенными в русской поэзии XX в. «любовными сонетами»: VII. Из Петрарки («Мои ровесники, я нарисую вам...») и X. Благословение. Из Петрарки («Благословен и год и месяц, день и час...»). Не лишено интереса, что Левика принадлежат переводы подлинных сонетов Петрарки, привлекавших внимание Мицкевича. Приведем для сопоставления эти сонеты:

Мой друг, Сепуччо, хочешь, нарисую,
Как жизнь моя течет в уединенье:
Горю, томлюсь, и длится навсегда —
Живу Лаурой, ею существую.

И вижу то блестящую, живую,
То в радостном, то в грустном
настроенье,
То вспыхнувшую гневом на мгновение,
То гордую, то скромную, простую.

Вот улыбнулась тихо, вот запела,
Стрелой зора сердце мне пронзла,
Тут подошла, там отвернулась хмуро.

Так я мечтаю, так брожу без дела,
Но мысль о той, в ком сладостная сила,
Велит терпеть лукавый гнет Амура.

Благодаря месяцу, дню и часу,
Год, время года, место и мгновенье,
Когда поклялся я в повиновенье
И стал рабом ее прекрасных глаз.

Благодаря первый их отказ
И первое любви прикосновенье,
Того стрелка благодарю рвенье,
Чей лук и стрелы в сердце ранят нас.

Благодаря все, что мне священо,
Что я пою и славлю столько лет,
И боль и слезы — все благословенно, —

И каждый посвященный ей сонет,
И мысли, где царит она бесменно,
Где для другой во веки места нет.

(Из европейских поэтов.
М., 1967, с. 8—9).

П. А. Вяземский (1792—1878)

Утро и вечер. Покорность (С. VI, XI). Крымские сонеты. — Московский телеграф, 1827, ч. 14, № 7, с. 203—204, 205—221; То же: Вяземский П. А. Полн. собр. соч., т. I. СПб., 1878, с. 335—336, 337—348. Сонеты «Чатырдаг», «Алушта ночью», «Могилы гарема», «Дорога над пропастью в Чуфут-Кале» были перепечатаны в «Одесском вестнике» (1827, № 79, 8 октября, с. 317—318).

Некоторые сведения о работе Вяземского сохранились в дневнике Ф. Малевского. 31 марта 1827 г. приятель Мицкевича отметил, что «Вяземский закончил свой перевод Сонетов. Нельзя проявить большую, нежели он, осторожность в переводе. Дмитриев, Баратынский привлекались для поправок» (Przewodnik naukowy i literacki. Lwów, 1898, s. 1147). Выбор сонетов, определивший на многие годы вкусы русских переводчиков Мицкевича, был принят и, по-видимому, согласован с польским поэтом, который ознакомился с переводами Вяземского еще до их появления в печати. В связи с намерением К. Морозевича перевести сонеты на французский Мицкевич писал А. Э. Одынду 14/26 апреля 1827 г.: «...хотел бы ему посоветовать взять лишь несколько из первой части, например Утро и вечер, Покорность; остальные ежели и заключают в себе какие-либо достоинства в оригинале, то полностью их утратят в переводе. Крымские сонеты могут более поправиться поэтом. Здесь, в Москве, павестный князь Вяземский перевел их на русский, и он скоро появится в Телеграфе с крайне лестной для меня статьей» (XIV, ч. 1, с. 337—338. Ср. с письмом к Л. Ходзке от 10 июля 1830 г.: «Если бы меня спросили, что следует выбирать для перевода, то я указал бы на... Крымские сонеты и пару сонетов из первой части...». Там же, с. 497). Предложенная Мицкевичем «программа» перевода полностью совпадает с произведенным Вяземским отбором стихотворений.

В предисловии к переводу «Сонетов» Вяземский сформулировал свое новое отношение к проблеме перевода. Если в 1821 г. он резко восставал против буквализма («Должно требовать, чтобы достоинство перевода или подражания отвечало на языке нашем понятию о достоинстве подлинника, но придирались к переводчику за то, что он затмил прелесть стиха или пригнул тонкость выражения образа своего, есть верх бесстыдства или невежества»), то теперь он противопоставляет поэтическому перевод в прозе: «Мы в переводе своем не искали красоты (élégance) и дорожили более верностью и близостью списка. Стараясь переводить как можно буквально, следовали мы двум побуждениям: во-первых, хотели показать сходство языков польского с русским... Вторым побуждением к неотступному переводу было для нас и уверение, что близкий перевод, особенно же в прозе, всегда предпочтительнее такому, в котором переводчик более думает о себе, чем о подлиннике своем. Прямодушный переводчик должен подавать пример самоотвержения. Награда, его ожидающая: тихое удовольствие за совершение доброго дела и признательность одолженных читателей, а совсем не равный уласток в славе автора, как многие думают». Правда, в своем «смирении» Вяземский готов признать собственные переводы подстрочником, предоставляя другим «блестящую часть труда» и выражая надежду,

являлся инородный образ: «Пределов чужд, в Литву мой жадный слух песется». Конкретность зрительных впечатлений, непосредственность переживаний, энергии порывов были смягчены (не без участия Вяземского, чьи переводы Илличевский принимал во внимание) в сонетах «Плавание» и «Бахчисарайский дворец». В целом переводы из Мицкевича оказались включенными в поэтическую систему Илличевского и могли бы дополнить его «Опыты в антологическом роде», изданные в том же 1827 г. Любопытно, что в своих «Опытах» (с. 51) Илличевский перевел из *Anthologie Française* (Paris, 1816, t. II, p. 68) стихотворение Антуана Гомбо де Мере (1610—1684) «Point d'amour sans paye» под названием «Разные эпохи любви»:

Невинности златые годы!
Любви неподкупной куда вы скрылись дни?
Тогда любовников расходы
Считались нежности и ласки лишь одни.
Теперь уже не то, и средствами пылыми
Любовник действовать на милых принужден:
Кто платит вздохами одними,
Одной надеждой награжден.

К этому мотиву обратился Мицкевич в сонете «Дапанды», но вместо галантной эпиграмматической поэзии, в пределах которой оставался Илличевский, создал стихотворение большой трагической силы, насыщенное современными ему размышлениями и переживаниями.

Илличевский, для которого обращение к Мицкевичу было случайным эпизодом, занялся переводами не ранее мая 1827 г., поскольку не знал польского языка и пользовался прозаическим переложением Вяземского в «Московском телеграфе» (7-й номер журнала поступил к подписчикам в конце апреля). Во второй половине мая в Петербург приехал из Москвы Пушкин, который сам в эту пору собирался переводить «Копрада Валленрода» по подстрочнику А. А. Скальковского («Пушкин и его время», в. 1. Л., 1962, с. 277—278). Не он ли воодушевил своего лицейского приятеля к переводам сонетов? Какие-то слухи об этом дошли в Дерпт к Н. М. Языкову, который писал брату 18 января 1828 г.: «Илличевский, кажется, не знает по-польску, Пушкин тоже: как же они пускаются в переводы с польского?» (Языковский архив, в. 1. СПб., 1913, с. 349). Пушкин, однако, был знаком не с одними переводами Вяземского, но и с оригинальным текстом, как об этом свидетельствует сделанное им критическое замечание (в записи Ф. Малевского 1827—1828 гг.) на 12-й стих «Аккерманских степей»: «Уж не имеет груди» (*Przewodnik naukowy i literacki*. Lwów, 1898, s. 1147; у Вяземского в переводе менее точно: вместо «ужа» — «змея»).

И. И. Козлов (1779—1840)

Утро и вечер (С. VI). Подражание Мицкевичу И. Козлова. — Козлов И. Стихотворения. СПб., 1828, с. 116—117.

Стансы (С. XI). Вольное подражание Адаму Мицкевичу И. Козлова. — Северные цветы на 1829 год. СПб., 1828, с. 57—58 (втор. паг.).

Крымские советы Адама Мицкевича. Переводы и подражания Ивана Козлова. СПб., 1829. Вслед за титульным листом на отдельной странице: «Посвящено Мицкевичу от переводчика».

Отдельные сонеты были опубликованы ранее: Чатырдаг. Вольное подражание Адаму Мицкевичу И. Козлова. — Славянин, 1828, ч. 5, № 4, с. 147—148; Аккерманские степи. Пер. И. Козлова. — Московский телеграф, 1828, ч. 19, № 3, с. 323; Вид гор из степей Козловских. Подражание Адаму Мицкевичу И. Козлова. — Альбом северных муз. Альманах на 1828 г., изданный А. Иквановским. СПб., 1828, с. 344—345.

То же: Козлов И. Собр. стихотворений, ч. 2. СПб., 1833, с. 5—34, 152—153, 287—288; Козлов И. Собр. стихотворений. Изд. 2, ч. 2. СПб., 1834, с. 5—34, 152—153, 287—288; Козлов И. Собр. стихотворений. Изд. 3. ч. 1. СПб., 1840, с. 257—288; ч. 2 (1840), с. 91—92, 220—221; Козлов И. Стихотворения, т. I. СПб., 1855, с. 91—92 (без указания имени Мицкевича), 220—221; Козлов И. Стихотворения. Л., 1960, с. 133, 143, 147—159.

Поэт романтической ориентации, друг и последователь В. А. Жуковского, Иван Иванович Козлов приступил к работе над «Сонетами» не ранее мая 1827 г., когда появился прозаический перевод Вяземского, который он использовал как подстрочник, сохраняя характерный отбор стихотворений и некоторые особенности слога. К концу 1827 г. были переведены уже почти все крымские сонеты. С некоторыми из них Козлов познакомил Мицкевича, когда последний находился в Петербурге в декабре 1827—январе 1828 г. Сообщая своему приятелю Т. Запу о встречах в столице с Жуковским и Козловым, Мицкевич замечал, что они «выказали мне свидетельства искренней симпатии» (XIV, ч. I, с. 379). Поэт-слепец, переводивший сонеты, произвел большое впечатление на Мицкевича, который вскоре посвятил ему своего «Фариса» (между январем и 28 мая 1828 г.). Заметим попутно, что резкий отзыв Мицкевича о Козлове в письме к Одипцу: «Что делает Залеский? Зачем переводит стихи Козлова (письма посредственного поэта)», соотносится не с автором «Чернеца», как это принято считать в польской литературе (XIV, ч. I, с. 355, 357), а с В. И. Козловым (1793—1825), третьестепенным поэтом преромантической литературной традиции.

Вопрос об издании переводов Козлова деятельно обсуждался уже в начале 1828 г. Вяземский, у которого к тому времени обострились отношения с издателями «Московского телеграфа», запрашивал Е. А. Баратынского из Петербурга 24 марта 1828 г.: «Козлов перевел все Крымские сонеты Мицкевича и два сонета из первой части. Он предлагает их Телеграфу, разумеется, за деньги. Согласен ли Николай Алексеевич Полевой их купить и что может дать, разумеется, наличными? Сделайте одолжение, узнайте и уведомьте меня. Перевод Сонетов очень хорош» (Гилельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969, с. 165). Полевой согласился с этим предложением, о чем можно судить из письма Мицкевича к Одипцу от 3 апреля того же года: «...есть несколько полных переводов «сонетов». Один, пожалуй, наилучший, Козлова (того, кто написал Венецианскую почку), должен вскоре появиться» (XIV, ч. I, с. 375). Издание Полевого, однако, задерживалось. Сначала по вине самого переводчика. 1 июля 1828 г. Козлов отправил Полевому сопроводительное письмо: «Любезный Николай Алексеевич! Посылаю вам Крымские сонеты, извините, что несколько задержал; по мне хотелось их, сколько возможно, исправить, прошу вас их печатать (так как мы уже и положились с вашим братцем). Я все предоставляю вашему попечению. Касательно предисловия распорядитесь, как вам угодно. Также назначьте цену, какую вы найдете приличною, а по отпечатании полного завода, то есть 1200 экз., первые вырученные деньги прошу вас употребить на уплату за издание и отдать от меня с благодарностью братцу вашему Ксенофонту Алексеевичу двести пятьдесят рублей, которыми он меня одолжил. После сей уплаты само собою разумеется, что издание принадлежит мне, я совершенно полагаюсь во всем на благородное ваше расположение и на дружбу вашу ко мне. Сделайте одолжение уведомьте меня о получении Сонетов и будьте уверены в истинном моем почтении и неизменной дружбе, с коими остаюсь ваш покорнейший слуга Иван Козлов». В постскрипуме к письму Козлов замечал: «Если же окажутся ошибки, то исправьте их. Что же касается до примечаний, то они должны быть те же самые, как в Телеграфе», т. е. в переводе Вяземского (ГПБ, ф. Помяловского, к. 2). Предисловие к сонетам вызвался написать Вяземский, по он также медлил. 2 сентября 1828 г., по приезде из Остафьева в Москву, он отправил Козлову письмо: «Выводит, выводит перед вами, любезнейший Иван Иванович, простительно выводит, но не бесовестно, потому что совесть меня тревожит, а с другой стороны, видит, что моя вина отчасти роковая, а не произвольная. До сей поры не написал я предисловной статьи к вашему переводу Сонетов Мицке-

вича, потому что живу здесь со дня на день, одною ногою в кибитке, а другою черт знает где, одною рукою указывая на нас, а другою на Арзамас, через который давно следовало бы мне проехать. Мои мысли так же вывихнуты, как и мои члены, и я никуда не поеду. Можно было бы просто отдать мою рецепсию на Сонеты, выкупив из нее мой перевод в прозу, но все хочется поговорить о вашем переводе. Между тем, чтобы доказать вам, что Вышн Сонеты у меня на сердце, скажу, что читал их недавно на академическом обеде у «пягипи» Зелонды «Волконской», которая слушала их с большим удовольствием и сама вам то повторит скоро, потому что собирается ехать в Петербург. Наконец и я скоро, решительно скоро, еду в деревню и тотчас по приезде своем, порецаловав жепу и дотой, оставлю их и пушусь в Крым по следам вашим и Мицкевича. Таким образом, к концу нынешнего месяца пришло сюда свою статью, а между тем здесь могут начать печатание Сонетов» (ЦГАЛИ, ф. Козлова, № 35, л. 2; Русский архив, 1886, № 2, с. 183). Обещанное предисловие не сразу было написано. В октябре на Вяземского поступили доносы, обвинявшие его в политической неблагонадежности и «развратном образе жизни». Началась длительная «тяжба» с правительством, отвлекавшая силы от литературной работы. Но посредничество Н. А. Полевого оказалось успешным. 16 декабря 1828 г. Козлов обратился к редактору «Московского телеграфа» с просьбой: «Неотменно сказать на первом листе, что сии подражания посвящены мною Адаму Мицкевичу, что прошу вас сделать, если даже они уже печатаются; очень легко будет лист безномерной вклеить после заглавия» (Русское обозрение, 1893, № 6, с. 821). «Сонеты» были опубликованы «книготорговцем Непейцыным» лишь в конце 1829 г. в Петербурге: цензурное разрешение выдано К. Сербиновичем 10 октября 1829 г., почти через полгода после отъезда Мицкевича из России. Предисловием послужила рецензия Вяземского, который нарядно ее сократил и в заключении выразил надежду, что «любители русской поэзии примут с удовольствием и с новою признательностью дар любезного им поэта, а знатоки искусства оценят с должною справедливостью победительные трудностей, которые предстояли русскому переводчику в состязании с поэтом смелым, сжатым и своенравным, каков г. Мицкевич».

Переводы Козлова вызвали в целом положительные отклики в печати. Еще в 1828 г. рецензент «Сына отечества» писал о Козлове: «Поэтические его переложения (из Тасса, Байрона, В. Скотта, Т. Мура, А. Шенье, Мицкевича и проч.) замечательны, кроме достоинств стихов и слога, по той верности, с какою поэт наш умеет схватить и передать дух каждого стиха чужеземного». В то же время отмечено, что в переводах из Мицкевича, «сего первого из польских поэтов нашего времени», «прелагатель не придерживается здесь в точности слов подлинника» (ч. 122, № 21—22, с. 365). Благожелательно отзывался о переводах Булгарин «Крымские сонеты Мицкевича принадлежат к небольшому числу тех счастливых подражаний Музы Европейской Музе Востока, которые свидетельствуют о необыкновенной гибкости дарования в подражателе, умевшем рассыпать в стихах своих все яркое цветы поэзии, придать им всю смелость выражений и оборотов, которыми отличаются каскады поэтов арабских. Но Мицкевич в сих Сонетах и в Фарисе явился, можно сказать, творцом нового рода поэзии: поэзии самобытной, в духе восточных народов. Состязаться с ним на сем поприще даже переводами его же произведений есть труд весьма немаловажный, подвергающий переводчика беспрестанной борьбе с препятствиями, которые противопоставят ему отважный полет и своенравная сжатость Поэта Польского. Со всем тем г. Козлов часто весьма удачно передавал в русских стихах прекрасные стихи подлинника. Заметим, однако же, что он не везде и даже редко придерживался трудной формы, выбранной Мицкевичем... Но мы благодарны нашему поэту-прелагателю и за то, что он в прекрасных подражаниях знакомит нас довольно близко с сими играми воображения Европейского, сильно согретою знойным солнцем Востока» (Северная пчела, 1829, № 135, с. 2).

Сходные оценки были высказаны в «Московском вестнике»: «Все сии стихотворения хороши, все до одного, но лучше, по нашему мнению, следующие: Аккерманские степи, Бура, Бахчисарайский дворец и Байдары, еще прекраснее: Плавание, Вид гор и Чатырдаг; превосходнейшее: Дорога над пропастью в Чуфут-Кале! — Впрочем, кто прочтает один из сих Сонетов, тот прочтает все их!» Восторженный

гоп в рецепции нарастает: «...характеры их (сонетов, — С. Л.) — что-то восточное; идеи — велики; сравнения — пугают смелостью: мы ничего подобного не знаем на языке нашем!». Правда, отмечено, что «сии сонеты переведены языком, почти везде превосходным; но являются на русском по большей части уже не сонетами» (1829, ч. 6, с. 124—126).

Резко отрицательно отнесся к переводам Козлова рецензент «Вестника Европы», назвавший их «мнимыми сонетами»: «Имя Мицкевича вижу в заглавии, но не вижу ни стихов его, ни сонетов. Г-ну Козлову не следовало бы за их приниматься, если не надеялся он передать польские стихи русским читателям в той форме, которую избрал для себя Мицкевич и без которой стихи никак уже не могут быть сонетами. Правда, некоторые песни выкросны по мерке подлинника; но какая разница во внутреннем достоинстве! Самый смысл автора не выражен; а о духе его, о красоте поэзии и говорить нечего!» (1830, ч. 169, № 1, с. 76—77).

Наиболее развернутый и профессионально интересный анализ переводов Козлова дан в «Галатее»: «Во всех крымских сонетах господствуют три главные стихии: чувство, мысль и живопись, и сии стихии с удивительным искусством соединены, слиты и составляют одно целое, прекрасное». Хотя Козлов не выдержал размера подлинника и формы сонета, «труд его от этого не теряет своей цены: стихи почти везде прекрасны; многие песни выдержаны от начала до конца; по некоторым, будем откровенны, мы не совсем довольны». Рецензент обращает внимание на отсутствие «повозки» в «Ахкерманских степях»: «Предоставляем читателям судить, близок ли перевод к подлиннику: смысл почти тот же, но в картинах — почти никакого сходства: у г. Мицкевича видим мы повозку, влившую в пространство сухого океана, ныряющую в зелень и зыблущуюся, как лодка. Картина, снятая с природы, благородная, прекрасная. У переводчика поэт плывет в пространстве сухого океана и, дыря в зелени, тонет в ее волнах: картина ненатуральная, странная, комическая даже, смеем сказать». «Милуя багряные острова бурьяна» гораздо живописнее, нежели «Милуя бережно багряный куст бурьяна». Одобрение вызывает «Морская тишь»: «Весь этот сонет, впрочем, не в форме сонета переданный на русский язык, прекрасен у г. Козлова и, прибавим, близок к подлиннику». В «Плавании» не вполне передана «постепенность», «быстрота движения, которая удивляет нас в подлиннике». В «Буре» стихи «независимо от подлинника очень хороши; но они несколько растянуты и подходят более к перефразе, нежели к переводу: четырнадцать стихов польских перелиты в двадцать русских». «Бахчисарайский дворец», по мнению рецензента, — «драгоценнейший перл» в «Крымских сонетах»: «Сколько тут воспоминаний! Какая глубина чувств!.. Сколько прелестей! Но в русском переводе большая часть из них потеряна». «Как все сжато в подлиннике и как растворено в переводе!». Более удачным представляется перевод сонета «Бахчисарай ночью». Единственный упрек, правда характерный для литературных вкусов автора рецензии, вызвали стихи «Сребристый царь почей к наложнице прелестной В эфирной тишине спешит на сладкий сон». Они показались «немного по скромны; в подлиннике видим более грации; там сказано: „Сребристый царь почей спешит опочить при возлюбленной“». «Гробница Потокной» вызывает следующие размышления: «Вот еще один из прелестнейших сонетов г. Мицкевича; он кипит чувствами и дышит неизъяснимою негой поэзии... В стихах г. Козлова этот сонет много потерял, но нельзя много взыскивать с него; прекрасные стихи нелегко переводить точно так же, как нелегко скопировать картины великих художников». Отмечая достоинства «переложений» Козлова, рецензент отдает предпочтение «подстрочнику», которым тот пользовался, обильно цитируя его в своей статье: «Истинно поэтическое произведение и в прозаическом переводе (Вяземского. — С. Л.), разумеется, если он верен, — все останется поэтическим; яркая мысль и чувство всегда проглядывают сквозь оболочку, какова бы она ни была» (Галатея, 1830, ч. XI, № 2, с. 108—113; № 3, с. 167—174). Последняя фраза, свидетельствующая, что рецензент не знал польского языка, не мог оценить близость перевода Вяземского к подлиннику, хотя и доверял ему, — это был для него единственный источник, к которому он обращался при анализе переводов Козлова, — полностью исключает версию об авторстве И. Савиича (предположение об этом, выдвинутое в «Литературном наследстве»,

т. 56, в. 2 (1950), с. 384), было принято составителями библиографии АМ (№ 1005, 2157). Друг Белинского, участник литературного общества «11 номера», печатавший переводы с польского в «Молве» и «Телескопе», и, наконец, сам поляк по происхождению, И. Ф. Саввич несомненно сверял бы переводы Козлова по польскому оригиналу, а не по «подстрочнику» Вяземского. В то же время академический тон статьи, анонимно публиковавшейся в двух номерах журнала, ее полемическая направленность («С некоторого времени у нас в литературе, не во гнев некоторым сказать, ввелся Венецианский аристократизм: все решается в совете Десятерых») (Галатея, 1830, ч. XI, № 2, с. 112), вызвавшая отклик в «Литературной газете» (1830, т. 1, № 8, с. 60—62) и, возможно, обратившая на себя внимание Пушкина, явно выраженный интерес к «поэзии мысли», характерные сближения поэзии с живописью, известная старомодность вкуса и даже некоторые литературные симпатии делают вполне вероятным предположение, что автором рецензии был сам редактор «Галатеи» С. Е. Рача. Не лишено интереса в этой связи и то благоприятное впечатление, которое вызвал у Рача архаизированный прозаический перевод Вяземского.

В. Г. Белинский, высоко ценивший «мощный» талант Мицкевича, с одобрением отзывался о переводах Козлова, который, по мнению критика, «мог усваивать русской литературе драгоценнейшие перлы иностранных литератур». В то же время Белинский видел своеобразие Козлова-переводчика. Относя к числу «замечательных» перевод «Крымских сонетов», он писал: «Отношение его к оригиналу точно такое же, как и перевод „Абдосской невесты“ к ее подлиннику. Одно уже то, что иногда 16-ю, 18-ю и 20-ю стихами переводят Козлов 14 стихов Мицкевича, показывает, что борьба неравна» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 5. М., 1954, с. 72, 76).

В пору, когда произведения польского поэта и самое его имя были запрещены в России, переводы Козлова, часто переиздававшиеся вместе с его стихотворениями, были наиболее значительными свидетельствами присутствия Мицкевича в русской литературе первой половины XIX в. Но уже к концу 50-х годов интерес к ним стал утрачиваться. Менее всего это было связано с появлением новой волны переводов из Мицкевича. Изменились литературные вкусы. В демократической поэзии той поры элегическая муза Козлова не находила отзвуков. «Какая бледная копия с превосходного оригинала! — восклицал А. Чужбинский (А. С. Афанасьев) на страницах „Атеней“. — А между тем Козлов широко выходит из формы сонета и, кажется, мог при этом условии передать верно красоты подлинника. Есть два-три сонета, удачных у Козлова, а остальные слабы и читаются лишь потому, что написаны гладкими стихами» (1855, ч. 5, № 39, с. 250).

Переводы Козлова почти не переиздавались, они не вошли в сочинения Мицкевича, издаваемые в 1882—1883 и 1902 гг. Лишь «Пилигрим» был переиздан Н. В. Гербелем в 1871 г. да несколько сонетов в популярных изданиях 1901 г. Негативное отношение к переводам Козлова получило самое полное выражение в статье Н. К. Гудзия «И. И. Козлов — переводчик Мицкевича (Sonety krymskie Мицкевича в переводе И. И. Козлова)». Автор полагает, что «перевод этот не из удачных», за исключением сонетов «Плавание» и «Пилигрим». «В переводе остальных очень часто дает себя знать бессилие Козлова справиться с передачей на русский язык образных средств польского поэта. Это ведет зачастую к неточности в воспроизведении оригинала. Стиль перевода нередко малохудожествен, встречаются порою даже маловразумительные слова, которые можно понять только после сверки их с подлинником... Невыдержанность размера, погрешности против метрики, наконец, бедная и неудачная рифма в этом переводе — явление довольно частое» (Известия Таврической ученой архивной комиссии, № 57. Симферополь, 1920, с. 305—320).

В последние годы истории перевода преодолели формальные критерии анализа и вернулись к проникнутым историзмом оценкам Белинского, который видел в Козлове «поэта чувства»: «... от этого все переводы его отличаются одним колоритом — тем самым, как и его оригинальные произведения» (Мастера стихотворного перевода, т. 2. Л., 1968, с. 361—362).

В. Н. Щастный (1802—?)

Свидания в роще, Тишина морская, Алушта ночью, Чатырдаг (из Адама Мицкевича) (Расположено КС. XIII, XII, II CVI). — Альбом северных муз. Альманах на 1828 год, изданный А. Ивановским. СПб., 1828, 94—95.

Уроженец Волыни, получивший образование в иезуитском коллегииуме в Полоцке и знаменитой гимназии Чацкого в Кременце, Василий Николаевич Щастный на протяжении многих лет поддерживал близкие связи с Ю. Кожаневским и другими воспитанниками «волинских Афин», как тогда называли гнездо польской культуры в Кременце. Через эти круги он познакомился, по-видимому, с Мицкевичем уже зимою 1827—1828 г. в Петербурге, где служил при Государственной канцелярии в чине титулярного советника. Знакомство было достаточно коротким. А. И. Подолшский вспоминал, что встретился с Мицкевичем «на вечере у Щастного». «Поэт, тогда уже знаменитый, молча курил в углу, так что я невдвух его заметил. Когда же был ему представлен, он пропалел на меня самое благоприятное впечатление» (Русский архив, 1872, стлб. 860). Как видно из письма Мицкевича к Щастному (начало марта 1829 г.), они продолжали дружески общаться вплоть до отъезда польского поэта из России.

По своим литературным интересам Щастный примыкал к окружению А. Дельвига, в котором заметно прорисовывалась «польская» по происхождению или воспитанию группа поэтов, активно разрушавшая едва ли не безраздельную «монополию» Булгарина на польско-русские культурные связи. Переводы из Мицкевича — главная сфера их деятельности во второй половине 1820-х годов. Не случайно Щастный получает известность в русской литературе прежде всего своим переводом «Фариса», который был опубликован в альманахе Дельвига «Подснежник на 1829 год» и по сей день остается одним из лучших (Вадуро В. Э. Первый русский переводчик «Фариса» А. Мицкевича. — В кн.: Славянские страны и русская литература. Л., 1973, с. 47—67). Несколько ранее, в марте 1828 г., появились в альманахе А. Ивановского четыре сонета, в том числе один из «любовного» цикла («Свидание в роще»). Экзотически яркая и насыщенная философскими размышлениями поэзия Мицкевича не могла не привлечь внимания Щастного, искавшего и в собственном творчестве «поэзии мысли», раскрывающей трагический мир переживаний современного человека. Переводчик весьма близко следует Мицкевичу, не опасается ориентального колорита, но не в состоянии сохранить форму сонета, воссоздать строгий лаконизм образов. Вскоре после выхода альманаха Мицкевич сообщал Одынду из Москвы в письме от 22 марта/3 апреля: «Ты просишь прислать тебе русские переводы моих стихотворений? Но для этого нужно собрать большой тюк. Едва ли не во всех порядочных альманахах (здесь их выходит множество) представлены мои сонеты» (XIV, ч. 1, с. 375).

В. И. Любич-Романович (1805—1888)

К Лауре (С. I). Пер.: В. Романович. — Лит. прибавления к «Русскому пивалду», 1831, № 42, 27 мая, с. 326.

«Я брежу, путаюсь в чужие разговоры...» (С. II). Пер.: В. Романович. — Лит. прибавления к «Русскому пивалду», 1831, № 42, 27 мая, с. 327.

«Твой вид непринужден, слова твои просты...» (С. III) — Стихотворения Адама Мицкевича. Перевел с польского В. Р. СПб., 1829, с. 21.

«Ты ль это, поздно так? — Блуждала все досель...» (С. IV). Пер.: В. Романович. — Лит. прибавления к «Русскому пивалду», 1831, № 28, 8 апреля, с. 222.

«Мне в очи смотришь ты, вздыхаешь... о незнаешь!» (С. XII) — Стихотворения Адама Мицкевича, с. 23.

«Впервые пленник, я свой плен благословляю...» (С. XIII) — Стихотворения Адама Мицкевича, с. 22.

Крымские сонеты. — Стихотворения Адама Мицкевича. Перевел с польского В. Р. СПб., 1829, с. 1—17 (отсутствует перевод КС. VIII — «Гробница Потоцкой». Расположение произвольное: I, II, III, IV, X, XI, XII, V, XIII, XIV, VI, VII, IX, XV, XVI, XVII, XVIII). Разрешение на печать подписано цензором К. Сербиновичем 15 октября 1829 г. К сонету «Путь над пропастью в Чуфут-Кале» Любич-Романович сделал примечание: «Варианта ко 2-му куплету»:

Повис! там — не гляди! взор дна не достигает;
В сей кладозь и руки своей не опускай:
Ей не даны крыле; туда не залетает
Пуškai и мысль твоя — и ей не доверяй.

Примечание к сонету «Развалины Балаклавы» — «варианта к 3-му куплету»:

Здесь — украшенья Грек Афинам высекал;
Под Генуи ярем склонил главу Моголец,
И набожный идя из Мекки богомолец
Здесь песнь намаза напевал.

Василий Иванович Любич-Романович воспитывался в иезуитском коллегииуме в Полодке, как и Щастный, с которым он поддерживал дружеские и литературные связи. Дальнейшее образование он получил в Нежинской гимназии, где был членом «кружка вольнодумцев», к которому был причастен и Гоголь. Осенью 1827 г. переехал в Петербург и поступил на службу в департамент министерства юстиции, куда вскоре определился приехавший вместе с Мицкевичем из Москвы его друг Ф. Малевский. Польский поэт находился в Петербурге до 27 января 1828 г. Время это проходило почти в беспрестанных чествованиях, которыми встречали Мицкевича проживавшие в Петербурге поляки и русские литераторы. Вероятней всего, именно в эту пору Любич-Романович познакомился с автором «Сонетов». Знакомство было достаточно коротким, если поэт подарил (очевидно, перед отъездом из России?) своему молодому другу собственный бюст работы скульптора Соколова (сведений об этом скульптурном портрете не сохранилось). Встреча с Пушкиным, который, по воспоминаниям Любича-Романовича, посоветовал ему перевести Мицкевича и Байрона, также могла состояться лишь в это время. Вряд ли начинающий литератор из Нежина виделся с русским поэтом где-либо, кроме Дельвига, с которым его познакомил Щастный и в изданиях которого он принимал деятельное участие. Но Дельвиг выехал из Петербурга почти одновременно с Мицкевичем — в конце января — начале февраля 1828 г. и вернулся вместе со всем своим семейством лишь 7 октября (Пушкин. Письма, т. II (1826—1830). М.—Л., 1928, с. 270). Пушкин, приехавший в Петербург 16 октября 1827 г., выехал оттуда в Малинки в ночь на 20 октября 1828 г. Сомнительно, чтобы в немногие октябрьские встречи с Дельвигом, который был еще в хлопотах переезда, поэт мог видеться с Любичем-Романовичем. По-видимому, встречи с Пушкиным могли иметь место с конца октября 1827 г. по январь 1828 г. Напутственное слово Пушкина определило скромный литературный путь молодого автора. В кратком вступлении к переводам он писал: «Кому из просвещенных россиян неизвестно имя первого из современных поэтов Польши и кто не слышал о произведениях его творческого самостоятельного гения? Плененный ими, осмелился я передать некоторые на отечественный язык и ныне предлагаю оные моим читателям. Чуждаясь притязаний на звание литератора, утешаюсь мыслию, что сей первый шаг мой на поприще отечественной словесности есть сильный дар необыкновенному таланту Мицкевича».

В печати переводы вызвали сдержанную оценку. Булгарин, указав на стилистические несообразности («Ни чей взор, и руки туда не простирай»), признал все же, что «самая попытка передать смелые, изумляющие переводчика стихи Мицкевича и передать их сколько можно ближе заслуживает одобрение любителей поэзии» (Северная пчела, 1829, № 38, 16 ноября). В заметке Полевого о пребывании

Мицкевича за границей говорится о новом переводе Любича-Романовича: «... многие места переданы им весьма удачно. К сожалению, неровность и жесткость стихов вообще мешают читателю узнавать песни соловья литовского в русском переводе» (Московский телеграф, 1829, ч. 30, № 23 (декабрь), с. 368).

Ю. И. Познанский (1801—1878)

К Лауре (С. I). Пер.: Познанский. Лит. прибавления к «Русскому ипвалиду», 1832, № 14, 17 февраля, с. 110. Автограф, под заглавием: «К Лауре (2-й сонет Мицкевича). Посвящаю А. И. Подолинскому» с датой: «Февраля 10-го 1831. Г. Киев». Перевод сделан по петербургскому изданию произведений Мицкевича (т. 2, с. 233), где цикл сонетов открывается стихотворением «Воспоминание», одним из самых ранних произведений поэта (1818) — ГБЛ, ф. 232, к. I, № 97. Там же варианты к ст. 3: «Лаура, ах! и ты повольно покраснела», к ст. 9: «Лаура, не страшись», к ст. 12—14:

Пусть должен я сказать с любовью безнадежной
Другому руку дай — лишь мне скажи, друг нежной,
Что душу бог твою с моею обручил.

Свидание в лесу. Пер.: Ю. Познанский. — Лит. прибавления к «Русскому ипвалиду», 1831, № 81—82, 10 октября, с. 639. Имя Мицкевича не указано.

К***. (С. XII). Пер.: Ю. Познанский. — Лит. прибавления к «Русскому ипвалиду», 1832, № 15, 20 февраля, с. 117.

«Я грустен, память тех небесных наслаждений...» (С. XIV). Пер.: Познанский. — Лит. прибавления к «Русскому ипвалиду», 1832, № 19, 5 марта, с. 151.

День добрый, Добра почь, Добрый вечер (С. XV, XVI, XVII). Пер.: Ю. Познанский. — Гирлянда, 1831, ч. 1, № 14, с. 347—348.

Данаиды (С. XXI). Пер.: Ю. Познанский. — Лит. прибавления к «Русскому ипвалиду», 1832, № 1, 2 января, с. 7.

Аккерманские степи (КС. I). Пер.: Ю. Познанский. — Московский вестник, 1828, ч. 8, № 6, с. 137—138.

Плавание (КС. III). Пер.: Ю. Познанский. — Гирлянда, 1831, ч. 2, № 27, с. 225.

Вид гор из степей Козлова (КС. V). Пер.: Ю. Познанский. — Лит. прибавления к «Русскому ипвалиду», 1832, № 4, 13 января, с. 31.

Бахчисарайский дворец. 6-й крымский сонет. Пер.: Познанский. — Лит. прибавления к «Русскому ипвалиду», 1831, № 92, 18 ноября, с. 727. Имя Мицкевича не указано.

Бахчисарай ночью (КС. VII). Пер.: Ю. Познанский. — Лит. прибавления к «Русскому ипвалиду», 1831, № 50, 24 июня, с. 388.

Могилы гарема (КС. IX). С польск. пер. Познанский. — Метеор. На 1845 г. СПб., 1845, с. 13. Перевод датирован 1831 г. Имя Мицкевича не указано.

Дорога пад пропастью в Чуфут-Кале (КС. XV). Пер.: Ю. Познанский. — Лит. прибавления к «Русскому ипвалиду», 1832, № 36, 4 мая, с. 287. Перевод датирован 1831 г.

Развалины замка в Балаклаве (КС. XVII). Пер.: Юрий Познанский. — Лит. прибавления к «Русскому ипвалиду», 1832, № 53, 2 июля, с. 423. Перевод датирован 1831 г.

Юрий Игнатьевич Познанский приобрел некоторую литературную известность не своими оригинальными произведениями, а как переводчик Мицкевича. С творчеством польского поэта Познанский познакомился в западных губерниях, где проходил службу после окончания Московского училища для колонновожатых. Это случилось не ранее 1822—1823 гг., когда в Вильне появились первые два томика сочинений Мицкевича. Познанский перевел оттуда несколько стихотворений, одно

из которых («Курган Марии») было опубликовано в «Московском телеграфе» (1826, ч. IX, № 9, с. 4—9). Это был первый русский поэтический перевод из Мицкевича. К. А. Полевой пишет об этом в своих воспоминаниях: «Весною 1826 года, близкий приятель моего брата, Ю. И. Познанский, тогда молодой офицер генерального штаба, приехавший из Польши, привез с собою несколько стихотворений, переведенных им из Мицкевича, и при свидании с братом изумился, что он почти не знаком с лучшим поэтом Польши, который живет в Москве. Он просил Николая Алексеевича познакомить его с Мицкевичем, желая прочесть ему свои переводы. Восхищенный, с которым Ю. И. Познанский говорил о великом польском поэте, и переводы его, хотя не образцовые, заставили моего брата поехать к Мицкевичу, пригласить его к себе и после нескольких свиданий он был как родной в нашем доме» (Полевой К. Записки о жизни и сочинениях Николая Алексеевича Полевого. СПб., 1888, с. 205—206). Несколько по-иному рассказывает об этом эпизоде М. А. Максимович: «Во время коронации наехали в Москву гвардейцы, и один из них (Ю. Познанский), знавший по-польски, познакомил Полевого с этими сонетами и изумил его. Полевой, до того встречавшийся с Мицкевичем в обществе, но не подозревавший в нем такого таланта, теперь коротко с ним сошелся и ввел в свой кружок, собиравшийся у Полевого по воскресеньям» (Русский архив, 1898, т. II, № 7, с. 430). В сообщении Максимовича много неточностей. Сомнительно, чтобы Познанский, приехавший в Москву во время коронационных торжеств (т. е. в июле-сентябре 1826 г.), еще не встречавшийся с Мицкевичем, мог читать Полевому свои переводы сонетов, которые были изданы в конце того же года. Если учесть к тому же, что «Курган Марии», переведенный в Кневе 5 октября 1825 г., был опубликован в журнале Полевого уже в середине мая 1826 г., то достоверность воспоминаний Ксенофонта Алексеевича, относившего встречу с Познанским к весне 1826 г., значительно возрастает. Любопытно, однако, что сам Познанский совершил аналогичную ошибку памяти. В варшавском музее А. Мицкевича хранится экземпляр московского издания «Сонетов», подаренный поэтом Познанскому. Последний, незадолго до своей смерти, сделал на обложке книги, над титулом, дарственную надпись: «Антону Станиславовичу Мюродушевскому; на память как от друга от 78-летнего старца, уважающего в людях правдивость и самопожертвование за свои убеждения. Юрий Познанский 1878 года. Дер. Комиссарова». Под титулом Познанский указал: «...получил от самого Мицкевича, тоже на память, в Москве, во время коронации Николая 1826 году. Юрий Познанский». Конечно, здесь явная абберация памяти. Мицкевич подарил Познанскому «Сонеты» не в Москве, «во время коронации», а позднее, возможно в Петербурге, где Познанский служил при генеральном штабе, на память о встречах в Москве, которые, по-видимому, были достаточно дружественными в пору коронационных торжеств, в июле-сентябре, когда Мицкевич подготавливал к изданию рукопись «Сонетов». Ч. Згожельский обратил внимание, что в этом экземпляре, рядом с последним незавершенным, как бы «оборванным» самим поэтом стихом в сонете «Извинение», видна запись, сделанная черным карандашом, — как будто рукою Познанского: «Lecz psiedzie godzina» (правильно: «Lecz przyjdzie godzina». Пер.: «Но наступит час»). Характер записи, по мнению Ч. Згожельского, связан с устной версией (отсюда ее удивительная орфография) и относится, вероятно, к тому времени, когда Познанский встречался с Мицкевичем и близкими ему людьми, от которых мог услышать окончание сонета, не включенное в окончательный текст из-за цензурных опасений (Mickiewicz Adam. Dzieła wszystkie, t. I, cz. 2, s. 144—145; Wasilewski Z. Jeden z owych «przyjaciół Moskali». — Słowo Polskie, Lwów, 1904, nr. 510, z. 29.X).

Обратим, однако, внимание на «удивительную орфографию», свидетельствующую, вопреки мнению Максимовича, что Познанский недавно в эти годы владел польской речью. Это бесспорно повышает аутентичность записи и устраняет сомнения в ее позднейшей подделке. Современный исследователь творчества Познанского также отмечает ряд «вольностей, ошибок, неточностей в передаче текста оригинала» («Курган Марии») (Баскаков В. Н. Забытый переводчик А. Мицкевича. — В кн.: Славянские страны и русская литература. Л., 1973, с. 39). В последующих переводах из Мицкевича Познанский более близок к оригиналу, но это связано не с «эволю-

цией» его переводческих принципов, как полагает В. Н. Баскаков, а с характером подстрочников, которыми он пользовался. В отрывках из «Копрада Валленрода» («Песнь из Валленрода», «По дну золотому прекрасной Виль...») и «Альпугара») Познанский заметил следуют за прозаическим переводом С. Шевырева и А. Скальковского, заимствуя порою не только особенности лексики, но и своеобразие некоторых синтаксических форм. (Ср.: Московский вестник, 1828, ч. 8, № 7, с. 303; № 19, с. 30—35; Русский зритель, 1828, № 7—8, с. 206; Подснежник на 1829 год, СПб., 1829, с. 162—166). Более удачным оказалось «содружество» с Вяземским в переводе «Сонетов». Мы находим у Познанского характерную лишь для Вяземского «колесницу» в «Аккерманских степях», «пеннистую метель» и «руно парусов» в «Плавании». Общим достоянием стала также: «струя шибко уплывает» («но шибко убежала струя») в сонете «Бахчисарай», который одинаково назван обоими поэтами «Бахчисарайский дворец», и многие другие. Возможно, что Познанский заглядывал и в оригинальный текст, поправляя в отдельных случаях Вяземского. Об этом могла бы свидетельствовать курьезная ошибка. Он принял польское «luna» (зареве) по созвучию за «луну» в сонете «Вид гор из степей Козловских»: «Что за луна вверху? Смотри пожар Царьграда!» (У Вяземского правильно: «Какое зарево на вершине! Как будто пожар Царьграда»). Но, возможно, что такое прочтение было подсказано Козловым, уже успевшим совершить подобную ошибку.

Вяземский заслонил перед Познанским реального Мицкевича в «Крымских сонетах», но переводчик был достаточно самостоятелен в общей стилиевой ориентации. Воспитанник московского благородного университетского папиона, принимавший деятельное участие в издании альманаха «Каллиопа» (1816—1820), где он печатал свои оригинальные стихотворения и переводы с греческого, латыни, английского и французского, Познанский сменил во второй половине 1820-х годов свои классицистские и сентименталистские опыты — а именно таким он предстает в переводе «Кургана Марии» — на эгегическую музу. Уже в «Аккерманских степях» Познанский преодолевает конкретный мир поэтических образов Мицкевича, правда, он достигает этого путем разрушения формы сонета и превращения его в девятнадцатистрочное стихотворение. В последующих переводах он сохраняет форму сонета, но они уже включены в систему эгегической поэзии с ее устойчивыми словесными знаками-образами, в которых растворяются реальные психологические переживания польского «пилигрима», да в восточный колорит описаний изрядно теряет в своей яркости. Так, например, в «Могилах гарема» «море утех и счастья» превратилось в море «радости, счастья и беспечности» (3), вместо «покрова» появилась «риза забвения» (5), вместо «посреди сада» — «среди уединения» (6), просто «имея» стали «имея заветные» (8). Познанский дополнил Мицкевича мелахольическим «Дни прошли счастливые» и изменил последнюю строку сонета: вместо «пилигрима», смотревшего на могилы «со слезами», уже сам переводчик «выропил слезы умиления». Значительно лучше удалась «любовные» сонеты. Но он выбрал близкие себе по настроению. К тому же не было на сей раз литературного образца и приходилось обращаться непосредственно к оригинальному тексту, возможно не без помощи кого-либо из своих киевских знакомцев.

Кроме «Аккерманских степей», все известные нам сонеты Познанского были написаны в Киеве в начале 1831 г. Тогда же там паходился проездом в Одессу один из самых близких друзей Познанского А. И. Подолишский. 10 февраля 1831 г. Познанский посвятил ему свой перевод одного из сонетов Мицкевича. В тот же день Подолишский написал стихи «в ответ на его перевод мицкевичева сонета „К Лауре“»:

Любовь он пел, печалью вдохновленный,
И чуждых слов не понял я вполне,
И только был напев иноплемный,
Как томный взор, как вздох попятен мне.

Но ты постиг, душою умиленной,
Что звуков тех таилось в глубине,
И скорбь души, страдашем утомленной,
Отозвалась и на твоей струне.

И внемлю я попятному мне звуку,
Как бы внимал страдальцу самому,
И я б хотел с участием брата руку

При встрече с ним хоть раз пожать ему:
Мне тот не чужд, кто знал любовь и муку,
И кто их пел по сердцу моему!

(ГБЛ, ф. 232, к. 2, № 16; Русский пивальнд, 1831, № 49, 20 июня, с. 382; Гирлянда, 1831, № 15, с. 365—366; Одесский альманах на 1831 год. Одесса, 1831, с. 239). Характеристика поэтической индивидуальности Познанского небезынтересна и для самого Подолинского: сонет по-своему комментирует его позднейшие воспоминания о Мицкевиче. По-видимому, встречи в Петербурге зимою 1828 г. не были достаточно близкими. Лишь в Киеве Подолинский ощутил в общении с Познанским свое «родство» с польским поэтом. Но это было уже в пору польского восстания, получившего самые широкие отклики в Киеве с его обширной польской «колонией», и в этой связи братское участие к «страдальцу» Мицкевичу приобретало смысл, далеко выходящий за программные установки стихотворения. Переводы Познанского этого времени — его последняя и благородная дань памяти польского поэта.

А. Г. Шпигоцкий

«Проста твоя поступь, речь томно скромна» (С.III). Пер.: Аф. Шпигоцкий. — Дамский журнал, 1832, ч. 38, № 17, апрель, с. 61—62.

Добра ночь (С.XVI). Пер.: Ш[пигоцкий]. — Молва, 1835, ч. 9, № 17, стлб. 201—202. Имя Мицкевича не указано.

Плавание (С. III). Пер.: Аф. Шпигоцкий. — Дамский журнал, 1832, ч. 38, № 17, с. 62.

Уроженец Полтавской губернии, Афанасий Григорьевич Шпигоцкий обучался в Харьковском университете и в конце 1820-х годов примкнул к так называемому «харьковскому кружку романтиков». Впоследствии он получил известность как переводчик Пушкина и Мицкевича на украинский язык. Начинал же свою литературную деятельность Шпигоцкий с переводов «Копрада Валленрода» и нескольких сонетов на русский. Рецензент «Московского телеграфа» положительно оценил эти опыты, хотя и отмечал: «Читая иные места, думаешь, что переводчик пишет как будто не на родном языке» и «не вполне владеет стихом» (1832, ч. 43, № 2, с. 251).

А. А. Совинский

Чатырдаг (КС.XIII). Пер.: А. Совинский. — В кн.: Подарок для бедных. Одесса, 1834, с. 117.

Афанасий Анастасевич Совинский (или Савинский) обучался вместе с А. А. Крыловым и П. А. Плетневым в Педагогическом институте, находился в переписке с Г. Р. Державиным, печатался в «Соревнователе» (там были опубликованы его «Перевод XII оды Горациевой» (1818, № 4) и статья «На кончину Озерова» (1818, № 5)). Будучи преподавателем Нежинской гимназии, Совинский продолжал заниматься стихотворством. Образцы своей тридцатилетней поэтической деятельности он опубликовал в двух томиках под названием «Подарок прекрасному полу» (М., 1846). Галантная поэзия Совинского, окрашенная откровенной

эротикой, прозвучала диким анахронизмом. «Г-н Савинский несправим, — писал рецензент «Библиотеки для чтения». — Более тридцати лет смущает он спокойствие прекрасного пола своими стихами». «Когда же будет этому конец? Подумайте, сколько десятилетий длится это анакреонтическое поведение...» (1847, т. 84, отд. 6, с. 29). Такой же издевательский отзыв поместили «Отечественные записки» (1847, т. 52, отд. 6, с. 68). В Мицкевиче Совинского привлекала, по-видимому, классическая строгость формы сонета, которую он передал с большой точностью в отличие от многих современных ему переводов. В 1834 г. он опубликовал переводы двух сонетов — «Утро и вечер» и «Чатырдаг». В примечании к последнему сообщается: «Прочие Крымские сонеты переведены мною размером подлинника», по местонахождение этих переводов неизвестно.

М. Ю. Лермонтов (1814—1841)

Вид гор из степей Козлова (КС.V). Пер.: М. Ю. Лермонтов. — В кн.: Вчера и сегодня, кн. 2, СПб., 1846, с. 153—154; ст. 9 исправлен по «Библиографическим запискам» (1859, т. 2, № 1, стлб. 21). Автограф неизвестен.

Об обстоятельствах создания этого перевода писал в 1890 г. Ю. Елец со слов А. И. Арнольди: «Лермонтов написал „Стансы“ Мицкевича, переведенные ему польским корнетом Краспокутским, жившим с ним на одной квартире» (Елец Ю. История лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, т. I. СПб., 1890, с. 206, 255). В статье «Лермонтов в записках А. И. Арнольди» прокомментирован оригинальный текст воспоминаний лермонтовского сослуживца: «Большого внимания заслуживает свидетельство Арнольди и о подстрочном прозаическом переводе с польского „Стансов“ Мицкевича, сделанном для Лермонтова корнетом Н. А. Краспокутским. Речь идет, конечно, о „Виде гор из степей Козлова“ (из „Крымских сонетов“ Мицкевича) — единственном переводе Лермонтова с языка, которым сам он, как известно, не владел. Этот стихотворный текст, опубликованный впервые в альманахе „Вчера и сегодня“ 1846 г., датируется обычно 1841 г. Ввиду того что автограф перевода до нас не дошел, а традиционная датировка ничем не мотивирована, мы не видим никаких оснований для полемики с вполне конкретным утверждением Арнольди об обстоятельствах его написания и датировки (1838 г. вместо 1841 г.)» (Литературное наследство, т. 58, с. 453). Э. Э. Найдич, обратившись к статье Белинского о Бенедиктове («Мицкевич, один из величайших мировых поэтов, хорошо понимал это великолепие и гиперболизм описаний и потому в своих „Крымских сонетах“ очень بلاговразумно прикидывался правоверным мусульманином; и в самом деле это гиперболическое выражение удивления к Чатырдагу кажется очень естественным в глазах поклонника Мугаммеда, сына Востока»), высказал интересное соображение, что Лермонтов «в стихотворении „Вид гор из степей Козлова“ сумел выразить то самое гиперболическое выражение удивления, которое, по словам критика, естественно в устах „сына Востока“. Перевод Лермонтовым как раз того самого сонета, который Белинский противопоставил Бенедиктову, очевидно, не случайное совпадение, а результат внимательного чтения Лермонтовым статьи Белинского о стихотворениях Бенедиктова (1836)» (М. Ю. Лермонтов. Вопросы жизни и творчества. Сб. статей. Орджоникидзе, 1963, с. 98—99).

Заметим в этой связи, что «пилигрим» Мицкевича — по «сыну Востока» и не «поклонник Мугаммеда», это — польский изгнанник, тоскующий по родине и стремящийся к ней в своих воспоминаниях. Восточный колорит, характерный для его высказываний, частые обращения к аллаху, ничуть тому не противоречат — ведь ему приходится приспосабливаться к представлениям и понятиям «мирзы», своего гда по Крыму. Правда, «мирза» порой «проговаривается»: «бог», перед величием которого он замирает в «Чатырдаге», — это не аллах; религиозное чувство величия природы выражено поэтом-христианином (Kleiner J. Mickiewicz, t. I.

Л. И. Боровиковский (1807—1889)

Аккерманские степи (КС.I). — Печатается по беловому автографу полного перевода «Крымских сонетов» (ЦГАЛИ, ф. 243, № 5, л. 1—18).

Поэт-этнограф, фольклорист, переводчик Пушкина и Мицкевича на украинский язык, Лев Иванович Боровиковский перевел на русский «Крымские сонеты» в 1839 г. Сохранилась рукопись перевода с сопроводительным письмом в «контору Москвитинна», в котором «учитель полтавской гимназии» сообщал, что посылает «еще один перевод этих сонетов, в рамках сонетов же, — что, конечно, могло повлечь за собою погрешности противу плавности стиха и чистоты языка. Сонеты переведены почти надстрочно — это их достоинство». Сонеты не появились в печати из-за цензурного запрета и невысокого уровня самого перевода.

А. А. Майков (1816—1906)

Аккерманские степи. Байдары. Аюдаг. (КС.I, X, XVIII) — Печатается по черпковому автографу полного перевода «Крымских сонетов» (ГПБ, ф. 452, № 62, л. 1—33). В библиографии АМ авторство ошибочно приписано А. Н. Майкову. (См. наблюдения Р. Заборовой. — Русская литература, 1966, № 4, с. 143—144. Там же приведен текст сонетов «Алушта днем» и «Вид гор из степей Козловских»).

Известный славист, Аполлон Александрович Майков, будучи студентом Московского университета, перевел в 1842 г. «Крымские сонеты» с помощью «подстрочника» Вяземского. Черпковая рукопись перевода с различными вариантами, с пописками наиболее близкого Мицкевичу размера — от ямба к пятистопному амфибрахию и апаесту — сохранилась в архиве ученого.

Н. В. Берг (1824—1884)

Сонеты. (С.I, III, IV, V, VI, VIII, X, XVI, XX). Крымские сонеты. — В кн.: Берг Н. В. Переводы и подражания. СПб., 1860, с. 236—248, 250—251, 253, 255. То же: Берг Н. В. Переводы из Мицкевича. Варшава, 1865, с. 194—206, 208—209, 211, 213. (См. также по указателю АМ, с. 562). Размещение «Крымских сонетов» произвольное (XIV, I, VIII, IX, III, II, VI, IV, X, V, XVII, XVIII, XIII, XV).

«Истый поэтический Меццофати», как его называли современники за пристрастие к переводам со многих языков, Николай Васильевич Берг главным делом своей жизни считал перевод «Папа Тадеуша» и других произведений Мицкевича, в том числе сонетов, к которым он обратился уже в конце 1830—начале 1840-х годов. Много лет позднее Берг вспоминал: «Начаты труды польские мною на школьных лавках, еще в первой московской гимназии, лет тридцать тому назад. Все, что можно было взять тогда вдохновением, я взял, натурально» (ГБЛ, Погодин, II, п. 4, № 30, л. 2). Живший длительное время в Варшаве (с 1864 г.), где он преподавал в университете русский язык, Берг не разделял официальную политику «русификации» и выдвигал собственную программу культурного «умиротворения» и «сотрудничества». В письме к М. П. Погодину от 24 апреля 1869 г. он писал, обращаясь ко времени жизни польского поэта в России: «Мицкевич в Москве между русскими писателями, как свой! Неповторимая поучительнейшая страница! Читать не умеют этих страниц и хватаются за гнусности, играют в опасную игрушку. Если б в правительстве... стоял человек гениальный, обширного образования, все видевший и

попавший, — Мицкевич не бежал бы, голову прозакладую, — и был бы нашим партизаном. Когда проходила через цензуру его поэма „Конрад Валленрод“, надо было бы подчеркнуть в ней кое-какие места, призвать Мицкевича, нарисовать ему картину его дружеских связей с русскими, ничего другого не делающими, как только его любящими всею душою, — и потом показать ему книжку: он залился бы слезами и был бы паш. Вместо этого — казни и ссылки в Сибирь — где же мир?» (ГБЛ, Погодин, II, п. 4, № 27, л. 12).

Первый свой перевод — сонет «Дорога над пропастью в Чуфут-Кале» (КС. XV) — Берг опубликовал в 1845 г. (Москвитянин, 1845, ч. 8, № 5—6, с. 86—87). Затем появились «Аккерманские степи», «Отплытие», «Могила Потоцкой» (КС. I, III, VIII) (Москвитянин, 1846, ч. 2, № 3, с. 3—5), «Чатырдаг» (КС. XIII) (Москвитянин, 1849, ч. 2, № 8, с. 232) и др. Во время Крымской войны Берг находился в Севастополе корреспондентом «Москвитянина». В Крыму он перевел «Пилигрима» (озаглавив его «Страпник») и «Бахчисарай ночью». В сохранившихся автографах стихотворений проставлена дата: «1855. Октябрь» (ГБЛ, авт. 9, № 11, л. 1—2). Н. А. Некрасов, цитировавший в Берге хорошего поэта, не одобрял его некоторые «вольности»: сонет «К Неману» (С. VIII) был переведен без названия: «О Волга-матушка, родимая река...» (Москвитянин, 1854, т. 6, № 24, с. 198), что, очевидно, дошло до переводчика. В письме к Некрасову из Одессы (30 июня 1856 г.) Берг извинялся: «... писал скоро, на походную руку, в Кишиневе, когда собирался в Севастополь... Было не до ровности слога». В том же письме Берг замечал: «Вообще желал бы перепечатать все сонеты, переведенные из Мицкевича, которых наберется до 20» (Литературное наследство, т. 51—52, с. 116). Замысел этот оформился несколько позднее. 5 января 1859 г. Берг писал М. П. Погодину: «Переписывая сонет „Развалины замка в Балаклаве“, вспомнил забытый всеми Севастополь. Трогательное сходство: заметьте» (ГБЛ, Погодин, II, п. 4, № 19, л. 2). Подготавливая к печати свои переводы и подражания Берг переработал ряд сонетов, в том числе «К Неману». В новой редакции, опубликованной «Современником» (1862, т. 23, № 5, с. 252), изменено название — на «Неман», а первая строка исправлена: «О Неман, ты моя родимая река...».

Некрасов благожелательно отзывался на переводы из Мицкевича: «Г. Берг чуть ли не один из самых неутомимых и неисчерпаемых переводчиков в России: он переводил с французского, немецкого, английского, кажется даже с индейского и калмыцкого, и теперь переводит с польского. Переводы его грешат менее всего близостью к подлинникам. Но стихи его хороши. Есть переводчики, у которых свои стихи до того уж плохи, что готов подарить им близость, только бы отлегло от уха... Мицкевич, которого теперь перевел г. Берг, один из тех редких поэтов, у кого форма и содержание неразделимы: одно превосходно и другое превосходно. Значит, переводить Мицкевича тоже нелегко. Особенно эта трудность должна увеличиваться родственным сходством языков польского и русского. С близкого по духу языка переводить еще труднее...» (Современник, 1866, т. 93, № 3, с. 129—130; Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений, т. IX. М., 1950, с. 442—443), принадлежность рецензии Некрасову не отмечена в библиографии АМ (с. 214). Сходное мнение еще до Некрасова высказывал М. Н. Лонгинов, полагавший, что Берг оправданно следует словам Гоголя: «В переводе более всего нужно привязываться к мысли и менее всего к словам, хотя последние очень соблазнительны» (Русское слово, 1860, № 6, с. 88—92; Русский вестник, 1860, т. 25, кн. 2, с. 100—102).

В 1921 г. В. Ф. Ходасевич сделал следующие заметки о переводах Берга: «[„Страпник“]. Помимо различий от подлинника по форме, перевод бесконечно далек от оригинала. Весьма многого не хватает, еще больше отсебятины. Вместо *Литвы*, о которой тоскует М-ч, у Берга: „Но спятся мне родимые метелы... О Русь! Леса дремучие твои...“. У Мицкевича говорится: „Литва! прекраснее пели мне твои шумящие леса“. О метелях, конечно, в подлиннике нет ни слова. В общем перевод, приятный для слуха, совершенно неудовлетворителен как перевод из Мицкевича. „Аккерманские степи“. Первое восьмистишие передано хорошо, хотя 5-стопным ямбом вместо 6-стопного. Но вместо 6 строк — 8, 10 и 12 строк подлинника вовсе нет, по есть отсутствующий в оригинале „легкий ветер ласково поет“. Плохо заключение. „Могила гарема“ — первые 8 строк — 6-стопным, остальные 5-

стопным ямбом. Плохи 7 и 8 строки. „Отплытие“ — слабый пересказ. „Морская тишь“ — очень бледный пересказ, особенно плохи последние 6 строк — намек на политические переживания Мицкевича. „Буря“ — скучные стихи Берга. „Байдарская долина“ — 8 строк недурны. „Алушта ночью“ — пропущена 4 строка подлинника. „Бедный пилигрим оглядывается, слушает“. И дальше приблизительно и банально: приписаны „крылья“ сну, а не мраку и тишине, как у Мицкевича. Трудно разбудить „блистающим ока“. „Руины замка в Балаклаве“ — очень далек от подлинника. Выброшены целые образы, воспоминания о греках, монголах. Примечание м. б. полезно. „Аюдаг“. Перевод очень отдаленный и неполный. 12 строк. „Ропит“ вместо „роплет“. „Страдалец горделивый“ вместо „младой поэт“. Стихотворение бойко и хлестко по сравнению с грустью, которая звучит у Мицкевича. „Чатырдаг“. Перевод близок к подлиннику, кроме 5 строки, прибавленной от себя («Как перлы льды твои сияют»). Главный недостаток — несоответствие духу подлинника. Сонет переведен 4 × 5 строками 4-стопного ямба. „Встреча в лесу“. 4 × 4. Перевод плох. 1 строка сочинена автором, ни о какой беседке ни слова в подлиннике. «Перевод» груб, тяжел. У Фета прекрасно, кроме 4 строки и амфибрахия вместо ямба. „Утро и вечер“. 12 строк разностопного ямба. Пересказ, искажающий подлинник. Перевернуто описание. „Доброй ночи“. 4 × 5 строк разностопным ямбом. Пропуски и отсебятина. Пушкинское влияние («холмы» в комнате). (ЦГАЛИ, ф. 537, оп. 1, № 30, 31). Суровая и в целом справедливая оценка не помешала Ходасевичу включить два стихотворения Берга «М*», «Немап» (С. I, VIII) в подготавливаемое в 1921 г. издание «Адам Мицкевич. Избранные стихи в переводе русских поэтов». Переводы Берга нередко переиздавались и в более позднее время (см. АМ, с. 126, 131, 136).

Д. И. Минаев (1808—1876)

Чатырдаг (КС. XIII). Подражание Д. Минаева. — Иллюстрация, 1846, т. 3, № 27, с. 433. Имя Мицкевича не указано.

В библиографии АМ (с. 31, 579) перевод приписан Д. Д. Минаеву, которому в ту пору было 11 лет. В действительности принадлежит его отцу, Дмитрию Ивановичу, известному переводчику «Слова о полку Игореве» (1847), напечатавшему ряд оригинальных стихотворений в «Библиотеке для чтения» на 1840 г. и в «Иллюстрации» на 1846 г. Сонет переведен в виде двадцатистрочного стихотворения с характерными для фольклорных интересов поэта словообразованиями и синтаксисом («Где месяц гуляет в ночи одинокой! Где крылья царь-птицы — орла не шумят!»).

С. Ф. Дуров (1816—1869)

Аюдаг (КС. XVIII). С польск. Пер.: С. Дуров. — Иллюстрация, 1846, т. 2, № 21, с. 337.

Друг Ф. М. Достоевского, А. И. Пальма и А. Н. Плещеева, деятельный участник кружка «петрашевцев», Сергей Федорович Дуров много и успешно занимался переводами из Горация, Данте, А. Шенье, Гюго, Берамже, Барбье, Байрона, Мицкевича. Белинский, невысоко расценивавший оригинальное поэтическое творчество Дурова, положительно отзывался о его переводах (Голос минувшего, 1915, № 11, с. 5—43). «Аюдаг» в переводе Дурова многократно переиздавался и сохраняет свое значение одного из лучших в русской поэзии.

Е. Н. Шахова (1822—1899)

Разочарование. (С. IX). Агюдаг (КС. XVIII). — В кн.: Шахова Е. Мирянка и отшельница. Стихотворения, ч. 1. СПб., 1849, с. 160, 179. Имя Мицкевича не указано.

Переводы из Мицкевича Елизаветы Никитичны Шаховой, чья необычная судьба, возможно, отразилась на образе Лизы Калитиной в «Дворянском гнезде» И. С. Тургенева, были сделаны, по предположению М. П. Алексева, задолго до их опубликования, в конце 1830-х годов, под влиянием ссыльного польского офицера Владислава Дунаевского, с которым Шахова познакомилась в 1836 г. и который оказал значительное влияние на ее мировосприятие (АМ, с. 497—500).

Г. П. Данилевский (1829—1890)

Степь Аккермана (КС. I). Сопет. Пер.: Г. П. Данилевский. — Библиотека для чтения, 1851, т. 105, № 1, с. 16—17.

Известный романист Григорий Петрович Данилевский начал свою литературную деятельность с малопримечательных стихотворений и с переводов из Шекспира, Байрона и Мицкевича. Перевод «Аккерманских степей» был навеян работой над «крымскими» стихотворениями, в состав которых он и был включен (Данилевский Г. П. Крымские стихотворения. СПб., 1851, с. 21—22).

А. А. Фет (1820—1892)

Свидание в лесу (С. IV). Пер.: А. Фет. — Отечественные записки, 1854, т. 95, кн. 8, с. 338. Имя Мицкевича не указано.

Степь (КС. I). Пер.: А. Фет. — Отечественные записки, 1854, т. 93, кн. 4, с. 349.

Переводы Афанасия Афанасьевича Фета (Шеншина) из Мицкевича относятся к началу его литературной деятельности. «Кстати, — сообщал Фет И. И. Введенскому 22 декабря 1840 г., — я чрезвычайно удачно перевел на днях, подишись, из Мицкевича одну пьеску («Разговор»), которую со временем перешлю тебе...» (Блок Г. Рождение поэта. Повесть о молодости Фета. Л., 1924, с. 70). Первой была опубликована «украинская баллада» «Дозор» (1846). Лишь в 1853 г. появился «Разговор», в следующем году — «Свитезяпка» и советы. О стихотворении Фета «Свидание в лесу» В. Ходасевич замечал в 1921 г.: «Прекрасно и точно, кроме 4-го стиха: „... Скажи мне, могла я, любимец мой строгий, О чем посторонним подумать“. — Здесь не по-русски: „о чем посторонним“ и не точно „любимец строгий“ — у Мицкевича „милый неблагодарник“ (буквально). Не особенно хорошо — „любуюсь с отрадой, немею“ — у М.: „говорю так мало“. Но в общем хорошо; жаль, что амфибрахий вместо ямба» (ЦГАЛИ. ф. 537, оп. 1, ед. хр. 31; Балза С. К истории русских переводов Мицкевича. — Советское славяноведение, 1970, № 6, с. 67—73). Переводы Фета часто переиздавались и вошли в число лучших в русской поэзии.

Омулевский (И. В. Федоров) (1837—1884)

К Лауро (С.1). — В кн.: Мицкевич в переводе Омулевского. Сопеты. СПб., 1857, с. 5.

Поэт и прозаик демократического направления Иннокентий Васильевич Федоров начинал свою литературную деятельность с переводов из Мицкевича. Первый полный перевод «любовных» сопетов был сделан Федоровым еще до его переезда в Петербург, в Иркутске. «Ты знаешь, — обращался Федоров в предисловии к своему другу, — как я люблю Мицкевича. В памяти твоей, конечно, сохранились те вечера, когда бывало я приходил к тебе и, развернув заветную книжечку его стихов, увлекал ями твое жадное юное внимание». «Я хотел перевести всего Мицкевича» (с. 5—6). Федоров опубликовал свои переводы сразу же после снятия цензурного запрета с произведений Мицкевича в 1857 г. В печати они встретили отрицательные отзывы. Н. А. Добролюбов провозгласил: г. Омулевский «хотя и пишет прозой, но непременно хочет, чтобы его прозу принимали за стихи», и даже «уверяет, что это стихи — только без соблюдения размера, числа стоп и рифм» (Современник, 1858, т. 68, № 3, с. 50). «Пишите сколько угодно плохих оригинальных стихов, — вторил Добролюбову рецензент „Библиотеки для чтения“, — но не поднимайте профанирующей руки на бессмертные творения гениального писателя». «В виршах г. Омулевского только и есть русского, что буквы и слова, да и эти последние часто почерпнуты из бог весть какого лексикона; остальное все — совершенно — польское; если г. Омулевский думал, что это значит близко и верно переводить, жалеем о нем и о его поэтическом воззрении». «Мицкевич, поэзия которого блещет даже сквозь ужасные стихи г. Омулевского; Мицкевич в таком виде — согласитесь, что это преступление со стороны достопочтенного переводчика» (Современник, 1858, т. 149, № 6, отд. 6, с. 35—36). Несмотря на эти отзывы, некоторые переводы Федорова («К Лауре», «К Немаду» и др.) неоднократно перепечатывались.

Н. А. Луговской

Аккерманские степи. Вид гор со стеней Козлова. Бахчисарай. Гора Киклиониз. Развалины замка в Балаклаве. Аюдаг (КС. I, V, VI, XVI—XVIII). — В кн.: Крымские сопеты Мицкевича. Перевод Н. Луговского. Одесса, 1858, с. 1, 5—6, 16—18.

Биографические сведения о Луговском крайне незначительны. Известно лишь, что Луговской был уроженцем Крыма, сотрудничал в «Одесском вестнике», где публиковал свои переводы из Берамже и Мицкевича. «Крымские сопеты», по словам Луговского, были вступлением к переводу всех произведений Мицкевича. Но этот замысел не был осуществлен, хотя одесскими литераторами первый опыт Луговского был встречен более чем восторженно. В нем видели «звезду», «которая загорится над русской литературой блестящим переводным светом» (Одесский вестник, 1858, № 80, 17 июля, с. 463; № 93, 19 августа, с. 533).

А. Чужбинский (А. С. Афанасьев) в «письме» из Одессы, упомянув, что «г. Омулевский так жестоко изуродовал русский язык и версификацию», превознес Луговского в сопоставлении с переводами Лермонтова и Козлова: «Смелее, г. Луговской! Если вы победили Крымские сопеты, если вас не остановил такой слишком уж восточный сопет, как гора Киклиониз, с которым вы сладили, то другие стихотворения и поэмы будут для вас несравненно легче» (Атепей, 1858, ч. 5, № 39, с. 250—257). Более сдержанной была рецензия в «С.-Петербургских ведомостях»: «К сожалению, кроме ровности стиха и близости к подлиннику, мы не можем выставить иных достоинств перевода г. Луговского. В этом переводе перед вами не великий польский поэт, не Мицкевич, как бы ни удовлетворителен казался во внешнем отношении

труд г. Луговского...» (Атеней, 1858, № 249, 8 октября, с. 1275—1276). Сходный отзыв помещен в «Московских ведомостях» (1858, № 118, 2 октября, с. 478—479).

Наиболее интересной была рецензия Н. А. Добролюбова. «Близость перевода г. Луговского, — писал критик, — к подлиннику действительно поразительна. В большей части стихов переведено каждое слово, и ни слова своего не прибавлено. Отступления и пропуски печасты и незначительны. И для этой верности г. Луговской вовсе не ломает своего стиха, как делал, например, г. Оммулевский. Напротив, стих г. Луговского правилен и даже не лишен гладкости и некоторой звучности. Но при всех этих достоинствах переводы г. Луговского не производят и малой доли того впечатления, которое производит Мицкевич в подлиннике». Замечая, что «ни одно стихотворение не выдержано вполне у г. Луговского: то чужая метафора, целиком перенесенная в русский стих, странно прозвучит в ушах читателя; то шероховатый, неловкий стих мешает ровному течению звуков; то странный оборот, натянутая фраза испортит общее впечатление целого», Добролюбов приходит к выводу, что Луговской, «умеющий понять стихи Мицкевича, не умел почувствовать его духа». Очень тонок анализ перевода «Аккермаповских степей». «В подлиннике это имеет характер тихой, спокойной думы. Переводчик с самого начала разрушает этот характер неудачным восклицанием „Но стойте!“, похожим более на крик испуга или изумления, нежели на выражение спокойного желания, которое выражается польским словом „siojmu“ (остановитесь). Далее: „в заоблачной стране таинственный полет“ не совсем то, что по-польски: „я слышу полет журавлей, которых не увидел бы отсюда даже глаз сокола“. В конце сонета совсем изменен смысл подлинника. *Послышался* бы мне клик — выражение неопределенное и странное. *Послышалось* — значит, мне показалось, что я слышал, хотя бы и нечего было слышать. Между тем, у Мицкевича совсем другая мысль; он говорит: „в этой тишине я так пасторожил чуткое ухо, что услышал бы голос из Литвы. Но никто не зовет. Едем“. Ясно, что г. Луговской не выразил чувства поэта. Речь идет вовсе не о том, чтобы ему слышался, померещился зов из Литвы, а о том, чтобы действительно услышать этот зов, если бы он был. Но его нет, и в сознании этого нет заключается вся грустная прелесть заключительных стихов сонета. Г. Луговской разрушил эту прелесть своим *послышался*, и старание быть близким к подлиннику несколько не помогло ему». Размышляя над тем, что «можно передать верно букву подлинника, не уловивши дух его», Добролюбов склоняется к грустному признанию: «Оба эти условия никогда почти не совмещаются в переводчике» (Современник, 1858, т. 72, № XI, отд. 2, с. 95—98).

В. Г. Бенедиктов (1807—1873)

Сонеты Адама Мицкевича. Печатается по беловому автографу с редакторскими поправками П. Н. Полевого (ГПБ, ф. 62, № 9, л. 104—126). (Сонеты VII и X — переводы из Петрарки — опущены).

Перевод сделан по изданию Клячко и Янушкевича (Paryż, 1861, t. I, s. 144—184); отсюда ведет свое начало характерная ошибка: подзаголовок незавершенного стихотворения, произвольно включенного под номером XIV в первый цикл сонетов, был прочтен как название: «В альбом Петру Мошинскому» (правильно: «Из альбома Петра Мошинского») (с. 156). В процессе редактирования П. Н. Полевой передвинул сонет на 12-е место в соответствии с парижским изданием 1880 г., но накануне издания заменил его переводом Д. Д. Минаева, хотя в оглавлении первого тома вольфовского издания осталось имя Бенедиктова (Русская литература, 1966, № 4, с. 140). Из первого цикла сонетов 13 (III—IV, VI, IX, XI, XIII, XVI, XVIII—XXII) опубликованы М. О. Вольфом (Мицкевич А. Сочинения, т. I. СПб.—М., 1882, с. 115—116, 121—123, 129—136). Из «крымских сонетов» 8 (II, IV, VI, VIII, IX, XV, XVI) были включены во второй том того же издания (с. 148—151, 154, 156—157, 163—165). Еще три «крымских сонета» опубликовала, к сожалению, неточно Л. Я. Гинзбург (В е-

недиктов В. Г. Стихотворения. Л., 1939, с. 296—297). Ср. с замечаниями Р. Заборовской, сообщившей текст VII сонета «Бахчисарай ночью» (Русская литература, 1966, № 4, с. 140—141).

Уже первый сборник стихотворений Владимира Григорьевича Бенедиктова (СПб., 1835) свидетельствовал о хорошем знакомстве его автора с поэзией Мицкевича, правда в переводах Козлова, Щастного и других русских поэтов. Мир природы в «Крымских сонетах» оказал немалое влияние на пафлестические представления Бенедиктова. Белинский, только уловивший эту близость, осуждал Бенедиктова за апигонский характер его «гиперболических» сравнений (см. наст. изд., с. 323). Стихотворение «Могилы» (1835), обратившее на себя впоследствии пролическое внимание Добролюбова, явно отсылкалось на «Альпухару» из «Копрада Валленрода»: «К сатрапу в чертоги заразой войду И языю лягу смертельной». «Пустыня влажной бедуны» (корабль во время бури), вызывавший издевательские пререкания критики (Белинский, Полевой), был заимствован, как и весь сюжет стихотворения «Море» (1838), из «Фариса» и «Крымских сонетов» (II, III, IV). По мотивам Мицкевича написаны в 1839 г. стихотворения «Бахчисарай», «Горы», «Чатырдаг». Интерес к «космическим» образам Мицкевича прослеживается и в других произведениях Бенедиктова.

Возможно, что первые переводы из Мицкевича были сделаны Бенедиктовым еще в 1840 г., когда он изучал польский язык с помощью своей приятельницы, если верить воспоминаниям Е. А. Карлгоф (Русский вестник, 1881, т. 45, № 9, с. 141—143). Главный поток переводов приходится, однако, на последний и самый значительный период творчества поэта. «Непостоянная словесность» Бенедиктова, поначалу ошеломлявшая современников, а позднее вызывавшая уничижительные насмешки, в действительности была особой формой демократизации и обновления поэтического языка, расшатывания традиционных литературных стилей и экспериментаторских поисков, предвосхищавших многие завоевания лирической поэзии XX в. В переводах, главным образом из Шиллера, Барбье и Мицкевича, эти особенности поэтики Бенедиктова проявились в высшей степени плодотворно. Со второй половины 1850-х годов и в 60-е годы Бенедиктов перевел едва ли не полностью поэтическое наследие Мицкевича, в том числе все его поэмы. Возможно, что это было связано с первоначальным замыслом М. О. Вольфа, издателя сочинений Мицкевича, которые он хотел поручить перевести одному лицу. В последнем счете восторжествовало, однако, мнение об общем переводе русских поэтов, с которым еще в 1857 г. обратился Л. А. Мейк Вяземскому, бывшему в то время товарищем министра народного просвещения (Вестник литературы, 1915, № 1, стлб. 14—24; 1916, № 11—12, стлб. 197—200). Польское восстание 1863 г. перечеркнуло эти планы и надолго отодвинуло первое издание сочинений Мицкевича на русском языке. Оно было осуществлено лишь в 1882—1883 гг. под общей редакцией П. Н. Полевого, включившего в состав издания многие переводы Бенедиктова.

А. Пиотровский

Пилигрим (КС. XIV). Пер.: А. Пиотровский. — Русское слово, 1862, кн. 1, отд. 1, с. 84. Перевод датирован 1861 г.

Н. А. Костров (1824—1881)

Утро и вечер (С. VI). Пер. Н. Костров. — Иллюстрированная газета, 1867, № 31, 10 августа, с. 94.

Автор многочисленных исследований по истории и этнографии Восточной Сибири, Николай Алексеевич Костров известен и как переводчик: он обращался

к древним римским поэтам, к чешской народной поэзии и к песням минусинских татар; особенно удачными были его переводы из Мицкевича, которые неоднократно перепечатывались.

Н. П. Семенов (1823—1904)

Крымские сонеты. Из Мицкевича. Переводы Н. П. Семенова. СПб., 1883, с. 146—164. Ранняя редакция перевода: Заря, 1869, кн. 7, отд. 1, с. 1—5, кн. 12, отд. 1, с. 1—4; 1870, кн. 3, отд. 1, с. 175—180, кн. 11, отд. 1, с. 16—17.

Воспитанник александровского лицея, известный юрист, принимавший деятельное участие в проведении крестьянской реформы 1861 г., обер-прокурор, Николай Петрович Семенов, помимо своих государственных занятий, увлекался ботаникой и... поэзией Мицкевича, с которой он познакомился случайно, уже в зрелом возрасте, в Вильне, где, будучи прокурором, сблизился с одним из приговоренных к смертной казни польских повстанцев. Семенову удалось добиться смягчения приговора, но сам он навсегда «заболел» Мицкевичем. Преклонение перед автором «Папа Тадеуша» доходило у Семенова до фанатизма. Плохо владея польским языком, он знал наизусть целые поэмы Мицкевича, постоянно цитировал его стихотворения, усердно переводил их на разные лады, нередко по десяти раз одно и то же, стараясь, как сам говорил, «в звучной русской речи передать возможно близко и точно всю неподражаемую прелесть стихотворений польского поэта» (Вестник литературы, 1912, № 8, стлб. 212—220). Переводы Семенова встретили положительные отклики в русской печати и даже удостоились в 1886 г. ежегодной пушкинской премии (АМ, с. 584).

Н. В. Гербель (1827—1883)

Утро и вечер (С.VI). Бахчисарайский дворец (КС.VI). — В кн.: Поэзия славян. Сборник лучших поэтических произведений славянских народов в переводах русских писателей, изданный под ред. Н. В. Гербеля. СПб., 1871, с. 434, 439.

Воспитанник нежинской гимназии Николай Васильевич Гербель известен как переводчик и издатель полного собрания сочинений Шекспира, Байрона, Шиллера, Гёте, Гофмана, Шевченко, русских, славянских, английских и немецких поэтов, а также как автор стихотворного перевода «Слова о полку Игореве». Немногие переводы из Мицкевича были сделаны, как об этом можно судить по авторским примечаниям к сонетам, в 1853 г., в начале литературной деятельности Гербеля, бывшего в ту пору в близких связях с редакцией «Современника» и «Отечественных записок».

А. Н. Майков (1821—1897)

Аккерманские стены. Байдарская долина. Алушта днем, Алушта ночью (КС.I, X, XI, XII). — В кн.: Поэзия славян, с. 433, 435.

Переводы Аполлона Николаевича Майкова, видного русского поэта послепушкинской поры, неоднократно перепечатывались и вошли в число лучших переводов из Мицкевича.

В. А. Петров

Аккерманские степи. Алушта днем. Дорога над пропастью в Чуфут-Кале. Кипчепс (КС. XI, XII, I, XVI). — В кн.: Гяур Байрона и Крымские сонеты Мицкевича. Перевел В. А. Петров. СПб., 1874, с. 109—112.

Помимо основного текста «Крымских сонетов», В. А. Петров перевел варианты стихотворений «Аккерманские степи» и «Кипчепс» по автографам из альбома Петра Мошинского, опубликованным в парижском издании произведений Мицкевича (1861).

Д. Д. Минаев (1835—1889)

«О милая, поверь, мои воспоминанья...». С добрым утром. Добрый вечер (С. XIV, XV, XVII). В альбом Петру Мошинскому. — Мицкевич Адам. Сочинения, т. I. Русский перевод В. Бенедиктова, Н. Семенова и других писателей. Под ред. П. Н. Полевого. СПб.—М., изд. М. О. Вольфа, 1882—1883, с. 124, 126, 127—128, 130—131 (в оглавлении перевод первого сонета ошибочно приписан В. Бенедиктову).

Известный поэт-сатирик демократического направления Дмитрий Дмитриевич Минаев много и легко переводил иностранных классиков — Байрона («Дон Жуан», «Чайльд Гарольд», «Беппо», «Манфред», «Тыма»), Т. Мура, Гёте, Гейне, Мольера, Данте, Лонгфелло, Леопарди и др. Его переводы из Байрона О. Миллер находил лучшими в русской литературе, хотя Минаев полностью зависел от подстрочника, поскольку владел лишь французским языком. К Мицкевичу Минаева привлек известный книгоиздатель М. О. Вольф, выпустивший вместе с детьми поэта в Париже первое посмертное собрание его сочинений. Поначалу Вольф собирался издать сочинения Мицкевича на русском языке в переводе одного лица и чуть было не заключил условие с Минаевым, который, не зная польского, брался за перевод всего Мицкевича с тою же легкостью, с какою он взялся за перевод «Божественной комедии» Данте, не зная итальянского (Вестник литературы, 1915, № 1, стлб. 14—24). Возобладало, однако, мнение о коллективном издании, в котором были опубликованы, в частности, и некоторые переводы Минаева (АМ, с. 579).

А. Н. Яхонтов (1820—1890)

Штиль (КС. II). — Яхонтов Александр. Стихотворения. СПб., 1884, с. 43. Перевод датирован 1858 г.

В. С. Лихачев (1849—1910)

«Ханжа осудит нас, развратник осмеет...». «Ты смотришь мне в глаза, несчастное созданье...» (С. III, XII). — Труд. Прилож. к «Всемирной иллюстрации», 1899, т. 2, № 7, с. 30.

Поэт, приобретший литературную известность переводами пьес Корнелия и Расина («Школа жезл» удостоилась пушкинской премии имп. АН), Владимир Сергеевич Лихачев перевел также несколько сонетов Мицкевича (АМ, № 481, 513, 516).

А. А. Коринфский (1868—1937)

Близ Аккермана (КС.I). Пер.: А. Коринфский. — Звезда, 1892, № 4, с. 93 (см. также: АМ, с. 576).

И. Н. Кукин

Аккерманские степи (КС.I). Пер.: И. Кукин. — Вестник славянства. Киев, 1892, кн. 7, с. 132. Повторно опубликовано вместе с переводами остальных «крымских сонетов» в кн.: Кукин И. Мотивы Крыма. Стихотворения и переложения, ч. 2. Севастополь, 1900, с. 53—86. Книжке предпослано поэтическое «посвящение» Адаму Мицкевичу, которое завершается следующими стихами:

Примч, великий жрец, молитву и привет:
Мой слабый стих благослови, поэт!

А. Ф. Мейснер

У могилы Потоцкой (КС.VIII). Пер.: А. Мейснер. — Звезда, 1893, № 30, с. 588. То же, вместе с вступлением к «Конраду Валленроду», в кн.: Мейснер А. Стихотворения. Самара, 1896, с. 137.

Переводы Мейснера вызвали прощесский отклик в печати: «Мы думали, что поэт, владеющий таким легким и звучным стихом, наверно должен быть хорошим переводчиком иностранных стихов. Переводчиком-то г. Мейснер оказался очень недурным, но мы извлекли из его переводов вот какую мораль: мало быть хорошим переводчиком, а пужно еще уметь, что выбирать. Г. Мейснер же словно нарочно подобрал из иностранных поэтов все самое бледное, скучное, неудачное, так что и В. Гюго, и Берамже, и Прюдом, и Гейбел, и Мицкевич — под пером г. Мейснера превратились в того же г. Мейснера, у которого всего попомножечку и чуточку» (Сын отечества, 1897, № 278). В 1905 г., к пятидесятилетию со дня смерти поэта, Мейснер опубликовал стихотворение «Памяти Адама Мицкевича» («О, если б в эти дни ты пробудиться мог...») — политический отклик на революционные события того времени (Слово, 1905, Прилож. № 2 к № 306, 10 ноября, с. 10; то же в кн.: Мейснер А. Ф. «Загадка бытия» и другие позднейшие стихотворения. В. 3. СПб., 1906, с. 30).

Л. М. Медведев (1865—1904)

Вид гор из Козловских степей. Бахчисарай. Бахчисарай ночью. Гора Кикинеис (КС.V, VI, VII, XVI). Ястреб. Пер.: Л. Медведев. — Русская мысль, 1895, кн. 2, с. 114. Стихотворение «Ястреб» переведено по автографу из альбома Петра Мошинского, опубликованному в парижском издании сочинений Мицкевича (1861), и завершает переведенный Медведевым весь цикл «крымских сонетов» (там же, с. 105—113).

Отзывы в печати на перевод Л. Медведева были сдержанными. «Его стих, — писал рецензент „Саратовского листка“ (1896, № 38, 17 февраля, с. 2), — быть может, не всегда близок подлиннику, не вполне передает силу могучего стиха Миц-

кевича — от этого картины теряют в яркости, но теперь все-таки можно сказать, что мы имеем удовлетворительный перевод блестящего поэтического творения польского поэта. Сходное мнение высказали «Новости печати» (1895, № 4, с. 27). Столетнему юбилею со дня рождения Адама Мицкевича Медведев посвятил два стихотворения: «Кому от неба мощный гений...» (Курьер, 1898, № 342, 12 декабря, с. 1), «Великие люди не знают забвенья...» (Детское чтение, 1899, январь, с. 79—80). В. Ф. Ходасевич включил в 1921 г. в подготавливаемое им издание стихотворений Мицкевича четыре из приведенных здесь переводов Медведева.

А. Н. Кугушев

Плавание (КС.III). Пер.: А. Кугушев. — Вестник Европы, 1898, т. 190, кн. 3, с. 290. Там же переведенные тем же автором остальные «крымские сонеты», за исключением «Развалин замка в Балаклаве» и «Аюдага» (с. 289—293, кн. 4, с. 557—562).

Переводы инспектора репертуара имп. театров Александра Николаевича Кугушева мало чем отличались от его оригинальных пронаведений, о которых рецензент «Русской мысли» (1897, № 1, с. 6—7) писал: «...гладкие, иногда звучные стихи г. Кугушев умеет писать, но только мир настроений, восплаемый им, слишком однообразен и монотонен». Более удачно был переведен сонет «Буря», отобранный В. Ф. Ходасевичем для сборника стихотворений Мицкевича.

К. Д. Бальмонт (1867—1942)

Забывтый храм (С.XI). Пер.: К. Бальмонт. — Журнал для всех, 1899, № 1, стлб. 65—66.

Польская тема в переводческих интересах К. Д. Бальмонта представлена главным образом творчеством Ю. Словацкого, переводами его драмы «Балладина» и нескольких лирических стихотворений. Менее известны обращения Бальмонта к Мицкевичу, из которого он перевел сонет «Резиньяция» под названием «Забывтый храм» и два отрывка из 1-й и 3-й частей «Дзядов» в своем поэтическом размышлении «Флейта из человеческих костей (Славянская душа текущего мгновенья)»: Бальмонт К. Д. Белые зарницы. Мысли и впечатления. СПб., 1909, с. 188—189.

А. П. Колтоновский (1862—1934)

Аккерманские степи (КС.I). Пер.: А. Колтоновский. — Мир божий, 1899, № 6, отд. 1, с. 250; То же: Колтоновский А. Стихотворения. СПб., 1901, с. 141.

Поэт, переводчик, много лет работавший библиографом в ГПБ, Андрей Павлович Колтоновский получил известность как автор перевода стихотворения М. Конопницкой «Стахи» («Как король шел на войну...»), ставшей популярной революционной песней в рабочей среде начала XX в. В 1899 г. Колтоновский перевел «Оду к молодости», «Разговор», «В альбом К. Р.», «Аккерманские степи» и другие стихотворения Мицкевича.

И. А. Бунин (1870—1953)

Аккерманские степи (КС.I). Пер.: И. Бунин. — Журнал для всех, 1901, № 12, стлб. 1423; Алушта ночью (КС.XII). Пер.: И. Бунин. — Мир божий, 1902, № 12, отд. I, с. 48; Чатырдаг (КС.XIII). Пер.: И. Бунин. — Курьер, 1902, № 68, с. 3. Переводы Бунина, ставшие классическими, многократно переиздавались (АМ, с. 569).

О своем отношении к поэзии Мицкевича Бунин писал в «автобиографической заметке»: «К этому времени (90-е годы) относится мое увлечение некоторыми вещами Мицкевича, особенно его крымскими сонетами, балладами, страницами из „Папа Тадеуша“: ради Мицкевича я даже учился по-польски» (Русская литература XX века. 1890—1910. Под ред. С. А. Венгерова, кн. 7. М., 1915, с. 252—263).

А. П. Доброхотов

Байдары (КС.X). Пер.: Анатолий Доброхотов. — Юная Россия (Детское чтение), 1909, ноябрь, с. 1358. То же в кн.: Доброхотов А. Песни волн и тоски. 1900—1912 гг. М., 1912, с. 246. Там же перевод сонетов «Могила гарема» и «Бахчисарай» (КС.IX, VI), с. 169—170.

В. Н. Крачковский

Аккерманские степи (КС.I). — В кн.: Крачковский В. Н. Стихотворения. СПб., 1913, с. 108. Там же переводы других стихотворений Мицкевича (с. 103—120).

В. Ф. Ходасевич (1886—1939)

Буря. Чатырдаг (КС.IV, XIII). Пер.: В. Ходасевич. — ЦГАЛИ, ф. 537, оп. 1, № 30, л. 53, 60; Советское славяноведение, 1970, № 6, с. 71—72.

Переводы были сделаны в процессе подготовки сборника избранных стихотворений Мицкевича, над которым он работал по заказу московского издательства «Творчество». В своем предисловии к изданию Ходасевич писал: «Адам Мицкевич — Пушкин польской литературы. Он первый предрекал ей пути развития национального. Он первый сумел подойти к народному творчеству и из этого родника почерпнуть основные мотивы своей поэзии. До него книжная польская литература была оторвана от народа. Только в его стихах впервые услышал народ отголосок своих волнений и дум. Но не только своей поэзией дорог Мицкевич Польше. Во всем его творчестве и во всей его жизни находит поляк отражение лучших заветов своего страдающего народа. Как человек, Мицкевич был одним из величайших борцов за свободу родины. Как писатель, он вскрыл высший, религиозный смысл этой борьбы. Вот почему память о Мицкевиче живет в Польше, как память о подвижнике и герое. В этом смысле вся личность его сделалась одной из священнейших и прекраснейших легенд Польши». Ходасевич провел большую редакторскую работу над составом издания и сделал ряд критических замечаний по поводу переводов Н. В. Берга и А. А. Фета (см. выше). Вывод, к которому пришел Ходасевич, был малоутешителен: «Общий уровень переводов из Мицкевича оказался весьма невысоким». Тем не менее он включил, придирчиво отобрав, в раздел «Сонетов» следующие переводы: «Воспоминание». Пер. Н. Луговского, К. Лауре. Пер. Н. Берга, Утро и вечер. Пер. Н. Гербеля.

К Немапу. Пер. Н. Берга, Реиньяция (Rezygnacja). Пер. К. Бальмонта, К*** («Ты смотришь мне в глаза, несчастное создание...»). Пер. В. Лихачева, Крымские сопеты <: Аккерманские степи. Пер. А. Майкова, Морская тишь. Пер. Н. Семенова, Плавание. Пер. А. Кугушева, Буря. Пер. В. Ходасевича, Вид гор из Козловских степей. Пер. Л. Медведева, Бахчисарай. Пер. Л. Медведева, Бахчисарай ночью. Пер. Л. Медведева, Алушта днем. Пер. В. Петрова, Алушта ночью. Пер. И. Бунина, Чатырдаг. Пер. В. Ходасевича, Пилигрим. Пер. И. Козлова, Дорога над пропастью в Чуфут-Кале. Пер. В. Петрова, Гора Кыкпепс. Пер. Л. Медведева, Развалины замка в Балаклаве. Пер. Н. Луговского, Аюдаг. Пер. С. Дурова. По мнению С. Балзы, перевод «Чатырдага», выполненный Ходасевичем, превосходит все существующие переводы этого сонета, в том числе и бунинский. Сборник стихотворений Мицкевича не появился в печати, по-видимому, из-за прекращения деятельности издательства «Творчество» и выезда Ходасевича за границу, где он сблизился с кругами монархически настроенной эмиграции и выступал со статьями антисоветского характера. (ЦГАЛИ, ф. 537, оп. I, № 30, 31; Балаза С. К истории русских переводов Мицкевича. — Советское славяноведение, 1970, № 6, с. 67—73).

С. М. Соловьев (1885—1943)

Бахчисарай. Бахчисарай ночью. Гробница Потоцкой. Могилы гарема. Странник (КС. VI, VII, VIII, IX, XIV). Пер. Сергей Соловьев. — В кн.: Мицкевич Адам. Избранные произведения. Переводы русских поэтов. Вступит. статьи А. В. Луначарского и А. К. Виноградова. М.—Л., 1929, с. 80—82, 85.

С. С. Советов (1892—1959)

Аккерманские степи. Пер. С. Советова. — Звезда, 1941, № 2, с. 159. То же в кн.: Поэзия западных и южных славян. Л., 1955, с. 86.

Перевод «Аккерманских степей», сделанный Сергеем Сергеевичем Советовым, исследователем творчества Я. Кохановского и А. Мицкевича, был опубликован в сопровождении примечаний П. Н. Беркова, позднее посвятившего этому сонету специальную статью (см. наст. изд., с. 277).

О. Б. Румер (1903—1959)

Аккерманские степи. Буря. Вид гор на степей Козлова. Пилигрим. Аюдаг (КС. I, IV, V, XIV, XVIII). — В кн.: Мицкевич Адам. Крымские сопеты. Пер. с польск. О. Румера. М., 1948, с. 9, 15, 17, 35.

Первые переводы «крымских сопетов» (II, V, X, XVIII) были сделаны Осипом Борисовичем Румером в 1943 г. (Мицкевич Адам. Избранные. М., 1943, с. 75—80). В 1946 г. Румер продолжил свою работу над «крымскими сопетами» и дал новую редакцию некоторым уже переведенным стихотворениям (Мицкевич Адам. Избранные. Лирика. Баллады. Поэмы. М., 1946, с. 118—120, 127, 136—138). Полный перевод «крымских сопетов» был опубликован в 1948 г. (Мицкевич Адам. Собрание сочинений, т. I. М., 1948, с. 324—342) и неоднократно переиздавался (см.: АМ, с. 583).

А. М. Ревич (род. в 1927 г.)

Бахчисарай ночью. Гробница Потоцкой. Пилигрим (КС.VII, VIII, XIV).
Пер.: А. Ревич. — Мицкевич Адам. Стихотворения. Поэмы. М., 1968, с. 82—85.

Александр Михайлович Ревич принадлежит к молодому поколению поэтов-переводчиков, успешно обращающихся к поэзии Мицкевича. Первый переведенный Ревичем сонет Мицкевича «Бахчисарайский дворец» был положительно оценен И. Кашкиным (Вопросы художественного перевода. Сборник статей. М., 1955, с. 136—137). Переводы Ревича часто перепечатываются (Мицкевич Адам. Стихотворения. М., 1974, с. 134, 135, 142; Мицкевич Адам. Ода к Молодости. Избранные стихотворения. М., 1974, с. 91).

Список иллюстраций

АДАМ МИЦКЕВИЧ

ЛИТОГРАФИЯ ЖЮЛЬЕНА ПО РИСУНКУ И. ЛЕЛЕВЕЛЯ, с. 4—5.

АДАМ МИЦКЕВИЧ

АВТОЛИТОГРАФИЯ С ПОРТРЕТА РАБОТЫ В. ВАНЬКОВИЧА. 1828, с. 64—65.

АДАМ МИЦКЕВИЧ

ЛИТОГРАФИЯ В. ВАНЬКОВИЧА. 1828, с. 64—65.

АДАМ МИЦКЕВИЧ

РИСУНОК А. О. ОРЛОВСКОГО. 1828, с. 80—81.

ПЕРЕПЛЕТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ СОНЕТОВ МИЦКЕВИЧА
(МОСКВА, 1828), с. 80—81.

СОДЕРЖАНИЕ

SONETY ADAMA MICKIEWICZA. MOSKWA, 1826	5
--	---

СОНЕТЫ АДАМА МИЦКЕВИЧА

(Перевод В. Левика)

I. К Лауре	57
II. «Я размышляю вслух, один бродя без цели...»	58
III. «Как ты бесхитростна! Ни в речи, ни во взоре...»	59
IV. Свидание в лесу	60
V. «Осудит нас Тартюф и осмеет Ловлас...»	61
VI. Утро и вечер	62
VII. Из Петрарки	63
VIII. К Неману	64
IX. Охотник	65
X. Благословение. Из Петрарки	66
XI. Резиньяция	67
XII. К*** («Ты смотришь мне в глаза, страшись, дитя, их взгляда»)	68
XIII. «Впервые став рабом, клянусь, я рабству рад...»	69
XIV. «Мне грустно, милая! Ужели ты должна...»	70
XV. Добрый день	71
XVI. Спокойной ночи	72
XVII. Добрый вечер	73
XVIII. К Д. Д. Вязит	74
XIX. Визптерам	75
XX. Прощание. К Д. Д.	76
XXI. Данаиды	77
XXII. Извинение	78

Крымские сонеты

I. Аккерманские степи	79
II. Штиль	80
III. Плавание	81
IV. Буря	82
V. Вид гор из степей Козлова	83
VI. Бахчисарай	84
VII. Бахчисарай ночью	85
VIII. Гробница Потоцкой	86

IX. Могилы гарема	87
X. Байдары	88
XI. Алушта днем	89
XII. Алушта ночью	90
XIII. Чатырдаг	91
XIV. Пилигрим	92
XV. Дорога над пропастью в Чуфут-Кале	93
XVI. Гора Кикинепа	94
XVII. Развалины замка в Балаклаве	95
XVIII. Аюдаг	96
Объяснения	97

ДОПОЛНЕНИЯ

I. Сопеты, не вошедшие в издание 1826 г.

Поклонение	101
Ястреб. На вершине Кикинепа (К*)	101
«Ответь, Поэзия! Где кисть твоя живая?»	102

II. Сопеты Адама Мицкевича в русской поэзии.

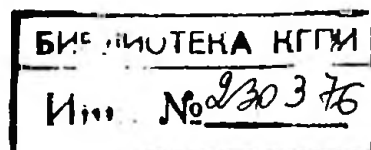
П. А. Вяземский	103
(Утро и вечер. Покорность. Крымские сопеты)	
И. И. Дмитриев	111
(Плавание)	
А. Д. Илличевский	111
(Аккерманские степи. Плавание. Бахчисарайский дворец)	
И. И. Козлов	113
(Утро и вечер. Стацы. Крымские сопеты)	
В. Н. Шастный	125
(Свидание в роще. Тишина морская. Алушта ночью. Чатырдаг)	
В. И. Любич-Романович	127
(Сопеты. Крымские сопеты)	
Ю. И. Познацкий	138
(Сопеты. Крымские сопеты)	
А. Г. Шпигоцкий	146
(«Проста твоя постушь, речь томно скромна...». Добра ночь. Плавание)	
А. А. Солянский	148
(Чатырдаг)	
М. Ю. Лермонтов	148
(Вид гор из стоней Козлова)	
Л. И. Боровиковский	149
(Аккерманские степи)	
А. А. Майков	150
(Аккерманские степи. Байдары. Аюдаг)	
Н. В. Берг	151
(Сопеты. Крымские сопеты)	

Д. И. Минаев	163
(Чатырдаг)	
С. Ф. Дуров	163
(Аюдаг)	
Е. Н. Шахова	164
(Разочарование. Аюдаг)	
Г. П. Данилевский	165
(Степи Аккермана)	
А. А. Фет	165
(Свидание в лесу. Степь)	
Оммулевский (И. В. Федоров)	166
(К Лауре)	
Н. А. Луговской	167
(Крымские сонеты)	
В. Г. Беледиктов	170
(Сонеты. Крымские сонеты)	
А. Протровский	188
(Пилигрим)	
Н. А. Костров	189
(Утро и вечер)	
Н. П. Семенов	189
(Крымские сонеты)	
Н. В. Гербель	197
(Утро и вечер. Бахчисарайский дворец)	
А. Н. Майков	198
(Аккерманские степи. Байдарская долина. Алушта днем. Алушта ночью)	
В. А. Петров	200
(Аккерманские степи. Алушта днем. Дорога над пропастью в Чуфут-Кале. Кикинеис)	
Д. Д. Минаев	203
(«О милая! Поверь, мои воспоминания...». С добрым утром. Добрый вечер. В альбом Петру Мошпицкому)	
А. Н. Яхонтов	205
(Штиль)	
В. С. Лихачев	205
(«Ханжа осудит нас, развратник осмеет...». «Ты смотришь мне в глаза, несчастное создание...»)	
А. А. Коринфский	206
(Близь Аккермана)	
И. Н. Куклин	207
(Аккерманские степи)	
А. Ф. Мейснер	207
(У могилы Потоцкой)	
Л. М. Медведев	208
(Вид гор из Козловских степей. Бахчисарай. Бахчисарай ночью. Гора Кикинеис. Ястреб)	
А. Н. Кугушев	210
(Плавание)	
К. Д. Бальмонт	211
(Забытый храм)	
А. П. Колтоновский	211
(Аккерманские степи)	

И. А. Бунин	212
(Аккерманские степи. Алушта ночью. Чатырдаг)	
А. П. Доброхотов	213
(Байдары)	
В. Н. Крачковский	214
(Аккерманские степи)	
В. Ф. Ходасевич	214
(Буря. Чатырдаг)	
С. М. Соловьев	215
(Бахчисарай. Бахчисарай ночью. Гробница Потоцкой. Могилы гарема. Странник)	
С. С. Советов	217
(Аккерманские степи)	
О. Б. Румер	218
(Аккерманские степи. Буря. Вид гор из степей Козлова. Пилигрим. Аюдаг)	
А. М. Ревич	221
(Бахчисарай ночью. Гробница Потоцкой. Пилигрим)	

ПРИЛОЖЕНИЯ

С. С. Ланда. «Сопеты» Адама Мицкевича	225
Примечания (Сост. С. С. Ланда)	301
Список иллюстраций	339

Адам Мицкевич

СОНЕТЫ

*Утверждено к печати
Редколлегией серии «Литературные памятники»
Академии наук СССР*

Редактор издательства Г. А. Щербак ова
Художник Л. А. Яценко
Технический редактор Г. А. Бессонова
Корректоры Л. М. Вова и З. В. Гришина

Сдано в набор 2/II 1976 г. Подписано к печати 2/VIII 1976 г.
Формат 70×90¹/₁₆. Бумага № 1. Печ. л. 21¹/₂ + 3 вкл. (3/8 печ. л.)
= 25.58 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 18.43. Изд. № 6326. Тип. зак.
№ 735. Тираж 50 000. Цена 1 р. 45 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12